

ЭДУАРД МИТЧЕНКО

Такой была моя жизнь

*Воспоминания ветерана
атомного подводного флота*

Таллинн
2024

Эдуард Митченко. Такой была моя жизнь. Воспоминания ветерана атомного подводного флота. – Таллинн, 2024, 472 с., с илл.

Литературная запись: Андрей Бабин
Макет, вёрстка, обложка: Эмма Дарвис

Типография: Alfapress

© Эдуард Митченко, 2024

*Посвящается моим однокурсникам,
выпускникам электротехнического
факультета Высшего военно-морского
инженерного ордена Ленина училища
им. Ф. Э. Дзержинского 1962 года.*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ГЛАВА 1. МОЯ РОДОСЛОВНАЯ	9
Мои папа, мама, дедушки и бабушки	10
Мои тёти, дяди и другие родственники	25
ГЛАВА 2. ВСЯ ЖИЗНЬ ВПЕРЕДИ	50
Как мы выживали в годы войны	50
Школьные годы чудесные	57
ГЛАВА 3. ПЯТЬ ЛЕТ В ЛЕНИНГРАДЕ	66
Счастливая курсантская жизнь	66
Из дневника курсанта	95
Из писем	148
ГЛАВА 4. НА СЕВЕРНОМ ФЛОТЕ	159
Из истории К-3	159
К Северному полюсу и в Средиземное море	169
Неожиданная встреча с флотской юностью	175
Из писем	178
Из семейного фотоальбома	221
ГЛАВА 5. СЛУЖБА НА БЕРЕГУ	227
Обнинск	227
Из писем	232
Палдиски	238
Из писем	265
Из семейного фотоальбома	320

ГЛАВА 6. ПРОСТО ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ	326
Преодоление	326
Из писем	346
Из семейного фотоальбома	369
ГЛАВА 7. ЕСТЬ В ШАХМАТАХ ЧТО-ТО БОЖЕСТВЕННОЕ...	382
Увлечение на всю жизнь	383
Шахматы на военной службе	386
Золотые годы	401
Маарду: радости и печали	417
В Таллиннской Ляэнемереской гимназии	424
Из писем	430
ГЛАВА 8. ДОРОЖИТЕ СЧАСТЬЕМ	447

ПРЕДИСЛОВИЕ ➤

На протяжении многих десятилетий меня преследовало желание поделиться своим жизненным опытом — прежде всего, с детьми, внуками, а возможно, и с правнуками. Поделиться опытом простого человека. Опытом человека, а может быть, человечка, от которого в жизни зависит так мало. В глобальной жизни — да, но не в повседневной. Да, я самый обычный человек, но ведь каждый человек уникален. Каждый из нас проходит свой неповторимый жизненный путь.

В этой книге я хочу рассказать о том, как я и мои современники жили в эпоху, ушедшую безвозвратно, в стране, которой уже нет, — Советском Союзе. О детских годах, об учёбе в военно-морском училище и последующей службе, основная часть которой прошла в Эстонии, в Палдиски. О шахматах — эта божественная игра покорила меня в детстве и составляет существенную часть моей жизни до сих пор. О здоровье — в силу обстоятельств оказавшись у последней черты, я понял, что без собственных усилий я не выкарабкаюсь. Также я хочу поведать о личной жизни, о взаимоотношениях с родными и друзьями. Я хотел бы покаяться перед некоторыми людьми, пусть и с опозданием по отношению к тем, кого уже нет с нами.

Изложить свой взгляд на прожитую жизнь меня побудило желание откровенно побеседовать с близкими людьми, что в реальной жизни мне удавалось далеко не всегда.

Эта книга — своего рода исповедь. Поэтому я буду предельно, насколько это возможно, откровенным.

В последние годы у меня появилось странное ощущение своего места в жизни. Мне кажется, что я нахожусь в огромном зрительном зале. Все волнующие меня события происходят на сцене, а я наблюдаю это действо с огромным интересом. И в какой-то момент среди артистов неожиданно узнаю... себя! С одной стороны, я осознаю, что так быть не может, что всё совершается помимо моей воли и минуя меня. А с другой — понимаю, что это не сон, а моя реальная жизнь, драма, участником которой я стал в момент рождения и остаюсь до сих пор.

Этот эффект зрителя-участника обостряет моё восприятие жизни и времени. Жизнь кипит и увлекает меня, время мчится стремительно и неумолимо. В этом бурном потоке я пытаюсь найти ответы на непростые вопросы: как определить своё место в среде, которая меняется постоянно и незаметно? Можно ли быть счастливым, если вокруг столько несчастных? Как преодолеть суету этого безумного мира? Как сохранить здоровье в этом сумасшедшем мире? Ответы на эти вопросы я постараюсь найти вместе с вами.

В течение нескольких десятилетий у меня образовался богатый эпистолярный архив. Сохраняя письма, которые мы, родственники и друзья, писали когда-то друг другу, я, конечно, не преследовал никаких особых целей на далёкое будущее. Просто сказалась привычка содержать бумаги в порядке.

Но вот дожили мы до эпохи мобильных телефонов, электронной почты, Скайпа, социальных сетей. Многие уже и представить не могут жизнь без компьютера на столе и смартфона в кармане. А между тем и сегодня живы люди, которые помнят не такие уж далёкие по историческим меркам времена, когда письма, написанные чернильной или шариковой ручкой на листке бумаги, были единственным средством связи между родственниками, друзьями или влюблёнными, живущими вдали друг от друга. Люди, которые помнят, насколько мучительным было ожидание письма от любимого человека, и какое это было счастье, когда желанное письмо оказывалось в руках... Я — один из них.

Те письма были сугубо личными и ничем не примечательными для своего времени. Однако совсем иначе они воспринимаются сейчас — как своеобразная хроника жизни простых советских людей в 1960–80-е годы.

Изначально предполагалось включить какое-то количество писем в качестве приложения к основному повествованию. Но писем набралось так много, что я поместил их в отдельную книгу, а в основном повествовании они использованы частично.

Вот, пожалуй, и всё, что я хотел сказать, предваряя своё жизнеописание.

ГЛАВА 1.

◀ МОЯ РОДОСЛОВНАЯ ▶

Недавно меня обожгла мысль – у меня нет корней! Точнее, они, конечно, есть, но я о них ничего не знаю. Или почти ничего. А ведь, как говорили в старину, без роду – хоть с моста в воду. Знать историю своих предков необходимо, иначе останешься без связи с прошлым, без питающего корневища – основой будущего.

Но это осознание пришло только сейчас, когда расспросить о прошлом уже некого. Узнать родословную папы мне не позволила судьба – участник Великой Отечественной войны он, по официальным данным, пропал без вести в 1943 году. А вот все возможности расспросить маму о прежней жизни я упустил, о чём сейчас очень сожалею.

Чтобы моим потомкам не пришлось, подобно мне, сожалеть об этом же, я изложу здесь всё, что знаю о своём родословном древе и о том времени и местах, где и когда жили и сейчас живут мои родственники.

Мои папа, мама, дедушки и бабушки

Начну с самых близких мне людей – моих родителей. С отца, Сергея Ерофеевича Митченко.

Его отец, мой дедушка по папиной линии, Ерофей Осипович Митченко, родился в 1877 году в деревне Чапушка Балашовского уезда Саратовской губернии (в настоящее время посёлок Чапушка Аркадакского района Саратовской области). Русский, из крестьян. Умер в 1924 году. Получается, прожил всего 47 лет (возможно, неполных).

Моя бабушка, папина мама, Пелагея Петровна Митченко, родилась в той же деревне Чапушка. Год рождения неизвестен, а умерла в 1916 году. Русская, из крестьян. Значит, ушла из жизни на восемь лет раньше, чем её 47-летний в лучшем случае муж. Сколько же ей было в этот момент лет?

Вот и всё, что мне известно о дедушке и бабушке по папиной линии.

К слову, на Украине, в Бахмачском районе Черниговской области, есть село Митченки, впервые упомянутое в письменном источнике в 1600 году, как сказано в Википедии. Может, оттуда протянулись к берегам Волги мои корни по отцовской линии?

Мой папа, Сергей Ерофеевич Митченко, родился 17 сентября 1911 года в той же деревне Чапушка.

Я был совсем маленьким, когда остался без отца (почему – об этом уже сказано выше), поэтому почти не помню его.

Запомнился один эпизод. Папа в военной форме сидит на табуретке у стола, а я, малыш лет четырёх, стою рядом, прижавшись к нему. Так ясно видится эта картина... Да две фотографии сохранились. На одной папа рядом с мамой, на другой – один. Вот и всё...

В 1933 году папа был призван в ряды Красной армии. Он проходил службу в составе военно-строительного батальона, который в это время наряду с гражданскими строителями принимал участие в строительстве железнодорожного моста через Иртыш около Омска. (Это был новый мост, ниже упомяну старый, построенный в конце XIX века во время строительства Транссибирской магистрали.)

В 1935 году строительство моста было в основном завершено, после чего строительный отряд убыл в район нового объекта.

В это же время подошёл к концу срок службы папы в армии. При желании он мог её продолжить, но решил демобилизоваться. И продолжить работать по дальнейшему обустройству моста, хотя уже и принятого в эксплуатацию, в качестве гражданского специалиста.

Однако в 1937 году папа снова был призван в армию.

Здесь я прерву рассказ об отце. Позже вернусь. Где-то в это время он познакомился с моей будущей мамой, поэтому пока подробнее о ней.

Моя мама, Надежда Леонтьевна Мешкорудникова, родилась 10 сентября 1913 года. Православные родители – Леонтий Михайлович и Пелагея Иоакимовна – крестили дочь вскоре после рождения в церкви Св. Ильи Пророка в Омске. Ее крёстными были Тихон Власович Товчиха и его жена Агриппина Ивановна Мельникова. Кроме имён, ничего об этих людях не знаю.

О родителях мамы известно значительно больше, чем о папиных родителях.

Мой дедушка по маминей линии, её отец, Леонтий Михайлович Мешкорудников, родился в 1879 году в Могилёвской губернии, Оршанский уезд, Дубровинская волость (современная Белоруссия). Умер – в 1942-м.

Моя бабушка по этой же линии, мамина мама, Пелагея Иоакимовна Мешкорудникова родилась в 1880 году. Где – неизвестно. Умерла – в 1922-м.

Ещё в юности Леонтий и Пелагея оказались в селе Орловка Черниговской губернии (современная Украина). Оттуда в период

Ильинская церковь в Омске (старая открытка). Конец XIX – начало XX века.

БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ (ОМСКОЙ ОБЛАСТИ) ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (БУ ИОА) Третьяковская ул., д. 1, г. Омск, 644007 Тел./факс (3812) 25-14-17 E-mail: archive@iioo.omskpost.ru https://aioo.ru АРХИВНАЯ СПРАВКА <u>11.08.2011</u> № <u>01-39/10146</u> На № _____ от _____	Митченко Э.С. Хошимина ул., д. 8, к. 2, кв. 136, г. Санкт – Петербург eduard38107@gmail.com
--	--

В архивном фонде Омской духовной консистории в метрической книге Пророко-Ильинской церкви города Омска за 1913 год имеется актовая запись № 119 о рождении 28 августа и крещении 8 сентября (по старому стилю) 1913 года Надежды.

Родители: Тобольской губ. Тарского уез. Кейлесской вол. пос. Саратовского кр. Леонтий Михайлович Мешкорудников и жена его Пелагея Иоанновна, оба православные.

Восприемники: Черниговской губ. Нежинского уез. Дроздовской вол. села Орловка кр. Тихон Власович Товчица и Вятской губ. Слободского уез. Аркушинской вол. д. Анашицы крестьянская жена Агриппина Ивановна Мельникова.

Фамилии, имена, отчества, сокращения указаны по тексту документа.

Основание: Ф. 16, оп. 6, д. 1080, л. 89 об. – 90.

активного развития сибирского края и массового переселения людей из западных регионов в Сибирь мои будущие дедушка и бабушка в 1898 году переселились в посёлок Саратовку, обра-

зованный в том же году в Тарском уезде Тобольской губернии (в 1918 году уезд вошёл в состав Омской области). Тогда они были совсем молодые люди – 19 и 18 лет. Вскоре они перебрались в Куломзино – предместье Омска. Это и мои родные места. Поэтому чуть подробнее об этой точке на карте.

А начать, пожалуй, надо с грандиозного проекта, давшего мощнейший толчок развитию восточных районов России, и не только восточных. Имеется в виду начатое в 1891 году строительство Транссибирской, самой протяженной в мире (8,3 тысячи километров) железнодорожной магистрали: от Челябинска до Владивостока. Строительство, которое велось одновременно в обоих направлениях, было завершено через десять лет.

Магистраль пролегла через Омск, что, естественно, сильно повлияло на развитие и жизненный уклад жителей этого конкретного региона. Через три года после начала строительства Транссибирской магистрали на левом берегу Иртыша в предместье Омска был основан железнодорожный разъезд Омский пост. Это был одинокий одноэтажный деревянный дом, поодаль от него находился угольный склад, пристань, лесопилка, шпалопропиточный завод.

Вскоре около поста были сооружены паровая мельница и кирпичный завод. Рядом возник хутор, населённый немцами-колонистами. Омский пост имел тогда вспомогательное значение. Местные жители обслуживали железнодорожный узел и близлежащие предприятия. Со временем здесь образовался посёлок, который постоянно разрастался. Население состояло, главным образом, из ссыльных, они ютились в землянках или казённых казармах и перебивались подённой работой на лесопилке и пристани, где разгружали баржи с углём.

В 1896 году посёлок получил название Куломзино – по имени Анатолия Николаевича Куломзина, который с 1883 по 1903 годы являлся управляющим делами Совета Министров, а также был членом Комитета Сибирской железной дороги и внёс значительный вклад в разработку правительственной программы железнодорожного строительства.

Важнейшей частью строительства магистрали стало возведение моста через Иртыш – одной из могучих сибирских рек, которые пересекают Транссиб. Мост построен по проекту выдающегося русского инженера-строителя Николая Аполлоновича Белелюбского. Регулярное движение по нему открыто 31 марта

Мост через Иртыш.

(19-го по старому стилю) 1896 года. В связи со строительством магистрали посёлок Куломзино быстро разрастался, и к 1911 году здесь насчитывалось 270 дворов с населением 1930 человек (в среднем 7 человек на домохозяйство).

Потом была Октябрьская революция, Гражданская война... С Куломзино связан один трагический эпизод этой жестокой братоубийственной войны.

Некоторое время в этот период власть на обширных сибирских территориях принадлежала правительству адмирала А. В. Колчака, одного из наиболее видных деятелей белого движения. И вот в Омске 22 декабря 1918 года вспыхнуло подготовленное большевиками восстание рабочих против колчаковцев. Наибольший размах восстание получило как раз в Куломзино, поэтому в историю оно вошло как Куломзинское восстание. Здесь изгнанные из Омска повстанцы и местные рабочие захватили железнодорожную станцию и весь посёлок. Однако прибывшие войска с пулемётами загнали повстанцев в депо, и им ничего не оставалось, как сдаться.

К вечеру 23 декабря восстание было подавлено. В ходе подавления были убиты 270 повстанцев. А затем по приговору военнопольного суда были расстреляны ещё 170 человек. Всего же повстанцев насчитывалось от 500 до 600 человек...

Потомками они не забыты. В 1925 году установлен мемориал жертвам восстания. В городе есть улицы, названные именами руководителей восстания – П. Вавилова, А. Нейбута, А. Масленникова, М. Рабиновича, А. Поворотникова. На месте казни рабочих сейчас расположен сквер и площадь Восстания.

*Мемориал в память об участниках Куломзинского восстания.
Фото: пресс-служба администрации г. Омска.*

Читая сейчас о подробностях этого события, я, конечно, сразу думаю о том, что мои будущие дедушка и бабушка, молодые тогда люди, в это время жили в Куломзино, там, где восстание получило наибольший размах. Как они пережили эти события? К сожалению, ничего об этом не знаю.

Тем временем жизнь пошла своим чередом. В 1925 году посёлок получил статус города и название Ново-Омск, став центром Омского района. К 1930 году это был уже довольно развитый населённый пункт. Здесь были две начальные школы и три школы-семилетки, библиотеки, два клуба и два кинотеатра, две больницы и т. д. В городе имелось 8 относительно крупных предприятий (шпало-пропиточное, кожевенное, меховое, 5 мукомольно-крупяных, хлебо-пекарное) и 112 мелких. В окрестностях были

образованы 8 совхозов и 48 колхозов. Население района в 1931 году составляло 14,3 тысячи человек.

9 марта 1933 года Ново-Омск был включён в состав города Омска и стал основой нового городского района. Поначалу район назывался Куломзинский, а 1 апреля 1935 года был переименован в Кировский – по имени известного советского государственного деятеля С. М. Кирова, незадолго до этого убитого. В этом районе прошло почти всё мое детство и начало юности.

Демонстрация трудящихся в 1918 году в Омске.

Теперь немного подробнее о том, как сложилась жизнь Леонтия Михайловича и Пелагеи Иоакимовны Мешкорудниковых после того, как они уехали из Черниговской губернии.

Леонтий Михайлович сменил много профессий. Он работал грузчиком, рабочим, солодовщиком на пивоваренном заводе, развозил хлебопродукты. Был мастером на все руки и работы не боялся.

Пелагея Иоакимовна по приезде в Куломзино устроилась на работу в швейную артель. Со временем она успешно освоила профессию швеи, что обеспечило ей достойный заработок, а семье – безбедную жизнь. Бабушка была из хорошей семьи. В отличие от большинства переселенцев она получила образова-

ние, умела читать, писать, владела немецким языком, вела в доме бухгалтерию. Благодаря этому дедушка и бабушка сумели накопить денег, чтобы позднее купить собственный дом недалеко от железнодорожной станции Куломзино. Дом находился (и сейчас находится) по адресу: ул. 3-й тупик д. 8.

В 1909 году, когда Леонтию было 30, а Пелагее 29 лет, у них родился первенец Иван. В 1911 году на свет появилась дочь Мария, в 1913 году – моя мама Надежда, в 1914 году – Николай.

*Дедушка
Леонтий
Михайлович
и бабушка
Пелагея
Иоакимовна
Мешкоруд-
никовы
с дочкой
Надей
и сыном
Николаем.*

Бабушка Пелагея умерла, когда ей не было и 42 лет. «Разрыв сердца» – такая причина указана в свидетельстве о смерти, которое я получил в архиве Омской области. Похоронена она на Атаманском кладбище. Официальных сведений о нём я не нашёл. Предположительно, оно располагалось в районе церкви на ул. Труда, в границах ул. Труда, Розы Люксембург, 11-ой Ленинской, линии железной дороги на мельницу. На старой карте видно это место.

Значит, моя будущая мама сама рано осталась без мамы. Что ещё о ней известно в пору её юности и молодости?

Из четырёх детей Леонтия и Пелагеи Мешкорудниковых жизнь Надежды, моей мамы, оказалась самой сложной и драматичной. Однако она была способным ребёнком, что позволило ей, окончив в 1931 году 9 классов, поступить на рабфак (рабочий факультет) в Сибирский сельскохозяйственный институт в Омске.

С ранних лет она проявила способность к немецкому языку и могла общаться на нём с немцами, которых достаточно много проживало в тех местах.

В дальнейшем, когда Надежда стала работать секретарём-машинисткой в различных учреждениях, она быстро освоила «слепую десятипальцевую» технику печатания на машинке. Печатала тексты, не глядя на клавиши.

Мама была исключительно трудолюбива и ответственна везде, где работала, независимо от занимаемой должности.

Говорят, моя мама считалась красавицей, любила петь и обладала приятным голосом. Умела зажечь своей бурной энергией, отплясывая на танцплощадке в местном парке, где по вечерам собиралась молодёжь. Однако её личная жизнь сложилась драматично. Об этом ниже.

Мама рано начала трудовую деятельность. В 1931 году она поступила работать на Госкожзавод № 1 делопроизводителем, где проработала до 28.12.1932 г. Затем сменила целый ряд профессий. С 31.12.1932 по 10.04.1933 г. служила делопроизводителем-машинисткой на строительстве моста через реку Томь в городе Кузнецке. С 25.05.1933 по 26.11.1935 мама работала в Куломзино секретарём-машинисткой в строительной организации «Сталь-

проммеханизация», которая возводила тот самый мост через Иртыш, на строительстве которого трудился и мой будущий папа в качестве военного строителя.

Но сначала она познакомилась с одним из руководителей строительства Николаем Лихошерским. У них завязались близкие отношения, и в 1933 году родилась дочь Людмила. В 1935 году, когда мост был сдан в эксплуатацию, Лихошерского перевели на новый объект, он звал маму с собой, но она отказалась. Много лет спустя в одном из писем мне она вспоминала об этом так:

«Со временем я поняла, как была неправа, когда не поехала с Люсиным отцом. Гордая была, решила, что не поеду на правах любовницы (ему нельзя было в то время регистрироваться). Он просил, писал. И это была моя роковая ошибка. Потом ещё эта регистрация с Гончаренко — просто чтобы что-то доказать Николаю... В результате поломана вся жизнь. Правда, я, может быть, не пожалела бы об этом, если бы не война. Серёжа был настоящим человеком и любящим мужем, но всё же судьбу-то свою я сама перевернула...»

В письме упоминается регистрация брака с Гончаренко. Да, в 1933 году мама вышла замуж за старшего разметчика на строительстве того же моста Павла Семёновича Гончаренко.

На этой фотографии, сделанной 24.10.1936, мама с дочкой Люсей и мужем Павлом Гончаренко.

Уехав с мужем на его новое место работы, она устроилась на вагоноремонтный завод на станции Петропавловск в Казахстане. Работала здесь с 04.01.1936 г. по 25.03.1936 г. списчицей-расценщицей, а с августа 1936 года по 25.2.1937 г. – секретарём-машинисткой в поселковом совете Великой Салды Уральской (Свердловской) области.

Павел Гончаренко в 1937 году был призван в армию и через год пропал без вести на границе с Монголией.

Мама вернулась в Омск, где два месяца, с марта 1937 по 16.05.1937 г. проработала паспортисткой в 4-м отделе милиции Кировского района г. Омска. С июня 1937 года по 02.10.1937 г. мама трудилась секретарём-машинисткой в райфинотделе. С октября 1937 года по 10.03.1938 г. мама служила по той же специальности в организационно-инструкторском отделе Омского областного суда.

Моя сестра Люся в детстве.

И вот в это время мама познакомилась с моим будущим папой и в 1938 году вышла за него замуж. Это тот самый Серёжа, который упоминается в процитированном выше письме, Сергей Ерофеевич Митченко. Сожалея о разрыве с Лихошерским, мама вспоминает Серёжу как «настоящего человека и любящего мужа»... Впрочем, она объясняет в письме, почему сожалеет о том, что рассталась с Лихошерским. Война... Она отняла у неё Сергея, в отличие от Павла Гончаренко, действительно любимого человека...

Об истории и обстоятельствах знакомства моих будущих родителей ничего неизвестно.

Весной 1938 года отец был направлен к новому месту службы в г. Тобольск. Мама переехала с мужем и устроилась на работу секретарём-машинисткой на Тобольской биофабрике, где в сотрудничестве с научно-исследовательским институтом производили вакцины от болезней, опасных для домашнего скота.

В Тобольске я и появился на свет 7 октября того же года. И ничего больше меня с этим городом не связывает. В Тобольске мы прожили два года, когда папа был откомандирован на курсы усовершенствования командного состава в город Ялуторовск Омской (ныне Тюменской) области, в 250 км от Тобольска. По окончании курсов в 1940 году отец в звании лейтенанта получил назначение в Чернигов, в распоряжение 44-го полка 42-й дивизии 49-й армии. Мы с мамой тоже приехали туда. Здесь нас и застала война.

Осенью 1941 года мы с мамой были эвакуированы на родину папы в деревню Чапушка Саратовской области.

Папа служил в инженерных войсках. Инженерные войска строили укрепления, создавали заграждения, минировали местность, обеспечивали проведение маневра войск, проделывали проходы в минных полях противника, обеспечивали преодоление его инженерных заграждений, форсирование водных преград и т. д.

*«На долгую добрую
память дорогим
моим деткам
Люсеньке и Эдику,
дорогой жене
Наденьке –
помнить,
не забывать
любимого папочку».
Это последняя
фотография
с такой надписью
на обороте.*

О службе отца во время войны нам известны только два факта. Первый: приказом командира 49-й армии № 0447 от 10.12.1942 года папе было присвоено воинское звание старший лейтенант. Второй: в марте 1943 года он, по официальным данным, пропал без вести.

Мои родители Надежда Леонтьевна и Сергей Ерофеевич в начале 1939 года.

Баллада об отце

Взял карандаш, листок бумаги.
Хочется душу излить.
Все, что волнует меня и томит,
В строчку стиха претворить.

Поверьте, друзья, я не из тех,
Кто в панику быстро впадает.
Но что предпринять, где выход найти?
Бедя меня поджидает.

От боли в груди, от сознания вины
Нигде не найти мне покоя.
На что опереться? Где силы найти?
Горька, тяжела моя доля.

Вот так прошло детство. Не знаю отца.
Не видел заботы и ласки.
И даже ребёнком мне никогда
Никто не рассказывал сказки.

Помню тяжёлые годы войны,
Великое горе народное.
Мать, моющую каждый вечер полы
За противень очисток картофельных.

Я рос пузатым, как барабан.
Рахитом меня называли.
Были тяжёлые времена.
Чего мы только ни жрали...

Отец мой погиб геройски в войну.
Мне было в то время четыре.
Когда он мать оставил одну
Со мной и сестрёнкой Людмилой.

Я помню, как плакал, прижавшись к щеке,
Вцепившись ручонками в шею.
«Папка, родной, подожди! Не уходи!
Я не хочу, чтоб тебя убили».

Но он ушёл и больше не вернулся.
Друг его поведал нам о том,
Как он, истекая кровью, повернулся,
Посмотрел на небо и потом

Он обнял всех и грустно улыбнулся,
Передал письмишко для жены
И сказал: «Вот жаль только сынишку...
Впрочем, это не из-за моей вины».

«Отец твой умер героем, —
Дядя Володя сказал. —
А какой он был славный воин,
Как его солдат уважал!

Бывало такое дело:
Пули, осколки свистят.
Жуть берёт каждого, а он смело
Вперед увлекает солдат.

Да, это был настоящий герой.
Не плачь, крепись, мой мальчик.
Всегда будь для матери правой рукой,
В любую беду будь опорой.
Так папка сказал, а он у тебя герой.
И ты не сгибайся пред бурей».

Дядя Володя ушёл. А мне захотелось
Реветь, кричать и терзаться от боли.
Я поднял взгляд. Мамка с сестрёнкой сидели,
Прижавшись друг к другу, поодаль.

Такая тоска, безысходная скорбь
Сквозили во взглядах обеих.
Я вспомнил последний наказ отца
Что должен быть им опорой.

«Мамка родная, сестричка моя!
Не надо слёз водопадов!
Вырасту я – отомщу за отца,
Буду давить этих гадов».

Э. С. Митченко

Пока мы помним ушедших от нас, жива связь поколений. А значит, живы мы! Пожалуй, нет ни одной семьи, в чью судьбу безжалостно не ворвалась война. Вот и в нашей семье есть участники Великой Отечественной войны. И я всегда помню и горжусь бесстрашием наших предков, их любовью к Родине, смелостью, упорством, трудолюбием. Рано я остался без папы, а вот мама прожила относительно большую жизнь. Конечно, буду ещё возвращаться к маме в этом повествовании.

Мои тёти, дяди и другие родственники

Старший брат мамы Иван Леонтьевич Мешкорудников родился в 1909 году, а дата ухода из жизни неизвестна.

Иван – единственный из детей Леонтия и Пелагеи, кто получил высшее образование. В 1924 году, окончив обучение в Куломзинской школе № 64 и будучи комсомольцем, в возрасте 14 лет Иван начал свой трудовой путь в должности курьера при Ново-Омском земуправлении. Позже он работал перевозчиком, телефонистом.

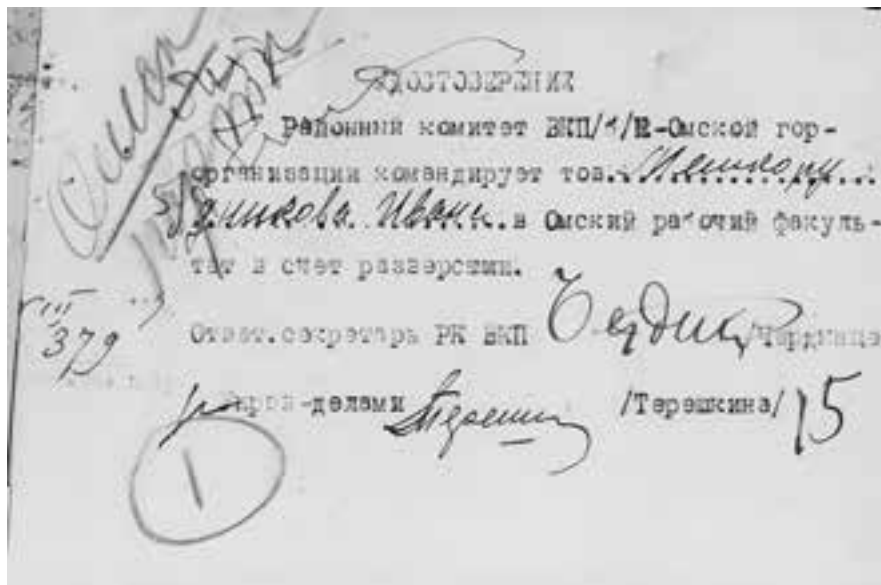
В 1926 году Иван подал заявление в райком ВЛКСМ Ново-Омска, чтобы ему предоставили возможность бесплатного обучения на факультете рабочей молодежи Сибирского института сельского хозяйства в Омске. Бюро райкома удовлетворило заявление и командировало Ивана Мешкорудникова учиться на рабфаке. Это решение было поддержано районным комитетом ВКП(б) (Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков) Ново-Омска.

В 1927 году Иван поступил на рабочий факультет этого института, где изучал математику, лингвистику, черчение, обществоведение, биологию, химию, географию и физику.

После окончания вуза в 1931 году Иван работал учителем в той же Куломзинской школе № 64, затем стал завучем, а позднее и директором этого учебного заведения.

*Моя мама
(во втором
ряду тре-
тья справа)
в гостях у
дяди Ивана
Леонтьevi-
ча Мешко-
рудникова
(в первом
ряду спра-
ва).*

В той же школе работала Елена Леонтьевна Урусова, которая стала женой дяди Вани. В браке у них родились Далик, Элла, Слава и Коля.

*Жена дяди Вани, –
Елена Леонтьевна
Мешкорудникова*

*Допуск к секретным
документам Елены
Мешкорудниковой.*

Тётю Лену я никогда не видел, но из архивных данных известно, что она родилась в крестьянской семье в мае 1910 года в городе Татарск Омской области и окончила Куломзинскую 7-летнюю школу. С 1926 по 1938 год работала учителем. В мае 1938 года Елена Леонтьевна перешла на работу в качестве инструктора спецчасти Омского горсовета.

Сестра мамы – Мария Леонтьевна Мешкорудникова, родилась в 1911 году, а дата ухода из жизни неизвестна.

Тётю Марию я практически не помню, так как она жила не в Омске, а в Тарском районе Омской области. Она успешно окончила 6 классов той же Куломзинской школы № 64, в 1926 году стала комсомолкой, работала машинисткой, кассиром в МТС (машинно-тракторная станция) Таврического района Омской области.

В 1934 году Мария подала заявление в рабочий комитет Таврической МТС с просьбой направить её учиться на рабфак Сибирского института сельского хозяйства, которое было удовлетворено.

Мария поступила в институт. Как сложилась судьба моей тёти в дальнейшем, я не знаю, но известно, что она вышла замуж, и у неё родился сын Борис, фамилия его Лало – по отцу и мужу Марии. Он погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны.

Эту фотографию мой двоюродный брат, сын тети Марии Борис, прислал из Смольяниново, что близ Владивостока, где проходил службу в армии.

Николай Леонтьевич Мешкорудников, младший брат мамы, родился в Куломзино 29 декабря 1914 года. Николай окончил Омское ремесленное училище и 11 ноября 1932 года, имея стаж работы 2 года, устроился на работу в Омские авиа-ремонтные мастерские (АРМ) гражданского воздушного флота сборщиком в самолётный цех. Вскоре был назначен бригадиром сборщиков. В дальнейшем работал в комплектовочном отделе, дефектовщиком в отделе дефектации.

Борис Лало, сын Марии Леонтьевной Мешкорудниковой.

Мама (слева) с сестрой Марией.

29 сентября 1936 года он был назначен мастером самолётного цеха. Затем работал в отделе подготовки производства, мастером слесарно-механического цеха, мастером самолётно-сборочного цеха. 3 июня 1940 года был назначен начальником сборочного цеха.

Благодаря уму и трудолюбию, а также отличным организаторским способностям, Николай накануне войны в 1941 был отправлен в Актюбинск (в Казахстане), где создавались авиаремонтные мастерские, аналогичные омским АРМ. Туда Николай отправился со своей женой Анной. Она родилась в селе Сок-Кормала в Мордовии в 1913 году.

В 1941 году у них родился сын, мой двоюродный брат Владимир Мешкорудников. Анна рассказывала, что Николай иногда после работы засыпал от усталости на крыльце барака, где они жили. 3 октября 1941 года Николай был зачислен начальником самолётно-сборочного цеха Актюбинской авиаремонтной базы, где с 10 ноября работал главным диспетчером базы, а 20 июня 1944 был назначен начальником производства.

После войны он вернулся в Омск. На основании приказа ГУГВФ (Главное управление гражданского воздушного флота) от 30.01.1945 года Николай Леонтьевич Мешкорудников был назна-

чен начальником Омских авиаремонтных мастерских № 41 ГВФ, о чём объявлено в приказе № 1 от 01.03.1945 г. Директором АРМ-41 он проработал до 19 августа 1969 года.

Это были трудные годы становления предприятия, ставились новые задачи, с которыми Николай Леонтьевич успешно справлялся. Ремонтировались самолеты ПО-2 и двигатели М-11, с 1956 года освоили ремонт вертолётов Ми-4 и приступили к освоению ремонта Ми-8 (в 1969 году отремонтирован один Ми-8). Для решения производственных задач Николай Леонтьевич создал команду единомышленников, которые долгие годы работали вместе. С 1969 года Николай Леонтьевич работал начальником производства (1969–1976 гг.), контролёром, старшим инженером, исполнял обязанности начальника цеха № 5.

Николай Леонтьевич был человеком скромным, простым в общении с рабочими завода, использовал все возможности помочь в быту. Подчинённые отвечали своему руководителю большим уважением.

Николай Леонтьевич ушёл на заслуженный отдых 14 июня 1978 года, но и после этого занимался общественной деятельностью. Участвовал в создании вете-

Николай Леонтьевич Мешкорудников.

Николай Леонтьевич Мешкорудников (слева) во главе демонстрации.

ранской организации Кировского района города Омска. 21 февраля 1984 года был избран и работал по 12.02.1987 г. заместителем председателя Совета ветеранов гражданской и Великой Отечественной войны, ветеранов партии, комсомола, труда Кировского района. Одновременно возглавлял секцию по работе с ветеранами труда. Активно работал с молодёжью.

Награждён двумя орденами «Знак Почёта», медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда» (1975), нагрудным знаком «Отличник Аэрофлота» (1973), юбилейными наградами в честь Дня Победы.

Николай Леонтьевич умер 6 августа 2000 года и покойся на Западном кладбище Омска.

С моим двоюродным братом Владимиром до недавних пор мы не поддерживали никаких связей. В июне 2016 года у нас внезапно завязалась переписка по электронной почте, после того, как Володя где-то на просторах Интернета обнаружил мой электронный адрес.

По моей просьбе Володя немного рассказал о своих родителях, посетовав при этом, что, как и я, не расспросил их вовремя о своём происхождении. От него также я узнал, что наш дедушка Леонтий подрабатывал в первое время по приезду в Куломзино лодочником – перевозил людей на лодке через Иртыш в Омск.

Сам он окончил физический факультет Новосибирского университета, работал в Академгородке, там же познакомился с Ниной, воспитательницей детского сада, которая стала ему женой.

*Владимир и
его жена Нина
Мешкорудни-
ковы в молодос-
ти.*

Потом они переехали в Омск. Здесь Володя работал в НИИ приборостроения, с 1996 года – в НПО «Мир». Начальство ценило его, самого возрастного специалиста, в коллективе из примерно 500 человек и достойно проводило на пенсию.

Всю жизнь Володя увлекался дальними путешествиями, побывал на Курилах, Таймыре, Северном Тянь-Шане...

У Володи есть дочь Марина. Во время нашей переписки её сын Юра получил степень бакалавра в Омском институте путей сообщения.

После смерти бабушки Пелагеи у Леонтия на руках осталось четверо детей.

*Ольга, дочь
Леонида
Мешкорудникова,
в возрасте
6 месяцев,
с матерью
Татьяной
Дмитриевной
Мешкорудниковой
(урожд. Астафье-
ва) и родственни-
цами Анной
и Клавдией.*

Самому старшему Ивану было 13 лет, Марии – 11, Надежде 9 и Николаю – 8 лет. Время было тяжёлое и голодное. Леонтий Михайлович сошёлся с женщиной, у которой уже был сын Леонид от первого брака. Так в нашем роду появилась ещё одна родственница – Татьяна Дмитриевна Астафьева (1891-1969).

Бабушка Таня была хорошей мамой для всех детей, надёжной опорой для дедушки, доброй, работающей и очень набожной женщиной. Она часто ходила в церковь и соблюдала все православные обычаи. Вместе с дедушкой Леонтием они не только воспитали хороших и здоровых детей, но и помогли каждому из них получить образование, заложили прочный фундамент их дальнейшей самостоятельной жизни.

У них родились двое общих сыновей: в 1925 году – Геннадий и в 1927 – Борис. Так что детство моей мамы проходило в многодетной семье, всего было 7 детей. Всех их поставила на ноги моя вторая бабушка Татьяна Дмитриевна Мешкорудникова.

Дедушка Леонтий с бабушкой Татьяной с сыновьями Геннадием (слева) и Борисом.

Дедушка Леонтий умер в 1942 году, бабушка Таня ушла из жизни в 1969 году. Я посетил могилу дедушки Леонтия Михайловича и бабушки Татьяны Дмитриевны Мешкорудниковых.

Я у могилы Мешкорудниковых. Июль 2022 года, г. Омск, Кировский район (Старое кладбище).

Далее мне хочется познакомить читателей с детьми дедушки Леонтия Михайловича и второй бабушки Татьяны Дмитриевны Мешкорудниковых.

Приёмный сын моего дедушки Леонтия (сын моей неродной бабушки Татьяны Дмитриевны от первого брака) Леонид Ле-

онтьевич Мешкорудников (4.06.1917-8.06.2004) всю свою жизнь проработал шофёром.

С начала Великой Отечественной войны дядя Лёня не был призван в армию, так как работал в структурах управления внутренних дел г. Омска.

Леонид Леонтьевич Мешкорудников (слева) в период войны.

Надежда Иосифовна Мешкорудникова .

В 1951 году дядя Лёня женился на Надежде Иосифовне Гаманюк.

Надежда Иосифовна родилась 3.11.1927 г. в д. Мало-Никольская Большереченского района Омской области. Отец Иосиф Михайлович Гаманюк, 1896 года рождения, колхозник, погиб 1942 году. Девочка жила с родными в колхозе до 1949 года, окончила 4 класса. В связи с трудными материальными условиями жизни семьи учёбу продолжить не удалось.

Во время войны, как и все дети, трудилась колхозе с 14 лет, с 16 лет (1944 г.) спрос с подростков был уже наравне со взрослыми. Боронила пашню на быках, рано утром возила на покос бригаду косцов, а вечером снова забирала людей с покоса. Ра-

ботала почтальоном, одна на три деревни, запрягала лошадь и развозила почту. Работала поваром на МТС и на полевых станях. Работала весовщиком на току, принимала урожай с полей.

В 1949 году Надежда уехала в Омск, работала на разных работах. В 1951 году вышла замуж. В Омском аэропорту работала с 06.06.1963 г. до ухода на пенсию 03.01.1982 г.: уборщицей в автобазе, заправщицей самолётов, кочегаром в гостинице и в котельных.

Надежда Иосифовна — ветеран тыла Великой Отечественной войны, награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Подчеркну, в первую очередь для молодых читателей, что труженики тыла внесли огромный вклад в Победу. А тружениками этими были в большинстве женщины и дети. Они изготавливали оружие, технику, боеприпасы, обмундирование. Снабжали фронт продовольствием, при этом зачастую сами голодали...

В мирное время Надежда Иосифовна была награждена медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «Ветеран труда», юбилейными медалями к 50-, 65- и 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, а также знаком «Победитель социалистического соревнования 1975 года».

У них родились двое детей: дочь Ольга и сын Сергей.

Леонид Леонтьевич Мешкорудников с женой Надеждой Иосифовной.

Ольга, дочь Леонида и Надежды Мешкорудниковых.

*Сергей Леонидович Мешкорудников
(29.07.1961-14.08.2019).*

И в 93 года тётя Надя продолжает радовать нас своим жизнелюбием.

Дядя Лёня и тётя Надя (слева) на бракосочетании дочери Ольги с Владимиром.

Бракосочетание Сергея и Елены Мешкорудниковых.

Я в гостях у тёти Нади. Июль 2022 г. Ей 95 лет.

Сын моего дедушки от второго брака, Геннадий Леонтьевич Мешкорудников, или просто дядя Гена, родился 8 августа 1925 года в Омске, станция Куломзино, умер 1 декабря 2002 года.

Геннадий Леонтьевич родился в большой семье, где было семеро детей. Он был шестым по возрасту ребёнком. В школе дядя учился на отлично, в 1941 году, окончив 9 классов, мечтал учиться дальше и стать капитаном дальнего плавания. Но началась война. Образование пришлось прервать, так как нужно было

устроиваться на работу – токарем на заводе, что давало возможность получить продовольственную карточку, чтобы прокормить младшего брата Бориса.

Геннадий проработал на заводе около года, было голодно, тем более без отца – он был репрессирован. Мать Геннадия, Татьяна Дмитриевна, отправила сына к своей старшей сестре в деревню, где осенью 1942 года юноша был призван в армию. Так как он имел образование 9 классов и был отличником, его отправили во 2-е Омское пехотное училище.

Летом 1943 года, перед Курской битвой, училище расформировали. Курсанты, отучившиеся год и больше, получили звания от сержанта до младшего лейтенанта и были направлены в действующую армию. Но дяде Гене, как и другим отличникам, было предложено продолжить учёбу в других училищах. Он принял решение учиться на пилота.

Когда он и другие желающие учиться на лётчиков приехали в училище, набор на пилотов закончился, и всех отправляли на специальность «Воздушный стрелок Ил-2». Ил-2 – самолёт-штурмовик, который, наряду с реактивным минометом «Катюша», танком Т-34 и автоматом ППШ считается Оружием Победы.

Стрелок – это была очень востребованная специальность, потому что по статистике на одного погибшего пилота Ил-2, приходилось 7 погибших стрелков. Дядя учился на воздушного стрелка, окончил ШМАС (школа младших авиационных специалистов) в звании сержанта и был направлен в запасной полк действующей армии.

Оттуда его откомандировали в 571-й штурмовой авиационный полк, 224-й авиационной дивизии, 8-го Львовского авиационного корпуса 2-й воздушной армии 1-го Украинского фронта под командованием генерал-лейтенанта Красовского.

С сентября 1943 года дядя служил на аэродроме под Москвой в районе деревень Степыгино и Добрыниха, где происходило формирование и пополнение лётного состава после боёв.

В дальнейшем дядя Гена принимал участие в боевых вылетах с фронтовых аэродромов на Украине – Бышев под Киевом, Новоград-Волынский, Староконстантинов, Красиловка, Судилков, Шатава, Чемеровцы, Проскуров, Бурштын. А закончил свой боевой путь дядя Гена в польском Кракове. Здесь он совершил свой последний, 113-й боевой вылет.

Дядя Гена уверял, что этих 113 боевых вылетов хватило бы на двухсерийный фильм с рабочим названием «Хроника штурмовика Ил-2». Он рассказывал: «Нас, воздушных стрелков, на фронте называли «смертниками». По статистике, на одного погибшего пилота Ил-2 приходилось 7 стрелков. Если на задание вылетают 9 экипажей, то есть 9 стрелков и 9 пилотов, то обычное дело, когда возвращаются все 9 пилотов, и только 3 стрелка: в первую очередь немецкие истребители старались расправиться со стрелками, чтобы потом можно было сбить самолёт».

У пилота Ил-2 была бронированная кабина, а сзади у воздушного стрелка — фанерная будка, сверху обтекатель из органического стекла, а в руках пулемет КАПБ (крупнокалиберный авиационный пулемет Березина) с боезапасом 180 патронов для отражения атак на самолёт.

Дядя Гена рассказывал, что на дно кабины стрелки сами клали металлические пластины, чтобы автоматные пули не достали с земли. 19 марта 1945 года в районе Рыбник-Ратибор (район трёх границ Чехословакии, Польши и Германии) его самолёт был сбит зенитной артиллерией, пилот погиб, дядя Гена остался жив, но попал в плен. Его мать Татьяна Дмитриевна получила извещение, где было указано: «Ваш сын Мешкорудников Геннадий Леонтьевич с боевого задания не вернулся и считается пропавшим без вести». Его однополчане на месте падения самолёта установили памятник.

В плену пробыл два месяца — пока лагерь для военнопленных, где он находился, не был освобождён американскими войсками. Американцы не поощряли возвращение в СССР советских военных, предлагали поехать в Америку, говорили: «Если вы вернётесь в Россию, вас отправят в Сибирь».

Дядя Гена с группой людей из 17 человек захватили немецкий грузовик и бежали из плена. До своих добрались всего трое. После проверки в особом отделе полка дядя Гена был разжалован до рядового, лишён всех боевых наград и отправлен в пехоту. Основное обвинение заключалось в том, что, имея при себе пистолет, он не застрелился. Его объяснения и доводы о ранении и контузии при крушении самолёта во внимание не принимались.

Как не принимались во внимание и его боевые награды — орден Красной звезды, медали «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 27 июля 1944 года о награждении медалью «За отвагу» сказано: «Награ-

дить воздушного стрелка младшего сержанта Мешкорудникова Геннадия Леонтьевича за то, что он произвёл 43 успешных вылета на самолете Ил-2, в ходе которых поджёг до 14 автомашин, 2 бензоцистерны и пять раз отбивал атаки истребителей противника, вызвал 4 очага пожаров и уничтожил до 40 гитлеровцев».

Честное имя фронтовика Геннадия Леонтьевича Мешкорудникова было восстановлено через три десятилетия после войны, а поначалу было трудно, особенно в моральном отношении.

Вернувшись после демобилизации в 1948 году домой, дядя Гена хотел снова поступить в военное училище, чтобы получить более основательное образование, но из-за того, что был в плену, ему везде была закрыта дорога. И на работу устроиться было трудно – никуда не брали. Помог в этом вопросе брат по отцу Николай, который в тот период был начальником АРМ-41. Он устроил Геннадия на завод гражданской авиации, где тот работал сначала мотористом, затем – до выхода на пенсию – авиа-механиком.

Дядя Гена был не только отличным бойцом, но и достойно трудился после войны, получал за свой труд награды и благодарности.

Геннадий Леонтьевич Мешкорудников во время войны и после войны.

Геннадий Мешкорудников со своими боевыми товарищами и самолёт, на котором он летал.

Бабушка Таня держит на коленях Алексея, младшего брата невестки Алексея – Нины. Рядом сидит Геннадий Леонтьевич Мешкорудников с сыном Юрием и его жена Нина Трофимовна с сыном Александром.

*Мешкорудниковы.
Второй ряд:
Анна Степановна,
Геннадий
Леонтьевич, Леонид
Леонтьевич,
Надежда Леонтьевна
(моя мама), Мария
Леонтьевна,
Николай Леонтьевич.
Первый ряд:
сыновья Геннадия
Леонтьевича
Юрий и Александр
(справа).*

Юрий Геннадьевич Мешкорудников с женой Ирмой.

Александр Геннадьевич Мешкорудников с женой Валей.

Дядя Гена женился, и у них с Ниной Трофимовной родилось два сына – Александр и Юрий.

Юра переехал с женой Ирмой и детьми в Германию. Второй, Саша, живёт в Омске с женой Валентиной, их общим сыном Алёшей и сыном Валентины от первого брака Романом.

Борис Леонтьевич Мешкорудников, дядя Боря, родился 5 октября 1927 года в нашем общем родном районе города Омска. Умер в феврале 2014 года. Русский. Окончил 5 классов 22-й железнодорожной школы. С 1941 по 1943 год учился в 6-м железнодорожном ремесленном училище. В 1943–1944 годах работал жестянщиком на заводе № 174 (сегодня – «Омсктрансмаш»). Осенью 1944 года Борис Мешкорудников был призван в армию.

Его мать Татьяну Дмитриевну, которая к этому времени осталась одна, подселённые эвакуированные жильцы выжили из собственного дома. Она сообщила об этом в письме сыну Борису, который в это время служил на Тихоокеанском флоте. Тот рассказал о беде своей матери замполиту. Вскоре флотское командование обратилось в омский военкомат, и Татьяне Дмитриевне вернули жильё.

Борис Леонтьевич Мешкорудников упоминается в 9-й книге «Памяти достойны. Этот подвиг нам забыть нельзя, дети войны», изданной в Омске в 2020 году, в которой собраны сведения об участниках Великой Отечественной войны из Омской области

Борис служил в ВМФ с октября 1944 года по март 1949-го. Матрос, комендор сторожевого корабля «ЭК-72» Тихоокеанского флота, в 1945 году участвовал в боях в Корее (война СССР против Японии) и по окончании боевых действий служил в 1945-1946 годах на территории северной Кореи после того, как Корея была разделена между СССР и США на оккупационные зоны.

Борис Леонтьевич Мешкорудников в зрелые годы.

Медаль «За победу над Японией» напоминала ему о годах флотской юности. В 1985 году, к 40-летию Победы, как и все ветераны войны, был удостоен ордена Отечественной войны

После службы дядя Боря вернулся в Омск. С мая по октябрь 1949 года он работал жестянщиком на «Мелькомбинате». С декабря 1949 года по ноябрь 1950-го был грузчиком отдела перевозок Омского аэропорта. Позже работал на заводе имени Карла Маркса (сегодня — ОАО «Сатурн»).

Б. Л. Мешкорудников в 1945 году удостоился благодарности Верховного главнокомандующего, а в 1985-м коллеги поздравили его с 40-летием Победы.

Борис Мешкорудников в послевоенные годы.

Людмила Борисовна, Жена Бориса Леонтьевича, с наградами за труд в годы войны и в мирное время.

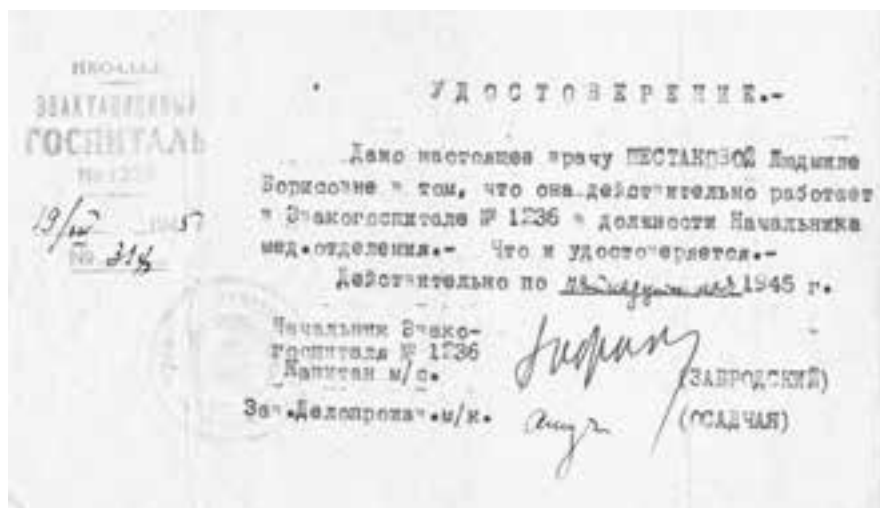
Город в первые послевоенные годы был голодным и бандитским. И городом невест по понятным причинам, как и все города в стране в то время. Молодёжь в выходные и праздничные дни развлекалась в городском Парке культуры и отдыха имени 22 декабря.

В один из таких вечеров Борис – красавец, весельчак, гитарист и певец, любимец девушек – как раз из-за девушки ввязался в драку. Зачинщики разбежались, и в руки милиции попал он. На месте происшествия оказался нож, который, не особо разбираясь, Борису и приписали. В итоге – 3 года колонии. Всех подруг сразу как ветром сдуло.

И только одна женщина все эти три года регулярно навещала его – врач Людмила. Несмотря на разницу в возрасте (она была на 10 лет старше Бориса), выйдя на свободу, он женился на ней.

Брак оказался прочным, 2 января 1954 года у них родился сын Виктор, а у него потом двое своих детей – дочь Оксана (07.04.1976) и сын Андрей (24.09.1981).

Людмила Борисовна Шестакова (в девичестве Дементьева) родилась 12 июля 1917 года. В первом браке 1 августа 1937 года у неё родился сын Лев. Во время войны Людмила работала хирургом в эвакуационном госпитале, поэтому сын жил у деда.

Борис Леонтьевич Мешкорудников с женой Людмилой Борисовной и сыном Виктором.

Борис Леонтьевич Мешкорудников с женой Людмилой Борисовной (справа в первом ряду) на регистрации брака их сына Виктора и Елены. 1975 год.

Супруги Людмила Борисовна и Борис Леонтьевич увлекались игрой на гитаре.

Бракосочетание Андрея, внука Бориса Леонтьевича и Людмилы Борисовны Мешкорудниковых.

Виктор Борисович Мешкорудников с женой Еленой.

Виктор и Лена Мешкорудниковы с внучками-дочери Оксаны Марией и Яной.

ГЛАВА 2.

◀ ВСЯ ЖИЗНЬ ВПЕРЕДИ ▶

Как мы выживали в годы войны

Первые мои, самые ранние детские воспоминания связаны с родной деревней отца, Чапушкой в Саратовской области, куда мы с мамой и Люсей, как уже упоминал выше, приехали, чтобы пережить военное лихолетье. Эти годы у меня ассоциируются, прежде всего, с ощущением голода.

Если удавалось раздобыть кусок конины, это был праздник. Основу же нашего рациона составляли лебеда и картофельные очистки. Да и то, чтобы это получить, мать мыла полы и белила потолки тем, кто был побогаче. Хлеб трудно было проглотить, так как в нём содержалось больше отрубей и соломы, чем собственно хлеба. Мама говорила, что из-за хронического голода у меня в какой-то момент даже появились признаки рахита.

Людей моего поколения этим не удивишь. Люди же молодые должны бы знать, что именно довелось пережить их родителям, бабушкам и дедушкам не так уж давно по историческим меркам.

Маму я практически не видел. Она вся была в работе, чтобы хоть как-то прокормить нас с Люсей. В тот период она находила заработок на разных работах в сельском хозяйстве. В основном мной занималась сестра Люся, так как была старше на пять лет.

В мае 1944 мы переехали в райцентр, село Салтыковку. Мама устроилась там инспектором по трудоустройству инвалидов войны в Салтыковском райсобесе, а также секретарем ВТЭК (врачебно-трудовая экспертная комиссия) в Салтыковском райисполкоме.

В 1947 году мы оказались в Саратове, где мама работала секретарём-машинисткой в Управлении кинофикации. В городе было ненамного сытнее.

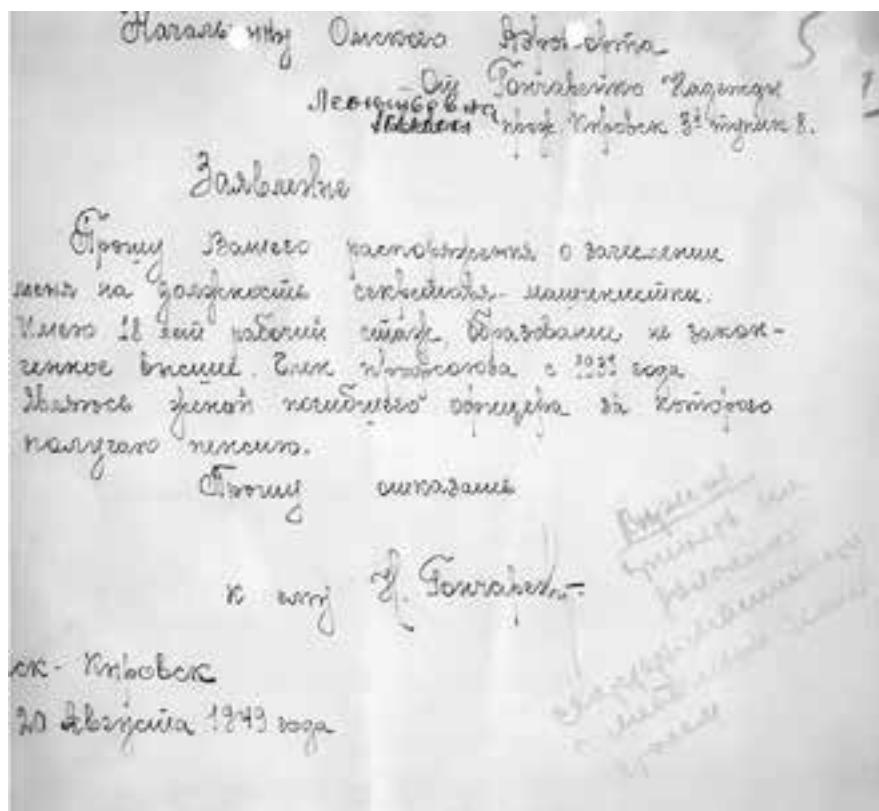
Впрочем, оставалось тогда место и детским радостям. Запомнилось, что очень я там полюбил кататься на коньках, которые надо было привязывать к валенкам. Помнится, заезжал к нам даже передвижной цирк, в котором выступали лилипуты с маленькими белыми собачками и цыгане с медведями.

Мама познакомилась с каким-то мужчиной и, возможно, надеялась, что с ним сложится совместная жизнь. Так у нас на некоторое время появился отчим. Однако ни ласки, ни заботы он к нам не проявлял, и вскоре мама с ним рассталась.

В 1949 году мы уехали в Омск, где жила мачеха мамы Татьяна Михайловна Мешкорудникова (для нас с Люсей бабушка Таня), а также мамины братья Иван, Николай, сестра Мария и родной сын бабушки Тани Леонид. Дедушки Леонтия к тому времени уже не было в живых.

Встретили нас неплохо. После голодных лет в Саратовской области мамалыга, которую варила бабушка Таня, казалась объедением. До сих пор помню её запах и сладковато-кислый вкус.

20 августа 1949 года мама устроилась на работу в аэропорт секретарём-машинисткой.

Уже через 2 месяца её перевели на работу инспектором отдела кадров. При этом маме была дана следующая характеристика:

«Делу партии Ленина-Сталина и Социалистической Родине предана. Политически развита посредственно. Деловые качества хорошие. Волевые качества развиты хорошо. В работе проявляет много разумной инициативы. Требовательна к себе и подчинённым. Обладает хорошими организаторскими способностями. Морально устойчива. Имеет хороший стаж и опыт практической работы. Состояние хозяйства отдела кадров хорошее. Работая инспектором отдела кадров, в работе безотказна и работает, не считаясь со временем и встречающимися трудностями. Над повышением своих деловых качеств работает много и упорно. На указываемые недочеты реагирует правильно и быстро их устраняет. Взысканий по службе не имеет. Имеет благодарность за хорошую работу.

Вывод: занимаемой должности инспектора по кадрам соответствует. Может быть присвоено персональное звание лейтенанта гражданской авиации.

Начальник Омского аэропорта подполковник Гурко».

В сентябре 1950 года её перевели на должность диспетчера по Омскому аэропорту.

Мама (1-я слева во втором ряду) с коллегами по Омскому аэропорту.

Мама (слева) с товарищами по работе.

Мама в день выборов в органы власти 3 марта 1963 г.

Мама в 1950 году.

Вскоре мы переехали на съёмную квартиру. Запомнился хозяин – юркий такой мужичок с маленькими узкими глазками. Правда, мы редко его видели. Иногда он пропадал на несколько дней. Меня он звал «малец» и ни разу, кажется, не назвал по имени.

На всю жизнь запомнился такой случай. Дело было в 1951 году. Однажды хозяин попросил меня помочь ему привезти уголь. Мать не возражала: перед этим хозяин подремонтировал мне разваливающиеся валенки, и моя помощь ему была бы оплатой за эту услугу.

Вышли затемно. Шли долго. Наконец, он скомандовал: «Стой здесь, малец. И гляди в оба. Увидишь кого – свистни тихонько два раза. И смотри у меня!», – прошептал он, отодвинул доску и скрылся за забором.

Я понял, что хозяин наш хочет что-то украсть, но не придал этому значения: тогда воровали многие. Вспоминаю, например, Мишку-кривого, как его все звали, вора-карманника. Пацан был меньше меня, а имел славу настоящего артиста в воровском деле. Правда, нередко и доставалось ему. Однажды я сам видел, как огромный разъярённый мужик в магазине несколько раз бросил Мишку на цементный пол и минут двадцать охаживал его молочным бидоном. И ничего, через пару дней Мишка-кривой уже снова крутился перед магазином, высматривая очередную жертву.

...Хозяин появился неожиданно. «Ну как?» – спросил он, утирая пот со лба грязной рукавицей. «Нормально, спокойно», – ответил я, озираясь по сторонам.

Мы погрузили мешок на санки и быстро пошли к дому. Вдруг из-за угла прямо на нас выскочили двое: «Стой! Что везёте?» Хозяин, не дожидаясь дальнейших вопросов, кинулся в сторону. Один из милиционеров, выхватывая из кобуры пистолет, – за ним. «Стой, стерва! Застрелю, гад!» – донеслось издали, и раздался выстрел.

Поняв, что дело плохо, я рванул в другую сторону. «Куда, паршивец!» – прорычал у меня над головой второй милиционер. И через мгновение, получив удар в спину, я распластался на дороге.

«Ушёл, сукин сын!» – в сердцах выругался вернувшийся первый милиционер. – Ну да ладно. Выпотрошим этого гадёныша, всё расскажет».

Мне стало жутко. Охватила дрожь. «Дяденьки, – занял я, – отпустите меня, я не виноват». – «Заткнись, сучонок! А то сам помогу сейчас заткнуться. Узнаешь, как уголь воровать».

Через некоторое время, обливаясь слезами, мать привела меня домой. Она настолько была убита случившимся, что даже забыла про старый отцовский ремень, к которому иногда прибегала. Спасли меня от наказания за соучастие в преступлении малый возраст и то, что отец воевал и погиб на войне.

Вскоре мы получили от аэропорта, где мама проработала до ухода на пенсию, крошечную комнату в одном из бараков с печным отоплением.

Моя мама была доброй и умной женщиной. Всю жизнь она положила на воспитание своих детей. Я даже не помню, чтобы она меня за что-либо серьёзно наказывала. Хотя нет, один случай вспоминается, и наказание было более серьёзным, чем отцовским ремнем, – порка верёвкой. А поводом послужили найденные в карманах моих брюк бычки сигарет, которыми в то время баловалось большинство омских мальчишек, голодных и оборванных.

С сестрой мы ладили, не ссорились. Люся окончила мукомольно-элеваторный техникум и получила направление на Омский элеватор – в то время по техническому оснащению и ёмкости самый мощный и современный в Сибири.

Сестра Люся в 1954 году.

Сестра Люся (справа) с Эллой, дочкой дяди Вани.

Её основная обязанность заключалась в том, чтобы проводить анализ зерна, поступающего с необъятных просторов целины, а также зернопродуктов. Так на одном месте всю жизнь и проработала, особо высоко по ступенькам карьерной лестницы не поднявшись: на пенсию ушла с должности начальника смены.

У Люси была семья: муж Анатолий Медведев и две дочери – Елена и Татьяна. Старшая Елена трижды побывала замужем, во втором браке у неё родилась дочь Кристина. Татьяна официально брак не регистрировала, у неё есть сын Артур.

*Анатолий
Медведев,
муж Люси.
Фото сделано
1 мая 1962 г.*

Лена — дочь Люси и Анатолия.

Лена со своей дочкой Кристиной, родившейся после замужества с Сергеем.

Школьные годы чудесные

Учился я в школе № 23 Кировского района г. Омска. Располагалась она в двухэтажном здании. Гардероба не было, раздевались прямо в классе. Не было, конечно, в нашей школе и спортзала, поэтому уроки физкультуры в любую погоду проходили на улице. Крайне редко они отменялись, например, из-за морозов.

К счастью, сохранилось несколько школьных фотографий.

Окончен 3 класс. Снимок сделан 24 мая 1950 года. Я в верхнем ряду второй справа.

В пионерском лагере после 3-го класса. Я стою слева.

В классе в основном учились дети, чьи родители работали в аэропорту. И жили мы все в одном микрорайоне – Авиагородке.

До 1954 года мальчики и девочки учились раздельно.

Большинство детей летом выезжали на отдых в пионерский лагерь в Чернолuchье. Прекрасное место – сосновый бор, живописные лесные озера.

Сам я несколько лет подряд часть летних каникул проводил в этом лагере. Маме как нуждающейся профком выделял для меня бесплатную путёвку, иногда даже на все три смены.

После сдачи экзаменов за 5-й класс. 20 мая 1952 г. Я – третий слева во втором ряду.

В пионерском лагере (я в центре с баяном).

С друзьями в пионерском лагере после 5-го класса (я справа).

Мне всегда нравилось быть заводилой. В пионерском лагере я был и горнистом, и барабанщиком, и баянистом, и помощником вожатых. Так уже с юных лет у меня вырабатывалось чувство ответственности не только за себя, но и за других людей. За дисциплину и порядок сначала в отделении, а затем и в отряде.

Там же, в лагере, я впервые познал робкое влечение к девочке. Её звали Люда Першина, моя одноклассница. Нам было лет 10–11. Я чувствовал, что симпатизирую ей, она мне нравилась.

Видимо, это было заметно со стороны, потому что однажды одна из старших девочек спросила у меня: «Тебе нравится Люда Першина?» Смутившись, я ответил: «Да». «Ты ей тоже нравишься, – сказала девочка. – А хотел бы с ней дружить?» – «Да», – пролепетал я.

В тот же день вечером эта старшая девочка и её подруга организовали нашу встречу с Людой. Они предложили нам подать друг другу руки, и когда мы это сделали, сказали: «Теперь вы дру-

зья! Берегите вашу дружбу и друг друга!» И удалились, оставив нас вдвоём.

Мы с Людой немного погуляли и вернулись в лагерь.

Последняя наша встреча произошла накануне отъезда домой. Люда сказала, что мама не разрешает ей дружить с мальчиками, поэтому она не может больше встречаться со мной. Я был ужасно огорчён этими словами и заплакал, когда она ушла.

Как оказалось, и во взрослой жизни я остался способным заплакать сентиментальным человеком, и где-то наивным романтиком.

В пионерский лагерь я ездил до седьмого класса, а после – смены у меня были другие: рабочие. Я трудился в соседней Тюменской области в группе топографов и геодезистов, занимавшихся разметкой местности. Наша работа нужна была геологам, которые в будущем должны будут производить разведку нефтяного месторождения.

На первую зарплату я купил маме часы. На вторую – себе отрез коричневой ткани на костюм.

*У знамени
районной
комсомольской
организации я,
сентябрь
1953 года.*

Ещё одно яркое впечатление детства – Дворец пионеров, который я посещал. На фоне нашей обыденной жизни в Авиагородке это учреждение действительно казалось дворцом. Там можно было заниматься в многочисленных кружках, разумеется, бесплатно.

Я с мамой, 07.10.1953 г.

Я со школьным другом Володи́ей Рогиле-вым, 1956 г.

Меня больше всего интересовал шахматный кружок. А вообще первые уроки по этой части мне дал дядя Гена. Как оказалось, шахматы останутся моим увлечением на всю жизнь. А в определённый период шахматная педагогика даже станет профессией, основным видом деятельности. Подробнее о шахматной части моей жизни поведаю в отдельной главе.

В школе я учился легко, без напряжения. В старших классах особенно любил химию, физику и математику. Русский язык и английский требовали

несколько больших усилий. Языки – вообще не самая сильная моя сторона.

Но в целом справлялся и в результате школу окончил с серебряной медалью.

СССР
МИНИСТЕРСТВО ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ
ОТДЕЛ ШКОЛ

Настоящий аттестат выдан Митченко Эдуарду Сергеевичу
родившемуся в городе Молодечно 1933 года
в том, что он, пославший в 1950 году в Осижную среднюю школу № 23
станции Кулешино Восточной железной дороги
окончил 4 класса с отличием, за что получил золотую медаль за успехи в школе и обнаружил, при сдаче экзаменов, хорошие знания по предметам:

Русский язык	5 (отлично)	Конституция СССР	5 (отлично)
Литература	4 (хорошо)	География	5 (отлично)
Алгебра	5 (отлично)	Физика	5 (отлично)
Геометрия	5 (отлично)	Астрономия	5 (отлично)
Тригонометрия	5 (отлично)	Химия	5 (отлично)
Естествознание	5 (отлично)	Черчение	5 (отлично)
История СССР	5 (отлично)	История и география	5 (отлично)
Всеобщая история	5 (отлично)		

На основании Постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 21 июня 1944 г. № 750, в котором говорится об установлении качества обучения в школе Митченко Эдуарда Сергеевича выдан СЕРЕБРЯНОЙ медалью.

Настоящий аттестат выдан в 4 экземплярах о золотой и серебряной медалях. За отличные успехи и认真完成, утвержденного Советом Народных Комиссаров Союза ССР 30 мая 1945 года, для его награждения провозглашением в высшие учебные заведения Союза ССР без вступительных экзаменов.

Выдан 14 июля 1957 г. Директор школы Серебряный
Средней школы № 23
ст. Кулешино

Секретарь
С. С. С. С. С.

№ 014150

С друзьями в год окончания школы (1957). Я второй справа.

Всего в нашем дружном классе было девять медалистов, в том числе четверо – золотых. Ни до, ни после нас такого сильного класса в школе не было.

Гена Турьянский, Володя Рогилев, Толя Соцкий, Люда Першина, Аля Оргучинская, Люся Голоденко – вот наши лучшие ученики и ученицы.

Ребята, к которым я позволю себе причислить и себя, достигли своих успехов в учёбе не только благодаря своим способностям и усердию, но и сильным педагогам нашей школы, например, директору В. Ф. Ермошенко, преподававшему физику. Но особое место в этом ряду принадлежит нашему классному руководителю, преподавателю математики Льву Павловичу Затопляеву, которого мы все не просто любили, мы им искренне восхищались.

Это счастье – иметь такого классного руководителя, как Лев Павлович Затопляев.

Это был образованный, умный, обаятельный человек, ветеран Великой Отечественной войны (как, впрочем, и почти все наши учителя-мужчины). На момент нашего выпуска Льву Павловичу было всего 33 года.

У меня отношения с классным руководителем сложились более глубокие, чем у одноклассников. Лев Павлович, в дом к которому я был вхож, был мне вместо отца, хотя так прямо я этого тогда не осознавал.

Он ко мне тоже благоволил, и я был ему, кажется, даже ближе, чем его собственные сыновья Шура и Юра. А вот Зоя Агафонова, его супруга, относилась ко мне подчеркнуто прохладно – ревновала, видимо.

Очень трогательным было наше со Львом Павловичем после окончания школы. Я подарил любимому учителю свою фотографию, которую, не задумываясь, подписал: «Отцу на память». Он дал мне свою, с такими словами на обороте: «Сыну Эдику». И в будущем мы так и будем в письмах друг к другу обращаться. Я Льва Павловича буду называть отцом, папой, папкой, он меня – сыном, сынком.

ГЛАВА 3.

◀ ПЯТЬ ЛЕТ В ЛЕНИНГРАДЕ ▶

Счастливая курсантская жизнь

Как так получилось, что я, родившийся и проведший детство за тысячи километров от ближайшего моря, стал военно-морским офицером? Может, сказалось влияние дяди Бори, срочная служба которого прошла на флоте? Нет, это случайное совпадение.

Этот жизненный путь я выбрал в силу обстоятельств (о которых чуть ниже), но со временем полюбил и море, и профессию свою.

После школы я твёрдо намеревался получить высшее образование, но конкретных профессиональных предпочтений не было. И уж точно не чувствовал никакой склонности к военной службе.

Выбор был сделан с учётом того, что курсанты военных училищ находятся на полном государственном обеспечении, а при нашем материальном положении это обстоятельство было крайне существенным, если не сказать – решающим. В общем, мы с мамой решились даже нарушить папин наказ, а он перед уходом на войну сказал, что сын ни в коем случае не должен быть военным.

В Омске было военное училище. Однако в военкомате я узнал, что объявлен большой набор в военно-морские учебные заведения, а также, что сейчас как раз создаётся советский атомный подводный флот. Да и форма у моряков такая красивая...

В общем, вопрос был решён: еду поступать в военно-морское училище. А именно в город Пушкин под Ленинградом, на дизельный факультет. Так как школу я окончил с медалью, мне предстояло пройти только два испытания – письменный и устный экзамены по математике.

Математику я знал и любил, да и к экзаменам готовился усердно, поэтому в Пушкин поехал, чувствуя себя довольно уверенно. Поехал в том самом коричневом костюме, ткань на который купил себе на вторую зарплату в геодезической партии.

И... провалился на первом же экзамене. Очень уж высокие требования предъявлялись к поступающим. Однако стало известно, что в связи с недобором абитуриентов ждут в Дзержинке – так называли Высшее военно-морское инженерное ордена Ленина училище им. Ф.Э.Дзержинского в Ленинграде, одно из старейших в стране.

Тем не менее, недобор не означал, что в училище принимали всех подряд без разбора. Нет, тоже были экзамены, и оказались они для меня, пожалуй, самыми продолжительными и трудными из всех, которые я сдавал в жизни.

Опять математика – письменная и устная. Второй экзамен мне особенно запомнился. Несколько часов подряд экзаменовал меня маститый математик Резнер, давая новые и новые задачи. Каждая была для меня сущей пыткой. Провал казался мне равносильным смертному приговору. Да, в этом огромном городе я был совершенно один, но о возвращении в Омск с позором не допускал и мысли.

Вероятно, Резнер оценил моё огромное желание учиться в Дзержинке, потому что, в конце концов, вывел мне тройку. Письменный экзамен я сдал успешно. Меня приняли на факультет, готовивший для ВМФ инженеров-электриков. Думаю, решение о моём зачислении приёмная комиссия, которую возглавлял начальник училища вице-адмирал И. Г. Миляшкин, приняла с учётом нескольких факторов: школу я окончил с серебряной медалью, мой отец погиб на фронте, разряд кандидата в мастера спорта по шахматам.

Итак, Ленинград, военно-морское училище в историческом центре города. Целых пять лет жизни и учёбы в этом прекрасном городе!

Это учебное заведение стоит того, чтобы поведать хотя бы коротко о его славной истории. Для этого воспользуюсь брошюрой, изданной училищем в 1976 году:

«В центре Ленинграда, во всемирно известном памятнике архитектуры – здании Главного Адмиралтейства – находится одно из старейших военно-учебных заведений страны – Высшее военно-морское инженерное ордена Ленина училище имени Ф. Э.Дзержинского. Его история начинается с 1798 года, когда в Петербурге было основано училище корабельной архитектуры. В дореволюционные годы из его стен вышло много талантливых, прогрессивно настроенных ученых, конструкторов, инже-

*ВЫСШЕЕ
ВОЕННО-МОРСКОЕ
ИНЖЕНЕРНОЕ
ордена Ленина
УЧИЛИЩЕ им. Ф. Э.
ДЗЕРЖИНСКОГО,
в котором мне
посчастливилось
учиться, располагает-
ся в здании Главного
Адмиралтейства,
в самом центре
Ленинграда
(Санкт-Петербурга).*

неров-кораблестроителей и инженеров-механиков, с именем которых неразрывно связано строительство и развитие русского военно-морского флота.

Широко известно в русском флоте имя воспитанника училища, выдающегося корабельного инженера и учёного И. Г. Бубно-

ва. По его проекту была построена первая в России боевая подводная лодка «Дельфин», а затем «Касатка», «Минога», «Акула» и другие.

В первые годы Советской власти молодёжь, пришедшая в училище по путёвкам комсомола, выполняя завет В. И. Ленина «учиться военному делу настоящим образом», настойчиво овладевала военными знаниями. В 1923 году личный состав училища избрал В. И. Ленина своим почётным слушателем. В апреле 1927 года училищу было присвоено имя Ф. Э. Дзержинского.

Многие воспитанники училища прошли путь от курсанта до адмирала. Училище гордится также своими выпускниками, ставшими впоследствии крупными учёными, талантливыми инженерами.

В годы Великой Отечественной войны воспитанники училища принимали участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Они мужественно сражались на Краснознаменном Балтийском и Черноморском флоте, в суровых водах Заполярья, в предгорьях Кавказа, защищали Москву и Ленинград, Севастополь и Сталинград. Среди них есть и Герои Советского Союза.

Научно-техническая революция, произошедшая в послевоенные годы, оказала огромное влияние на повышение боевой мощи армии и флота. Военно-морской флот нашей Родины вырос в грозную силу. Основой его боевой мощи являются атомные подводные лодки, вооружённые ракетами и самонаводящимися торпедами, которые способны поражать как морские цели, так и объекты, расположенные на побережье и в тылу противника.

Высшее военно-морское ордена Ленина инженерное училище им. Ф. Э. Дзержинского располагает всем необходимым, чтобы готовить высококвалифицированные офицерские кадры для современного Военно-морского флота».

Поначалу не всё шло гладко. Тяжело воспринимал непривычную обстановку.

Первый лагерь. Первые стрельбы. Затем первый бросок «лимонки». Страшновато, но интересно.

Первый караул. Лагерь располагался около погранзоны, и нас предупредили, что надо быть бдительными. Стоишь, кругом лес и сплошная темень. При каждом шорохе вздрагиваешь с непривычки.

Если говорить об учёбе, то в целом я учился нормально – не блестяще, но и без провалов. Это уже немало, учитывая высо-

Курсант училища с 29.07.1957 – 30.06.1962, приказ начальника училища № 550 от 29.07.1957. Военную присягу принял 19.10.1957. На обороте надпись: «На долгую память маме и Люсе от сына и брата Эдика. 25.11.1957 г. Ленинград».

Первый курс. Вся учеба еще впереди.

чайший уровень требований, предъявляемых к курсантам. Достаточно сказать, что из 153 курсантов, принятых на наш факультет, к выпуску остался 51, отчислены были 55, а ещё 47 человек перевелись и окончили другие училища или факультеты.

В нашем распоряжении была великолепная учебная база. Тем не менее, сопромат (сопротивление материалов), металловедение, высшая математика, начертательная геометрия и прочие предметы требовали предельного интеллектуального напряжения и усидчивости.

Командный и преподавательский состав в училище был очень сильный.

Расскажу подробнее о начальнике училища.

Иван Георгиевич Миляшкин родился 26 сентября 1904 года в Луганске. Окончив школу, работал шахтером на донбасской шахте. В сентябре 1926 года, по комсомольскому призыву поступил на механический факультет (дизельное отделение) того же училища, которым позже командовал, и окончил его в феврале 1931 года.

Затем служил в должности младшего механика на подводной лодке «Народоволец», в декабре 1932 года назначен старшим механиком подводной лодки «Ёрш», а уже через два месяца Миляшкину доверили должность старшего инженер-механика бригады подводных лодок Морских Сил Балтийского моря.

В марте 1934 года Миляшкин был откомандирован в оборонную промышленность с оставлением в кадрах ВМФ. С марта 1934-го по декабрь 1936 года работал инженером-строителем на судостроительном заводе № 194 (им. А. Марти) в Ленинграде, где был строителем и ответственным сдатчиком головной подводной лодки серии V-бис «Воинствующий безбожник», строившейся на средства добровольных взносов членов этого общества. При вступлении 19 июля 1935 года в состав Балтийского флота подводной лодке дали новое название «Линь» («Щ-305»).

*Иван Георгиевич
Миляшкин был
начальником Высшего
военно-морского ин-
женерного училища с
1953 до 1966 года.*

В январе 1937 года И. Г. Миляшкин был назначен инженером-строителем, 29 августа 1937 года — главным инженером, а затем директором Николаевского судостроительного завода № 200 имени 61 Коммунара.

В августе 1939 года он был назначен директором Ленинградского судостроительного завода им. А. А. Жданова. С первых дней войны Миляшкин являлся Уполномоченным Военного совета фронта по постройке железнодорожных батарей, оборудованных дальнобойными 130-мм морскими орудиями. Ждановцы построили 12 таких артиллерийских установок. В октябре 1941 года Ивана Григорьевича Миляшкина назначили директором судостроительного завода № 120 (Балтийский завод).

В феврале 1942 года он был переведён в Москву на должность заместителя наркома (народного комиссара) а позже — уже в современном наименовании этой должности — замминистра судостроительной промышленности СССР. С апреля по май 1945 года, по заданию заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР находился в Германии с целью осмотра судостроительных заводов. С сентября 1946-го по март 1950 года был заместителем начальника секции кораблестроения Научно-технического комитета ВМС. В марте 1950 года И. Г. Миляшкин был назначен заместителем Военно-морского министра СССР по вооружению и судоремонту.

27 января 1951 года Миляшкину присвоено звание инженер-контр-адмирала.

С 10 апреля 1953 года по 22 января 1966 года И. Г. Миляшкин был начальником ВВМИУ имени Ф. Э. Дзержинского. Под его руководством училище стало готовить офицеров-инженеров для всех типов кораблей с новыми энергетическими установками, в том числе ядерными.

18 февраля 1958 года, когда я учился на первом курсе, И. Г. Миляшкину присвоено звание инженер-вице-адмирал.

После того, как я окончил училище, Иван Георгиевич командовал училищем ещё три с половиной года. Передав учебное заведение своему преемнику, с января 1966 года вице-адмирал И. Г. Миляшкин находился в распоряжении главнокомандующего ВМФ, а в августе того же года вышел в отставку.

И. Г. Миляшкин скончался 21 ноября 1979 года. Он покойся на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга.

Родина высоко оценила заслуги Ивана Георгиевича Миляшкина перед отечественным Военно-морским флотом. Он награждён орденом Ленина (1952), орденами Красного Знамени (1947, 1956), орденом Отечественной войны I степени (1945), орденом Трудового Красного Знамени (1944), двумя орденами Красной Звезды (1942, 1944), медалями, именным оружием (1954).

Командование училища. Капитан 1 ранга Немов М. Г., контр-адмирал Арванов З. Д., инженер вице-адмирал Миляшкин И. Г., инженер капитан 1 ранга Гастев Л. В., капитан 1 ранга Востриков А. И., капитан 1 ранга Проклятиков П. А.

Наши преподаватели (с.72–73)

Носов В. С., Ермаков Д. В., Чопикашвили А. В., Зиновьев А. П., Веффер М. Г., Семенов Ф. Ф., Тихонов В. В., Смирнов В. А., Гудков В. С., Жеско Е. Н., Кожин В. А., Жуковский А. В., Баранов А. П., Дмитриев В. С., Гавриков И. Б., Тугамов М. С.

Лабзин М. Д., Грубин А. Н., Хрустовский П. Л., Автухов М., Инихов, Шанбала Г. Г., Пугачев И. П., Бекасов К. В., Синенко Ф. С., Земкин Н. Н., Березин В. К., Шлей В. И., Мясников П. С., Зайцев К. М., Гриневич И. П., Пушечников В. И.

Мясникова А. Е., Чарыкова Т. Н., Жукова И. Т., Васильева Е. Л., Коськин Ю. П., Ососков А. И., Лилякевич В. Т., Зараев А. И., Малышев В. И., Зайцев Ф. Д., Пилецкий К. В., Бирюков Н. Е., Шаловалов М. С., Донбик В. А., Кудрявцев Н. А.

Никитин В. Ф., Зимин В. И., Тихонович А. П., Богословский А. С., Сергеев Г. А., Афанасьев А. А., Самсоненко С. В., Воротилкин В. П., Смирнов С. М., Данишевский Б. В., Боборыкин Н. А., Месонжник В. А., Кротова Н. М., Грицан В. Ф., Афошин А. Н.

*4 курс электротехнического факультета, 1961 год.
Справа налево, снизу вверх.*

Митченко Эдуард (г. Омск, Кировский район)
Головешкин Лев (г. Ленинград)
Храбров Юрий (г. Смоленск)
Капитан-лейтенант Носов В.
Мамзурин Николай (г. Куйбышев)
Тарабрин Юрий (г. Симферополь)
Матвиенко Михаил (Новосибирская обл., г. Барабинск)
Кореньков Олег (г. Смоленск)
Путилин Константин (Смоленская обл., г. Вязьма)
Карпутов Владимир (Смоленская обл., г. Духовщина)
Каиштанкин Владимир (Воронежская обл., г. Борисоглебск)
Евменчиков Николай (г. Ленинград)
Гавриленко Юрий (г. Ленинград)
Ефимов Аркадий (г. Ленинград)
Поваров Александр
Кравчук Анатолий (Белоруссия, Гродненская обл., г. Лида)
Сталбо Александр (г. Ленинград)
Климов Владимир (ст. Брянск-2)
Мигачев Вячеслав (Ярославская обл., г. Переславль)
Сизиков Эдуард (г. Псков)
Котелянский Павел
Трофимов Геннадий (г. Сочи)
Якушин Владимир (г. Москва)
Буйневич Сергей (г. Минск)
Ушаков Игорь (г. Ленинград)
Толстошуров Леонид (Алтайский край, ст. Бурла)
Сумин Юрий (Украина, Харьковская область, Барвенковский район, ст. Гусаровка)
Позняков Валентин (Белоруссия, Гомельская обл., г. Речица)
Трусан Валерий (Ставропольский край, г. Пятигорск)
Доценко Олег (Украина, Черниговская обл., г. Щорс)
Рубеко Владимир (г. Ленинград)
Дорохин Алексей (г. Смоленск)
Баскаков Владимир (г. Ленинград)
Киселев Игорь (г. Ленинград)
Татарский Александр (г. Ленинград), позднее служил на «К-9»
Башков Анатолий (Украина, г. Житомир)
Евсеенко Феликс (Украина, г. Чернигов)
Сизов Василий (Костромская обл., пгт Сусанино)
Вильсон Эдуард (г. Сухуми)

Романов Леонид (Ленинградская обл., г. Бокситогорск)
 Литвинов Владимир (Краснодарский край, г. Ейск)
 Борисов Геннадий (г. Москва), позднее служил на «К-3»
 Копылов Владимир (г. Ленинград)
 Новиков Эдуард (г. Пермь)
 Шульженко Юрий (Казахстан, Алматинская обл., с. Каскелен)
 Овчинников Виктор (Московская обл., Шатуринский район, ст. Черусти)
 Семехин Валерий (Новгородская обл., Солецкий район, д. Сомино)
 Ульянов Михаил (г. Ленинград)
 Войниканис-Мирский Ратмир (г. Астрахань)
 Штокало Владимир (Кабардино-Балкария, г. Нальчик)
 Стулов Игорь (г. Иваново)
 Васильев Петр (г. Москва)
 Кузьмин Александр (г. Грозный)
 Сукачев Валентин (г. Москва)
 Созонтов Ким (Кировская обл., г. Кирово-Чепецк)
 Батурин Алексей (Тамбовская обл., г. Рассказово)

На фото отсутствуют:

Шурыгин Валерий (г. Ленинград)
 Дмитренко Валерий (г. Ереван)
 Веселов Владимир (г. Ленинград)
 Бицан Игорь (г. Москва)
 Федулов Леонид (г. Москва)
 Голичков Владимир (г. Москва)
 Смирнов Евгений (Карелия, г. Петрозаводск)
 Смирнов Валерий (г. Ленинград)
 Кутишенко Юрий (Украина, Киевская обл., Бородянский район, пос. Песковка)
 Родичев Владимир
 Жирнов Георгий (г. Грозный)
 Алябин Юрий
 Гнездилов Алексей (г. Ленинград)
 Чекалин Валерий (г. Москва)
 Пешков Юрий (Украина, г. Житомир)

С Валерой Дмитренко готовимся к занятиям.

Готовимся к практическим занятиям.

Учёба проходила не только в классах, но и в поле.

Наряду с капитальной теоретической и практической подготовкой по специальности, учебная программа предусматривала и основательную физическую подготовку. В частности, у нас были тренировки по плаванию и прыжкам в воду с вышки. Логично, что морской офицер должен владеть и этими навыками. но... Неловко признаваться, но по-настоящему хорошо плавать я так до сих пор и не научился. Как-то довелось даже тонуть в Иртыше.

Лыжная подготовка являлась частью учебы курсантов. Катание на лыжах было и нашим любимым занятием зимой.

Лёгкая походка, которой я обладаю, сформировалась в значительной мере благодаря изнурительным занятиям по строевой подготовке, которые на первых курсах длились по шесть часов. Зам по строевой подготовке Артамонов строевой шаг по разделениям выполнял бесподобно. Грудь колесом, толстенький, он выхаживал по плацу, как важный петух. Некоторые из нас пытались копировать, получалось смешно.

По разделениям – это так: по команде «делай – раз» курсант поднимает прямую левую ногу на 15–20 сантиметров, левая же рука, согнутая в локте, перед корпусом, ладонь чуть выше пояса,

прямая правая рука отведена назад. «Делай – два» – нога чётко, с носка, ставится на землю, руки вниз. Потом – то же самое с другой ноги.

Несколько тяготила меня в училище и необходимость подчиняться требованиям дисциплины, порой переходящим в муштру, особенно на первых порах: всё-таки я человек по натуре своей не военный и внутренне свободный, привыкший всегда рассуждать по самым разным вопросам – почему так, а не эдак? Именно поэтому отдушиной для меня стали беседы в философском кружке при училище.

Временами меня одолевало чувство одиночества, но вообще для меня это нехарактерно, поскольку характером я наделён общительным. В первом же увольнении я познакомился с Нонной Вересовой. Между нами возникло чувство, которое я позволил бы себе назвать любовью. Но судьба развела нас по жизни, мы расстались.

Переживаний мне добавило и то, что Нонна серьёзно и долго болела. Позднее у каждого из нас появились свои семьи, но наша взаимная любовь растянулась на многие годы. В мыслях и в воспоминаниях...

Первым моим другом в курсантские годы стал Олег Кореньков. Душа любой компании, любимец девушек, играл на гитаре и пел. Многое нас объединяло: как и я, Олег рос без отца, так же, как и я, окончил школу с серебряной медалью. Так же в школьные годы увлекался спортом, правда, не шахматами, как я, а волейболом.

Сам он из Смоленска. В один из зимних отпусков, после 2-го или 3-го курса, я ездил к нему в гости. Правда, по дороге сильно простудился, и практически всё время, что был у него, провалился в постели. Выхаживали меня его сестра и мама. Только тогда я узнал, что мать Олега совсем слепа. В училище он никому об этом не говорил.

На третьем курсе мы с Олегом близко сдружились с однокурсником-ленинградцем Игорем Ушаковым. Произошло это благодаря тому, что родители Игоря попросили сына ввести к ним в дом пару его приятелей. Не знаю, чем объяснялась такая просьба. Игорь был не единственным их сыном. У него был младший брат Юра. После школы Юра окончил военный институт переводчиков, специализировался на арабском языке.

Дружбу с Игорем Ушаковым (в центре) и Олегом Кореньковым (слева), зародившуюся в училище, мы сохранили на всю жизнь.

Сдружились мы не только с Игорем, но и с его замечательными родителями. Часто мы проводили целые дни во время увольнения в этой интересной интеллигентной семье. И дружбу нашу мы пронесли через всю жизнь. Отец Игоря, Владимир Алексеевич Ушаков (1903–1986) служил в Красной армии с 1919 года, то есть уже с 16 лет. Большая часть службы Владимира Алексеевича была связана с авиацией. До Великой Отечественной войны он командовал военно-воздушными силами Киевского военного округа.

*Владимир Алексеевич
в начале войны был
полковником, в конце –
генерал-лейтенантом,
командовал крупными
военно-воздушными
соединениями, при-
нимавшими участие в
войне с Японией до ее
капитуляции.*

Владимир Ушаков восемь раз упоминался в благодарностях Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина, он награждён пятью полководческими орденами Суворова и Кутузова, двумя орденами Ленина, тремя – Красного Знамени и двумя – Отечественной Войны. За войну с Японией имеет награды.

В то время, когда я познакомился с ним, Владимир Алексеевич возглавлял факультет в военной академии.

Жили Ушаковы в так называемом «генеральском» доме на Суворовском проспекте. Это была четырёхкомнатная квартира с высоченными потолками и креслами, как нам сказали, прежде находившимися в апартаментах Сталина.

Маргарита Михайловна, жена Владимира Алексеевича, в молодости была медсестрой. Чудесная женщина! Великая умница и труженица, прекрасная хозяйка. Благодаря самообразованию, она была чрезвычайно интересным человеком. Во многом благодаря Маргарите Михайловне я открыл для себя Ленинград театральный, музыкальный, архитектурный. Я стал регулярно посещать театры и концертные залы, и эта потребность сохраняется у меня и сейчас. И она же, Маргарита Михайловна, научила

меня играть в преферанс. Немало времени провели мы за столом, расписывая пульки, как называют партии в этой карточной игре. Не шахматы, конечно, но тоже умная игра.

Наши с Олегом матери не имели возможности помогать материально нам, поэтому время от времени в выходные дни мы зарабатывали себе деньги на карманные расходы. В основном, разгружали вагоны на товарной станции – уголь, мешки с чем-то... Не все пять лет, но было и такое в моей курсантской жизни.

Естественно, Игорь был всем обеспечен, однако излишне даже отмечать, что его родители хоть чем-то намекали на то, что мы с Олегом не ровня их сыновьям в материальном отношении.

Мне показалось также, что Игорь, в отличие от нас с Олегом, был более дисциплинированным и исполнительным курсантом. Чувствовалось, что он сын кадрового офицера.

Следует отметить, что моя учёба в Ленинграде пришлась на тот период, который в советской истории получил название «оттепель». Завершилась эпоха сверхжёсткого и даже жестокого сталинского правления. Новый руководитель страны Никита Сергеевич Хрущёв после своего знаменитого доклада на XX съезде КПСС (Коммунистическая партия Советского Союза) с разоблачениями сталинских репрессий вроде как позволил обществу дышать чуть свободнее. Хотя, конечно, никаким демократом он не был, и тоже гайки закручивал сильно. Взять хотя бы гонения на Церковь...

Но и «оттепель» была – это тоже правда. Я же хорошо помню, какая в конце 1950-х – начале 1960-х годов царила захватывающая атмосфера необыкновенного подъёма, воодушевления, ожидания чего-то нового, светлого, свежего. Восхитительным символом этого времени был первый полёт человека в космос 12 апреля 1961 года, и это был наш советский человек Юрий Гагарин.

На площадях выступали молодые, но уже всенародно любимые поэты Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава. Открывались выставки художников-импрессионистов.

Город тогда с большой симпатией относился к военным морякам. Мы, чувствуя это, нашу и без того красивую форму с помощью ножниц, иглки и ниток делали ещё эффектнее в глазах горожан и особенно девушек.

Я много читал, собирал личную библиотеку. С годами моё собственное книжное собрание достигло трёх тысяч томов.

Кроме книг, мы ежедневно читали газеты.

Внимание Валеры Дмитренко привлекла интересная статья.

Когда я окончательно втянулся в курсантскую жизнь и с будущим моим, казалось, стало всё предельно ясно (кроме места службы), за два года до окончания училища перспективы неожиданно оказались под вопросом. Дело в том, что армия и флот тогда подверглись массовому, так называемому «хрущёвскому» сокращению. Этот процесс коснулся и военных училищ.

Расформированию подлежал и наш дружный класс. Что делать? О возвращении в Омск я и думать не хотел.

Тогда я начал подумывать о поступлении либо в электротехнический институт имени Бонч-Бруевича, близкий к специальности, по которой я учился в училище, либо даже в университет на факультет журналистики. Советовался по этому поводу с «папой» – так, напомним, я называл своего бывшего классного руководителя Льва Павловича Затопляева.

В итоге всё обошлось. В училище провели реорганизацию, и я продолжил обучение.

Стоит подчеркнуть, что учиться мне довелось как раз в годы становления советского атомного подводного флота. В 1957 году, когда я поступил в училище, на Северном машинострои-

На некоторых практических занятиях курсанты военно-морского училища, будущие специалисты по ядерным энергетическим установкам, внешне мало чем отличаются от студентов-медиков.

тельном предприятии в Северодвинске была спущена на воду первая советская атомная подводная лодка К-3, впоследствии получившая название «Ленинский комсомол».

В самом начале моей офицерской службы я в течение некоторого времени буду иметь прямое отношение к этой легендарной подводной лодке.

Энергетическая установка – это сердце атомной подлодки. Накопление опыта в новой области происходило не без драм и трагедий. Атомная энергия ошибок и пренебрежительного отношения не прощает. Мне и самому на личном опыте довелось узнать, что это такое – радиоактивное облучение. Но это будет потом, на Северном флоте.

А прежде надо было закончить обучение: написать и защитить дипломный проект, сдать выпускные экзамены.

После выпуска каждый из курсантов получил такой альбом.

Быстро пролетели годы учебы – и вот уже выпуск. Церемония была очень торжественной и красивой. Приезжала мама. Несомненно, она была горда сыном. Я пригласил её к Ушаковым, у них она и ночевала.

Как я уже упоминал выше, завершение учёбы и отбытие к месту службы не означало окончания моей дружбы с семьей Ушаковых, с Игорем, а также с Олегом.

Не довелось мне поступить на журналистику, но потребность излагать на бумаге свои мысли, наблюдения, впечатления была всегда и остаётся сейчас. Постоянно делаю какие-то записи в блокнотах и тетрадях. Иногда обрывочные, иногда более систематизированные. Наиболее же последовательно я вёл дневник как раз в курсантские годы, начиная с третьего курса.

К этому времени я успел совершить одну из самых значимых моих ошибок: женился на однокласснице Люде Голоденко. Ошибка не в том, что женился так рано. Просто изначально было ясно, что ничего хорошего из этого брака не получится. Так и оказалось: вскоре мы развелись. Однако в тот период, когда я начал вести дневник, я был женат на ней, и голова часто была полна переживаниями на эту тему. Их я и излагал в дневнике. Здесь, однако, по большей части эти записи опущу.

Из дневника курсанта

Эти дневниковые записи показывают меня таким, каким я был в те далёкие годы – типичным советским молодым человеком, избравшим профессию защитника Родины, молодого человека со своими особенностями. В какой-то мере эти дневниковые записи характеризуют и само Высшее военно-морское инженерное ордена Ленина училище им. Дзержинского в тот период через призму субъективного взгляда одного из курсантов.

27.02.1960

Прочитал книгу Сабатини «Одиссея капитана Блада». Первая приключенческая книга, которая так сильно меня взволновала. Мне понятны и близки духовный мир и переживания главного героя романа, поэтому-то я принял судьбу этого человека так близко к сердцу.

Вечером пошёл в клуб на вечер. Играл хороший джаз, было много наших ребят, поохмили, посмеялись. Познакомился с одной девчонкой – Ира Голова, учится в пединституте на вечернем отделении физмата и работает в школе.

Я вообще-то не разделяю взглядов, что если молодой человек женат, то он потерян для молодёжи. Какая чушь. Веселись и танцуй, пока молод! В 40 лет и захочется потанцевать, да годы не позволят. К знакомым своим, правда, буду относиться разборчиво и далеко в своих отношениях не заходить. Но круг знакомых ограничивать не буду. Жить в четырех стенах, да ещё и свободное время проводить в одиночестве – это не жизнь, а каторга.

В 1958 году отмечалось 160-летие ВВМИОЛУ им. Дзержинского. Фотографируемся своим классом с выпускниками 1941 года. Я – второй слева в последнем ряду.

4.03.1960

В субботу ездил на каток, получил большое моральное и духовное наслаждение, хотя и был фактически один.

16.03.1960

Посмотрел несколько кинокартин, особенно понравилась «Солнце светит всем». Принял близко к сердцу судьбу главного героя. Прочитал книгу Мюссе «Исповедь сына века». Мне кажется, написать такую книгу, так глубоко раскрыть и показать Октава мог только человек, который сам пережил то же самое. Некоторые совпадения с характером Октава я нашёл в себе.

Вот тут, например: «Страшное дело! Подстрекаемый гордостью, я старался прослыть таким, каким я, в сущности, не был вовсе. Я хвалился поступками худшими, чем те, что я совершал на самом деле, и находил в этом хвастовстве удовольствие, смешанное с грустью. Если я действительно делал то, о чём рассказывал, то не испытывал ничего, кроме скуки. Но если я выдумывал какое-нибудь сумасбродство, истории о каком-нибудь кутеже, на котором меня не было, я почему-то чувствовал себя удовлетворённым».

По приезде из отпуска хотелось работать и работать, но сейчас что-то охладел, и работа застопорилась. Уже пошла пятая неделя. Надо побороть эту апатию и взяться за чертежи.

30.04.1960

Странное, тревожное состояние не покидает меня. Наоборот, оно даже усилилось. Уже которую неделю не могу взяться ни за что. Апатия овладела почти полностью, и, странное дело, и бороться с ней не хочется. Чем это объяснить? Неужели я подлец, последний идиот и дрянь? Я никогда не считал себя таковым. Но последние поступки характеризуют меня с этой стороны. Ведь всё можно делать проще и лучше. Ну, зачем я сам усложняю свою жизнь?! То, как я поступил в отношении своих близких друзей и товарищей, – это уже подлость. Да, я умею анализировать и признавать свои ошибки, но что толку-то? Легче от этого не становится, скорее наоборот.

Но что сейчас делать? Ума не приложу, как можно изменить самое неблагоприятное отношение близких мне людей. Тяжело ещё оттого, что нет рядом близкого человека, которому можно было бы излить всё то, что давит на душу. <...>

Самое нехорошее это то, что я плохо обошёлся с «папкой». <...> Теперь надо будет долго восстанавливать его прежнее отношение и мнение обо мне, которым я очень дорожил. Вероятно, всё встанет на свои места, но до каких пор я буду совершать глупости?! Надо положить этому конец, надо более чутко относиться к окружающим, особенно к близким людям. Пока я ещё живу душой и эмоциями, а не разумом. Мальчишкой так жить можно, но я уже вышел из этого возраста. <...>

Да, тяжело без понимающего, чуткого, отзывчивого друга. Его нехватка особенно резко ощущается сейчас. Раньше было лучше. Вроде бы и учиться было сложнее, а времени для душевных бесед с Олегом мы находили больше. Правда, тогда были другие условия. Мы почти всё время проводили вместе за учёбой, разговорами, даже в городе часто бывали в одних и тех же местах.

Сейчас же положение изменилось. Мы, как и прежде, друзья, но былой откровенности уже нет. Большую часть времени он проводит в обществе Игоря...

Четвёртый курс. Наш 241-й класс, носящий звание отличного. В первом ряду второй справа – курсант Эдуард Митченко, третий справа – командир роты капитан-лейтенант В. Носов. 1961 год.

Наш класс (первый ряд слева направо) с начальником факультета капитаном первого ранга Чапикашвили, начальником училища вице-адмиралом И. Г. Миляшкиным, заместителем Главкома, заместителем начальника факультета. Я – третий слева в последнем ряду.

Хозяйственные работы – тоже часть будней курсантов.

В свободное время по будням...

...и по выходным.

10.11.1960

Целых полгода я не заглядывал сюда. Коротко подведу итог тому, что произошло за это время.

Летнюю сессию снова сдал. Всё-таки фортуна не отвернулась от меня совсем. А ведь вероятность завалить сессию была исключительно высока. Дело в том, что тогда на повестке дня неожиданно встал вопрос о демобилизации. Обрадовался ли я? Нет. В моём положении глупо было бы радоваться такому исходу. Да и в своей будущей работе я нисколько не разочаровался. Много было волнений в тот период, ох как много, но всё обошлось. Вместо «гражданки» поехали в отпуск. <...>

В отпуске я встречался с омскими друзьями.

Я, Толя Гонохов и наш любимый учитель Лев Павлович Затопляев. Дом Льва Павловича и Зои Агафоновны для меня был всегда открыт.

Я с одноклассниками (справа налево): я, Аля Оргучинская, Люда Першина, Толя Гонохов, Ася Каримова, Люся Голоденко. 26 июня 1959 года в сквере на берегу реки Омки.

21.11.1960

Неделя прошла как обычно. Суббота и воскресенье оказались очень насыщенными. Посетил Капеллу им. Глинки. Впечатление самое приятное. Слушал органнй концерт в исполнении Марка Шахина. Надо отметить, что органов в Ленинграде всего два: один в Капелле, второй в филармонии. В концерте принимали участие Кира Изотова (сопрано), Борис Гутников (скрипка) и Инга Зверина. Очень близко воспринял пение Изотовой и скрипку. Познакомился с итальянскими композиторами Фрескобальди, Вивальди, Мартини и французскими – Сен-Сансом («Лебедь»), Гуно («Аве Мария»), Дебюсси... Ещё раньше посчастливилось прослушать Концерт для фортепьяно с оркестром № 2 Сен-Санса в исполнении пианистки Давидович и симфонического оркестра Всесоюзного радио и телевидения. Такой захватывающей и виртуозной игры мне никогда не доводилось наблюдать. Я был потрясён мастерством исполнительницы. В тот же вечер (2 ноября) оркестр исполнял Симфонию № 2 Прокофьева. Сначала я её не понял, но затем был захвачен порывом музыки.

11.01.1961

Чувствую себя перед сессией не особенно хорошо. Во-первых, в последнее время ухудшилось состояние здоровья (сдают нервы, болит голова). Во-вторых, получил от Людмилы письмо, в котором прямо говорится о нашем разрыве (подразумевается развод). Думаю, это сделано под впечатлением от моих последних писем. Игорь и Олег тоже глубоко переживают мои неурядицы. <...>

Лёве («папе») не отвечаю уже около двух месяцев. В последнем письме (32 страницы!) излил ему душу. Однако соответствующей реакции не последовало. Он воспринял это не так, как думалось мне. Пока не хочется ему писать, да сейчас и не до этого. Приеду в отпуск, обсудим всё, что накопилось на душе.

Веду почти идеальный образ жизни – почти не пью и вот уже который месяц ни с кем не встречаюсь. Говорят, что так жить глупо, но у меня свои взгляды на подобные вещи. <...>

Мать, обидевшись на последнее письмо, давно ничего не пишет. Сколько обид! <...>

Сегодня рассчитался полностью со всеми заданиями. Можно приступать к подготовке к экзамену. Как всегда, уверенности в том, что все экзамены будут сданы, нет абсолютно. Более того, в настоящий момент я оказался самым слабым из класса (правда, почти никто об этом не знает, но я-то чувствую), а посему, если в классе будет хотя бы одна двойка, то это у меня. Не привык я к такому положению, но тут ничего не поделаешь. Настроение можно поднять, а вот здоровье быстро поднять невозможно.

Поживём – увидим. Продолжаю, как всегда, надеяться, что фортуна-дура и на этот раз не отвернётся от меня.

Между тем, этот отпуск нужен мне, как никогда. Вот только не решил еще, поеду домой или нет. В создавшемся положении, когда дома сплошные обиды, и ехать-то не хочется. Но ехать надо.

Театральная жизнь по-прежнему остаётся ведущим звеном в моей жизни, хотя и залез из-за этого по уши в долги.

30.01.1961

Полным ходом идёт экзаменационная сессия. Прошло уже 3 экзамена. Опасения мои оказались напрасными, всё идет хорошо. Остались «электрические машины», а после него долгожданный отпуск. Отпуск! Как же я тебя жду!

Многое надо будет решить дома за эти 7 дней...

10.03.1961

Подведу краткий итог прошедших трёх месяцев.

Сессию сдал. Пришлось много волноваться и переживать. Но всё обошлось благополучно.

Поехал в отпуск. Вероятно, настолько устал, что не хотел ни ругаться, ни ссориться ни с кем. Оказывается, при желании это несложно. В отпуске со всеми помирился, зарегистрировал брак с Людой Голоденко.

10.03.1961

Приехал в систему. Назначен командиром взвода на 2 курс. Особого удовольствия от этого не испытал, но самолюбие удовлетворено. Ребята в роте в общем неплохие, но есть и такие, с которыми придётся хватить горя.

Увольнения провожу в семье Ушаковых. Сделаю всё возможное, чтобы по достоинству отплатить им за радушие и до-

Дома на каникулах. С мамой, сестрой Люсей (Людимилой Николаев-ной Медведевой, ее мужем Анатолием и их дочкой Леной).

бrotу, которые они проявляют при нашем приходе. Олега они вообще считают родным, а сейчас и ко мне стали относиться очень хорошо. Чувствуется искреннее чистосердечное отношение, а это самое главное. Такое нельзя забывать, если ты считаешь себя человеком.

Начал учиться игре в преферанс. Умнейшая игра, а я до недавних пор и не подозревал о её существовании.

Ни с кем не встречаюсь. Тяжело? Нет, со временем привык.

18.03.1961

Немного омрачают настроение служебные отношения. Допустил несколько оплошностей. Не совсем правильно поставил себя по отношению к подчинённым. Вначале всё шло хорошо, чувствовалось какое-то сближение. Сейчас же ощущается холодок. Что делать?

Во-первых, прежде чем наказывать, надо разобраться в совершённом проступке. Во-вторых, не злоупотреблять властью. В-третьих, добиться того, чтобы подчинённые видели в тебе не только «надзирателя», но и старшего советчика. В-четвёртых,

охранять авторитет старшин и вышестоящих начальников, какими бы «дубами» они ни были. Без этого не может быть здоровой дисциплины.

20.03.1961

На душе скверно. Отчего же?

Всё началось после подъёма. Надо было убрать снег, выпавший ночью, но людей для этого не выделили. Уборщики не пошли на проезд без старшего. Их записали. Позавчера и вчера также не обошлось для взвода без замечаний. А здесь ещё Лёха Гнездилов, старшина роты, под горячую руку начал разбрасывать сутки. И всего набралось 140 суток! Есть от чего расстроиться. Между прочим, я недолюбливаю его: производит впечатление держиморды, хотя и ростом небольшой. Наверное, первое слово, которое он произнёс, было слово «накажу». По такому принципу он и стал действовать. Он всё старается сделать сам, мало требует со старшин. Своими же действиями он только озлобляет подчинённых. Говорил ему об этом, прямо в глаза, но эффект пока небольшой. После его ухода, возможно, придётся принимать роту, если только не сгорю на чём-нибудь крупном. Это будет только после их перевода. Я же стал торопить события: облил его грязью перед командиром роты. Нехорошо. Зря я так поступил. Шевцов, может, и не придавал этому значения, но у меня на душе остался неприятный осадок. Дело в том, что сегодня Лёха объявил очень уж много взысканий. Он просто погорячился. Я мог спокойно доказать ему это с глазу на глаз, тем более что со мной он считается. Но я сразу сказал об этом командиру роты.

Самое неприятное, что Лёха при этом разговоре был выставлен в довольно неприглядном свете. В каждом поступке должен быть смысл. А чего же я добился? Ровным счетом ничего. Ребята могут подумать, что я так поступил, чтобы быстрее занять его место. Это не так, я не преследовал такой цели. Но ведь судят по поступкам, а не по словам. Оттого и испортилось настроение.

С взводом пока не получается наладить должный контакт. Возможно, из-за того, что стараюсь казаться хорошим и для подчинённых, и для начальства. Этого добиться чрезвычайно сложно. Надо быть общительным и гибким. К сожалению, этих качеств мне недостает. Надо вырабатывать.

Вчера у Ушаковых сильно поспорил с Владимиром Алексеевичем. Были затронуты тонкие, принципиальные вопросы. Тяжеловато ему пришлось. Однако свои позиции он отстоял блестяще. «Убил» широтой и глубиной своего мышления. Большой эрудиции человек, у него можно многому поучиться. И хотя этот спор я с треском проиграл, но остался доволен. Я ведь и не мечтал его выиграть. Это был мой первый сильный спор в их семье.

Вроде бы они приняли меня в свою среду. Замечательные люди. Вот кто может служить примером для нас, молодых. <...>

После отпуска прошёл месяц. Ни с кем еще не встречался, имею в виду вторую половину человеческого рода. Умно поступаю или глупо? Не знаю. Ясно одно: так жить очень тяжело. Чувствуется какое-то неудовлетворение. Хожу в театры, кино, музеи, смотрю телевизор, играем в преферанс. И всё равно чувство такое, что живу половинчатой жизнью. Сколько можно такое выдержать, заявлять определённо трудно.

28.03.1961

На душе непогода. Возможно, этому виновник ГК (гарнизонный караул), а может быть, что-то другое. Например, никак не забываются слова Шевцова: «Что-то глазки у вас в последнее время стали бегать». Как ножом резанул по сердцу. Обидно, но он частично прав. У меня неспокойна совесть по отношению к нему, что не замедлило сказаться на внешнем состоянии.

Дело в том, что сразу по приходу в эту роту (22-А) у него начались трения со старшинами. Именно по этому поводу и обратились мы к адмиралу Миляшкину по истечении месяца нашей работы.

Вот из-за этого сейчас и переживаю. Надо было честно все высказать Шевцову на партсобрании, а потом уже обращаться к начальству. Хотя я ведь говорил с ним, но в мягких выражениях. Он не понимает нас. И всё же мы не все методы использовали для воздействия на него (сомневаюсь, что был бы какой-то прок от наших разговоров), а надо бы. Он «тряпка», иногда его даже становится жаль. Когда он узнал о нашем разговоре с адмиралом, то даже вспотел весь. Не умеет владеть собой. Впрочем, и у меня внутренние переживания «лезут на рожу».

Если представится возможность, то Шевцов обязательно нам отомстит. Надо быть с ним собранным всегда, чтобы не по-

пасть впросак. С сегодняшнего дня изменяю своё отношение как к нему, так и к Л. Гнездилову. Надо быть самим собой, а не лезть по любому поводу в бутылку. Не надо форсировать события, как я пытался ранее. Из этого ничего не выйдет, кроме дополнительных неприятностей.

20:30

Одна из тяжёлых минут. Состояние, трудно передаваемое на бумаге. Отрешённость от всего, опустошённость и одиночество. Из-за плохого настроения поругался с Игорем и Олегом, и хотя был неправ, мириться не собираюсь. Ошибка следует за ошибкой. Хочу собраться и изменить отношение к окружающим, но пока не удаётся.

Всё из-за одиночества, именно оно так губительно сказывается. <...>

10.04.1961

Подготовка к параду. Подъём в 6:30. Снова командир роты поднимал некоторых командиров отделений. Сегодня был такой случай. По примеру своего старшины не поднялся Бобров В. После «принудительного» подъёма, минут через 15, подхожу к Сукачеву В. и предлагаю ему на всю катушку наказать Боброва, иначе это сделаю я сам. Как и ожидалось, он не рассчитывал на такое развитие событий. Смущённо попросил, чтобы наказал я, а если придётся наказывать ему, то он ограничится «последним» внушением. «Неудобно как-то, - молвил он, - лежали рядом, а страдать должен он один, тогда надо наказывать и меня». В общем, ограничился разговором с ним.

Вчера стоял начальником караула. Произошло два небольших ЧП. Первое: Кабаков А. (ст. 2 отд.) не пошёл на лекцию и решил отсидеться в караульном помещении. Надеялся, вероятно, на мою лояльность. Все уже поняли, что я не сторонник жёстких мер, а всегда стараюсь внушить человеку, что он поступил неправильно, и этим нередко ограничиваюсь. Расчётам его не суждено было сбыться. Позвал его к себе. Умный, развитый парень отлично понимал, что был неправ, но надеялся на благоприятный исход, думая, что он не первый, кто прогуливает лекцию. В общем, объявил 15 суток без увольнения. Справедливо. Вряд ли теперь кто-нибудь поступит так же опрометчиво.

Второй случай произошёл под конец смены. Меняли нас первокурсники. Нарушив инструкцию, самостоятельно пошли

на посты. Пришли и сказали, что всё в порядке, мои могут быть свободны. Те преспокойно пошли готовиться к увольнению. Вопиющее нарушение, если подойти здраво и по-уставному. Но прежде, чем пойти на афиширование нарушения, пришлось поразмышлять. Их наказание вызовет бурную реакцию со стороны некоторой части курсантов по отношению ко мне. Но и заниматься укрывательством, добиваясь таким способом ложного авторитета, тоже не в моих правилах. Я решил, что такое скрывать нельзя, и сейчас иду по этому поводу к ком. роты.

11.04.1961

Вчера было партийное собрание, от которого остался неприятный осадок. Дело в том, что я давно готовился к нему, хотел выступить с резкой, но справедливой критикой по отношению к некоторым товарищам и преподавателям. Но всё получилось не так, как я хотел. Выступали, в основном, офицеры, а мы слушали. Вопрос стоял об изучении марксистско-ленинской философии и ППР (партийно-политическая работа). Они так долго толкли воду в ступе, что на выступления курсантов и времени не осталось. Просил слова дважды, но оба раза предпочтение отдавалось преподавателям. Они как будто специально растягивали выступления, хотя и призывали высказывать им свои замечания.

Выступали, в основном, «штатные ораторы», и говорили не то, чего от них ждали курсанты, а то, что хотело бы услышать начальство. Возмущённый всем этим, я попросил слова и сделал резкое замечание по ходу ведения собрания. Слишком резко у меня это получилось. Надо было рассказать, несмотря на недостаток времени, обо всем наболевшем и завершить речь этим резким замечанием. А так оно прозвучало, как личная обида. Большинство подумало обо мне как о зарвавшемся мальчишке. А я ведь не такой.

Хочется быть лучше, чем я есть сейчас. Раньше безропотно смирялся с различными нарушениями, если это меня не касалось. Такой период продолжался год или полтора. Но это неправильно. К такому выводу я пришёл после долгих размышлений. Прийти к какому-то выводу – это одно дело, а действовать – совсем другое.

Когда наталкиваешься на холодное равнодушие и даже на антипатию со стороны значительной части товарищей, то даже

если чувствуешь себя на 100% правым, всё равно становится не по себе. В таких случаях обычно поддержки ни от кого нет. Странное дело – у нас на каждом шагу случаются нарушения, но они быстро заминаются. Считается, что иначе нельзя, так как рота-то передовая – отличная рота. А сколько недостатков повседневных! И подавляющее большинство проходит мимо, абсолютно ничего не замечая. А люди готовятся к такой благородной профессии. Между прочим, редко здесь услышишь, чтобы человек готовил себя к флоту. Значительно чаще говорят о том, как бы устроиться в НИИ или в конструкторское бюро. Именно этим обусловлено нынешнее положение дел, когда никто ничего не хочет делать, каждый дрожит только за себя.

К примеру, взять вчерашнее собрание. У нас самоподготовка проходит безобразно, а подняли ли этот вопрос старшина класса или парторг, я уж не говорю о рядовых членах? Все как будто опутаны паутиной, которая мешает совершать настоящие поступки.

Люди будущего! Люди, которым вплотную предстоит заниматься строительством коммунистического общества, демонстрируют такую бездеятельность и неверие в свои силы. Неужели все такие? Нет, нет, и ещё раз нет! Не хочется верить, что вся молодёжь настроена так примиренчески к нарушениям и недостаткам.

Но в чём дело? Почему к нам попали именно такого склада люди? А может быть, только мне так кажется, потому что я сам – отрицательный тип? Много вопросов теснится в моей горячей голове, и все требуют ответа.

15.04.1961

Только что слушал Артура Айданияна. Аккомпанировала Ирма Юдина. Вначале она исполнила Скерцо № 2 Шопена и Венгерскую рапсодию № 12 Листа. Хорошо играет. Но вот воспринимаю пока плохо. Ухожу в свои мысли, отвлекаясь, да и оттенки музыки пока труднодоступны. Во время исполнения думал о летнем отпуске.

Произошло грандиознейшее событие нашей эпохи – взят космос!!! Все ждали этот день, готовились к нему, и всё же полёт Ю. Гагарина оказался для всех неожиданным. По поводу этого события факультет был собран на митинг, на котором мне предложили выступить от своего курса. Посоветовали произнести

пламенную речь. Готовился целый час, что-то получилось. Но все говорили как-то по-будничному, а моё выступление прозвучало, наоборот, слишком возвышенно, а таких речей курсанты не любят. Хотелось выступить как можно естественней и лучше, а на деле остался на сердце горький осадок.

Ошибка состояла и в том, что заглядывал в свои наброски, получалось, что читал чужие слова. Делаю вывод: надо стремиться к тому, чтобы при выступлении не пользоваться записями, особенно если речь короткая и должна прозвучать взволнованно.

Вчера начфак собрал всех старшин. Подводился итог работы командиров отделений за последнее время. Перед всей ротой поставил меня в пример. Небольшой успех, так как ещё совсем недавно он сомневался в моем назначении. Но вот выступил я неважно. Получилось так, что занимался саморекламой. О тебе должны говорить другие. Ты же должен говорить о чём угодно, только не о себе. Иначе тебя сочтут выскочкой и нескромным. Надо учесть.

Пока не удаётся справиться со своим языком, много он болтает лишнего. Какой прок от того, что высказываешь налево и направо правду и колкости? Только портишь настроение людям, да и себе иногда. Надо действовать так: если недостатки человека не вредят тебе, а главное, обществу, надо мириться с ними. Я же добиваюсь своей правдой только того, что оппонент озлобляется. Кроме того, болтаю много глупостей, а иногда ради спора начинаю нести всякую ахинею. Ладно, если б у меня были такие убеждения, тогда полбеда, а ведь дела обстоят не так. Чувствую, что скоро зачислят в разряд идейных. Попробую поступать так: прежде чем что-то сказать или ответить, посчитаю до пяти. Этого времени должно быть достаточно, чтобы обдумать то, что собираюсь сказать.

Заниматься так и не хочется. Как пошло с первого курса, так и продолжается. А жаль. Уже сейчас сознаю в этом большую ошибку. Как сильно всё зависит от стечения обстоятельств: не поддайся я лени на первом курсе, весьма вероятно, что давно уже был бы отличником. Ведь данные для этого были. А теперь приходится дрожать каждую сессию. Сейчас уже на всё махнул рукой...

Странные, между прочим, мы друзья – я, Олег и Игорь. Почему-то кажется, что разведемся и вспоминать друг друга будем

редко. Вот только если родители Игоря сыграют здесь положительную роль.

Заметил, что не могу правильно и толково говорить с личным составом. Занимаюсь «тягучкой» и «накачиванием». А я сам когда-то бунтовал против этого! Всё-таки много даёт старшинская практика. Счастье моё, что так повезло. Надо и здесь серьёзно готовиться к своим выступлениям, а то и им скучно, и мне мучение.

Селезнёв нарушил дисциплину: фактически не выполнил приказ. Снова стал отпрашиваться с утреннего осмотра в санчасть, хотя мог сходить и заблаговременно. Он спросил разрешения – я отказал. И этим ограничился. Когда же он попытался мне что-то доказать, в конце заявив: «Всё равно пойду», - я всё пропустил мимо ушей, только уточнив, что на осмотре надо быть обязательно. Уже тогда я в душе почувствовал, что он не придёт. Так оно и вышло. Нарушение, причём довольно существенное. Но его могло и не быть, если б не моё себялюбие. Мне надо было или доказать ему, что он не прав, или отпустить. Вообще принципиальной постановки вопроса надо, по возможности, избегать. Здесь же люди, с которыми почти всегда можно договориться. Если действовать исключительно по принципу «Я приказываю, а ты выполняешь», твой подчинённый может только озлобиться. Дисциплина сама по себе является методом принуждения, но пользоваться им надо тактично.

Нельзя забывать и о методе поощрения. Вот тот же к-нт Сёзёмов считался очень недисциплинированным товарищем, мне его бывший командир взвода характеризовал с самой негативной стороны. Вскоре после того, как мы пришли в их роту, на него было наложено два взыскания. Ох, как он взъерепенился! Но поведение осталось без изменений. Хуже даже, появилось нездоровое отношение к учёбе и к службе, пошли разговоры о том, что летом обязательно демобилизуется, поэтому ему на всё наплевать. Но ведь этот курсант только на третий раз поступил к нам в училище, значит, хотел поступить. В чём же причина такой резкой перемены мнения?

Причина оказалась простой. До этого он учился в Гатчине, и там всё было нормально. С момента перехода сюда, всё у него пошло наперекосяк. Схватив сразу несколько фитилей, попал на заметку старшинам и командиру роты. Прошло ещё немного времени, и он уже стал козлом отпущения. А у нас часто так

бывает, что навалятся на человека, обливают его помоями до тех пор, пока над ним холмик не вырастет. Характер же у него тяжеловатый, часто лезет на рожон.

Убедившись, что взыскания не помогают, я решил использовать другой подход. Стал чаще с ним беседовать. Стараясь хотя бы в щёлочку заглянуть в это «тёмное царство». Частично это удалось. Во-первых, надо внушить ему, что ты для него являешься командиром, но можешь не только приказывать, но и держать слово, то есть заботиться. Во-вторых, доказать, что в большинстве вопросов ты разбираешься лучше него. Не надо кичиться своими командирскими правами, злоупотреблять ими. А самое главное, нельзя отдавать глупых приказаний.

Беседовали мы много. Иногда коробили его слова, но ни разу я не повысил голос. Между прочим, вежливое обращение иногда выбивает из колеи самого отъявленного горлопана. Хотя воинский устав не предусматривает слишком культурного обращения с военнослужащими, это неправильно. Вежливое обращение приносит только пользу.

Вернёмся к грубости Сезёмова. Я старался противопоставить ей своё воспитание. Да и не только ему. Нередко приходилось краснеть из-за этого Поддубному, Никитину, Бирюкову. И хотя Сезёмов пытался показать, что на него мои речи не действуют, внутренне я чувствовал, что это не так. Особенно запомнился разговор на тему его ухода. Лично я не поменял бы свою будущую профессию на другую, поэтому этот разговор для меня не был трудным. Разговор проходил не в форме поучений, развернулась полемика. Пункт за пунктом я крошил фактами его гнилую теорию. Не заметил, как пролетели 1,5 часа. Надо не бояться споров и дебатов (в свободное время), а наоборот, вызывать на них. На спор вызвать легче, чем на откровенную беседу. А поставив конкретную задачу, узнать из спора можно многое. Но бойся вести спор по тем вопросам, где ты недостаточно твёрдо себя чувствуешь.

Сейчас матрос пошёл сообразительный и умный, соответственно, и офицеры должны быть более эрудированными, чем десять лет назад. А это наблюдается не всегда. Уровень общей подготовки офицеров не отвечает требованиям жизни.

И снова Сезёмов. При случае решил снять с него взыскание. Такой случай подвернулся. И это его подтянуло лучше, чем наложение наказания. Когда же я добился, что он смог

пойти на день рождения с другом на ночь, вопреки желанию его командиров, то дело совсем пошло на лад. Он понял, что о нём заботятся, и никто умышленно притеснять не собирается.

Да, большую роль в его воспитании сыграл комсомол, бюро роты и особенно класса. Надо было немного им подсказать, и всё оказалось в порядке. На бюро его здорово пропесочили. Но это не всё. Он всегда заявлял, что ведёт себя нормально, товарищи претензий к нему не имеют, а то, что конфликтует со старшинами, так на то они и командиры, и вряд ли он когда-нибудь найдёт с ними общий язык.

Здесь же вопрос стоял сложный. Надо было доказать, что страдает весь его коллектив. И вот на неофициальном собрании ребята задали ему перца, чего он никак не ожидал. Пришлось задуматься и сделать кое-какие выводы. А поскольку вообще-то парень он неглупый (любит спорт, участвует в редактировании газеты, преуспевает в учёбе), выводы он сделал правильные.

15.05.1961

В моей жизни произошёл чрезвычайный случай: «заложил» к-нта Поддубного, что тот был вчера в самовольной отлучке. В роте сложилась обстановка, когда от моего мнения зависит почти всё. Принципиальность не позволила мне пойти на сделку с совестью. Вопрос надо было решать, исходя из целесообразности для всего коллектива. Лёха мог бы этот случай прикрыть, и тогда, с одной стороны, мы выиграли бы. С другой стороны, наши потери были бы намного серьёзнее. Раскрою последнюю мысль. Этот к-нт заявил нам сегодня (не в первый раз), что учиться ему здесь не нравится, дотянуть бы до лета и смотаться на «гражданку». Следовательно, училищем он не дорожит, а тем более честью курсанта. Тем самым он оказывает отрицательное влияние на весь коллектив.

Он «работает» на пару с Сезёмовым. И странное дело, последний значительно младше Поддубного, но это не мешает ему быть заводилой во всём, причём чаще в дурных поступках. Этих дружков связывает общая цель – уйти из училища, о чём они твердят везде и всем. Они не просто болтуны, как я вначале подумал. Они – паразиты, у которых смрадное нутро, хотя внешне стараются казаться другими. Ясно, что они отрицательные типы для общественности.

Сезёмова уважают, но не как Человека, а как шута, который любит позлословить и высмеять начальство, а часто и своих товарищей-неудачников.

Исходя из всего этого, я и принял столь суровое решение в отношении Поддубного. Придётся выдержать борьбу с «лоялистами». Особенно остро среагировал на происшествие мой взвод, да этого и следовало ожидать: курсант-то их. Задача сейчас стоит трудная: разрядить обстановку, причём в свою сторону, а иначе... Что будет, посмотрим.

16.10.1961

В вопросе с Поддубным я остался в дураках. Обозлились и второкурсники, и свои же парни. Доложили обо всём ком. роты, тот – начфаку. Однако и тот, и другой побоялись выносить сор из избы. Объявили Поддубному 2 недели без увольнения с формулировкой, кажется, «за нарушение распорядка дня». Имел по этому поводу 1,5-часовую беседу с В. Дмитренко. Он прав – надо дать Поддубному «сгореть» самому. А после отпуска он всё-таки списался. <...>

Итак, рекомендации все собраны (речь о вступлении в партию). Одну дал Чопик, вторую Жуковский, а третью Носов. Большой моральный вес имеет первая. Как-то сразу стало легче дышать.

Окончательно понял, что ни с Игорем, ни с Олегом крепкой и долгой дружбы не будет.

Новая техника не оттолкнула. Мандраж сначала проявился, но страха не было. Бросилось в глаза количество недоделок. Предстоит напряжённая работа.

27.11.1961

Угнетает духовное одиночество.

Кажется, я куда-то качусь. Постепенно отхожу от своих друзей (Игорь и Олег). Угнетает пустота и неудовлетворённость жизнью. Что пока держит на поверхности? Пожалуй, вера в более светлые времена. Не вечна же ночь, даже полярная. Но что-то она затянулась...

29.11.1961

Всё ещё лихорадит. Стараюсь петь, всегда чем-нибудь заниматься. Чувствую, это немного помогает. Не могу работать

над материалом. Садись за расчёт, будто бы ничего, но минут через тридцать начинаются боли. Записал пару лекций, но вряд ли из них можно извлечь пользу. Стараюсь внимательно слушать лектора. Вроде бы думаю только о том, что он говорит, но в записях чувствуются провалы и бессвязность. Тем не менее, появляются признаки хорошего настроения и аппетита, как было когда-то.

Приехала вмузовская (военно-морское учебное заведение) комиссия. Как у Гоголя – приехал ревизор. В это время относительно спокойная жизнь сменяется бурными аврами. Все мечутся, все боятся. Если бы порядок и сознательная дисциплина поддерживались постоянно, то меньше было бы суеты и очков-тирательства, прикрытия всех грехов и творящихся безобразий внешним блеском и порядком. К авральным работам привлекаются все офицеры училища. Если же разобраться объективно, то картина получается неприглядная: дисциплины нет, а порядка в училище всё меньше с каждым годом. Выпускникам и то это очевидно, когда вспомнить 1957-1958 годы. А что уж говорить о самих офицерах? В чём же дело?

Строевые командиры никогда не будут пользоваться должным авторитетом у курсантов, потому что по своему положению и образованию они не понимают нас. Нужны офицеры-инженеры, имеющие богатый практический опыт на флоте и опыт воспитания военной молодёжи. Командиры рот в большинстве не отвечают требованиям военного педагога. Не с кого брать пример, вот в чём большая беда. Если в стране взят курс на сознательность, то у нас всё осталось по-прежнему. Как и ранее, торжествует метод принуждения. Отсутствует дифференцированный подход, хотя о нём сегодня и много шумят. За всё время обучения командир роты вызывал меня по личному вопросу всего два раза: когда знакомил с отрицательной аттестацией (совершенно необоснованной). Я её читал, он спрашивал, всё ли мне ясно и готов ли я сделать соответствующие выводы. Я смотрел на него, подписывался и с глубокой обидой в душе выходил из кабинета.

Когда через несколько месяцев пришло ЦУ (ценное указание) о пополнении рядов партии, он же написал мне отличную рекомендацию. Хотел пойти в партком, но не пошёл. Когда у меня произошли крупные семейные неприятности, он вызвал и сказал: «Ну, докладывай, а то мне надо начальство информи-

ровать». Пролежал в госпитале месяц (вопрос стоял о демобилизации). Вернулся. Встретил он меня: «Ну как, вылечился? Как самочувствие?» – «Ничего». – «Ну и хорошо. Заходи, если потребуется».

Отличная рота! Командир сейчас пользуется авторитетом. А какой ценой это достигнуто? Никто и не вспомнит о тех шестидесяти курсантах, которых списывали налево и направо. А сколько среди них было настоящих ребят!

Настроение офицеров в связи с демобилизацией отражается на настроении курсантов. Нет уверенности в будущем, и поэтому утрачивается лучшее качество курсантов: патриотическое служение (в самом широком смысле). Нет стимула в учёбе. Думаю, если бы сделали для отличников (лучших курсантов училища во всех отношениях, а не только в учёбе) внеочередные отпуска и увольнения и ещё кое-что, это пошло бы на пользу дела.

Приехала комиссия. Все к месту и не к месту пугают инспектирующими лицами. Несколько раз с подъёмом старшины роты орали, чтобы быстрее поднимались и бегом на зарядку – идёт, мол, комиссия. Но никто не приходил.

02.12.1961

Комиссия устроила сбор парторгов. Наш не поднял вопросы, озвученные ребятами – об очковтирательстве, о зарядке. Выступал от себя, а не от роты. И в классе услышал обвинения в свой адрес: «Если не умеешь выступать, то есть правильно выражать свои мысли, то лучше вообще не выступать».

Прочитал «Моя жизнь» Махатмы Ганди. Это человек, чьи принципы руководствуются жители Юга (Индия, Африка и т. д.). Как религиозный человек и вегетарианец он мне совершенно чужд. Но его самоотречение от многих соблазнов, сила воли, энергия, настойчивость в достижении жизненных целей, конечно, покорили.

Если бы его теория о ненасилии получила признание во всем мире, то войны никогда не угрожали бы человечеству. Однако ненасилие должно быть активное, а не толстовское. У него же второе имеет немаловажное значение. В отношении любви, сознательности, доброты есть дельные мысли. И когда-нибудь они должны восторжествовать.

06.12.61

От мальчишек (Игорь и Олег) отдаляюсь, это уже ясно. Особо и не жалею. В их безграничную дружбу давно уже не верю. Строить же отношения из-за материального положения (квартира, возможность хорошо покушать-выпить, семейная обстановка) мне неприятно. После увольнений, когда весь их смысл сводился к хорошему ужину с вином (редко получалась толковая беседа), к телевизору да изредка к пульке, у меня оставалось чувство неудовлетворённости. Такое времяпрепровождение – чистое мещанство. Тянуло к дискуссиям, к задорной молодёжной обстановке, но такую среду так и не нашёл.

Взгляды В. М. на развод и высказывание суждений в мой адрес также не способствовали непринуждённой атмосфере. Ушаковы – хорошая семья, но победить скованность я так и не смог. С разводом же она ещё больше усилилась. Возможно, сказала моя мнительность, но всё чаще стал думать, что меня здесь встречают (терпят) только ради Игоря, думая, что мы действительно друзья.

Одно время я действительно считал его своим другом. Но когда стал разбираться, на чём основана эта дружба, то ничего приятного не нашёл. Раньше нас (всех троих) сближала общность настроений, мыслей. Первым стал замыкаться в себе и отделяться общими фразами Олег (наверное, он всю жизнь будет перестраховщиком). Потом – Игорь.

Вероятно, поумнели, многое стало понятней. Разговоры стали вестись реже и, наконец, вообще прекратились. Оборвалась нить, которая связывала меня с ними. Друг друга стали понимать хуже, да это и естественно, если в отношениях появляется скрытность.

И всё-таки я навсегда останусь честным, прямым и открытым. Никогда не буду вилять душой. А вы живите, как хотите, если возвращены в обмане, ханжестве, без веры в доброту и порядочность. Чёрт с вами.

Я горжусь, что нет в мире человека, которому я не мог бы честно посмотреть в глаза. Никто не сможет назвать меня обманщиком и подлецом. Это ли не величайшее жизненное счастье!

Но где встретить такого же человека? Где он? Как найти человека, с которым можно было бы жить и работать в таком духе?

02.12.61

Приняли в партию на партийной комиссии училища. Шёл туда, переживая. Перед собранием ещё раз пересмотрел документы, которые врезались в память, наверное, навечно. Меня переполняло приподнятое, радостно-волнующее чувство. А когда вышел оттуда (находился там минуты три), на душе стало как-то пустовато и обидно. Слишком уж формально и быстро совершается этот акт. А ведь накануне я написал стихотворение, в котором сравнил день приёма в партию со вторым днём рождения. Хотел даже послать в газету. Вечером перечитал, разорвал и выбросил...

09.12.1961

Неделю назад подал рапорт об отстранении от должности командира отделения. Желание удовлетворили. Цель я преследовал простую – чтобы меньше трепать нервы. Кажется, на деле получится не так. Раньше я сам себе был командиром. Это откладывает отпечаток на характер. Не находиться в центре жизни тоже не совсем хорошо, даже тяготит. Придётся привыкать к новому положению.

Странное дело, вышел из госпиталя в довольно плохом состоянии, однако вместо того, чтобы обратить внимание на мою учёбу, начальство заботится лишь о том, чтобы я строго и беспрекословно выполнял распорядок. Только в этом видят своё назначение, а не в том, чтобы оказать помощь хотя бы добрым советом, не говоря уже о большем. Значит, надо рассчитывать только на себя. Другим же, в основном, нет дела, если ты попал в беду. Нет, они шевелятся, если случается катастрофа, но вот для того, чтобы предотвратить её, часто палец о палец никто не ударят. Правда, за прямой помощью пока ни к кому не обращался. Думал, сам справлюсь. И потом, обидно бывает, когда обратишься к одному, другому, тебе что-нибудь ответят и сразу утыкаются в свои дела, а тебе, может, ничего не ясно. Каждый занят собой и до других дела нет. Возможно, считают, что раз не маленький, сам справишься. А голова у меня тяжёлая, от былой работоспособности не осталось и следа.

Подошёл партгруппорг. Поинтересовался состоянием дел, спросил, не нужна ли мне помощь (контроль). Согласился. Нужен толчок со стороны, чтобы вывести себя из того состояния, в которое попал.

18.12.1961

Это произошло в субботу. Построились на увольнение под аркой. Начфак начал проверять содержимое чемоданчиков. Раздался голос: «Как в концлагере!» Начфак: «Выйдите из строя. Уволены не будете. Вы политически опасный человек». Голос из строя: «За что? Нельзя ли разобраться в понедельник?» Начфак начал отчитывать нарушителя на повышенных тонах. Из строя – ответная реакция. Начфак действительно позволил себе много лишнего и не видит разницы между первокурсником и курсантом 5 курса.

Ушли на парадный двор. Здесь начфак держался уже по-другому. Ребята были возмущены, все горели. Начфак это понимал и начал потихоньку отматывать ситуацию назад. Мы пытались доказать, что с глупыми (необдуманными) репликами мы можем справиться и сами. Всё же отличная рота, больше 50% – коммунисты... У нас все вопросы стараются решать строевым методом.

В субботу говорили, что в понедельник на партсобрании надо обязательно обсудить произошедшее, но, как и предполагалось, за выходные все успокоились. И всё же со стороны коммунистов допускать подобные ситуации не следует.

Парторганизация должна играть важную роль в жизни человека. Это большая сила, роль которой часто (особенно в военной организации) незаслуженно принижают.

На практике произошёл такой случай. Офицеры Жуковский (3-я рота) и Разумов (2-я рота) не совсем правильно поняли роль руководителя практики, из-за чего начались серьёзные разногласия с курсантами. Суть их заключалась в том, что не были созданы нормальные условия для прохождения практики, а требования предъявлялись серьёзные. В результате получился конфликт, который, однако, не стали раздувать, а поступили более умно. Среди нас было 9 кандидатов и членов партии, вот мы и решили провести партсобрание с повесткой дня «Итоги прохождения практики» и пригласить на него этих офицеров. Протокол же собрания решили довести до сведения парткома.

В итоге Жуковский и Разумов приложили усилия, чтобы собрание не состоялось, но для этого им пришлось каяться перед нами в течение двух часов.

25.12.1961

Вчера был в патруле. Произошёл нехороший случай. Задержанный подполковник не хотел садиться в машину. Несколько прохожих остановились. Возмутительно вели себя девчонки (17-20 лет) и два парня (18-21 год.) Кривлялись, отпускали словечки: «Эсэсовцы! Вы не у себя в казарме, где над солдатами устраиваете террор. Прошли те времена!» Хотя это говорили молокососы, но всё равно неприятно. Да, авторитет военных падает всё ниже...

Подбросили ещё нарядов. Подсчитали, что я нёс на один наряд меньше, чем все. Но не учли, что я долго лежал в госпитале. Однако это никого не волнует. Снова (в который раз!) убеждаюсь, что во взглядах превалирует эгоцентризм. Никому ни до кого нет дела. Тот же парторг класса Ефимов А. на бюро и общем собрании легкомысленно заявил, мол, поможем, выделим людей, но слова так и остались словами. Вместо того, чтобы помочь мне честно выбраться из клоаки, они выбрали путь обмана. Зачёты получить не проблема, но вот каким путём – это вопрос. Приходится идти на всё... Впрочем, за пять лет я привык. Много обмана, правда, мелкого, но он заполняет минуты, из которых складываются часы, сутки...

Зима началась большим снегом. Нас это мало волнует, но младшим курсам достаётся. Вызывают на расчистку железнодорожных путей, тротуаров, причём и в субботу, и утром в воскресенье. Не считая уборки больших дворов. Снег для курсантов – неприятная штука. Он до того надоедает на младших курсах, что с началом снегопада тошнота подступает к горлу.

29.12.1961

В среду отобрал увольнительную капитан 2 ранга Колосов за нарушение формы одежды – растёгнутый крючок воротника. По училищу он позвонил немедленно, причём доложил, что я в «растерзанном» виде, не понравилась и походка! И вдобавок обвинил в грубости. В чём дело? Вышли мы втроем из магазина. Навстречу идут два офицера. Поприветствовали честь честью. Вдруг: «Товарищ курсант, идите сюда!» (довольно грубо). Подошёл. «Вашу увольнительную!» – «Разрешите узнать, в чём дело?» – «Прекратите немедленно разговоры! Вы из училища Дзержинского?» – «Да, из училища Дзержинского», – протягиваю ему увольнительную. «Отправляйтесь немедленно в учи-

лице и доложите, что у вас отобрали увольнительная за нарушение формы одежды» (резко и грубо). – «Скажите, в чём это выражено?» – «Расстёгнут крючок, и приведите себя в порядок». – «Да, но у меня...» – «Прекратите разговоры! Ступайте!»

Поплёлся я, как мокрая курица, обратно, ощущение было такое, будто ведро помоев вылили на голову.

Дежурный по училищу охарактеризовал Колосова как страшного формалиста, до педантизма. Со стороны 5 курса ему предъявлялись претензии, что он не приветствует курсантов. Вот, видимо, Колосов и решил отомстить. Как сказал один из преподавателей, придётся с ним поговорить ещё раз.

Был у нас и такой случай. Сизова забрал патруль за не надраенные пуговицы. В этот день был сильный туман, а Сизов не-

А зимой свободное время курсанты проводили и так.

сколько часов находился на улице. Однако такое объяснение не удовлетворило офицера. Сизова забрали в комендатуру, подстригли, а затем заставили командовать взводом из 30 человек в течение 4 часов. Вдобавок на него накричали вначале и перед уходом.

Перед тем, как отпустить задержанных, всех осмотрели. Те, кому сделали замечания по форме одежды, устранили их. А Сизов ничего не делал. За 15-20 минут в помещении влага на пуговицах высохла, и они опять заблестели. Возмущённый такой бестактностью, он написал письмо в Главное политуправление флота. Через некоторое время пришёл ответ с требованием разобратся. Провели собрание, на котором признали, что случай такой имел место, виновные наказаны.

Неужели всегда надо обращаться в Главное политуправление, чтобы доказать свою невиновность? Некоторые офицеры злоупотребляют своим положением и вступают на путь формализма и буквоедства.

Галлиев на 3-м курсе был уличён в воровстве: украл у товарища часы. Поднялся большой шум. Кто-то выложил на его кровати слово «вор». Начальство усмотрело в этом нарушение принципов товарищества, и была сформирована комиссия с целью выявления зачинщиков. А какой он нам товарищ, если так поступает? Тамбовский волк ему товарищ.

На бюро факультета спросили Новикова, как он относится к проступку Митченко. Станный метод работы у наших политработников. Вместо того, чтобы вызвать курсанта и во всём разобратся детально, они начинают его обсуждать. Так случилось и с Сизовым. Когда узнали, что его вызывают к начальнику училища, то для перестраховки поспешили наложить взыскание. Адмирал же вызвал его для того, чтобы сказать, что поступил он верно, не оставив несправедливость без последствий.

Из воспоминаний о практике. Курсант Мочалов оставил автомат под кроватью, сменившись с караула и спеша в увольнение. Казалось бы, грубейшее нарушение, если подойти формально. Но, как подчёркивал Наполеон, каждый командир должен быть тонким психологом. Я учёл, что Мочалову служба даётся тяжело, ему приходилось много работать в последних классах средней школы. Больная мать осталась дома. Нелады с учёбой. И по службе не обходилось без взысканий. Всё это создавало почву для нервозности. Формалист мог бы сделать для

него жизнь в училище невыносимой. С ним часто приходилось беседовать, и нередко, когда надо было наказывать, я ограничивался разговором. И внимательно следил за ним, поддерживал. Чувствовалось, что он меняется, становится более собранным, менее грубым.

И здесь такой проступок. Обидно было, но горечь пришлось пересилить. Разговаривал с ним минут 40-50. До конца семестра он ничем не отличался от дисциплинированных курсантов.

Другой случай, упомянутый ранее. Хороший парень, старослужащий Кабанов не пошёл на лекцию, а провёл это время в караульном помещении. Я был как раз начальником караула, он этим и воспользовался, зная, что у меня сложились хорошие отношения со взводом. Хотя 224-й класс и считался самым трудным и разболтанным. Дело в том, что их перевели из Гатчины, а здесь они учиться не хотели. Причём отношения наши строились не на панибратстве, а на взаимном уважении. Наказывать минимально, уважать подчинённых, исключить случаи несправедливого наказания – вот принципы работы.

Так вот Кабанов подумал, раз хорошие отношения, то этим можно воспользоваться, я его прикрою. Но я разгадал его замысел. В такие моменты надо быть принципиальным. Иначе должного авторитета не добиться. Вот и на этот раз вызвал его к себе, доказал, что поступил он плохо. Как оказалось, он так и рассуждал, как я думал. В итоге наказал его на полную катушку – 3 недели без берега. Вот что он мне на это ответил: «Знаешь, командир, обидно, что получил суровое взыскание. Но на тебя обиды нет. Потому что ты всегда сначала разберёшься, а потом уже фитиль бросаешь, и никогда не наказываешь зря, как Гнездилов, который рубит с плеча, пользуясь тем, что у старшины роты прав много».

Иногда командир роты является тормозом в наведении порядка. Нередки такие случаи, когда старшина роты справедливо наказывает курсанта, тот идёт с жалобой к командиру, а он наказание отменяет. Нередко и вышестоящее начальство смягчает взыскание, чтобы представить факультет в лучшем виде. Дело в том, что по количеству взысканий комиссия судит о положении дел и работе офицеров.

Вот характерный случай. Курсанта поймали в самовольной отлучке. А наказали за... нарушение распорядка дня. Лишь бы избежать осложнений. Но такие методы воспитания порочны.

Сегодня такой курсант ушёл в самоволку по личным соображениям, а завтра может дезертировать.

Был командиром отделения на своем курсе. Приняв скоропалительное, пожалуй, решение, ушёл. Раньше сам следил за порядком в отделении, но следил формально: каждый сам понимает, что от него требуется. Это не первый, а пятый курс.

Когда же ушёл из командиров, то попал к Евсеенко, который считает, что за каждым нужна нянька. Идиот! Он считает себя на голову выше других. Это неправда, почти каждый из нас может быть командиром, тем более что до офицерского звания осталось меньше года. Чрезмерная опека чревата пагубными последствиями, так как снижается самоконтроль. Курсант привыкает делать всё только по указке. Он будет ходить заросший, небритый, с грязным подворотничком, если командир не сделает ему замечания. Нельзя человека превращать в робота. При современной военной технике от каждого офицера требуется инициатива и уверенность в себе. И эти качества должны формироваться в стенах училища. У нас же нередко к курсантам относятся одинаково, будь они на первом курсе или на пятом.

Правильно начфак говорит, что устав для всех одинаков, это не подлежит обсуждению. Устав определяет форму отношений между военнослужащими в повседневной жизни. Однако за формой всегда кроется содержание. В руках опытного офицера-методиста устав является тонким инструментом руководства. В руках же формалиста он превращается в догму. Марксистско-ленинская философия определяет, что всегда главным является содержание, а не форма. С высокой трибуны XXII съезда отмечалось, что инициативе масс в нашей стране уделяется всё больше внимания. Военные организации всегда являлись и являются наиболее консервативными в отношении всяких новшеств. Однако перед нами, молодыми офицерами, стоит большая и благородная задача – поднять на высокий, отвечающий требованиям дня, уровень работы партийных и комсомольских организаций с тем, чтобы полностью искоренить жуковщину в методике работы, вести непримиримую борьбу с формалистами и очковтирателями.

Случай с Сезёмовым. Грубил всем, начиная с командира отделения и до начфака. Неоднократные беседы приносили не слишком ощутимый результат. Он видел героизм в том, что «бунтует» против командиров, а молчание товарищей расцени-

вал как одобрение его поступков. Когда старшина класса или комсорг говорили ему, что своим поведением вредит своим же товарищам, тот отмахивался – мол, это вы говорите, а остальные-то молчат. Мобилизовали членов бюро, актив. Каково же было удивление Сезёмова, когда на собрании один за другим курсанты стали задавать ему резкие вопросы. В результате вся спесь была сбита.

02.01.1962

На Новый год не было правительственного поздравления. Левитан зачитал обращение, и всё. А мы его ждали. Вероятно, это верно в отношении всей страны. Плохо.

Читаю Хлебникова. И в нашей жизни нужны подобные «экспериментаторы». А то всё течёт очень уж тихо и повседневно. Лирика занимает главенствующее положение. Прекрасное же рождается в борьбе, а таковой в данный момент почти не наблюдается, по крайней мере, в печати.

Интересный случай. В клубе на вечере сняли новогоднюю газету. Как оказалось, одному из старших офицеров не понравилась заметка о том, как один лейтенант, находясь в обществе девушек на пляже, разбросал свои вещи куда попало. И часть из них развесил на деревья. «Непорядок! Разве этому его пять лет учили в училище? Снять!»

03.02.1962

Сегодня был в концертном зале на тематическом вечере «Произведения и жизнь Никколо Паганини и его современников». С жизнью композитора знаком давно, а вот его произведения слышал немного. Надо будет купить его Концерты №1 и №2, а также посмотреть «Тарантеллу» Листа. Концертом остался доволен.

С пугающей остротой чувствую, что времени на всё задуманное не хватает. Как жаль! В чём же начать себя ограничивать? В учёбе дальше уже некуда. Надо подумать.

Зачёты начинают давать о себе знать. Холодно невозмутим – посмотрим, как всё обернётся.

Целых 11.70 надо платить за книги. Расстройство, конечно, но это необходимо. Не в моих принципах жить только сегодняшним днём. Из дома высылают деньги на питание, да ещё «папка» подбрасывает. Но они уходят, в основном, на другое –

книги, театры, кино. Кстати, надо будет пройти по букинистам, там наверняка можно что-то подобрать из интересующей литературы.

04.02.1962

Всю ночь спорил о какой-то рецензии. С кем? Тоже не помню. <...>

Шлей сказал, что мы иногда уподобляемся тем, кто с кривой рожей смотрит в зеркало и ругает его за своё отображение. Я ему возразил: «Иногда бывает наоборот: сколько бы ни смотрелся в кривое зеркало, своего настоящего изображения не увидишь». Мы поняли друг друга.

Это произошло на физо (физподготовка), проходил зачёт, который принимали с большим пристрастием. Ведущий наш преподаватель был на сборах. Я выехал на прошлых заслугах. За час смог сдать почти всё, затем пошёл к Пушечкину, попросил разрешения не сдавать «УФУ» и практику. Посмотрел мой зачётный лист за прошлый год. Раньше у меня были почти все пятёрки, поэтому мне пошли навстречу. А Андронов, несмотря на объяснение, всё-таки записал опоздание на 12 минут. Вот человек, который считает, что к курсанту применимо только принуждение. Скотина он порядочная.

Шахматы в спартакиаду ВМУЗ не включили. Кучеров не сдержал своего слова.

За сегодня сдал зачёты по физо, английскому и ЭЭС. Разговаривал с продавщицей книжного киоска. Да, у неё можно будет получить кое-какие интересные книжечки.

05.02.1962

Встал первый раз за долгое время в относительно неплохом состоянии. Шум в голове отсутствует, тяжести тоже нет, как и неприятной горечи во рту. Кажется, курение действительно действует на мой организм отрицательно. Ограничил себя до минимума и почувствовал улучшение. Надо будет постараться вообще бросить курить, хотя бы на несколько месяцев.

К вечеру испортилось настроение. Свою роль сыграл и преподаватель по ППР, который ломает комедию с приёмом зачёта. А вместе с тем понятно, что требования у него какие-то быть должны.

Не так много, как хотелось бы, но доводилось играть в училище и в шахматы.

07.02.1962

Мечтаю написать книгу. Правда, целостного представления о том, что отразить в ней, пока не сложилось. Главное, думаю, вот что: несмотря на косность и всё отрицательное, с чем сталкиваешься в училище, жизнь здесь не пропадает бесцельно, из его

стен выходят настоящие передовые люди. Хватит ли на это таланта и терпения – вот что меня волнует, особенно первое. Сам себе я кажусь не очень одаренным. О чём же хочется написать?

1. Провинциальный юноша приезжает в Ленинград. Он ошеломлён и потрясен. Всё, о чём он недавно читал в книгах по истории, теперь предстало перед ним наяву.

2. Трудности и волнения, связанные с поступлением, а затем с обучением. Несобранность и неприятности по службе на первых порах.

3. Роль коллектива в формировании характера, в частности, комсомольская и партийная организация, командир роты.

4. Осознание того, что такое взаимовыручка (не круговая порука, которая пропитала систему снизу доверху!), честность и свобода.

5. Воздействие на формирование характера со стороны старшин и выпускного курса.

6. Преодоление эгоизма, а также страха сказать правду. Выработка самодисциплины и самоконтроля.

Придётся многое идеализировать, но ведь к этому и должен стремиться художник. Надо сконцентрировать всё хорошее, что было, собрано по крупицам за несколько лет. Просто скопировать действительность – в этом будет небольшая заслуга. Надо показать жизнь такой, какой она должна быть, если бы всё шло несколько иначе, и наряду с этим указать на принципиальные недостатки.

Материала о жизни в системе, пожалуй, будет достаточно, но если ограничиваться только этим, то книга может пострадать в художественном смысле и будет малоинтересной. Престиж военных всё больше с каждым годом падает. Надо обратить внимание в книге, в каких тяжёлых условиях они живут, вызвать бóльшую симпатию и уважение к ним со стороны читателей – вот ещё одна не менее важная задача. Отразить духовный рост человека, поступившего в училище, его тягу ко всему новому, а также то, с какими трудностями это всё даётся, сколько это стоит пота и крови – вот третья задача.

Расставание с любимой девушкой, тяготы разлуки. Опасения и волнения из-за большого расстояния, разделяющего их. Но для по-настоящему любящих людей это не помеха... А может, лучше дать такую трактовку: любовь на расстоянии – это мучение и каторга, в результате наступает конфликт...

Кто же будут герои и сколько их?

1. Главный герой – Юрий Гончаренко (прототип – я) – рыжий парень с веснушками, окончивший десятилетку с медалью и приехавший из Сибири.

2. Девушка, которую он любит, оставшаяся дома.

3. Преподаватели, принимавшие вступительные экзамены (прототипы – Резнер и Ревякин).

4. Начальник училища.

5. Два командира роты (Носов и Шевцов) Один – приспособленец, трясущийся за свою шкуру и карьеру. Основной упор делает на внешнюю сторону – брюки, прическа, документация. Другой – настоящий воспитатель и педагог.

6. Два друга (Олег и Игорь).

7. Товарищи (фон – 5-10 человек).

8. Мелкие типчики, против которых надо бороться (Стулов, Штоколо, Казачинский и др.).

9. Первые старшины (Бабочкин, Филиппов и другие – положительные, а также 2-3 идиота).

10. Преподаватели (Пугачёв – положительный, смело вступает в дискуссии, не уклоняется от поставленных вопросов; и тот, который дальше газетной буквы заглянуть боится).

11. Повседневные занятия. Курсант, который преуспевает, ничего не делая, весельчак, балагур и остряк (Масюк, Розов и Кузьмин – можно обобщить в один образ). И курсант, который берёт усидчивостью. Первому до поры до времени все сходит с рук. Первый потом жалеет о потраченном впустую времени, пытается наверстать упущенное, но у него ничего не выходит. Из второго, троечника, получается отличный офицер. Его мир не ограничен одной учёбой, он интересуется литературой, живописью, музыкой, причём как джазовой, так и симфонической – это, вероятно, черты, присущие главному герою Ю. Гончаренко.

13. Отразить в книге полёт Ю. Гагарина, XXII съезд КПСС, а вместе с тем влияние внезапной массовой демобилизации на настроение масс.

14. Времяпровождение в городе (театры, семья Ушаковых и т. д.).

14. Старшинская практика.

15. Секретарь бюро факультета. Вывести отрицательный тип на примере Стукая и Зиновьева. И противопоставление им – Немов. Прием в партию. Как он должен осуществляться.

16. Стимул в учёбе – льготы в увольнениях.
17. Приезд Хрущёва – волнующее событие в нашей жизни.
18. Инспектирование училища и связанная с этим показуха (оркестр, улучшенное питание, усиление давления на курсантов).
19. Парад и подготовка к нему.
20. Экзамены.
21. Наряды (караул, дневальный, различные работы на камбузе, уборка снега, колка льда).

Разговор с командиром роты В. Носовым.

Даже попытался написать немного о Юре Гончаренко (мой прототип).

«...Рыжие, чёрные, светлые мальчишки, раскрыв рты от удивления, слушали рассказы «прославленного» моряка-подводника. Было их много, десятка три. И хотя беседа продолжалась уже около четырёх часов, по сияющим, как надраенная перед инспекцией палуба, лицам было видно, что расходиться они и не думают. Вот это герой – читалось в их восхищённых взглядах. После рассказа курсанту 5-го курса ВВМИОЛУ им. Фрунзе Юрию Гончаренко пришлось ещё добрый час отвечать на вопросы любознательных мальчишек, которые пригласили его, бывшего комсомольского вожака выпускни-

ков 57-го года, на свой пионерский сбор, посвящённый морякам-подводникам. Оказывается, они уже год занимались в кружке юных мореходов, организованном бывшим командиром подводной лодки. Их интересовало всё – побьём ли мы американцев нашими ракетами, чьи подлодки лучше – наши или американские...

Я наблюдал за своим другом, который обстоятельно, как старший мореман, отвечал на все вопросы мальчишек. Он, кажется, не ожидал встретить здесь такую понимающую публику. Чувствовалось, что он очень доволен. Мне тоже нравились эти вихрастые и такие обычно задиристые в другой обстановке мальчишки.

Приехал я сюда с Юркой в очередной отпуск. Немного волновался: как примут родные и знакомые. Да и побаивался, что после долгих лет жизни в Ленинграде периферийный Омск не понравится. Правда, Юрка много рассказывал мне об этом городе-саде, который с каждым днем становится все краше и лучше. Но это слова, а как оно на деле?

Честно говоря, я не мог спокойно слушать, как он говорил про свой Омск, что лучшие города не найдешь на всем земном шаре. Поехав вместе с ним, я думал, что на месте докажу, что невозможно сравнивать Ленинград с каким-то Омском. Знал, что о Сибири в последнее время много шумят, так сказать, агитируют, чтобы побольше дураков туда ехало. Да, я не из тех, меня на словесной шелухе не проведешь. Я верю только тому, что собственными руками ощущаю, чему очевидцем был сам. Фома неверующий? Нет, просто убедился, что на бумаге и в кино часто все выглядит чудесно, а на самом деле всё не так. Много пыли в глаза пускается, много очковотирателей как малых, так и больших.

А Салтыковы-Щедрины, Гоголи, Чеховы перевелись. Но русская земля всегда славилась самородками. Были и будут у нас великие писатели. Уходят в прошлое времена, когда скрывалась правда от народа, когда думали, что чем больше пишешь красивых слов о социализме, тем быстрее будет построен коммунизм. Слишком много занимались болтологией и идеализацией действительности. Забывая о том, что социалистическое общество, как и любое другое, не лишено многих недостатков, и что землю населяют не роботы, а люди, которым присущи человеческие черты, а также недостатки и слабости. Иначе прекратился бы духовный рост, ибо развитие – это борьба противоположностей.

А Юра Гончаренко – действительно удивительный человек. Много он успел пережить к своим 24 годам, оставаясь при этом большим оптимистом и сохраняя веру в Человека.

Всех людей он делит на две группы. К первой относит тех, кто горит и сгорает ради лучшей жизни для других – Ленин, Дзержинский... И тех, кто хотя бы на 51% достоин их. Юрка, романтик и фантазёр, считает, что в жизни таких большинство. Ко второй группе он относит обезьяноподобных людей, которые по своей психологии и запросам недалеко ушли от своих предков. И таких, по его мнению, у нас меньшинство. Чудик! Я с ним не согласен. Такое, возможно, будет при коммунизме.

Юрка смотрит на мир в розовых очках и утверждает, что пьянство, обман, ханжество, карьеризм, очковтирательство – это пережитки капитализма, от которых мы скоро избавимся. Я и сам понимаю, что это пережитки, и мы от них избавимся, но со временем. Зачем же сейчас желаемое выдавать за действительное? Мало ли чего нам хочется? Но ведь не всё пока получается. Вот и надо честно и открыто заявлять о том, что еще не вполне удастся. Чем больше мы будем замазывать недостатки красивыми словами, тем дольше они будут существовать в нашем обществе.

Юрка интересный парень. Ему жить со своими взглядами в каком-нибудь 198... году. Иногда в горячке он бросает мне с негодованием: «Послушай, ты, скептик и ревизионист!» Я в ответ называю его «догматиком». Бывало, по несколько часов спорим.

Юрка – ужасный спорщик. Философ, как мы прозвали его в классе. Он может спорить часами, и страшно удивляется, если собеседник не соглашается с его «элементами» – так он называет жизненные принципы Человека. Как орел, он предпочитает парить в небесах. Из-за меня же ему частенько приходится опускаться на землю. Дополняя друг друга, мы и сблизились. Вообще-то я люблю людей, которые верят во все светлое и доброе, а Юрка – именно такой человек.

Иногда, чтобы завести его, начинаю говорить заведомые глупости. Например, якобы американцы не считают, что их общество делится на классы, живут они лучше, производительность выше, национализация государством осуществляется, и, кажется, они заявляют, что строят социализм... К 1980 году мы по основным показателям сравняемся с ними, то есть у нас в стране будет построена база коммунистического общества. Если же учесть тот факт, что у них существуют хозяева и рабочие, можно ли утверждать, что они также приблизились к коммунизму? Ведь сознание людей во всём мире находится в основном на одинаковом уровне, судя по книгам, фильмам, театрам.

Был как-то у нас семинар по философии, разбирали вопрос построения коммунизма и преодоления пережитков капитализма. Все выступали, как это часто бывает, вокруг да около, делясь прописными истинами, а Юра выступил горячо и полемически. Прямо заявил: от того, что у нас много ведется разговоров, коммунизм не приблизится, за него надо бороться. Странное дело. Многие соглашались с тем, что у нас много недостатков, не отрицают своих, но бороться с ними решительно не могут. А вот Юрка другой, он не терпит лжи, обмана, филистёрства. Он спешит жить, но в хорошем смысле слова. Жадно берётся за всё. Во многом сомневается, но стремится в каждом вопросе найти истину, хотя для этого иногда приходится прерывать массу литературы и обращаться с вопросами к преподавателям. Он считает, что истина рождается в сомнениях и колебаниях, нельзя идти по одной проторённой стезе».

11.02.1962

Послезавтра экзамен по электрическим приводам. Ни черта не учится. Всё вызывает раздражение. Жалуюсь на отсутствие памяти. Но с чего ей быть хорошей? Ведь ни черта вот уже долгое время не делаю. Память надо тренировать повседневно и упорно, а я всё откладываю. Знания мизерные, а заниматься нет абсолютно никакого желания. Надоело все до чёртиков. Жду с нетерпением окончания. А ведь оно тоже не сулит ничего приятного. Но что бы ни ожидало впереди – скорей бы обрести самостоятельность!

Вот уже который раз говорю не то, что нужно. Климову в споре сказал насчёт высокопарных слов. Зря в данном случае обидел парня.

Произошёл не совсем хороший случай. Стоял дежурным по роте. Заблаговременно в 11:00 отметил, что из увольнения прибыли все, зная, что на 5 курсе ЧП с увольнением случаются редко, а у нас вообще исключены. Действительно, много парней уже прибыло. В 12:50 дежурный по факультету капитан 3-го ранга Бархоткин поинтересовался, как дела. Я возьми да и брякни, что всё в порядке – все прибыли и без замечаний. Сразу после этого прибывают ещё трое. Через 5 минут уже официально оформил документы и собрался идти в спальный корпус. И тут заваливается Татарский. Крутится, крутится. Бархоткин спрашивает: «Кого ищите?» – «Дежурного по роте». Я к нему и за дверь. Забрал там увольнительную. Вернулся назад. Ситуация

складывалась не в мою пользу. А вдруг ещё кто-то не пришёл? Бархоткин начинает читать мораль... Вот так иногда и ищем сами приключения на свою шею. <...>

В отношении секретаря комсомольской организации во всеуслышание наговорил ерунды. Позавчера обличал подсудимых, а большинство относилось к ним сочувственно. Главное не то, что высказался против большинства, а то, что в душе сам жалел их молодость. Сегодня же поругался с невропатологом. Правда, он из тех, кто подходит к курсантам с предубеждением, усматривая в их действиях только плохое. А пришёл я посоветоваться насчёт стационарного лечения. Хотел на недельки 1,5-2 лечь в санчасть. Обстановка там позволяет заниматься более спокойно. Да самочувствие и в самом деле неважное. И, кажется, в этом вопросе сам ухудшаю своё положение. Читаешь, понимаешь плохо, начинаешь злиться, расстраиваться.

А ведь ничего нет страшного в том, что материал усваивается плохо. Весь семестр ничего не делал, поэтому ко всему надо относиться спокойнее. А вот именно спокойствия-то и не хватает. Голова то ватная, то гудит и шумит, как улей. <...>

12.02.1962

До обеда готовился к завтрашнему экзамену. Из-за Шандалы время от обеда и до ужина потеряно. Минут за 20 получил представление о двух схемах.

Пузырь подсунул Евгения Евтушенко. Сказал, что только до 23 часов, потом он сам будет читать. От такого удовольствия нельзя отказываться. Несмотря ни на что, он мне нравится. За три часа успел не только прочесть, но и записать понравившиеся стихотворения. Записи растут, кажется, пора прекращать заниматься коллекционированием. Надо, чтобы всё это с бумаги перешло в голову. Предстоящий экзамен волнует мало. Кое-что знаю, завала не будет. Обстановка в классе как всегда. Больше половины ничего не делает.

Объявлен карантин. Со стационаром затея провалилась.

13.02.1962

Первый день карантина. Экзамен сдал на «отлично». Первый вопрос экзаменатор не стал даже задавать, только проверил написанное на доске. А когда отвечал второй, он на что-то отвлёкся.

Распродали много билетов, и в клубе устроили вечер. Нарodu было битком. Группа курсантов, стоявшая у входа, производила довольно неприятное впечатление. Синие воротники заполнили все места в зале. Выступали «сундуки» со своими солдатскими шуточками.

В антракте мы взяли микрофон и стали петь под гитару. Прибыл начальник клуба и расшумелся. А что такого особенного? Ничего. Счастье, что ни у кого почти не было денег, а то не миновать бы пьяных и дебоша. С вечера ушёл недовольный. Лучше бы письмо написал.

14.02.1962

Мальчишки режутся в козла, слушают классику, а часть за-села в галльоне и горланит песни. Аккомпанирует кто-то с 4-го курса. Часто в таких «мероприятиях» участвует и Славик. Его хот-ят вывести из джазового оркестра. Надо же, в увольнение надел клетчатые караси. Какой позор! Кошмар! (Надо будет отразить этот эпизод в будущей книге). Однако некоторые курсанты за-нимаются. Особенно много в аудитории второкурсников. С 5-го курса только я да Сумин.

Всё же как сильно влияет атмосфера! Никто ничего не дела-ет. После обеда и я махнул рукой. Курс за 4 дня не поднять, да и зачем это надо?

Посмотрел фильмы «Последние залпы» и чешский «Богатырь». Первый полезный – чтобы не забывать о недавнем про-шлом. Очень жизненный. «Богатырь» – смешной. Много и от души смеялся. Запомнились такие фразы: «Что вы делаете се-годня вечером, можем ли провести вечер вместе?» – «Выхожу замуж» – «А завтра?»

Появилась мысль отослать к окончанию заметку в газету, что-то вроде размышлений выпускника, в которой отразить наши недовольства и перспективы службы в свете повседневной жизни в училище.

Два часа писал «папе» Лёве письмо. Слишком много мрач-ного всегда в моих письмах.

16.02.1962

Алексей Николаевич Крылов, знаменитый русский и совет-ский кораблестроитель, механик, математик, академик в своей последней речи, выступая перед курсантами вскоре после вой-

ны (он скончался в октябре 1945 г.), уподобил жизнь математическому расчёту. Он говорил о культуре инженерных расчётов, о культуре приближённых вычислений. О том, что в жизни очень важно определить, какая именно в каждом случае необходима степень точности. Не гнаться за предельной точностью, если она необязательна, не тащить через все расчёты груды мелочей, эти мелочи перегружают работу, делают ее запутанной, и в конце концов итоговый результат оказывается более далёким от истины, чем тот, который получил инженер, смело пренебрегающий мелочами.

Хорошие слова с глубоким смыслом. Как много за время обучения прочитано и просмотрено, а КПД довольно низкий – потому что не было системы. В итоге в голове получилась каша. Хватался за всё с жадностью, спешил самообразовываться. Хорошо ещё, что к 5-му курсу отчётливо увидел порочность такого обучения.

Писатель В. Инфантьев констатирует факты, то есть даёт их внешнее описание. А это всё необходимо раскрывать с психологической стороны. Надо будет перечитать Достоевского.

19.02.1962

Экзамен по ЭЭС (электроэнергетическая система) прошёл плохо. Материал был прочитан, но усвоить времени не хватило. Сдавал 23-м. Обстановка не позволяла уйти, чтобы каким-то образом развяться. Ожидалась бойня. Так оно и получилось. Не повезло. Попался билет, которого больше всего боялся. Немного подумал: сразу положить или немного погодя? Решил подождать. Минут через 40 хотел тащить другой. Затем ещё минут через 15 вновь возникло такое желание. Сдали нервы, сказалось переутомление.

В итоге – 3 шара. На младших курсах такому результату радовались. Сейчас же на душе обида, неудовлетворённость и стыд за своё незнание. Стыд перед преподавателями.

Закончил читать повесть «Для дальнейшего прохождения службы». Специфика службы отражена достаточно, однако автор слишком увлёкся. Представляет определённый интерес для курсантов, их знакомых и родных. Но для лиц непосвящённых это скучная, малоинтересная книга.

21.02.1962

Отправил 6-е письмо Лёве, в котором подробно описал, как прошло партийное собрание по приёму Штоколо. Всё было правильно, никакого неприятного осадка не испытываю. Однако надо было говорить помягче. Олег сказал: «Так сильно бить нельзя». В целом, возможно, он и прав, но в мелочах нет. Это был прямой и честный метод. Гаврила же сказал, что с агитацией выступать было нельзя, надо было просто охарактеризовать человека по чертам характера и всё. Вздор! Здоровая пропаганда и раньше, и сейчас ставится в идеологическом отношении очень высоко. И каждый коммунист должен бороться за чистоту партии любыми доступными ему средствами.

Вторично посмотрел кинофильм «Летят журавли». Не могу безучастно смотреть на переживания героев. События трогают до глубины души, до слёз. Вот у кого была настоящая любовь! Кажется, у меня всё было не так. <...>

Решил не жениться ещё, по крайней мере, пять лет. Но как это будет на практике с такой мятущейся, чувственной душой?

25.02.1962

Всё-таки потерпел фиаско – Штоколо приняли в партию. На душе противно. Не только из-за того, что так произошло, но и из-за того, что глупо выступил. Не сумел вовремя перестроиться. Не хотел выступать, и не надо было. В прошлый раз получилось здорово, а сейчас скверно.

Почему же так вышло? Дело, вероятно, в том, что принципиальность в наших отношениях вообще утратила значение. Круговая порука и ложь, – эта гниль пропитала наши отношения насквозь. Некоторые боятся правде в глаза посмотреть, потому что у самих нос в пуху, а ещё развелось много равнодушных. Равнодушие же всегда было сестрой беспринципности.

С другой стороны, Штоколо рекомендовали в партию командир роты Носов, зам. начфака Ермаков, комсомольская организация (Жирков), поддержало и партбюро роты в лице Толстошкурова. Все они подошли к этому вопросу формально. Отличная учёба и снятые взыскания – это ещё не критерий для приёма. Вот и получилось, что если мы его не примем, то могут спросить: «А куда же смотрел Носов? Значит, он не знает своих

подчинённых?» (что правда). А комсомольская организация? И так далее.

В итоге вышло, что поддержали: Мирский (маменькин сынок, которому тоже не место в партии), Дорохин (как он мог не голосовать «за», если в прошлом году такая же картина была и с его приёмом, надо же подсобить «другу»), Дмитренко, проповедующий масонство (он сказал, что мы превратили собрание в безобразие – даже неудобно перед Штоколо, который вынужден слушать от некоторых про себя такое), Новиков (которому недавно было прямо сказано: «Оказывается, ты засранец. Удивлён, как со своими принципами ты дошёл до 5 курса»), Гавриленков («Скоро мы построим коммунизм, а в нём все должны быть коммунисты, и чем больше людей будет принято в партию, тем лучше»), и, наконец, Смирнов, Евсеенко, Борисов, которые вообще-то согласны, что если подходить принципиально, то Штоколо, конечно, недостойн, но если подходить по-нашему, по-курсантски, то почему же человека не принять, если он хочет этого. А ведь он и вступает не по убеждениям, а потому что Н. и Т. провели с ним «агитационную» работу.

Я же выступил неудачно. Предвидел результат и заранее смирился с поражением. И это колоссальная ошибка. Надо чувствовать общую атмосферу и перестраиваться. Я не имею в виду, что нужно менять позицию, надо говорить те же слова, но по-другому. И хотя результат, возможно, всё равно оказался бы не в нашу пользу, такие слова сыграли бы свою положительную роль. Получилось же какое-то озлобление, и со стороны могло показаться, что я противопоставил себя большинству, хотя это и не так. Все гораздо сложнее...

Скоро присвоят мичманов. Взыскания снимаются пачками. Конечно, всё это чистые формальности. Командир роты со старшинами открывают карту взысканий и поощрений и начинают. Иногда доходит до анекдота. Так, было взыскание «за несвоевременный отход ко сну». Решили снять его... «за своевременный отход ко сну». Всё равно ведь никто читать не будет.

Осталось 2 экзамена, и обучение закончено. Чему же мы научились за это время, и как проходит сессия? Научились многому. Выросли все как в физическом отношении и в общем развитии, так и в специальном обучении. Если раньше, когда только надели форму, чувствовалось, как курсанты отличаются друг от

друга, то сейчас всё стёрлось. Коллектив слабого возвышает, а сильного понижает.

Уже давно экзамены сдаются по «системе». Если раньше такая сдача практиковалась только на старших курсах, то теперь эта зараза распространилась на всех. Кафедры становятся родным домом. Практика наглядно подтверждает порочность сдачи экзаменов по билетам. Догадываются ли об этом преподаватели? Думаю, что да. Один из экзаменов все сдавали по «своим» билетам, и обошлось благополучно. Принимал один Дмитриев и дал самый высокий балл на факультете.

По ЭЭС же, как ни пытались исхитриться, ничего не добились. Материала очень много, и он трудный. Готовиться же серьёзно многие разучились.

Жуковский дал вопросы, начали подготовку. Однако в последний день стали его обрабатывать – мол, материала много, трудный, ох, ах, мы так никогда не сдавали, будет завал, вот посмотрите... Жуковский – молодой преподаватель, в этом году ему впервые доверили читать лекции. Он был испуган таким оборотом, начал успокаивать. А на следующий день с Поворотым переделал билеты. Стало легче.

Но первым шести пришлось идти вслепую. Затем Старый засветил 7 билетов. Надо было бы временно успокоиться, но ведь аппетит приходит во время еды. Конечно, сторел. Всё было перемешано. Мандраж усилился.

Послали «на дело» Пузыря. Тот по своей наглости тоже влетел. Атмосфера накалилась. Однако всё сошло относительно благополучно.

Следующий – ЯЭУ (ядерные энергетические установки). Вообще-то парни обнаглели, не хотели учить даже «свои» билеты. Пузырь шёл в числе последних. Понадеялся, что за промежуток времени после того, как он узнает, какой билет возьмёт, и до момента захода успеет его выучить. Однако случилось непредвиденное. Один погорел со шпорой, за что его выгнали и поставили 2 балла. После этого Жуковский взял все билеты, по которым уже ответили, и смешал с оставшимися. Чаве пришлось искать «свой» в общей массе. Нашёл, но не тот. Результат – 2 шара. Хотели поставить 2 шара и Ефимову.

К подведению итогов пришел Носов. Оценив обстановку, послал за Ермаковым, зам. начфака, который вскоре прибежал. Ефимову, как парторгу, выпросил 3 балла.

Следующий экзамен – «Живучесть подводной лодки». Подготовка, как всегда, сводится к написанию шпаргалок. Но около половины более или менее занимается делом. Что-то долго тянется эта сессия. Занимаюсь в основном добросовестно.

27.02.1962

Открыли курсантскую чайную. Избрали совет в количестве 34 человек. Поставили фортепиано, в нишах столы, разложили газеты. Остальное осталось без изменений. Посмотрим, что будет дальше.

Веселов ещё не сдавал ни одного экзамена. Лежал в госпитале, ждал приступа астмы, чтобы демобилизоваться. Но безрезультатно.

Сдавали живучесть. Чёрт знает, что происходит. Вроде бы и билет знал, но здорово волновался, и в итоге 3 балла. Обидно.

Написал «бате» 7-е письмо.

13.05.1962

Зимняя сессия окончилась благополучно. Мне была предоставлена путёвка в Зеленогорский дом отдыха. Познакомился там с Мариной. Броско красива и чертовски умна! Вот какую женщину надо искать. Из-за этого знакомства вместо того, чтобы поправиться, похудел ещё килограмма на полтора. От разговоров с Мариной испытывал колоссальное наслаждение. Назвала меня «идиотом нашего времени», пояснив, что мне с моими принципами и взглядами надо было родиться лет через 40-60.

Наступила преддипломная практика. Всё шло хорошо. Но мысль о неоконченном деле не давала покоя. Написал рапорт с просьбой отпустить домой, так как терпение мое иссякло. Заготовил даже второй вариант: «Прошу посадить меня на гарнизонную гауптвахту, так как в ближайшие дни могу отбыть в самовольную отлучку домой. Причины, побудившие меня к этому, изложены в докладной записке на имя начфака».

Однако, прибегать ко второму варианту не пришлось, и вот я дома. Прибыл, как снег на голову. А вскоре пришлось ехать обратно... Дело в том, что перед вылетом посылал запрос, чтобы сообщили, где находится дело о разводе, но не дождался ответа. Ходил в облсуд брать справку, что оно отослано в Омск. Справку взял, а оказывается, в это же время оно уже опять находилось в Ленинграде.

И тогда я заметался. Действительно, что делать? Командование я заверил, что доведу всё до конца. А что делать в создавшейся ситуации? Несколько раз звонил в Ленинград. В результате: «Дело выдадим, как только прибудете сюда».

Выручил «батя», одолжил 100 рублей. Часть денег прихватил дома. Полетел. Погода стояла коварнейшая. Первый раз вылетел с задержкой в сильный снегопад. В Ленинграде всё обошлось. Утром же получил дело на руки и ночью полетел обратно. Проснулся – сидим в Новосибирске: Омск не принимает. Потерял ещё сутки...

На утро съездил за Людмилой в институт, и прямо оттуда – в райсуд. Развели нас без задержки. Вопрос ко мне: «На примирение согласны?» – «Нет». Вопрос Людмиле: «А вы?» – «Тоже нет» – «Всё ясно – свободны». Пара минут. И это после восьми месяцев нервотрёпки и волокиты.

Через день – разбор в облсуде. Снова заехал за Л. в институт. Разбирали после 14 часов. До этого пообедали у них в студенческой столовой. Когда шли в суд, для подстраховки сообщил, что у меня ребенок. «Поздравляю!» – «Спасибо!»

В суде выступал три раза, она – один. В своих выступлениях ушёл в высшие материи, а надо было говорить ближе к жизни. Но главное, нашу взаимную просьбу удовлетворили. Расстались, пожелав друг другу счастья.

Так под моей короткой и несуразной супружеской жизнью была подведена черта. Допущена колоссальная ошибка. <...>

13.05.1962

Предстоял последний курсовой вечер. Хотелось, чтобы он стал светлым пятном и запомнился надолго. <...>

В результате последний вечер оказался чуть ли не самым невыносимым. Ходил как в воду опущенный. Организован же вечер был прекрасно.

Под лестницей, ведущей в зал, был сделан шатёр из цветочных гирлянд. Хотя они были не живые, настроение создавали праздничное. Улыбающаяся будка мичмана приглашала всех в зал. Концерт немного затянули, но некоторые номера были неплохие. Пели девчонки из консерватории и соло, и дуэтом. Читались стихи. Многим понравилось, как Марченко читал Евтушенко. Хорошо, ничего не скажешь. В. Дмитриенко прочитал «Романтики». Потом шли акробатические номера. Неплохо

получилась пантомима «День бездельника – от понедельника до понедельника».

Затем убрали зал, заработали пиротехники. Тёмный зал, раздались два мощных взрыва, заиграли рок. Вспыхивает разноцветная иллюминация. Крутятся четыре юпитера, свет прожекторов направлен только на оркестр. На потолке появились бегающие зайчики, из конца в конец проносится ракета. Разноцветные лампочки, развешанные по всему залу, периодически загораются. Шары, серпантин, блёстки – всё это предпосылки отличного настроения. В перерывах – беспроигрышная лотерея и мультфильмы. Здорово! <...>

13.05.1962

Наступила пора преддипломного проектирования. Некоторые приступили к работе сразу. Вначале планировал последовать их примеру. Нарушение внёс шахматный турнир на первенство училища. Занял первое место без особого напряжения. После этого с полной отдачей взялся за диплом. Руководитель – Никитин Виктор Фёдорович. Настроен я был так – лишь бы защитить. А он жмёт на пятёрку. Мне вначале это показалось чрезмерной придирчивостью. Зрело озлобление, которое в итоге вылилось в ссору.

Всё произошло примерно так. До этого он приходил несколько раз. Всегда выражал крайнее неудовольствие. Кроме того, о положении дел докладывал выше. Вылились эти доклады в то, что на очередном партсобрании поставили вопрос обо мне и определили сроки, к которым я должен всё наверстать. Я же считал, что положение не такое уж плохое. Но не возразил ни словом. Присутствовал Трегубов, значит, дело дошло до парткома. Затем об этом узнал адмирал Миляшкин. Создалась довольно неприятная атмосфера.

В один из приходов Никитина, когда он вновь начал выражать неудовольствие, стал с ним спорить, так как последнее время уродовался, как папа Карло. По сравнению с другими всё обстояло почти благополучно.

В ходе спора произошла такая сценка. Никитин подошёл к столу справа, постоял. Показывая на пенал, стоящий рядом, сказал: «Вот видишь, сколько уже наворочено у Сизова». Тот смеётся: «Это не мой». Никитин достаёт чертежи – Ушакова. «Ну, вот Ушаков видно, что работает». Я подхожу к нему. Зная,

что у Игоря сделано гораздо меньше, взялся за пенал: «Посмотрим, что там ещё наворочено». Переворачиваю вниз – конечно, пусто. Класс гогочет. У меня же сделано уже четыре чертежа. Затем Никитин спрашивает у мальчишек, как, по их мнению, отстаю я или нет? Хором: «Нет».

Расстроенный, ухожу курить. В гальюне делюсь происходящим с мальчишками. Кто-то бросает в шутку: «А не делает ли он на тебе выгодное положение для себя?»

Возвращаюсь в класс. Никитин: «Митченко – в угол!» Конечно, говорит это шутя. Но, взвинченный, я не сразу это понял. Вскипел и, извинившись за прямоту, ляпнул: «Сейчас мне сказали, не делаете ли вы на мне карьеру». – «Глуп тот, кто это сказал». – «Да нет, парень умный». Никитин багровеет, но сдерживается, чтобы не ответить резкостью. Затем: «Конечно, я могу сказать на чфаку, что не удовлетворяю вас». – «Дело ваше».

Однако я пришёл уже в норму и почувствовал себя крайне неудобно. На другой день пришлось извиниться. После этого он ещё дважды вспоминал «карьеру». Не вспомнил бы на защите, а то придётся тяжко.

Мальчишки все, исключая Пузыря, работают с полной нагрузкой.

15.05.1962

Разговоры о различных параметрах, характеристиках ведутся везде: на камбузе, в гальюне, при переходах. Никто, как было ещё недавно, не бегаёт играть в пинг-понг. Даже шахматы, и те берутся в руки редко.

Из-за гастрита получил добро на обследование. Завтра поджелудочный сок. Посмотрим, какой будет результат.

19.06.1962

Через три дня защита. Никитин нарисовал отзыв на «уд». Скотина. Это вызвано тем, что я так его и назвал перед всем классом, правда, в аллегорической форме. Рубил правду-матку в глаза – это и привело к не очень приятному результату.

15.08.1962

Выпускной прошёл хорошо. Мичманов в 16:00 построили в клубе. Перед этим во дворе был парад. Присутствовали пришедшие приглашенные. В клубе вручили дипломы, кортики,

погоны. Было чувство именинника. Затем ушли переодеваться. Торжественная часть. Банкет. Напротив меня сидели В. С. Носов и Виктор Фёдорович Никитин.

Стол накрыт хорошо. «Столичная», а также «Коно Сур» «Сурам» и другие хорошие вина. Тамада не давал скучать. Первый тост – за Советское правительство и родную Коммунистическую партию. Второй – за здоровье родителей.

Потом небольшой концерт и танцы. Настроение у всех отличное. Родители с часик посидели и отправились по домам. В час пошли всей шарой на воздух. В садике остановились перед статуей. Игорь полез натягивать заранее заготовленный тельник. Подмышку сунули букет цветов. Сбежались девчата. Свист, гам. Милиция. Всё обошлось.

Пошли гулять. Уселись около набережной. Часа два пели. И снова отправились гулять на Петропавловку. Под утро купались в реке.

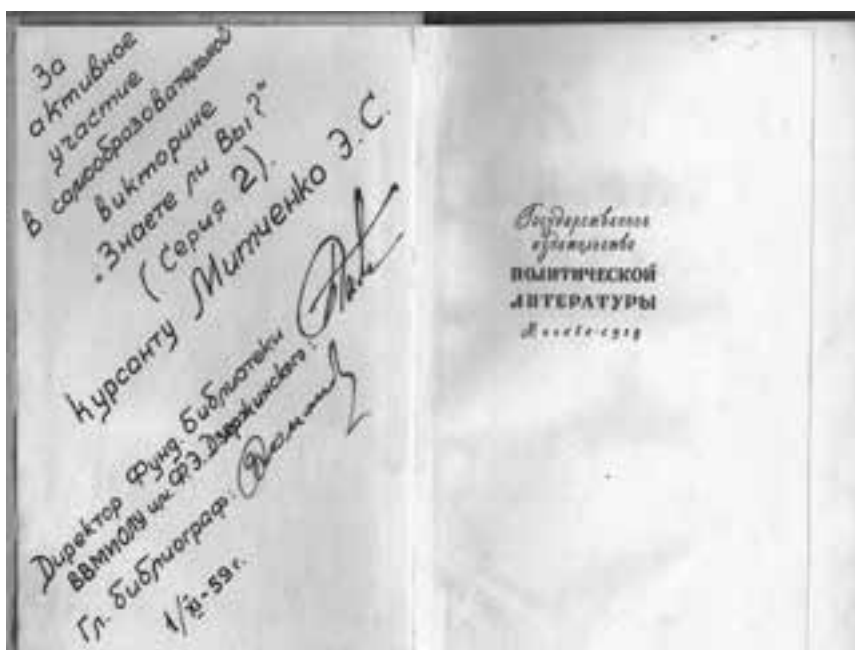
Вот и закончилось обучение.

Страницы моего курсантского дневника.

Пришлось много потрудиться, чтобы войти в тройку победителей викторины среди свыше 200 курсантов нашего училища.

Из писем

В предисловии я упомянул, что у меня скопился большой эпистолярный архив – письма, написанные родственниками, друзьями и мною им в 1960–1980-е годы. И что в полном объеме соберу их в отдельном томе. А по ходу повествования буду время от времени обращаться к этому архиву, чтобы посмотреть, о чём вообще мы друг другу писали, процитировать некоторые письма, наиболее характерные для того или иного периода.

И вот первое такое обращение – к письмам, написанным в то время, когда я учился на старших курсах в училище.

У тех, которые адресованы мне в этот период, по крайней мере, сохранившихся, один автор – Лев Павлович Затопляев, мой бывший классный руководитель. Или просто папа, как я его называл, а он меня – сыном. Так и в письмах мы друг к другу обращались. Хранится и одно письмо, которое я ему написал в этот период.

В письмах друг к другу мы не только сообщали новости о себе, но и делились размышлениями по различным темам. Это подтверждают строки из первого же письма Льва Павловича:

«Получил от тебя обширнейшее (не только по размерам, но и по мысли) письмо, которому был исключительно рад. Эта радость естественна, потому что не иметь от тебя писем в течение 1,5 месяцев просто немыслимо! К тому же надо сказать, что в этом письме я снова увидел моего дорогого, прежнего Эдьку, искреннего в рассуждениях, прямого, страстного, увлекающегося чем-то! <...>

Прочитал это письмо, и мы как будто увиделись с тобой, я все слушал и слушал тебя, твои хорошо продуманные мысли.

Да, очень много вопросов ты поднял в этом письме, и я должен правильно ответить на них, но я также могу ошибаться, поэтому за мои ошибки сразу прошу не судить меня строго...» (20.09.1960)

А вот строки из моего единственного сохранившегося письма, адресованного Льву Павловичу в этот период. В нём речь об экзаменах и кое-какие рассуждения и наблюдения:

«Ура! Первый спихнули удачно. Средний балл – 4,5, а у меня «отл». Студентам такие баллы, наверное, и не снятся. <...>

Экзаменатор спрашивал недолго и почти не слушал. Ну, а тараторить быстро, чётко, хотя порой и бестолково, я умею. Так произошло и на этот раз.

<...>

Задал дополнительный вопрос, однако, видимо, испугавшись, что не смогу на него ответить, а балл снижать уже нежелательно, так как перед этим поставил 8 четвёрок, сказал: «Ну, вы уже и без этого достаточно наговорили, можете идти».

Вот так и учимся. И чем выше курс, тем больше халтуры. Возможно, это из-за того, что каждый понимает: придя на лодку, надо будет вновь всему учиться, а главное, учиться работе с матросами. Это же не постигается теорией, а даётся жизнью через шишки и рубцы, которая она немилосердно оставляет на человеке за малейшие промахи и ошибки. Необязательно быть отличником, чтобы быть хорошим командиром-инженером. Надо быть хорошим, честным, требовательным человеком – как к окружающим тебя людям, так и, в первую очередь, к самому себе.

<...>

Каждый человек, пока он не встал прочно на самостоятельную трудовую почву, берёт много взаймы у родителей, а прежде всего у общества, в котором он живёт. Так нельзя же всё время вести паразитический образ жизни, всегда только брать, надо же и отдавать, как это принято у порядочных людей. К сожалению, пока у нас больше берущих, и только за счёт выдающихся личностей происходит перевес положительного над отрицательным и медленный прогресс общества.

Для того, чтобы способствовать превосходству лучшего и светлого над худшим и тёмным, мы и должны много и кропотливо учиться. Так разве мы учимся для себя? Дескать, хочу – учусь, хочу – нет, это моё личное дело. Неправильное и ошибочное рассуждение.

Стимула же в обучении у нас действительно никакого нет. Отличники, троечники и верные «академики» находятся в абсолютно равных условиях. Среднячком же быть спокойнее и без преодоления трудностей. Абсолютное большинство рано или поздно скатывается на такие позиции. Человек привыкает к лёгкой жизни, к мещанству в буквальном смысле слова, он привыкает халтурить, обманывать. <...>

Обман становится неразлучным спутником таких людей, и этой болезни не могут избежать даже те, у кого в кармане находится красная книжечка – партбилет.

Может, это не обман, а только хитрость или приспособленчество? Скорее всего, последнее.

<...>

Показуха и очковтирательство во всём и везде.

К примеру, стенная печать – уголки агитаторов, стенгазеты, боевые листки давно утратили свою актуальность. Имеет значение только количественная да художественная сторона.

Второй пример. Наш ком. роты Носов В. С. сейчас считается одним из лучших воспитателей в училище – ведь уже второй год рота объявляется отличной. И никто не вспомнит, что 60 молодых жизней исковерканы, и в этом немалая «заслуга» тех, по чьей аттестации этих людей списывали (речь о массовом сокращении в Вооружённых Силах, которое коснулось и военных училищ – Э.М.). Между прочим, среди отчисленных было немало отличных парней. Учиться, может, стали лучше, напуганные массовыми отчислениями? Ерунда, просто с годами стали „чище“ работать.

Думаешь, начальство или преподаватели об этом не знают? Вряд ли, просто не в их интересах менять что-либо».

Как бы в продолжение этих рассуждений в одном из писем я рассказал Льву Павловичу, как формально принимали в партию одного моего товарища (выше об этом есть запись и в моём курсантском дневнике). Вот что ответил:

«...Это для меня не новость. Не только у вас, во многих парторганизациях руководители, в силу своей лени, самоуспокоенности, удовлетворённости сытой жизнью и легкостью труда, а также в силу своего слабого развития и невысокого интеллекта превращают такое благородное дело (приём в партию – Э.М.) в вербовку по анкете (извини за крайность). Человеку всегда нужны огонёк веры, надежды, стремления к лучшему. Вот и парторганизация должна принимать (как и требует Устав) в свои ряды передовых людей, морально чистых, показавших себя способных правильно разбираться в современных событиях. Без гнили и прочих качеств, чуждых поря-

дочному человеку, людей правдивых на протяжении всей своей жизни, ясно идущих к цели и не стремящихся вступить в партию ради будущего чина...

Партийная организация должна вести тщательный отбор толковых людей, готовить их не неделю или две, а, может быть, и годы, чтобы избавить их от мелких недостатков (а таковые есть у всех), проверить во всех отношениях (примерно так, как узнают друг друга мужчина и женщина, прежде чем решиться на долгую совместную жизнь). И только тогда принять кандидатом, чтобы в течение последующего года ещё более тщательно проверить человека, ещё лучше с ним поработать, как скульптор работает над скульптурой, прежде чем показать ее людям.

Ведь даже после принятия в члены партии с человеком нужно продолжать работать. А у нас считается так: членские взносы платишь, на собраниях присутствуешь, иногда выступаешь, на работе ниже среднего уровня не опускаешься, от общественных нагрузок не уклоняешься – примерный коммунист. Плохой критерий! Его личная жизнь, семья, отдых, квартира, обстановка, знакомства, – всё должно интересоваться партком. И не только интересоваться, следует руководить и умело направлять всю деятельность коммуниста. Тогда у нас не будет таких, кого нельзя и близко подпускать к этой великой красной книжке...

Я рад за тебя, сынок, и горжусь тем, что сын мой, не боясь потерять дружбу с товарищами, не боясь остаться «белой вороной», твёрдо стоит за чистоту рядов нашей партии».

Однажды настал момент, когда я, будучи курсантом, и сам решил вступить в ряды КПСС. Естественно, одну из рекомендаций я попросил у Льва Павловича. Трудно представить, думал я тогда, более сознательного коммуниста. Тем сильнее удивил меня ответ на эту просьбу:

«...Я знаю тебя, сынок, знаю, что ты с чистым сердцем идёшь в партию и будешь в её рядах отстаивать партийные принципы. Но помни, сын мой, что там ты в ещё большей степени убедишься, что существует очень много членов партии, пришедших в неё, чтобы устраивать своё благополучие, ибо иначе их давно бы выбросили на задворки.

Я горжусь тем, что именно у меня ты просишь рекомендацию, чтобы от меня получить окончательную путёвку в жизнь.

Сынок! Я должен огорчить тебя. Рекомендации, той, которая нужна тебе, не могу дать. Пусть моё сердце будет вечной рекомендацией тебе! Для того, чтобы дать рекомендацию, нужно знать человека 1 год, а тебя знаю много лет. Может быть, ты не обидишься на такую рекомендацию?

А той, которая нужна тебе, я не могу дать, потому что я беспартийный. Да, сынок, как ни странно, беспартийный. И не стыжусь этого! При встрече мы подробно поговорим на эту тему. А сейчас я тебе только скажу, что ты можешь не краснеть из-за того, что я оказался не таким, как ты думал, но живу я всю жизнь честно. <...>

На фронте я был тоже не из трусливых, и тот факт, что за фронт и работу в тылу я получил шесть правительственных наград, о чём-то говорит.

Извини за хвастовство, я об этом тебе никогда не говорил, вот сейчас только пришлось открыться. Вот так, сынок...»

В партию меня приняли, и тоже совсем не так, как я рассчитывал, с волнением готовясь к этому важному событию. Даже стихотворение на эту тему сочинил. И хотел послать в газету. Но так и не решился. А «папе» своему послал.

Из письма Льва Павловича на эту тему:

«Прежде всего, сынок, от всего сердца поздравляю тебя со вступлением в партию и желаю, чтобы звание коммуниста-ленинца оправдывалось не пурпурной книжицей, а всей твоей деятельностью. Желаю, чтобы не звание коммуниста возвышало тебя в глазах других, а ты возвышал звание коммуниста своим отношением к труду, своим поведением, своими мыслями и помыслами.

<...>

Несколько слов об акте твоего приёма в партию. Я целиком и полностью разделяю твое разочарование. Но смотри трезвее и запоминай на будущее. Если тебе придётся кого-нибудь принимать, то нужно это делать торжественно. Беда вся в организациях, которые такое дело превращают в будни. А ведь это очень обидно.

Говорят, что то, что дорого досталось, имеет большую ценность. Поэтому и не удивительно, что многие не ценят такого

большого дела. Но ты будь выше всего этого и бери пример со старшего поколения.

С другой стороны, ведь все тебя хорошо знают и считают, что приём в партию – это лишь формальный акт, поскольку ты давно ведёшь себя, как коммунист. Ведь такое тоже можно предположить? А вот стих на эту тему ты напрасно не отослал. По крайней мере, получил бы рецензию на него. Ведь он неплохой, хотя и не совсем доработан...»

В 1957 году Лев Павлович прислал мне эту фотографию с надписью на обороте: «На долгую память сыну Эдику в год окончания школы».

В целом годы учёбы в училище считаю для себя счастливыми. В этот период я окончательно сформировался как личность. Получил хорошее образование, расширил кругозор, приобщился к большой культуре и искусству. Обрёл настоящих друзей. Страницы из моего выпускного альбома сохраняют память о моих товарищах-курсантах.

В памяти о годах учёбы в училище остались и съёмки в художественных фильмах в роли революционных матросов.

Быстро пролетели пять лет. И передо мной встал вопрос, сформулированный, напомним, в последней дневниковой записи, касающейся училища: что меня ждёт впереди?

Ждал Северный флот. Но не сразу. Сначала – отпуск. Прекрасный отпуск в Ялте, который мы провели с моими лучшими друзьями Олегом Кореньковым и Игорем Ушаковым (те записи в дневнике, где я предрекал конец нашей дружбе, видимо, объяснялись минутным скверным настроением). Впервые в жизни я оказался на юге. Мы отлично проводили время. Денег у нас было немного, и мы «подрабатывали» игрой в преферанс с другими отдыхающими.

А для меня лично этот отпуск оказался ещё и судьбоносным. Мы там познакомились с тремя девчонками из Ростова-на-Дону – Светой, Викой и Аллой.

Я был тогда очень молод, однако уже успел познать разочарований в личной жизни.

Но молодость взяла своё, и пришла новая любовь. К Алле – на мой взгляд, самой яркой из

тех трёх девушек. Не пройдёт и года после нашего знакомства (и чуть больше года после того, как записал в курсантском дневнике, что не буду жениться в течение как минимум пяти лет), и 25 мая 1963 года мы с Аллой сыграли свадьбу у неё в Ростове-на-Дону. А до этого будут многочисленные письма и редкие встречи.

Но это всё в будущем. А пока из солнечной во всех отношениях Ялты мой путь лежал на суровый Север, к месту службы.

*Окончил училище
30.06.1962 года. Приказ
Министра Обороны
СССР №01153. Присво-
ено звание инженер-лей-
тенант с вручением
кортика. На обороте
надпись: «Дорогой маме
от сына. В день выпуска
03 июля 1962 года, г.
Ленинград».*

В Омске после окончания училища с мамой, Lьвом Павловичем и его женой Зоей Агафоновной, 1962 год

ГЛАВА 4.

◀ НА СЕВЕРНОМ ФЛОТЕ ▶

Из истории К-3

На Северном флоте мне довелось служить совсем недолго – год и два с половиной месяца. В сжатом виде этот период описывается так: 03.07.1962 – 20.09.1963 – командир 2-й группы (контрольно-измерительные приборы и автоматика – КИПА) 1-го дивизиона БЧ-5 ГЭУ (Боевая часть-5 – главная энергетическая установка) 2-го экипажа крейсерской подводной лодки К-3 3-ей дивизии 1-й флотилии подводных лодок Северного флота, приказ главкома ВМФ от 03.07.1962 года. Наряду с К-3 я привлекался к ремонту КИПА на лодках К-5 и К-8.

Поясню, что такое главная энергетическая установка и принцип её работы. Это реакторы, которые разогревают воду до очень высокой температуры. Вода подаётся в парогенераторы, где превращается в пар, который под высоким давлением поступает на турбину, связанную с линией вала, в результате чего лодка двигается. На линии вала располагается турбогенератор мощностью 1500 киловатт и главный двигатель мощностью 500 киловатт.

От турбогенератора получает питание главный двигатель и электро-энергетическая система подводной лодки. Главный двигатель, который связан с работой линии вала, может получать питание как непосредственно от турбогенератора, так и от резервных средств – дизель-генератора или аккумуляторной батареи, обеспечивая малошумный ход либо режим тишины. Но направлялся я к месту службы, рассчитывая, конечно, на гораздо более продолжительную службу в этих краях, чем получалось на самом деле.

Заполярье, Мурманская область, Западная Лица – вот первое место моей службы на Северном флоте. Как туда попасть? Сначала доехать или долететь до Мурманска, потом добраться до Североморска, и оттуда долго идти на катере вдоль скалистых берегов, изрезанных фьордами – узкими, извилистыми маленькими заливами.

Наши современные базы атомного подводного флота на Севере, когда я начинал здесь службу, только ещё создавались, но эти места были хорошо знакомы нашим предшественникам – ге-

Западная Лица, 1959 год. Через несколько месяцев после начала строительства посёлка и первой советской базы атомных подводных лодок и за три года до моего прибытия сюда. Фото: vfl.ru

В последующие годы посёлок превратился в город, который сейчас называется Заозёрск. Фото: mvestnik.ru

Пункт базирования АПЛ Западная Лица с высоты птичьего полёта. Фото: mir-znaniy.com

роическим морякам Северного флота, сражавшимся здесь с врагами во время Великой Отечественной войны.

Эти места, надо отметить, отличаются потрясающей красотой природы. Во всяком случае, в отличие от некоторых моих сослуживцев, меня этот суровый край в смысле природы не угнетал. Скорее, наоборот. Завораживающее северное сияние, грибное изобилие... Это незабываемо.

Жилые дома тогда только строились, и жили мы на плавбазе. Но снабжение, в том числе продовольственное, несмотря на отдалённость гарнизона, было хорошим.

Ещё во время корабельной практики в училище мне нравилось смотреть на брызги, волны, пенящийся бурун за кормой, вглядываться в морскую даль. Даже во время сильной качки (которая, кстати, в от-

Западная Лица.

личие от некоторых моих товарищей, на меня не сильно влияла), в любую погоду я предпочитал находиться не в отсеке, а на палубе, любясь холодными свинцовыми волнами под серым небом... Поэтому к месту службы я прибыл в предвкушении дальних морских походов. Но, увы, этим ожиданиям не суждено было сбыться...

Приказом главкома ВМФ от 3 июля 1962 года я был направлен для прохождения службы в 1-ю флотилию, 3-ю дивизию атомных подводных лодок. На месте получил назначение в экипаж крейсерской лодки К-3! Той самой, упоминавшейся в предыдущей главе первой советской атомной подводной лодки, которая была введена в строй во время моей учёбы в Дзержинке!

Правда, во второй экипаж получил назначение. То есть в тот, который занимался в основном обслуживанием лодки на берегу. Тем не менее, имел прямое отношение к этой легендарной подводной лодке, чем, безусловно, горжусь.

Моя первая должность – командир 2-й группы 1-го дивизиона БЧ-5 Командиром БЧ-5 и, соответственно, моим первым командиром на службе после училища был капитан 2 ранга Юрий Артёмович Агаджанян.

Командующий 1-й флотилией атомных подводных лодок Северного флота адмирал А. И. Петелин. Фото: dzen.ru

К-3 – первая советская атомная подводная лодка.

Раз уже мне волей судьбы и командования довелось служить в экипаже К-3 (с октября 1962 года получила также название «Ленинский комсомол») – пусть недолго и во втором экипаже – надо хотя бы коротко рассказать об истории этой легендарной подводной лодки.

Она была заложена на заводе в Северодвинске 24 сентября 1955 года, а построена и спущена на воду в апреле 1958 года, когда я оканчивал первый курс училища.

Некоторые подробности воспроизведу, воспользовавшись книгой «Атомная подводная эпопея. Подвиги, неудачи, катастрофы». Авторы – Леонид Гаврилович Осипенко, Лев Михайлович Жильцов, Николай Григорьевич Мормуль. Все они служили на подводной лодке К-3. Осипенко и Мормуль – выпускники нашего училища. Осипенко был первым командиром К-3. Жильцов, после перевода Осипенко на другую должность, – следующим. Но Лев Михайлович был в первом составе экипажа, более того – самым первым и подбирал других членов экипажа.

Главный конструктор «К-3» – Владимир Николаевич Перегудов, тоже выпускник нашего училища (1926), талантливый инженер и математик.

Главным конструктором реактора был назначен академик Николай Антонович Доллежалъ, а разработку парогенераторов поручили Генриху Алиевичу Гасанову. Разумеется, к осуществлению проекта были привлечены все лучшие научные и конструкторские силы страны. Ведь КБ Перегудова создавало принципиально новую подводную лодку, которая должна быть более совершенной, чем уже созданная к этому времени и побывавшая в походах американская атомная субмарина. В том числе по внешнему виду. Перегудову удалось преодолеть инерцию стереотипного мышления и создать форму, оптимальную для движения под водой. Он считал, что атомоход по своим качествам должен прибли-

Главный конструктор первой советской атомной подводной лодки В. Н. Перегудов. Фото: ru.wikipedia.org

жаться к торпеде, и старался убрать всё, что мешало его полной обтекаемости.

Разумеется, важны были и другие параметры, по которым советская атомная подлодка должна была превзойти американцев. К примеру, у них один реактор, а у нас их будет два, чтобы развивать скорость под водой не 20 узлов, как у американцев, а 25, то есть примерно 48 км в час. Не менее важно было создать нормальные условия для пребывания членов экипажа в длительных походах, а предполагалось, что лодка должна быть в состоянии находиться в подводном состоянии в течение нескольких месяцев. А поэтому и вопросы внутреннего дизайна были в сфере внимания создателей лодки. Так, например, мебель была изготовлена закарпатскими мастерами из дерева, растущего в тех краях. Одна из переборок представляла собой громадное зеркало (которое, правда, лопнуло при первом же глубоком погружении). Переборка в носовой части, там, где столовая, была украшена трогательным пейзажем: зеленый луг, пара берёзок, пасущиеся лошади... Об этом пишут авторы книги, а я все это видел сам. Впрочем, дизайн – это, наверное, последнее, что было сделано на лодке.

Говоря о Перегудове, нельзя не упомянуть и о другой незаурядной личности, человеку, с которым он прекрасно ладил и которого глубоко уважал, – академике-физике Анатолии Петровиче Александрове. Кстати, именно этому выдающемуся учёному удалось лучше всего выразить то, что совершил главный конструктор первого атомохода. В поздравительной телеграмме, направленной Перегудову в день шестидесятилетия академик Александров написал: «Ваше имя войдёт в историю техники нашей Родины как имя человека, – совершившего крупнейший технический переворот в судостроении, по значению такой же, как переход от парусных кораблей к паровым. Редко кому в жизни удается даже одно дело такого масштаба».

Первым членом экипажа К-3, как я упомянул выше, оказался 26-летний капитан-лейтенант Лев Михайлович Жильцов, выпускник Каспийского высшего военно-морского училища (1949).

Вторым на «К-3» был назначен 30-летний командир БЧ-5 Борис Петрович Акулов, мой коллега по специальности, немного раньше окончивший Дзержинку. Постепенно были подобраны все члены экипажа. Обучение они проходили параллельно со строительством подводной лодки.

Первым командиром К-3, ещё создающейся лодки, был назначен Леонид Гаврилович Осипенко.

Первый командир первой советской атомной ПЛ Л. Г. Осипенко (в центре) и научный руководитель проекта атомных ПЛ академик А. П. Александров (слева) годы спустя вспоминают бывшее сотрудничество. Из книги «Малахита» шкатулка адмиралтейцев».

Эти молодые люди были первыми среди военных моряков, кто учился иметь дело с ядерной энергией. Обучение они проходили в городе Обнинске Калужской области, где находилась первая в мире действующая атомная электростанция и институт атомной энергетики. Опыт постигался ценой здоровья многих из них. Вскоре в Обнинске будет создан постоянно действующий учебный центр по подготовке экипажей атомных подводных лодок. Мне этот учебный центр тоже хорошо знаком (подробнее об этом в следующей главе).

Из первой группы подводников значительную дозу радиации получили все управленцы. Примерно половина офицеров БЧ-5 накопила дозу, в десятки и сотни раз превышающую предельно допустимую. Упомянутый выше Борис Акулов, сыгравший такую большую роль в практическом становлении атомного подводного флота, умер в 57 лет. Правда, от инфаркта, но уже с замененным костным мозгом. А костный мозг – это первое, что поражает радиация.

Однако паники по поводу радиации в то время не было: «Кто не боится, тот жить будет и работать будет!»

Заключительный этап обучения проходил уже на борту лодки, на заводе в Северодвинске, продолжавшийся больше года. Разумеется, были очень строгие экзамены. «Нет сомнений, что если бы так экзаменовали на всех объектах повышенной опасности, не было бы у нас Чернобыля и других трагических событий, в том числе на подводном флоте», – пишут авторы книги.

Как человек, прослуживший более двадцати лет в учебных центрах по подготовке экипажей атомных подводных лодок, позволю себе добавить: ко всем экипажам атомных подводных лодок, не только к первому, во время обучения и экзаменов требования всегда предъявлялись очень жёсткие.

В апреле 1958 года первая советская атомная лодка была спущена на воду.

«Впечатление от мощности лодки было такое, будто, освободись она вдруг от непреодолимой преграды впереди, мгновенно окажется вместо берега Северного Ледовитого океана где-нибудь в средней полосе России. Сзади эту мощь не сдерживало ничто. Надо видеть, как сразу после запуска винтов лед за кормой начинал трескаться, ломаться, промоина становилась больше и больше, а через час во всей бухте бурлила вода, сталкивая и забрасывая друг на друга толстенные льдины. Все, кто видел, как наша лодка молотит воду в заливе, – от главного командующего до матроса, – понимали, какую грозную силу мы получили в свои руки», – так авторы книги первые метры, пройденные первой советской атомной подводной лодкой по поверхности моря.

Я испытывал схожие чувства, глядя не только на первую – на любую атомную подводную лодку, являющую собой сочетание мощи и красоты.

Мощь и красота. Выдающееся достижение человеческого разума – вот что такое атомная подводная лодка. И в то же время – связь с древностью. А именно – с законом физики, который известен как закон Архимеда – древнегреческого учёного и инженера. Этот закон гласит, что на тело, погружённое в жидкость или газ, действует выталкивающая сила, численно равная весу объёма жидкости или газа, вытесненного телом.

Как закон Архимеда действует в отношении современной подводной лодки, пишут авторы излагаемой мною книги:

«...Представьте себе громадную стальную сигару длиной более 100 м и диаметром около 10 м, на концах заваренную сферическими крышками. В этом прочном корпусе подводной лодки располагаются реакторы, турбины, электротехника, вооружение, оружие, электроника, жилые помещения и различные системы, обеспечивающие жизнь людей и механизмов. Прочный корпус при погружении на глубину выдерживает сотни тысяч тонн давления забортной воды. Он покрыт легким корпусом, придающим обтекаемые формы подводной лодке. В таком корпусе формируются цистерны главного балласта, благодаря которым создается запас плавучести подводной лодки. Заполняя эти цистерны забортной водой, лодка погружается, вытесняя (продувая) из них воду сжатым воздухом высокого давления, подводная лодка всплывает.

Равенство удельного веса лодки и морской воды достигается с помощью вспомогательных цистерн. Изменяя в этих цистернах количество воды, добиваются указанного равенства. Эта операция называется вывеской, она обеспечивает хорошую управляемость лодки под водой. В общем, подводникам надо соблюдать закон Архимеда...»

Волнующий момент: спуск на воду К-3. Кадр из документального фильма «К-3 – «Ленинский комсомол».

После спуска на воду – швартовые испытания (проверка всех механизмов, узлов, агрегатов и т. д.) в пришвартованном положении лодки. Затем – ходовые испытания, первое глубоководное

погружение... Всё это продолжалось до конца 1958 года. В ходе испытаний обнаруживались сотни недочётов, ошибок. Немало возникало нештатных ситуаций. Всё это надо было исправлять срочно, пока ошибки не перекечевали на другие строящиеся лодки этого проекта.

Первый морской поход, второй – более дальний... Первое погружение – на 300 метров...

К-3 в одном из первых походов. Кадр из фильма «К-3 – «Ленинский комсомол»

Таково, если очень коротко, начало истории первой советской атомной подводной лодки, в которой и я имел прямое отношение.

Подводная лодка К-3 – «Ленинский комсомол» – вошла в историю не только потому, что это была первая советская атомная лодка. На её долю выпал настоящий триумф – поход к Северному полюсу под примерно 25-метровой толщей паковых льдов и всплытие на «макушке» планеты в полынье. То есть сделать то, что пытались, но не смогли американцы. Хотя точку Северного полюса они пересекали ещё в 1958 году. Но без всплытия.

Это было в июле 1962 года. В те дни, когда я наслаждался отпуском после окончания училища в Ялте и готовился вскоре прибыть к месту службы, на эту самую К-3. В Западную Лицу, откуда лодка уходила в героический поход, и куда вернулась. Получается, как раз сразу после этого я был зачислен во второй экипаж К-3.

Лодкой тогда командовал Лев Жильцов. Первого командира Леонида Осипенко к этому времени назначили начальником учебного центра ВМФ в Обнинске.

Поход под толстыми арктическими льдами и всплытие в полынье в точке Северного полюса – это, безусловно, было выдающееся событие, возможно, сравнимое с осуществлённым чуть больше года назад первым полётом человека в космос. А к моменту похода вслед за Юрием Гагариным в космосе побывал и космонавт № 2 Герман Титов. Вот какое прекрасное, духоподъёмное это было время... Кстати, Гагарин бывал на борту К-3 в 1965 году.

Авторы книги, которую я пересказываю в этой главе, тоже проводят параллели между дальними подводными походами и полётами в космос. И находят, что подводникам в некотором смысле даже труднее, чем космонавтам.

Лев Жильцов и Юрий Гагарин – есть что-то общее в облике подводника – покорителя океанских глубин и первого космонавта. Кадр из док. фильма «К-3 – «Ленинский комсомол». Фото – из архива дочери Л. М. Жильцова

К Северному полюсу и в Средиземное море

Поход К-3 к Северному полюсу не был самоцелью. Экипаж решал и практические задачи. Одна из основных – испытание навигационных комплексов в высоких широтах.

Была поставлена и учебная боевая задача. Лодка должна была крейсировать в районе Северного полюса, лишая подводные лодки-ракетоносцы «противника» возможности нанесения внезапного ядерного удара по жизненно важным центрам СССР. Нужно было проверить работоспособность лодки в условиях низких арктических температур, когда за бортом минус два градуса и все трубопроводы забортной воды обледеневают.

Наконец, в то время карта Арктики фактически представляла собой голую сетку. Постоянно проводившиеся на борту К-3 исследования рельефа дна, течений, степени ледовитости позволили заполнить немало белых пятен, в том числе и обнаружить хребет, наличие которого только предполагалось, – одно из крупнейших географических открытий XX века.

*17 июля 1962 года.
К-3 всплыла на
Северном полюсе.
Кадр из фильма
«К-3 – «Ленинский
комсомол».*

Фото на память о пребывании на Северном полюсе.

Экипаж К-3 после возвращения домой с руководителями страны.

Однако главный результат похода был морального характера. Хотя и не планировалось первоначально, но о плавании на

Северный полюс стало известно во всем мире. Если до сих пор американцы заявляли, что уровень технологий и качество металла исключали возможность постройки подводных атомных лодок в СССР, то теперь доказательства стали неопровержимыми. СССР получил возможность контролировать заявленные им полярные владения.

Лев Жильцов, участник похода, в упомянутой выше книге вспоминает, с каким ликованием встречали их сослуживцы и все обитатели базы в Западной Лице, когда лодка пришвартовалась к пирсу. И с какой жадностью все слушали их рассказы. Очевидно, и я тоже был бы среди этих людей, тоже втайне завидовал бы всем членам экипажа К-3, если бы героический поход завершился чуть позже...

В истории первой советской атомной подводной лодки был не только большой триумф, но и большая трагедия.

В 1967 году атомный ледокол «Ленинский комсомол» был отправлен на боевое дежурство в Средиземное море. Теперь уже под командованием Юрия Степанова. С самого начала в этом походе всё шло не так, как надо. В довершение ко всему умер один из членов экипажа. Чтобы передать тело на один из надводных советских кораблей, лодка всплыла – и тем самым рассекретила себя. Пришлось возвращаться на базу.

На обратном пути, в Норвежском море, и произошла трагедия – пожар. В первых двух отсеках 39 человек сгорели в считанные минуты. Последствия могли быть ещё страшнее – взрыв всего торпедного боекомплекта. Но командир второго отсека капитан-лейтенант Анатолий Маляр перед тем, как погибнуть, успел задраить люк изнутри и тем самым предотвратил распространение огня в другие помещения.

Благодаря дальнейшим грамотным действиям командира и других членов экипажа по обеспечению живучести лодки, она прибыла на базу.

Комиссия по расследованию трагедии пришла к выводу, что вины экипажа в пожаре нет, причина – заводской дефект, допущенный во время очередного ремонта. Более того, действия экипажа, по мнению комиссии, следует признать героическими. Однако через месяц главком ВМФ С. Горшков отменил выводы комиссии и заявил, что виновник аварии – экипаж.

И только через несколько десятилетий, уже в XXI веке, благодаря настойчивости бывших участников того похода, упорно до-

бывавшихся восстановления справедливости, и при личном участии президента РФ Дмитрия Медведева, вина с экипажа была снята.

К этому времени легендарная «тройка», конечно, давно уже была на заслуженном отдыхе.

Такова вкратце история первой советской подводной лодки, которая стала хоть и непродолжительной по времени, но значимой частью моей личной биографии.

На Севере я прослужил около двух лет. То был период становления советского подводного атомного флота, накопления опыта. Мы были первопроходцами.

Немало случалось на подлодках в то время чрезвычайных происшествий. Пожары, отказ техники, сбои в механике, нарушение герметичности... Да и позже тоже. История подводного флота – всех флотов мира, обладающих подводными лодками – это, увы, и история аварий, включая гибель лодок, а значит, человеческих драм и трагедий,

Далеко не всегда причина несчастных случаев – человеческий фактор. Подводная лодка, тем более атомная, – организм чрезвычайно сложный. Потенциальные причины аварийных ситуаций на подводных лодках надо искать, прежде всего, в самой их конструкции и условиях, в которых они используются. Сравнительно малый замкнутый объем до предела насыщен энергией. Для распределения электроэнергии по кораблю и обеспечения питания механизмов проложены сотни километров кабельных трасс, установлены сотни электродвигателей и сотни тысяч коммутирующих устройств. Тысячи приборов, электронной аппаратуры, пневмогидроустройств, наличие взрывоопасных выделяющихся газов и токсичных примесей, повышенная влажность, возможное появление радиоактивности, высокие параметры энергоустановки и систем, присутствие на борту ядерного и обычного оружия – вот далеко неполный перечень, который позволяет представить, в каких условиях эксплуатируется техника, живут и работают люди...

Так что, говоря о Заполярье, я наряду с захватывающими видами скалистых берегов, сопок, моря, вспоминаю, к примеру, и силуэт подводной лодки К-19, стоявшей напротив расположения

моей бригады атомных подлодок. Среди моряков К-19 получила название «Хиросима» после произошедшей на ней аварии и других происшествий. Кстати, именно из-за аварии на К-19 в июле 1961 года, в результате которой умерли от облучения восемь человек, был отложен поход к Северному полюсу К-3. Изначально он планировался раньше.

Подводная лодка К-19. Фото: dzen.ru

Мемориал на могилах подводников, погибших в 1961 году в результате аварии реактора на К-19, на Кузьминском кладбище в Москве. Фото: Википедия

Неоднократно лодки гибли вместе с моряками. Первой из них была «К-8», затонувшая 12 апреля 1970 года в Бискайском заливе. Произошёл сильный пожар. Командир БЧ-5 не смог убедить командира корабля Паршина, что все возможности борьбы за живучесть корабля исчерпаны. Тот обвинил подчинённого в трусости... В результате половина экипажа (52 человека) погибла, в том числе мой товарищ по училищу Володя Рубеко. Мы учились в одном классе. На его месте мог быть и я, и Олег Кореньков, и Игорь Ушаков. Кто угодно из наших ребят. Эта трагедия подробно описана в документальной повести В. Шигина «Бискайский реквием».

На подводной лодке К-8 погиб мой хороший товарищ по училищу. Фото: ruspodplav.ru

Я работал в реакторном отсеке. Именно оттуда берут начало мои неприятности и большие проблемы со здоровьем. Получал облучение и не единожды. Немало времени провёл в госпиталях...

Радиация – неотъемлемая спутница моряков-подводников. Поэтому, собственно, моя служба на Севере оказалась недолгой. Немало провёл времени в госпиталях, и, в конце концов, был списан на берег.

Позже я начал поиски собственного пути к восстановлению здоровья, погрузившись с головой в эту необъятную и по-своему интересную область. И настолько важную для меня, что ниже посвящу этой теме отдельную главу.

Неожиданная встреча с флотской юностью

Но пока перенесусь в наши дни, в те дни, когда я делюсь этими воспоминаниями. Дело в том, что судьба подарила мне совершенно неожиданную встречу с моей флотской юностью. А именно – с той самой подводной лодкой К-3 – «Ленинский комсомол»! Шестьдесят лет спустя после того, как я с ней расстался...

Дело в том, что в Кронштадте создали Музей военно-морской славы России. А подводная лодка К-3 стала одним из главных её экспонатов. Но сначала первую советскую атомную подводную лодку из Северодвинска на берегу Белого моря – где она была создана, а теперь находилась там же – надо было доставить водным путём в Кронштадт. По Беломорканалу, через Онежское и Ладожское озера... Это более 2000 километров.

Уникальная операция была успешно осуществлена в сентябре 2021 года.

Начало операции – ввод К-3 в плавучий док «Свияга».

В начале пути.

Проход через один из шлюзов Беломорско-Балтийского канала. Ширина шлюза буквально на несколько сантиметров больше ширины «Свияги».

По Неве в Санкт-Петербурге буксиры и плавучий док прошли ночью: надо было разводить мосты.

Кадры из фильма «К-3 – «Ленинский комсомол»

После восстановительного ремонта легендарная «тройка» заняла своё место в качестве музейного экспоната. И это уже точно её последняя стоянка.

Официальное открытие музейного комплекса состоялось в декабре 2023 года. Я был там несколькими месяцами раньше, но, разумеется, с благодарностью принял приглашение на официальное открытие. Присутствовал я на мероприятии в качестве особого гостя – как один из троих на этот момент живых выпускников нашего факультета 1962 года. Другие два – москвич Геннадий Николаевич Борисов и живущий в Санкт-Петербурге Герман Александрович Иванов.

Можете себе представить, с каким волнением приехал на это неожиданное свидание с молодостью, стоял рядом с лодкой, на которой когда-то начинал свою флотскую службу...

Встреча с подводной лодкой, на которой 61 год назад начиналась моя флотская служба, была настолько волнующей, что у меня увлажнились глаза.

В Музее морской славы России в Кронштадте в декабре 2024 года. В этот значимый для меня день рядом со мной был и сын Олег.

Из писем

За короткий период службы на Северном флоте сохранилось несколько писем от Льва Павловича Затопляева, но наиболее активную переписку в это время мы вели с Аллой – той самой девушкой из Ростова, с которой я познакомился в Ялте во время моего отпуска после училища. Сначала переписывался с ней просто как со знакомой, потом она стала невестой, а после 25 мая 1963 года, когда мы создали семью, некоторое время, пока она не переехала ко мне на Север, переписывались как муж с женой.

Это было время зарождения нашей долгой совместной жизни с Аллой, поэтому в этих первых наших письмах друг другу было много нежности, любви, романтики.

Иногда пытался выражать свои чувства на бумаге в стихотворной форме.

Нашла отражение в этих первых наших письмах и актуальная уже тогда для меня тема здоровья, а также некоторые подробности моей службы.

Первое письмо Алле я написал 19.08.1962, сразу после прибытия к месту службы, когда ещё свежи были воспоминания о чудесном отпуске в Ялте. В нём я описываю подробности отъезда из Ялты – не обошлось без приключений.

Кроме того, благодарю в этом письме Аллу за подаренную ей книгу и хорошие слова, которыми она сопровождала подарок. То, что я написал ей по этому поводу, сегодня у многих может вызвать улыбку:

«Правда, Алюнчик, было бы чудесно, если бы все люди, населяющие нашу планету, говорили и поступали только так, как им подсказывает чувство, душа, совесть?»

А далее – о более прозаических вещах:

«Да, Алюнчик, как у вас в Ростове обстоят дела с фруктами, луком, чесноком? Здесь этим даже не пахнет. Правда, соки дают каждый день, но ты же понимаешь, что это не то. Лук и чеснок мне смогут выслать из дома. Фруктов же в Сибири очень немного. Если я вышлю деньги, сможешь организовать несколько посылок туда?»

Вот строки из последующих наших писем другу другу.

Я – Алле:

«Получил твое письмо. Большое спасибо, дорогая девчонка, за тёплые строки. Честное слово, стало как-то теплей и уютней в каюте. Молодчина, Алюнчик! Я хотел во втором письме просить, чтобы ты выслала своё фото. Ты же угадала мои мысли на расстоянии. Отлично! <...>

Милая Алесечка, у меня всё нормально. К ноябрю надо сдать на самостоятельное управление. Сроки поставило командование. Практически же не знаю, реально ли это. За это время надо поднять весь материал, а это огромный объём, времени же на самостоятельную проработку пока явно не хватает. Втянусь, возможно, будет легче. Вот понемножку и «втягиваюсь». Купил себе домашние туфли, ботинки на меху, теплые шерстяные носки. Написал Ушаковым, чтобы присмотрели мне шерстяной свитер и выслали, здесь их в продаже нет. Домой написал, чтобы выслали чеснок и лук.

Как видишь, Алюнчик, втягивание идёт полным ходом. Ты знаешь, первая полярная ночь обычно переносится тяжело. Круглые сутки тяжело. Частые метели. Это не способствует мажорному настроению, скорее, наоборот. Вот и стараюсь пододеться потеплее. Когда тепло, не так тоскливо от томящего одиночества. Летом из этой стальной коробки можно убежать в сопки или на спортплощадку. Зимой же мы лишены такой возможности. Вообще-то, поживём, увидим. Самое главное в нашем положении – несмотря ни на что, никогда не унывать.

(01.09.1962)

Эту фотографию Алла прислала в одном из первых писем мне на Север.

На следующий день я в порыве чувств я написал Алле и под влиянием полученной накануне фотографии я написал ещё одно письмо любимой – в стихотворной форме:

*«Аллюнчик, дорогая, добрый день!
Своим письмом развеяла ты тень,
Которая спустилась надо мной,
Моею непокорной головой.*

*Вот месяц пробежал после разлуки.
А сколько их, ненастных, впереди!
Как хочется обнять тебя и взять за руки,
На сопки повести, нарвать цветы.*

*Мы призваны границы охранять.
И ты, любимая, должна понять,
Что многое зависимо от вас,
От ваших любящих и дорогих нам глаз.*

*Вот выслала ты карточку свою.
Смотрю я на неё, ещё смотрю...
Проходит пять минут, ещё пятнадцать...
Моё лицо светлей. Улыбка. Радость
Заполнила меня и все вокруг
И ветер злющий вдруг
Становится немножечко теплей.
И тучки на небе пошли быстрее.
Вот лучик солнца заглянул в каюту,
Прибавилась еще капелечка уюту.*

*И я по-прежнему смотрю в любимые глазори.
Любуюсь ими, провожу рукой.
Губами припадаю... Как на море,
Когда мы были рядышком с тобой.*

*Здесь часто вспоминается бывшее –
Прогулки наши, встречи и иное...
Поцелуи, летучие, как ласточки, дурмящие, как хмель,
Проходят дни, еще... и вот над нами тень,
Мне надо уезжать. И боль разлуки*

Заполнила сердца. И наши руки
В последний раз метнулись навстречу...
Я думал, где, когда же снова встречу
Свою любимую Олесю из Ростова...
И вот я снова, слышишь, дорогая, снова
На карточку смотрю, не отрываясь,
И все в моей душе переменялось,
Ведь я хочу, чтоб сердце дорогое
Не открывалось больше никому.
Твоя любовь и многое другое
Всю жизнь принадлежали одному.

Кончаю с лирикой, перехожу к делам.
Здесь лирика не всем по вкусу.
Привыкли больше не к любви, к укусу...
Немногим здесь завидую мужам.

Так вот. Устроился неплохо.
По вечерам играем в преферанс.
А если вдруг появится охота
Почитать. Идешь в библиотеку. Недалеко от нас.

Театров нет, кино через движок.
Но это ничего, любимый мой дружок.
Работать над собой можно везде –
Читать, писать. Читать и вновь писать.
Победы добиваются в труде.
И каждый с детства должен это знать.

Алюнчик, новостей у меня немного.
У нас все дни – почти что близнецы.
Ложись спать и вдруг – сигнал тревоги.
Свободная минута – все чтецы.

Читают много. В основном журналы.
«Роман – газету». «Огонек» в большом ходу.
Есть библиотека. А в сильные бураны
Большое место здесь отводится «козлу».
Вот краткая картина наших будней.

Пиши, родная, не тяни с ответом.
Привет родным, подругам передай.
С самым наиискренним приветом,
Эдюшка милый и Тимка-угадай».

(Тимка – это бездомный котёнок, которого мы приютили)
(02.09.1962)

Я – Алле:

«Получил письмо с открытками. Теперь визуально немного знаком с твоим городом. Рассматриваю открытки, а на языке уже рифма:

Ростов – чудесный город,
Мечтаю о тебе!
Ты сердцу стал мне дорог.
Всем сердцем рвусь к тебе!

Живет там друг любимый,
Алюнчик, милый друг.
Ростов! Ты стал мне милый,
Милее всех вокруг.

Алюнчик! Скоро уже час ночи. В 6 подъём. Поэтому долго расписывать некогда.

В общем, всё идёт нормально. Завтра пойду сдавать первые вопросы из зачётного листа. Наряду с подготовкой к сдаче приходится заниматься и другими побочными делами. Так, вчера проводил с матросами строевые занятия. К понедельнику надо подготовиться к проведению политзанятий. Кроме этого, после прошедшего партсобрания, приходится заниматься выпуском боевого листка. Только что закончил обработку первого номера. В дальнейшем к этому делу надо будет привлечь матросов и старшин, а то туговато одному придется...»

(04.09.1962).

Я – Алле:

«Дорогая Алеська, а вообще-то друг другу мы пишем редко и мало. Тебе не кажется? Письма короткие и неглубокие.

В последнем письме ты пишешь: «Если начать перечислять все тревожащие меня вопросы, не хватит места на бумаге». А всё письмо занимает страничку с четвертью. Где же эти вопросы? Не

надо носить их в себе и дожидаться встречи. Получив твоё очередное письмо, я достану твою фотокартточку, ставлю перед собой и только после этого начинаю читать. Читаю и смотрю на тебя. Прочту раз, другой и долго пристально смотрю в милые глаза. Начинается немой разговор...

Мало, очень мало ты пишешь о себе. Всё только в общем. Поэтому и разговор наш заочный получается какой-то поверхностный, не душевный. Не всегда так, но часто. Конечно, при встречах всё разрешается гораздо проще. Часто слова бывают даже излишни. Любимый взгляд, прикосновение нежных рук, поцелуи говорят всё и гораздо понятней, чем тысяча слов.

С разлукой всё значительно осложняется. Иногда почти невозможно подобрать слова, которые передали бы то, что волнует тебя в данный момент, всю теплоту, которой хочется согреть душу дорогого тебе человека. И всё же надо постоянно стремиться к этому. Ты пишешь: «Стоит такая чудесная погода. А вот на душе у меня постоянно тревожно, как будто что-то должно случиться...»

Разве я своими письмами дал к этому повод? Молчал 3 недели, ты написала страничку обиженного письма. А если бы я за 2-3 месяца ничего не присылал, ты что, никогда не простила бы мне этого? Выдумала бы чёрт-те что и не стала бы отвечать? Но ведь мы, подводники, просто не имеем возможности поддерживать регулярную переписку. Я говорил тебе об этом. Ты, наверное, забыла, да?

Ты сидишь дома, среди друзей и знакомых, ходишь в кино и театры. Небольшой перерыв в переписке – и уже подумала что-то очень плохое.

Гораздо сложнее жить без связи с Большой землёй, без элементарных радостей жизни, и верить каждому слову далёкой подруги, хотя часто слов этих и не так уж много... Для тебя слова Большая земля, театр и даже кинотеатр, танцы и рестораны и т. д. лишены какого-то особого смысла. Здесь же об этом мечтают... Понимаешь, мечтают о том, что для тебя естественно, а для нас — недостижимо в данной обстановке.

Ты пойми, милая Алесь, всё это я пишу не для того, чтобы в чём-то упрекнуть тебя. Просто мне немножко обидно, что ты быстро поставила под сомнение то, что доставляет мне радость. Мне кажется, главная беда в том, что ты мало веришь мне. Поэтому и пишешь, не раскрывая свою душу. Слова «родной», «милый», «дорогой», «любимый» и им подобные ещё ни о чём не говорят. Особенно если учесть тот факт, что этими святыми когда-то словами, в

наше время разбрасываются налево и направо, часто не отдавая себе полного отчёта в их глубоком значении.

Я верю, что ты не такая. Ты гораздо глубже. Почему же ты мне не веришь? Мы мало знаем друг друга. Очень жаль. Часто с сожалением думаю об этом.

Наша переписка и должна помочь нам как можно глубже разобраться друг в друге. Понять, что настоящее, а что наносное, и есть ли между нами самое Настоящее, к чему каждый человек стремится в жизни.

Мы обязательно встретимся. И произойдёт это не в Ленинграде, а у тебя дома. Как только представится возможность, я прилечу в Ростов, к тебе домой. Полечу в Ростов, а не в Ленинград или Омск. Полечу к тебе, а не к кому-то другому. Хотя мы с тобой были знакомы меньше двух недель, а в Ленинграде и Омске меня ждут люди, с которыми я знаком годы, я хочу видеть и быть со своей Алесей.

Но действительно ли ты моя и только моя? На этот вопрос хотелось бы знать конкретный ответ. Я не дурак, чтобы лелеять надежду, что у тебя нет знакомых юношей. Ты же не монашка, отлично отдаю себе в этом отчёт. Тем более что ни ты, ни я ничего друг другу не обещали и никаких заверений не давали.

Но насколько серьёзны и прочны эти отношения? Можешь не отвечать на этот вопрос. Но ты сама должна иметь в этом вопросе ясное представление. И я прилечу только в том случае, если будет уверенность, что наша встреча не осложнит твою жизнь, а, наоборот, она станет светлой и радостной...»

(01.11.1962)

Я – Алле:

«Наконец-то, первый раз за много дней, привезли почту. Целая пачка писем. Вот, действительно, подарок к празднику. Я уже так привык к твоим посланиям и жду их постоянно с таким нетерпением, что они стали неотъемлемой частью моего существования, источником всех радостей. Приходит почта, а с ней письма любимой девчонки – большой праздник. Стоит ей только задержаться и уже становится не по себе.

Праздник встречаем вдали от Большой земли. 7.11 слушали по радио парад. Затем был праздничный обед с моряками. Обидно, что в такой день даже не дали по 50 грамм, положенных на обед в море. Мысленно представил, насколько было бы всё по-другому, окажись мы сейчас вместе.

В эти дни, чтобы внести какое-то разнообразие в повседневный распорядок, мы с однокашником Павлом Спиваком провели литературную и музыкальную викторины. Первую составил я, вторую он. И ты знаешь, Алюнчик, обе викторины дали вполне положительные результаты. Ответы на вопросы показали, что моряки сейчас пошли грамотные. Этого, конечно, и следовало ожидать, т.к. в основном все с десятилеткой.

Устроили с Павлом импровизированный концерт-конкурс. Тяжеловато вначале их было раскачать. Пришлось нам с ним читать Евтушенко, Есенина. Затем дело пошло на лад. Начались песни, игра на баяне, гитаре. Народ повеселел. Командование тоже осталось довольным.

Провели соревнование по поднятию гири. 8.11 дал сеанс одновременной игры. Одну всё-таки проиграл, девять партий выиграл. Выигравшему подарил шахматы, а последнему проигравшему, самому стойкому из участников, подарил книгу по шахматам с автографом.

В общем, моряки таким разнообразием мероприятий остались довольны. Для нас же с Павлом это были не праздники, а дни, ещё напряжённее рабочих дней, т.к. все часы вынуждены были проводить с моряками. Кто-то же должен заниматься ими. Офицерам постарше это уже, вероятно, надоело. Вот мы и взяли на себя эту миссию. А вообще-то всё это только на пользу.

С офицерским составом сошёлся уже довольно хорошо. 7-го вечером они меня пригласили отметить праздник. Конечно, пил и за тебя, моя далёкая Алеська, за нашу скорейшую встречу, которая, к огорчению, откладывается на неопределенное время.

Ну, ничего. Будет и у нас совместный праздник. Обязательно будет. Я верю в это».

(13.11.1962)

Алла – мне:

«Сегодня ты уже должен получить мои письма, и вот я пишу тебе опять. Ты ведь любишь получать письма! Как и я.

Я так хочу быть с тобой, и вот поэтому так часто пишу. Как я жду нашей встречи! Все мои мысли всегда связаны с тобой. Ты должен верить мне! Моя любовь к тебе – это моя жизнь, труд, моё желание быть только с тобой. Как я хочу, чтобы и ты любил меня так, как я тебя!

Сегодня воскресенье, прошла ещё одна трудовая неделя, так быстро бегут дни.

Сегодня утром проснулась и вспомнила, в который уже раз, наши встречи на юге. И я не хочу верить людям, которые считают, что знакомства на юге не могут быть серьёзными. Мне просто жаль их!

Эдик, милый! В каждом письме я прошу тебя: береги себя! Ты знаешь, у нас есть одна знакомая, которая, увидев твою фотографию, начала рассказывать о своём сыне, он служит на Дальнем Востоке и тоже подводник. Таких страстей наговорила! Теперь подготовь себя к моим столь частым письмам.

Как послушаю последние известия, ещё больше тревожусь о тебе. И чего надо этим заокеанским «друзьям», сидели бы там у себя, не тревожили людей! Хочется хотя бы чем-нибудь помочь тебе в твоей службе!

До чего же хорошо, что ты живёшь на свете, как хорошо, что я встретила тебя! И пусть пока ты далеко от меня, я верю тебе, и всегда буду ждать тебя, мой родной!

...А Ростов наш всё такой же. Вчера и сегодня идёт небольшой дождь, ведь уже осень. Очень жду праздников, почему-то уверена, что смогу увидеть тебя. Хочу верить в это!

Вчера смотрела по телевизору спектакль Московского театра Маяковского «Гостиница «Астория». Так хорошо играли артисты, что иногда просто забываешь, что ты на спектакле».

(1.10.1962)

Я – Алле:

«Получил письмо, датированное 9 сентября. Действительно, как долго они идут. Почти 10 дней в дороге. А хочется получать их гораздо раньше.

Алюнчик, родная! Давай договоримся с тобой так. Писать, не дожидаясь письма. Как захочется. По потребности... Получаешь одно письмо, а в дороге ещё несколько. Тогда будет нормально. И ожидание покажется не таким долгим и тоскливым. Перед этим ты писала 27 августа, следующее – 9 сентября. Очень долго приходится ждать желанной весточки.

И второе. Давай избегать отписок, то есть писем ради количества. Для хороших строк нужен какой-то внутренний толчок, желание поговорить, и поговорить тепло, душевно...

Никогда не надо писать наспех. И тем более, боже упаси, садиться за письмо, когда мысли где-то далеко... Никогда не надо отделяться только общими словами, какими бы тёплыми они ни

казались. <...> Я хочу немногого, но, вместе с тем, и очень многого: чтобы каждое письмо составляло частичку нашей жизни. Пусть они будут приходить нечасто. Но они не должны быть такими, какие пишут мне родные, друзья. Нам ещё не хватает внутренней связи, связи между строк. Бывают письма, которые постороннему человеку ничего не скажут, а ты цветёшь, как именинник, и на душе празднично. Чем быстрее мы обретём эту внутреннюю связь, тем прочнее будут наши отношения. Мне очень этого хочется. Да и тебе, судя по словам «родной», «любимый», «дорогой», тоже дороги наши отношения. Так ведь? Вот пока и всё по сути переписки.

Алеся, только правда в наших письмах, полнейшая откровенность. Договорились?

Дух правды – мой идол и бог, которому я с детства привык поклоняться. А ты? Давай рассказывать друг другу всё без утайки. О прошлом, настоящем и будущем. Обо всех своих радостях и огорчениях...

Вот чёрт, тревога! Кажется, уходим в море». (28.10.1962)

Я – Алле:

«Вот это «романтика»! Две с лишним недели не получали газет, журналов, писем. Жили это время только радио. В море шторм. Здесь пурга. Дорогу замело. Несколько машин застряло на пути сюда. Пробиваются с помощью вездеходов и бульдозеров.

Воспользовавшись временным затишьем, морем пробилась «Санта Мария». Так здесь называют грузовое судно, обеспечивающее связь с Большой землёй. Через несколько часов должен был идти обратно. Написал быстренько письмо, чтобы ты не волновалась, моя роднулька. Но усилившийся ветер помешал выходу. И это к лучшему, можно будет отослать более обстоятельное послание.

Сразу же, Алёничик, хочу тебя предупредить, чтобы ты не волновалась, если будут вынужденные перерывы в нашей переписке. Понимаешь, милый человек, зимой связь очень паршивая, не считая выходов в море, о которых, естественно, я не могу ставить тебя заранее в известность.

Любимая Алеся, но ты знай, что я постоянно думаю о тебе. Мечтаю постоянно о скорейшей нашей встрече. К сожалению, в связи с обострившейся обстановкой в мире она откладывается на неопределённый срок. По крайней мере, до Нового года об этом даже не стоит и мечтать.

Зато я мечтаю, когда мы сможем с тобой ходить в театр, кино, различные другие заведения, а затем живо обсуждать увиденное и услышанное. Спорить, может быть, даже на минутку ссориться, а затем мириться. А самое главное, хочется поскорее встретиться. Просто поговорить, нежно обнять, поцеловать раз, другой, третий. Говорить и целовать, целовать и говорить. Зацеловать до умопомрачения, до потери сознания... Скучаю сильно по нежной женской ласке, по театрам, танцам, хорошим артистам... В общем, по всему, что доступно в каждом цивилизованном городе, и чего лишены мы.

Можешь себе представить, что за 3 месяца я лишь дважды разговаривал с девчонками, и то это были жёны моих же товарищей. А сколько впереди ещё месяцев! Лучше, конечно, об этом не думать.

Постоянное общество мужчин. Частые циничные разговоры в их среде. Дом – железная коробка. Праздник для холостяков, когда выдаётся «шило», и тоска без него. Всё это мало способствует оптимистичному настроению. Нужны колоссально крепкие нервы, чтобы созерцать это с олимпийским спокойствием, и даже с юмором относиться к ситуации. Большинство здесь – отличные ребята, которые, несмотря ни на что, сохраняют жизненный оптимизм. Я не осуждаю их в том, что они ужасные циники. К этому вынуждает жизнь. Ведь, что греха таить, наряду с отличными подругами подводников, встречаются девки с подлой, маленькой душонкой, которым нужны только деньги, а не человек.

Конечно, милая Алеська, я не возражаю, что к шефству над флотом присоединишься и ты. Не знаю, как кому, но мне оно очень необходимо. Радует, что ты всё лучше понимаешь слова: «служба на флоте – серьёзный экзамен для каждого молодого человека». Это хорошо. Однако гражданский человек никогда не сможет понять, что же на самом деле кроется за этими словами, пока сам всё не испытает на собственной шкуре. Всё гораздо сложнее, чем ты представляешь.

К примеру, матросы у нас от отпуска до отпуска никуда не увольняются, то есть многие месяцы проводят на одном и том же месте, занимаются одним и тем же. Слов нет, как это тяжело морально. Немногим легче и офицерам, особенно холостякам.

Я также занимаюсь изо дня в день примерно одним и тем же. А именно: учусь теоретически и практически, выполняю свой долг на работе. Мечтал года через два поступить на заочное отделение журналистики в Ленинградский университет. Однако мечте моей не суждено осуществиться. Ничего, дорогой человек, я не расстраи-

ваюсь. Пушкин, Чехов, Толстой и многие другие также не получали специальное образование. Так что меня это не смущает. Не пропало бы желание писать, не затянула бы текучка, и всё будет нормально.

Здесь организуется выпуск своей газеты. Беседовал с редактором, предложил ему свои услуги. Он отнёсся к этому положительно.

А как твой «Комсомольский прожектор»? Пользуется ли успехом? Что вы в нём отражаете? Какая роль принадлежит непосредственно тебе в его выпуске?

За программу спасибо, дорогая Алеська. Но больше их не высылай. Я ведь, будучи курсантом, все деньги оставлял в театрах. Ходил туда при любой возможности. Теперь ж сильно тоскую.

За мои строки сомнений и ты меня извини, родная Алюнчик. Строки эти были написаны под настроение. Я верю тебе и всегда буду верить до тех пор, пока ты сама будешь стремиться сохранять нашу веру...»

(29.10.1962)

Я – Алле:

«Как хорошо, что ты есть у меня. Много радости и тепла приносишь ты своими письмами. Тёплыми, нежными словами и заботой. Ты как бы постоянно растапливаешь корочку льда, образованную стужей, непогодой и одиночеством. Не будь твоих писем, недолго и совсем замёрзнуть... <...>

В последних письмах ты приглашаешь на праздники к себе. Спасибо, любимая. Но эта мечта в данный момент неосуществима так же, как если бы мне сейчас вздумалось полететь на Луну. Ты, вероятно, слышала по радио, что все стратегические войска приведены в наивысшую готовность. Так это, в первую очередь, относится и к нам. Демобилизация, отпуска и различные выезды запрещены. Как долго это будет продолжаться, сам дьявол не знает. Теперь предстоит только ждать просветления в нашей серой повседневной жизни.

<...>

Всё время занимает текучка. Если вечером выпадет свободный часик, то приходится заниматься изучением техники, различного рода инструкций и наставлений.

Зима прочно вступила в свои права. Морозов больших пока не было, но пурга метёт частенько...»

(02.11.1962)

Поздравительная телеграмма Алле по случаю 45-ой годовщины Октябрьской революции.

Я – Алле:

«...Сейчас перечитал все твои письма. Сколько в них тепла, ласки и любви... Оказывается, на некоторые вопросы я не дал ответа. Восполню пробел.

В офицерском жилгородке телевизионные передачи смотрят, но только мурманские. У нас же, живущих на плавбазах, нет даже радиоприёмников. Москву, Мурманск, иногда Ленинград слушаем на общекорабельной радиотрансляции.

Дорогая Аленчик, пишешь ты сейчас мне очень часто. Спасибо, милая девчонка. Предпоследнее же письмо моё было написано давно, я его раздумал тебе отсылать, т.к. уже в то время оно мне показалось не совсем справедливым. Однако, сразу его не порвал. А затем нечаянно отослал. Вместе с другими письмами. Страшно после этого расстроился. Прошу тебя не придавать ему большого значения и забыть.

Много думаю о тебе, о нашей встрече. Так хочется, чтобы она произошла как можно скорее. Однако, пока все слишком неопределенно. Но мы обязательно встретимся.

Чувствую себя хорошо. Берегу себя, выполняя твою просьбу, насколько это только возможно.

Погода у нас стала лучше, потеплело. С сопок сошёл снег, ветер по-весеннему приятный. <...> Время 2:15. Ты сейчас крепко спишь. Спокойной ночи! Крепко целую».

(15.11.1962)

Я – Алле:

«За письма, отосланные по старому адресу, не беспокойся. Я получил их все. Друзья побеспокоились. Ещё раз, дорогая, от всей души спасибо за тёплые слова, за телеграммы. <...>

«Короткого» (рабочего) дня (отвечаю на вопрос Аллы) конечно, у нас не существует, так же, как и праздники проходят иначе, чем у вас. На Большой земле абсолютно всё иначе. Да это и правильно. Весь народ должен хорошо и заслуженно отдохнуть от трудовых будней. Мы же призваны для того, чтобы оберегать ваш спокойный сон, беззаботный отдых. Это почётная задача, говорят. Правда, лично я от такого почёта особого оптимизма не испытываю, а постоянно мечтаю о том, когда повторятся вновь чудные, незабываемые, южные вечера, когда мы были только одни, я и ты. Ты и я. Море. Лукавая луна, подглядывающая из-за туч за влюбленными... Тихие, благоухающие вечера. Аура. Ахун. Танцы. Долгие, приятные прогулки. И поцелуи... <...>

Из-за своей доверчивой, открытой души, я получал только плевки да шишки. Поэтому, прошу тебя, не осуждай меня за недоверчивость. Со временем всё должно встать на своё место. Я хочу верить всецело, но... Вера, убеждения появляются в результате совместной жизни, при преодолении различных трудностей, неурядиц; в радостях и огорчениях. Мы же слишком мало друг друга знаем. Я имею в виду очные встречи, а не переписку. <...>

Алеся, мы с тобой взрослые люди и должны по-взрослому всё оценивать. Нам уже не по 17 лет, а гораздо больше. По письмам же нашим этого не скажешь. Ты мне даришь много таких слов, которые обычно предназначаются очень близкому человеку. Я тоже стараюсь отвечать тем же. Однако не рано ли всё это? Не останется ли на сердце глубокая, долго не заживающая травма, если все эти слова так и останутся красивыми словами на бумаге?

Подумай над этим, пожалуйста. <...>

Твою телеграмму ко дню рождения получил, правда, с большой задержкой, как и все остальные. Однако, задержка была вынужденной. Фотку тоже получил. Выглядишь чудесно, просто прелесть!»

(15.11.1962)

Я – Алле:

«Алеся! Почти в каждом твоём письме можно найти такие строки: «...Очень люблю, скучаю... хочу только одного – быть с тобой!.. Закрываю и открываю глаза почти всегда с мыслью о тебе, о нас... Хочется быть с тобой, даже на твоём далёком Севере...»

Что я могу на это сказать? Оставим всё до встречи. Не будем заранее связывать себя бумажными клятвами и заверениями. <...>

И если уж до конца вносить ясность в этот вопрос, то могу добавить, что в ближайшие год-два, а может, и три, я вряд ли решусь жениться. Прежде мне надо свершить задуманное – написать две книги, а потом уже думать об устройстве личной жизни. Тебя такой вариант может и не устроить. Поступай так, как считаешь правильным. <...> Ты сама видишь, как мизерно мало мы знали друг о друге, расставаясь на юге. И, мне кажется, ставить в данный момент вопрос о нашей совместной жизни было бы преждевременно.

<...>

Неужели у вас на даче до сих пор сохранился свежий виноград? Удивительно! Завидую.

Алеся, милая, чеснок у меня ещё есть, много. До весны хватит.

На днях «батя» из Омска прислал яблоки и банки с вареньем из малины, смородины и яблок. Попировали на славу”

(22.11.1962)

Я – Алле:

«Ты милая, хорошая, чуткая девчонка. Действительно, мой девиз – искренность. Именно поэтому я так и обращаюсь к тебе. Пишу сердцем, а не головой. <...> Если даже нам с тобой по каким-то причинам и не суждено быть навсегда вместе, то письма твои ещё долго, а может быть, всю жизнь будут согревать моё обледеневшее сердце, потому что каждая строка в них, каждое слово пронизаны сердечной заботой, лаской, сочувствием и любовью. Ты помогаешь мне жить, работать, стремиться к чему-то заветному. Ты начинаешь пробуждать желание жить, дышать, верить в более светлый и прекрасный завтрашний день.

Мне хочется приехать в Ростов, однако я начинаю колебаться: если представится возможность поездки на Новый год, то что выбрать? Питер, город, чья красота навек пленила, где много старых друзей и знакомых, или Ростов-на-Дону, за которым, не будем скрывать, стоит сплошная неизвестность?

<...>

В основном всё обстоит по-старому. Однако если в первое время всё свободное время я уделял работе и учёбе по специальности, то сейчас старая привычка взяла верх. Я ужасный книголюб. Про таких говорят: хлебом не корми – дай книжку почитать. Так вот, время своё стараюсь планировать таким образом, чтобы часик-другой оставались свободными. Пока получается. За последнее время прочитал «Зима тревоги нашей» Стейнбека и «В застенках Маутхаузена» Сахарова. Первую сильно расхвалили по радио, но мне она не очень понравилась. Во второй же приводятся интересные статистические данные. Сейчас завершаю «Молодые львы» Ирвина Шоу. Интересная и стоящая книга. Заставляет о многом задуматься. Если представится возможность, постараюсь прочесть.

Библиотека у нас неважная. Поэтому приходится довольствоваться немногими книгами, которые изредка поступают в книжный магазин. Чтобы каким-то образом восполнить этот пробел и не слишком поддаваться всеобщему флотскому отупению, с января подписался на ряд газет и журналов. Выписал «Литературку», «Комсомолку», «Советский спорт» и, конечно, «Красную Звезду» и «На страже Заполярья». Журналы: «Новый мир», «Октябрь», «Огонёк», «Советский Союз» на английском языке, «Шахматы» и «Морской сборник». К огорчению, не смог выписать «Иностранную литературу», «За рубежом» и «Экран» наш, польский или английский «Film».

Сейчас 02 часа и 12 минут.

Спокойной ночи! Приятных сновидений!»

(06.12.1962)

Алла – мне:

Сегодня получила твоё письмо. Конечно, очень рада, ведь я всегда жду их – твои письма. Почему-то это было отослано 6.12.1962 в 13:00 из Ленинграда. Ты с кем-нибудь передал письмо, да? И в дороге оно было всего 3 дня!

У меня пока всё так же. Вчера первый день была на работе. А вечером попала на Ленинградскую эстраду с участием Олега Милевского. Вчера у них был прощальный концерт. Получила огромное удовольствие, если учесть ещё и то, что за 12 дней телевизор страшно надоел.

Каждый день слушала прогноз, так что знаю, какая погода у вас на Севере. Сегодня и у нас, кажется, зима. Не знаю, долго ли продержится такая погода, но сейчас очень холодно.

Приближается Новый год... Что принесёт он каждому из нас? Сейчас хочу только одного: первую ночь 1963 провести вместе с тобой! А дальше – хочу, чтобы для тебя он стал самым счастливым, самым радостным! И чтобы за Ростовом-на-Дону перестало «скрываться неизвестное» ... хотя бы в новом 1963 году.

Эдик, милый! Не сердись, если в прошлых письмах чем-либо обидела тебя. Поверь, я не хотела этого! Мне так же, как и тебе, порой бывает очень трудно. Любить, верить, ждать, надеяться – нелегко! А особенно это трудно в постоянной разлуке...

Ты вот пишешь, что я слишком часто называю тебя «милым», «любимым» ... Но почему я должна молчать, если всё это действительно так? <...> И пусть мы не будем вместе, пусть у тебя будет друг дороже меня, ты должен верить, что я не лгу. <...>

Завтра у нас семейный праздник – день рождения мамы, ей уже 47. Интересно, какой буду я в её возрасте? Хотя пусть лучше время не спешит.

(09.12.1962)

Алла – мне:

«Захотелось поговорить с тобой, а сделать это могу только в письме. Уже скучаю, поэтому и пишу!

Не могу смириться с мыслью, что мы опять расстались, опять разлука...

Постоянно успокаиваю себе тем, что скоро вновь увижу тебя. И всё равно скучаю!

Такая тоска порой сжимает сердце. В голову начинают лезть всякие глупые мысли. Тогда я читаю твои телеграммы и вспоминаю в мельчайших подробностях нашу встречу.

Не думай только, что твоя Алеся не умеет ждать. Как хорошо, что наградой за долгие разлуки является встреча! <...>

Вчера вечером, часов в 11, принесли твою телеграмму, я уже лежала в постели, мама вошла, говорит: «От Эдика!» – и замолчала. Я до того испугалась, что потом не могла заснуть часов до двух ночи!

Рада, что до Ленинграда добрался хорошо, а как дальше?

Эдинька! Пожалуйста, береги себя, только тогда я буду здесь спокойна.

С этой зарплаты начинаю откладывать деньги... А как ты? Ещё не раздумал?»

(17.12.1962)

Алла – мне:

Сегодня уже 21 декабря, четверг, до Нового года осталось так мало! Это моё письмо ты получишь дней через 8, то есть числа 28-29. Так хочется мне самой быть вместо письма там, с тобой!

У вас будет настоящий Новый год, с морозом и снегом, а у нас...
<...>

Телеграммы твои я все получила, ты – умница, что отправляя их. В дальнейшем, если будет некогда ответить, можешь телеграфировать. <...>

Новый год собираюсь встречать на балу во Дворце или... дома. Если дома, то только с тобой, потому что родителя уходят.

За прошедшие 5 дней разлуки с тобой новостей никаких нет. Единственное, где побывала, – это на концерте Абдиняна. Сейчас посмотрела по телевизору хороший спектакль «Наташкин мост», транслировали из Москвы, я такие передачи стараюсь не пропустить.

Ну что же! Пусть наступает 1963, и настроение в новогоднюю ночь должно быть самое чудесное! Пусть он будет самым удивительным годом в нашей жизни! Эдик, милый, мы будем счастливы, правда?»

(22.12.1962)

Я – Алле:

«Долго молчал. Что же поделаешь. В этом и есть трудность нашей профессии. Милая Аллунчик, принимал первое, так сказать, крещение. Поболтался немного в море. Поэтому и такая задержка с ответом.

В море много думал о тебе. Ждал с нетерпением возвращения, когда смогу прочитать желанную весточку из Ростова. Вот и берег. Каюта. Ждёт письмо. Какая радость!!! Извещение на посылку. Здорово! От огурцов и яблок, конечно, остались «рожки да ножки». Остальное сохранилось отлично. Теперь мы защищены от авитаминоза на несколько месяцев. Спасибо, родная, за заботу.

Честно признаться, завидую тебе немного. Пишешь, что ходила в театр, смотрела то-то и то-то. Мы этого всего лишены. Просмотр фильмов, да и то, в основном, старых, – и на этом культурная жизнь заканчивается, если отбросить книги и журналы. Ну да ладно, будет и на нашей улице праздник. Правда? Не век же здесь жить.

Когда ходил за посылкой, купил в городке шерстяной джемпер. Так что твоё пожелание «беречь себя» стараюсь выполнять. Чувствую себя нормально. Погода пока стоит хорошая».

Я – Алле:

Москва – минус 9, Ленинград – минус 13, Мурманск – минус 18, Североморск – минус 21 градус.

Ещё ниже температуры опускалась в моём сердце, когда самолёт уносил меня от тебя. И чем дальше, милая Аллунчик, тем становилось холоднее, неуютнее и тоскливее на душе.

Вот кратко о том, что произошло за прошедшие дни.

Через два часа Москва. Ещё через полтора маршрутное такси доставило меня из Внуково на Шереметьевский аэродром. В 15:30 – вылет на Ленинград. Однако снова из-за метеоусловий произошла задержка до 18 часов. В 19:00 был у Ушаковых. Прощальный ужин. Сборы. Ванна и сон. В 05:00 подъём. В 6:00 снова аэропорт. В 07:00 вылетел на Мурманск. 3,5 часа на перелёт. Ещё два на переезд до Североморска. И здесь я узнаю, что с пятницы разыгравшийся шторм прервал всякое сообщение. Народу скопилось уже порядком. В гостинице мест не оказалось. Пришлось возвращаться в Мурманск, где в одном доме всем «бездомным» офицерам предоставляется койка. Так прошла первая ночь.

Утром снова был на причале. Сказали, что катер, возможно, пойдёт в 14:00. Затем время его отхода отложили до 17:00. Затем до 21:00, 02:00 и, наконец, до 6 часов утра. Ночь прошла в томительном ожидании. Специально оборудованного помещения здесь нет. Ютились все в двух небольших комнатухах. Не то, что лечь, многим негде было даже присесть. Мне-то ничего. А некоторые офицеры ехали с жёнами, двое – с маленькими детишками. В конце концов, катер и в 6 часов не пошёл. Выход разрешили лишь вечером. И тут началось...

Посудина берёт на борт 75 человек, а нас скопилось раза в два больше. И каждому надо обязательно уехать. Давка продолжалась с час. В результате были посажены жёны и старший офицерский состав, а остальным было приказано очистить палубу. Однако я, воспользовавшись отсутствием капитана на мостике, прошмыгнул на корму. Там таких «зайцев» было ещё пять человек. Сорок минут под пронизывающим ветром, и вот концы отданы. Все вздохнули облегчённо и спустились в трюм отогреться. Через 2,5 часа было получено штормовое предупреждение: ожидается усиление шторма

до 8-9 баллов, а вместе с ним и приказ вернуться назад. Места, добытые с таким огромным трудом, никто не хотел покидать. Ночь провели в трюме, прижавшись друг к другу.

Утром всем приказали выгрузиться и... ждать прихода тральщика, который должен забрать всех. Мне-то что, собрал чемоданчик и был таков. А ведь были люди с семьями, маленькими детьми. Возмущению такой организацией не было предела. Короче говоря, к месту добрался лишь в пятницу, в 3 часа ночи.

Ветер, метель. Холодина ужасная. Прибывший автобус забрал, конечно, немногих. Час ходьбы. Несколько раз растирал руки. И... поиски своей каюты. Оказалось, что за время отсутствия плавбаза, на которой жил, ушла, и всех переселили в другое место.

Однако всему приходит конец. Найдена каюта. Постель и сон до обеда. Наутро хрипел, как испорченный патефон. Схватил ангину. Поднялась температура.

Прошло ещё два томительных дня, и вот я уже снова пишу тебе письмо, моя далёкая, желаннейшая подруга. Сейчас самочувствие нормальное.

Теперь несколько месяцев с почтой будут сплошные мучения. Газеты иногда приходят на 7-й и даже на 10-й день.

Сейчас буду писать домой мамочке. Всё представляю ей так, как есть на самом деле. Интересно, что она ответит? Конечно, сразу же изведу тебя, дорогая Аллунчик. Мама у меня хорошая. Думаю, она поймёт душу своего тоскующего сына».

(25.12.1962)

Алла – мне:

«Вот и пролетела неделя, как ты опять улетел. И опять потекли обычные дни, полные тревоги за тебя, дни ожидания новой встречи с тобой.

Эдинька! Милый! Единственное, о чём прошу, – береги себя. А обо мне не волнуйся, я жива, здорова, только часто замерзаю, ведь в Ростове стало очень холодно, минус 15. Дует очень сильный ветер.

Уже дважды утром не смогла сесть в трамвай, так что хожу пешком.

А сегодня вошла в сад (помнишь, я показывала, через него я хожу на работу), там такая темнота. Я испугалась и вернулась, пошла в обход, и вот результат: страшно замёрзла и опоздала на завод. Хорошо, что начальник сам опоздал. А вообще для нас, южан, такая зима слишком сурова.

Как ты там? Всегда волнуюсь за тебя, как только представляю, что в такую погоду можете быть в море...

Как трудно жить, любя! Дни кажутся невыносимо длинными... Так и хочется попросить время двигаться скорее!

Совсем мало дней осталось до Нового года. Буду встречать его во Дворце, так решили девчонки. Нечего, говорят, отделяться от коллектива. Им не понять, с кем бы одним я хотела быть в новогоднюю ночь...Желаю тебе хорошо встретить 1963-й, пусть не так, как хотелось бы, но просто хорошо. А по-настоящему мы ещё встретим его, правда?»

(25.12.1962)

Я – Алле:

«У меня, дорогая, всё хорошо. Самочувствие нормальное. Сильно скучаю по тебе. Иногда на сердце наваливается такая тяжесть, что просто становится невыносимо...<...>

Новый год придётся встречать с моряками со стаканом сока в руках. Ты не представляешь, как бы мне хотелось провести его вместе с тобой. И вообще быть постоянно вместе, никогда не разлучаясь надолго. Береги себя, очень прошу. Если с тобой что-нибудь случится, то знай – и мне конец...»

(26.12.1962)

Я – Алле (из санатория в подмосковном Солнечногорске):

«Был у начмеда. Принял он меня хорошо. Сразу дал команду, чтобы принесли историю болезни. Ознакомившись с ней, распорядился немедленно перевести в двухместный номер. О преждевременном отъезде даже слышать не хочет.

Настроение неважное, но уже получше, чем сразу по приезде. Кажется, начинаю отходить. А то все эти дни только и думы о последних днях, проведенных вместе. И особенно о финале...

Сосед попался славный. Из Баку. Не курит, не пьёт. 73 года ему. В первый же вечер развеселил меня. Стали ложиться спать, а он и говорит: «Я слышал, что подводников сейчас кормят гораздо хуже, чем нас во время войны. Но не верил этому. А посмотрел на тебя, какой ты тощий, и жаль мне вас стало». У самого-то у него пузо на глаза лезет.

Погода стоит ужасная. Хорошо, что плащ захватил. И за спортивный костюм спасибо! Не знаю, что и делал бы без него. Надеваю вместо нательного белья.

<...> Стараюсь максимально успокоиться. Читаю Экзюпери. Взял «Стеньку Разина» Ст. Злобина. Посмотрел несколько хороших фильмов: «Розыгрыш», «Белый Бим Чёрное ухо», «Ошибка лейтенанта Слейда». Кинотеатр хороший. Почти каждый день крутят два фильма.

С экскурсиями врач советует повременить. С питанием здесь нормально. Готовят прилично. Хватает. Но твоё, роднулечка, лучше!!!! Желудок барахлит... <...>

Пиши, роднулечка, я очень о тебе скучаю. Ты жизнь моя и в прямом, и переносном смысле».

(26.12.1962)

Я – Алле:

«Слушаю репортаж из Стокгольма. Второй период. 4:0. В нашу!!! Молодцы!! Нет слов, как рад. А вот в третьем пришлось поволноваться. Однако, результат великолепен!

В субботу в ДОФе состоялся вечер поэзии, посвящённый «молодым поэтам» — Е. Евтушенко, Р. Рождественскому, А. Вознесенскому, С. Евсеевой, М. Астаховой, Р. Казаковой. Ты, конечно, понимаешь, что такое пропустить я не смог. Тем более, что организатором был Пашка Спивак – мой одноклассник и сосед по парте. Он делал общий обзор. Как бы в паузах читались стихи. «Две матери», «Ты Россия!», «Интимная лирика», «Не надо говорить неправду детям...» «Наследники Сталина», «О Фиделе Кастро» Евтушенко. А, ещё Евтушенко читал «Сольвейг» в сопровождении музыки из «Сольвейга» Грига. Замечательно!

Понравилось, как прочитали «Гений» Вознесенского. Остальное не очень.

Стихи Беллы Ахмадулиной выбрали хорошие, но... читали с листка. Непростительный минус.

Читался и «Реквием» Рождественского с листа. Приходилось только сожалеть. Даже музыкальное сопровождение не вывезло.

Отлично прочитала одна девушка «Обращение», стихотворение М. Астахова.

Исполнялись песни на слова поэтов. «Хотят ли русские войны», «Бежит река», «Подмосковный городок», «Москвичи» и др.

Зал был переполнен, но... не было тебя. Сидел и мечтал о том, когда мы на подобных мероприятиях будем присутствовать вместе, а затем обсуждать.

<...>

Р.С. Стихи (любые) И. Сельвинского,

И. Северянина, «День Московской поэзии» 1962 г., «Толковый словарь» Даля или Ушакова, новые учебники русского языка. Вот, Алесенька, некоторые из тех книг, которые хотелось бы приобрести в этом отпуске». (без даты).

Алла – мне:

«Наконец дождалась твоего письма, очень волновалась за тебя. Наверное, до сих пор ходишь с ангиной и просто не хочешь меня тревожить.

Мой дорогой! Пожалуйста, береги себя, в каждом письме я прошу тебя об этом, но, видно, тебе это мало помогает. Наши, как узнали, что ты болел, сразу решили купить тебе тёплые вещи и отослать. Я их долго убеждала, что у тебя всё есть. Так что не удивляйся, если в один прекрасный день получишь посылку.

Скоро Новый год. Сейчас уже 20:00. До 1963-го осталось 4 часа, очень мало!

Наши собираются уходить, я тоже иду во Дворец на бал. Вчера тоже была на вечере. Билеты было достать очень трудно, но мне позвонил сам секретарь комсомольской организации нашего завода и затем вручил мне торжественно два билета: «Тебе и тому парню-моряку, с которым я тебя видел». <...>

Напиши мне потом, как и чем ты был занят в последние часы 1962 года? Не грусти и чаще улыбайся, я так хочу, чтобы тебе было хорошо, особенно в 1963-м! А я – счастлива, потому что ты всегда со мной!...»

(31.12.1962, 20:30)

Алла – мне:

«Вот и наступил 1963 год! Где я его встретила, об этом писала тебе в прошлом письме, вернее вчера, 31 декабря 1962 года, а сегодня уже 1963-й!

Сейчас 13 часов, а моих родных до сих пор нет, ещё гуляют! В азарт вошли. Интересно, когда явятся?

Я проснулась часов в 10 утра, поставила твою фотографию и... долго-долго смотрю на тебя.

Эдинька, как ты там? Опять, наверное, у вас очень холодно? Всегда слушаю прогноз погоды по Союзу, но это всё общие данные. И только однажды, 25 декабря, передали, что у вас ураганный ветер дул... Как раз в то время, когда тебе нужно было попасть на базу. Как

только представляю разбушевавшуюся стихию, становится страшно. Эдинька, дорогой мой, как я боюсь и... люблю море!

Помнишь юг, наш первый вечер и ещё один вечер, когда бушевало море? Смотреть на такое море куда легче!

Знаю ведь, что ты бываешь очень занят, что плохо работает почта, что, была бы возможность, писал мне чаще, и... всё равно не могу быть спокойной. Не могу! <...>

Сейчас слушаю чудесный концерт: итальянские песни. Вечером сегодня, в 18:15, будет концерт Робертино Лоретти. Сможешь ли ты его тоже послушать? И из московского театра Маяковского вечером будут транслировать спектакль «Кресло № 16», хочу посмотреть.

Эдик! А как твои мечты о написании книг?..» (01.01.1963)

Эдюшка, родной!

Так я ждала твоего письма сегодня! И дождалась!! Потому что всегда: каждый день, час, минуту – скучаю по тебе. Очень-очень жду. Когда снова увижу тебя, услышу твой голос, взгляну в твои любимые глаза! Это твоё письмо от 26.12.62 я получила только сегодня, 5 января. Раньше ты писал 25.12, так его я получила вместе с новогодним поздравлением 31-го! Как видишь, всё-таки письма «авиа» идут быстрее. <...>

Ростов наш всё такой же. Снега нет, сильный ветер, холодно.

Вчера с Викой были в кино, смотрели «Трёх мушкетёров» – съёмки чудесные, и вообще отдыхаешь, смотря фильм <...> (05.01.1963)

Алла – мне:

«...Вчера по телевизору смотрела фильм «Путь к причалу», так что мысленно побывала в Мурманском порту. Когда на экране замелькали кадры с бушующим морем, представила, что в таком вот море можешь быть ты... <...>

Сейчас передают концерт по заявкам моряков. Кибкало поёт «Силуэт», я очень люблю эту песню. Молодцы моряки, знают, что заказывать!

Эдюшка! Может, сможешь вырваться оттуда раньше отпуска? Пойми, я просто не могу без тебя! <...>

Сегодня обещали доставить, наконец, книгу «Зима тревоги нашей». Дочитала «Дальнюю дорогу» Е. Катерли и начала читать «Не отдавай королеву».

К нам на гастроли приехал эстрадный оркестр Азербайджана. Светлана должна достать билеты».

(08.01.1963)

Я – Алле:

«Какая досада! Пришли в базу, думал, писем мне будет целый ворох. А получил всего лишь два, от мамы и твоё. Обидно...

Вечером узнал, что за время нашего отсутствия дважды несколько мешков с почтой утопили. Видимо, мой «ворох» именно там, на дне, и оказался... Теперь возить почту морем категорически запретили. Значит, теперь она будет приходить с ещё большим перерывом, так как дорогу на Мурманск постоянно замедляет. <...>

Самочувствие терпимое, настроение тоже. После приезда было хуже.

Что нового принёс Новый год? По существу, ничего хорошего, по крайней мере, за истекшие полмесяца. Встречали Новый год в каюте. Таких отрешённых от мира сего набралось семь человек. Под бой курантов распили бутылку шампанского. Затем перешли на более существенные напитки. Пили, курили, снова пили с перекурами. Танцев не было. Затеишники тоже отсутствовали...

Под утро «заиграл джаз» – объявили тревогу. Затем вернулись. И вот пишу тебе письмо. <...>

Мне очень хочется, чтобы 1963 год стал счастливым годом в нашей жизни. Это зависит от многих обстоятельств, и главное из них – мы должны не на бумаге, а душой и сердцем полюбить и поведать друг другу. Мы должны узнать глубоко душу и её содержание. Это познаётся не в заверениях различного характера и не в перечне увиденного и прочитанного (а переписка 1962 года именно такой и была), а рассуждениями, психологической реакцией на воспринимаемое.

Мы ещё не обрели духовную связь. Письма пока не стали естественной потребностью излить душу со всей остротой и полнотой. В строках много тёплых слов, а между ними холодно. (дата не указана)

Алла – мне:

«...Очень прошу: когда нет возможности писать письма, шли мне телеграмму, чтобы я знала хотя бы, что у тебя всё хорошо.

Для меня 28 дней твоего молчания обходятся слишком дорого!»
(21.01.1963)

Я – Алле:

Оказывается, письма, которые ты писала, оказались у Игорёхи. Колоссально был удивлён и обрадован, когда он мне протянул пачку писем.

Почти каждое письмо твоё мне приносило большую радость. Так было и на этот раз. Однако после прочтения всех их, стало немножко не по себе. Попробовал разобраться, в чём дело. Каждое прочитал по несколько раз. Достал всю пачку за предыдущие месяцы...

Прошло несколько дней – я как бы со стороны, взглянул на содержимое полугодовой переписки. Присовокупил недавнюю поездку в Ростов. Всё описывать, что я передумал за эти дни, долго. Да, пожалуй, и ни к чему.

Всё же что-то сказать просто необходимо. Ты слишком увлеклась своим «объяснением в любви». Отдельные выражения почти дословно повторяются в нескольких письмах, кочуют из конверта в конверт. Я тебе говорил, что не следует этого делать, но ты не послушалась. К чему же это привело? Основное место ты отводишь любви. Затем погода, просьба беречь себя и как это лучше сделать, краткий перечень твоих «событий», привет от Вики, а в последнее время и от родных.

Казалось бы, что ещё надо? Но если глубже вникнуть... Всё довольно поверхностно и поэтому малоубедительно. Кстати, поездка в Ростов тоже показала, что между «бумажной» любовью и реальной есть существенные различия... Об этом я бы не обмолвился, если бы мы считались просто друзьями. Но ведь мы претендуем на гораздо большее. Не так ли? <...>

Я ведь, Алеся, прилетел не только затем, чтобы просто повидаваться. <...> К сожалению, с первой же минуты встречи всё пошло не так, как об этом мечталось в долгие бессонные ночи...

<...> Письма, когда я их обдумал, подтвердили, что мы оба слишком торопим события. Мы хорошие друзья, но пока не больше. Для совместной жизни этого недостаточно. Поэтому давай отложим обсуждение этого вопроса...»

(21.01.1963)

Я – Алле:

«...Будет ли Новый год годом Нашего счастья? Точно сказать трудно. Однако, кое-какие предпосылки к этому уже намечаются...

Читаю письма и думаю, как необходимо разнообразии во всём, не говоря уже о совместной семейной жизни. У нас же при встрече

Судя по штемпелям, письма из Мурманской области в Ростов-на-Дону в начале 1960-х годов в конверте «авиа» доходили за 6 дней, а в обычном – за 10.

бессчётные поцелуи... Больше ничего; в письмах же всё застигает «постоянная, огнедышащая любовь» и неустанная забота о здоровье. Трогает, Алесь, меня всё это и приятные тёплые слова, и забота, но уже не так, как это должно было бы быть. <...>

У нас, действительно, холодно. Часто метели на многие дни прерывают связь с Большой землей. В следующем письме попробую восстановить последнее своё дежурство в жилгородке. Было что-то невообразимое. Ты пишешь, что при 12-15 градусах замерзаешь и превращаешься в сосульку. Не представляю, Алесь, как бы ты жила здесь. Такой суровый климат, долгая полярная ночь, посредственное продснабжение. Мне кажется, ты не выдержишь всего этого...

Между прочим, прогноз по Союзу так же, как и Мурманский, даёт о нас лишь приближённое представление.

Мечту свою о написании книг не бросил. Но в данный момент не до этого. В данный момент ты ничем в этом деле помочь не сможешь. Вот разве что попадётся «Словарь иностранных слов», обязательно купи...»

(01.1963)

Алла – мне:

«...Эдик! Ты ломишься в открытую дверь. Просто я люблю и всё. Я никогда не думала, что, говоря тебе о своей любви, я доставляю тебе неприятные минуты.

Читая и перечитывая твои письма, я просто радовалась им. Пойми, радовалась, а не подвергала ревизии слова, их содержание и разнообразие. <...>

Твой приезд в Ростов не внёс для меня никаких коррективов, о которых ты пишешь в своём письме. Я была так рада! Но ты, оказывается, приезжал не потому, что хотел видеть меня. <...>

Благодарю тебя за откровенность, не понимаю только, зачем всё это нужно было увозить с собой. Проще было бы всё это сказать мне при расставании...»

(27.01.1963)

Я – Алле:

«Тяжело. Очень. А после поездки вообще стало всё противно. Мучительное одиночество... Прошло чуть больше месяца после нашей встречи. Вроде бы немного. Но появилась грубость, вспыльчивость. Весь издёргался. Всё раздражает. Всё надоело.

Проснёшься утром и думаешь: лучше бы вообще не просыпаться... Дурные всякие мысли лезут в голову.

Ох, и тяжело же тебе будет со мной. Я какой-то псих ненормальный. Мнительность – мой постоянный враг. Именно она меня и бросает в кризисное состояние, и всё это когда-нибудь может плохо кончиться...

Недавно проходил медицинскую комиссию. Нашли какие-то отклонения в организме. Врачи говорят – ерунда. Собственно, в этом заключается их непосредственная задача – вселять во всех нас уверенность и спокойствие. Моя же мнительность рисует чёрт знает какую картину. Нет, с такой восприимчивой психикой и обострённым воображением, пожалуй, здесь много не наработаешься. Собственно, в какой-то степени мои рассуждения не лишены смысла. Действительно, кому нужен физически неполноценный человек?! <...>

Большинство, и мать в том числе, говорят – женись. Будет лучше. А будет ли лучше? Сейчас страдаю, но хотя бы один. А если двое? Вот ты. Привыкла к теплу и заботе о себе со стороны матери и отца, самой мало о чём надо беспокоиться. Зимой театры, кино, подружки и друзья. Летом – пляж, дача, отдых на юге. Отличный город, климат, природа, воздух, фрукты... Здесь же всего этого ты на долгие годы будешь лишена. Понимаешь? Вплоть до воздуха в буквальном смысле слова, так как даже кислорода здесь не хватает. Почти голые сопки. Суровая зима с метелями, долгие месяцы полярной ночи без солнца. Лето холодное, короткое и неудобное... <...>

Работу найти трудно, большинство не работает. Чем же занимаются жёны? Стоят в очередях за продуктами. У кого есть дети, занимаются их воспитанием. А у кого их нет? Тем ещё сложнее.

Надеюсь, ты теперь понимаешь, как сильно мы должны любить друг друга, чтобы жизнь здесь казалась сносной. <...>

А если меня скоро демобилизуют по состоянию здоровья, и я больной приеду к тебе? Сохранишь ли на всю жизнь свою любовь? Вероятно, ты над этим не задумывалась. А ты подумай, пока ещё не поздно...»

(31.01.1963)

Я – Алле:

Как же ты далеко, дорогая! А так хочется поговорить, прижаться к родненьке моей...<...>

Постоянно думаю и ужасно тоскую по далёкой и очень желанной подруге. Как же ты далеко, манящая звёздочка! Как я тоскую сейчас без тебя! Я верю, слышишь, давно поверил в искренность и силу твоего чувства.

Когда же я всё это осознал не только умом, но и сердцем, мне стало жутко. Страшно испугался потерять тебя. Полезли дурные мысли... Ушёл в себя. Появилась замкнутость. Когда же меня пытались вывести из такого состояния, отвечал грубостью, считая, что меня никто не хочет понять...

На этой почве схлопотал пять суток ареста. Наказание посчитал несправедливым, ещё больше ушёл в себя. Раздражал уже каждый пустяк. И как раз в это время подошла очередная медкомиссия. Такое состояние, естественно, сказалось на результатах анализов и обследования. В таких случаях врачи бессильны. Почти всё зависит только от самого себя, от того, насколько быстро сможешь взять себя в руки.

Кажется, дело пошло на поправку. И если всё это время после приезда я постоянно истязал себя мыслью, зачем оставил тебя там, вдруг случится что-то непоправимое, – то сейчас уверен, что мы нужны друг другу, как солнце необходимо людям. Мы оба хотим быть вместе. А раз так, то ничего страшного не произойдёт. Надо только всегда верить в это. Правда, Алюнчик?

Как же понять содержание моих последних писем? Я очень сожалею, что они появились. Не думай, что это пройдёт для меня быстро. Самобичующие мысли ещё долго будут преследовать меня. Вот всегда так: хвост вытащишь – нос завязнет; нос вытащишь, хвост завязнет. У меня, как у Окуджавы:

Пароход попрощается басом,
И пойдёт волна его качать.
В жизни я наошибался...
Не пора ли кончать?
Вот я снова собираю пожитки
И... опять совершаю ошибки!..

Обидно, конечно, что всё не так, как у людей. Но что делать?
(02.02.1963)

Алеся, дорогая!

«Я люблю тебя! Люблю сильно, нежно и горячо!!! Ты стала для меня самым дорогим, близким и нужным человеком. Незаменимый друг душевный! И к тебе я приезжал, конечно, не из-за того, чтобы «повнимательнее присмотреться». Я не мог не приехать. Понимаешь, не мог. Мне страшно хотелось побыть с тобой хотя бы несколько часов... <...>

Любовь!! Да разве её опишешь словами, когда любишь? Пойми, Алесенька, письма твои давно уже стали для меня такой же острой необходимостью, как сон, еда, воздух. Хочется выть волком, когда они задерживаются. Простой листок бумаги... А сколько в нём надежды, заботы и Любви!

Я счастлив, что встретил тебя. <...>

Я словно взбесился. Ругал себя – надо было забрать тебя с собой. Дня три прошло, как начал отходить. Ну, не забрал тогда, что ж теперь. Зато теперь я отлично знаю, как дорога ты мне и необходима.

Очень переживаю за свои последние письма. Они были несправедливы.

Алеся, ваши посылки с помидорами явились здесь чудом. Свежие помидоры в январе!..»

(04.02.1963)

Алла – мне:

«Получила от тебя письмо, даже два. Второе более человечное, хоть немного стало легче на душе, пишу на него ответ.

Напрасно ты считаешь, что мне трудно понять все трудности, о которых ты мне пишешь. Я согласна с тобой в том, что нужно очень любить друг друга, чтобы была нормальная семейная жизнь. Я тебе уже писала о своём отношении к тебе, у меня нет

никаких сомнений. И знай, дорогой ты мой человек, что бы ни случилось: пошатнулось ли здоровье, демобилизуют ли тебя, ничто не может изменить моего отношения к тебе. И пойми, своими налётами на демобилизацию ты просто обижаешь меня. Мне нужны не твои погоны, мне нужен ты!..»

(06.02.1963)

Я – Алле:

Много думаю о тебе. Постоянно и долго. Любимый, желанный друг! Как жаль, что ты далеко.

<...>

Проконсультируйся, пожалуйста, с врачом (возможно, для этого придётся пройти полное обследование) по таким вопросам: 1. Можно ли тебе работать с радиоактивными веществами? 2. Сможешь ли переносить климат Заполярья? Сделать это необходимо до моего приезда.

(09.02.1963)

Я – Алле:

«...Пришло несколько почт. Газеты и журналы. Письма, среди которых твоих нет. А значит, и ничего нет.

Письмоносец уже поглядывает на меня сочувственно. Он уже привык получать хотя бы одно письмо из Ростова. И погода, как назло, установилась. Рейсовые курсируют регулярно. Хоть бы шторм налетел, что ли...

<...>

С утра солнце поднялось выше сопок. Тепло. Много снега. Некоторые отправились кататься на лыжах – воскресенье. Радуются. А передо мной всё в каком-то тумане. И красота не радует.

Закончил читать «Один день Ивана Денисовича» Солженицына. Ничего подобного в литературе не встречал. Описывает почти документально жизнь каторжан, среди которых есть люди, подвергшиеся несправедливым репрессиям во время «культы». Глубокое сочувствие к пострадавшим и злость вызывает прочитанное. Напечатано в журнале «Новый мир», № 11 за прошлый год и в «Роман-газете» в январе этого года. Попадётся – прочти.

В «Неве» № 12 за 1962 год прочитал «Люди не ангелы» И. Стаднюка. Тематика та же. Правда, стиль обычный...»

(10.02.1963)

Я – Алле:

«Какая же ты молодчина! Получил твою бандероль. Это именно то, что нужно! Спасибо, родная. Спасибо! Словарь этот нам ещё не раз пригодится при совместной работе.

Наконец-то! Письмо!! Как трудно его ждать, если очень ждёшь...

Действительно, любить – не фунт изюма съесть. Это испытание и на прочность, и на остаточную деформацию. Нелёгкое испытание. Особенно когда на расстоянии.

Я не жалуясь. Нет, Алюнчик, я только делюсь своими... Но сейчас всё хорошо – два желанных листочка передо мной. Я почти счастлив... <...>

Ты просишь подробнее написать о здоровье. Родненькая, всё хорошо. Вчера лёг в госпиталь на общее обследование. Утром сегодня долго разговаривал с врачом, который успокоил. Так что всё нормально.

<...>

Письма теперь временно присылай по этому адресу госпиталя:
г. Полярный, Мурманская обл. в/ч 20974
(15.02.1963)

Я – Алле:

«Ты просила написать о здоровье. Вот приблизительная картина.

В училище подпортил желудок. Получил гастрит. Организм мой сильный, видимо, сказалось не совсем лёгкое детство. И часто во время учёбы болел. Врачи перед выпуском советовали не идти на лодку, тем более на Север. Они говорили, иди на берег. Легко сказать. Для меня это была бы чуть ли не катастрофа – крушение всех мальчишеских мечтаний. Врачи протестовали, а я настаивал. И своего добился. Север же не хотел менять на другой флот из-за того, что не хотелось расставаться с друзьями. Знал, что здесь нужно исполинское здоровье, и даже его хватает не так уж много, (прослужишь десять лет – можешь уходить на пенсию!) И всё же пошел. К совету же, вероятно, прислушаться стоило. Условия здесь действительно сложные. Пожалуй, я переоценил свои как физические, так и моральные возможности... <...>

Однако ясно одно: паниковать нет причины. Всё поправимо. Надо быть сильным духом. Надо быть Человеком! Надо помнить об этом...»

(18.02.1963)

Я – Алле:

«...В воскресенье посмотрел к/ф «Люди и звери». Ты видела? Долго был под впечатлением. Казалось бы, в фильме повествуется о давно минувшем. Что он может дать? Нет, всё происходящее на экране теснейшим образом связано с настоящим. Заставляет более остро взглянуть на всё окружающее. Действительно, много ещё на земле зла в людском сознании. Надо быть человеком! Всегда и во всём. Это нелегко, особенно в трудную минуту. Не каждый выдерживает такое испытание. Надо быть сильным духом...

Как хочется во всём, даже в мелочах, быть достойным человеком. Поступать только хорошо. Приносить людям только радость. <...>

Хотел написать на «Ивана Денисовича» отрицательную рецензию, так как уверен, что отрицательное воздействие этого произведения сильнее, чем положительное. Появление такого труда можно объяснить только велением времени – под шумок, так сказать.

Понимаешь, Солженицын только констатирует факты, воспроизводит их почти с протокольной точностью. . Человеку, который провёл в лагере 8 лет, это несложно. Проблем же он никаких не ставит. Нет борьбы. Нет динамики жизни. А если автор и выступает против старого, то косвенно. Слабовато. Книга написана вульгарным жаргоном, от которого коробит даже меня, мужчину. А что говорить о подростках, девчонках и мальчишках? Вряд ли такая литература будет способствовать духовному совершенствованию и увлечёт на лучшие свершения в жизни.

Если читала, согласна? В общем, я чувствую, что многое в этой книге не то. Как говорил Райкин: «Что-то есть. Есть, конечно. Но не то».

Стал подбирать материал для рецензии, совершенно забыв о выступлении Ильичёва (секретарь ЦК КПСС по идеологии – прим.), в котором он положительно оценил эту повесть. Естественно, я задумался. Ведь он говорит от имени партии. По-моему, в данном случае он не имел права так заявлять от имени всех.

Возможно, что таких, как я, не разделяющих этого мнения, не единицы. Возможно, даже большинство... Но раз Ильичёв поддержал Солженицына, это говорит о многом.

А может быть, я заблуждаюсь? Неправильно понял содержание? Перечитал вторично, с выписками. Затем ещё раз. Мнение не изменилось. Но что теперь делать? Как поступила бы ты?..»

(19.02.1963)

Алла – мне:

Только что получила твоё письмо. Эдик, милый, это жестоко!
Что случилось?

Напрасно ты считаешь, что лишь сейчас я узнала всё о твоём здоровье. Я знала давно, хотя ты молчал. И никогда даже капли сомнения не появилось в моих чувствах к тебе.

Ты сам говоришь, что делать окончательные выводы рано, а паниковать – тем более! Такое состояние здоровья вполне поправимо. Я знаю сотни примеров, когда люди живут, трудятся, любят даже с 1/8 желудка. А последнее – тоже излечимо.

Так почему же ты отталкиваешь меня? Сомневаешься во мне? Ты ведь знаешь, что без тебя я никогда не буду счастлива! <...> Вспомни «Балладу о солдате», того солдата, который хотел сделать свою жену счастливой, не возвращаясь к ней таким: израненным, без ноги. Ссылался на то, что она ещё молода и сможет устроить свою жизнь. Больнее нельзя обидеть человека! А конец твоего письма так похож на это...»

(24.02.1963)

Алла – мне:

«Вчера всю ночь просидела над твоими письмами, всё думала о тебе. Так тяжело и грустно без тебя! Ну почему ты мне пишешь такое? А ведь я так верю тебе, что трудно передать. Сердце ноет, болит...

Эдюша, родной! К тому времени, когда ты получишь это письмо, я уже получу ответ на телеграмму. Хочется, чтобы ты верил мне, как себе. Я не могу без тебя. Мы должны быть вместе!

Знаю, что тревожит тебя, но зачем ты так? Я же люблю тебя, очень люблю! Ты не должен отталкивать меня. <...>

Я верю, всё будет хорошо. Говорить сейчас о твоей демобилизации, пожалуй, бесполезно (тебя, наверное, не отпустят). Но я хочу предложить другое: как только позволит здоровье, взять отпуск (а тебе его, безусловно, дадут вне очереди) и поехать на курорт. И я, конечно, с тобой. Все остальные мысли не должны тревожить тебя!

Как жаль, что письма идут долго. Не знаю, дождусь ли твоего ответа, боюсь, что нет, и тогда прилечу! Единственное, что меня держит – неизвестность: есть ли допуск гражданских лиц на территорию, где расположен госпиталь?»

(25.02.1963)

Л. П. Затопляев («папа») – мне:

«Наконец-то собрался написать тебе письмо. <...>

Очень жаль, что ты снова болеешь. По-моему, это у тебя на нервной почве. Подлечись, главное, отдохни на юге. Не играй в преферанс, меньше кури там.

Хотя такие советы, как следующий, и нехорошо давать, но я посоветовался с врачом, и она дала рекомендацию. На время отдыха нужно найти одну (и только!) женщину и с ней без всяких фокусов спокойно проводить время (без притворности). От этого нервная система успокоится. Подчеркну, что это совет врача, а не мой, и исполнять тебе его вовсе не обязательно. <...>

В отношении «Одного дня Ивана Денисовича» поговорим при встрече. Целую, твой папка». (дата не указана)

Алла – мне:

Всего лишь три дня прошло, как я получила твоё письмо, но уже волнуюсь и жду с нетерпением очередное. Постоянно думаю о тебе.

Как ты, дорогой? Как здоровье? Хочу, чтобы быстрее летело время, но получается наоборот. <...>

Вчера посмотрела новый фильм «Коллеги» по повести Аксёнова. До сих пор под впечатлением. Главные роли исполняют Лановой, Анофриев, а вот кто играет Зеленина, не знаю. Какой-то новый артист, но чудесно. Просто обожаю этих трёх молодцов. Сколько в них энергии, жизнелюбия, влюблённости в свою профессию, в солнце, в спорт! Если посмотришь, напиши своё мнение.

Вместо обещанных мне книг достали 4 тома стихов Есенина, так что сейчас читаю их...»

(02.03.1963)

Я – Алле:

«Когда ложился в госпиталь, думал, каждый день буду писать. Как приятно и необходимо на расстоянии говорить с любимой, изливать свою душу... Но вот 23 февраля пришла телеграмма, так сказать, поздравительная. Но она оказалась не такой, как думал. А дня через три пришло письмо. На одной страничке... Жизни в нём не намного больше, чем в телеграмме.

Возможно, в другом состоянии и в другом месте это не произвело бы на меня столь удручающего действия. <...>

Попробовал ответить. Изорвал листков десять...Решил дождаться ещё одного послания. <...>

Сегодня утром почта принесла сразу две желаннейшие весточки. Под вечер матрос один привёз всю корреспонденцию с места службы.

Ликую! Радуюсь! На душе так хорошо! К чёрту всё плохое! Мне тоже, радость моя, ох как надоели неопределённость и напряжение в наших взаимоотношениях. Спрашивается, ради чего портить кровь друг другу?! Ты права – пора это прекратить.

Милая Аленька! Отослал тебе телеграмму, чтобы ты от поездки сюда воздержалась. Понимаешь, Аллунчик, для выезда сюда нужны спецпропуска. До тех пор, пока ты не станешь моей законной женой, добраться до меня невозможно. Если бы ты без вызова, по собственной инициативе, отправилась сюда, то сумела бы добраться только до Мурманска. Дальше задержали бы, и любые слова оказались бы бессильны. Но ты не расстраивайся. Самочувствие идёт на поправку. Скоро встретимся, любимая моя! <...>

Обследование заканчивается скоро. Конечно, ни о какой демобилизации не может быть и речи. Просто необходим отдых, а также надо научиться не принимать всё близко к сердцу...» (03.03.1963)

Я – Алле:

«Всё хорошо, дорогая. Зря поднимал панику. Обследование показало, что повода для беспокойства нет. Дело упирается в нервную систему.

Аленька! Милая моя, я бесконечно рад, конечно, такому исходу. Ведь я остался на прежней работе! Впредь обещаю вести себя более спокойно. <...> Много думаю о тебе. Постоянно!!! Мечтаю о новой встрече. О будущей нашей жизни...

Скоро выписка. На адрес госпиталя больше не пиши. Еду на старое место...»

(05.03.1962)

Я – Алле:

«Послезавтра выписка. Чувствую себя нормально, настроение бодрое.

Врачи решили так: дадут заключение, нуждаюсь ли в дополнительном санаторно-курортном отдыхе. Если да, начальство вынуждено будет в ближайшее время предоставить отпуск, а медицина – выдать путёвку. Советуют поехать в Крым – климат там подходящий для организма. Часть отпуска – в санатории. Как лучше провести остальное время, уточним при встрече...»

(09.03.1963)

Я – Алле:

«Вот я и дома. Позавтракал. Представился командованию. Сходил на подъём флага. Осмотрелся и сел поговорить с заботливым, чутким другом – желанной подругой.

Начальство в отношении моего убытия в отпуск не возражает, хотя обстановка в экипаже в данный момент напряжённая.

Алюнчик, любимая девчонка! Только, пожалуйста, ни за что не беспокойся и не переживай сильно. Самочувствие улучшилось. Желудок пока не беспокоит совсем. В принципе же, оказалось, что дело не в желудке, а в нервной системе. Будем вместе, и всё, бесспорно, наладится окончательно и пойдёт своим чередом. Главное соблюдать спокойствие во всём. Пока же я здесь без тебя, этого никак не добиться. Все попытки тщетны.

<...> Почти на всё ответил уже. Про дежурство забыл.

Ну, так вот. Вскоре после того, как заступил, вызвал комендант: «Товарищ лейтенант! Срочно передайте по местному радиозулу: ввиду того, что в ближайший час ожидается усиление бурана до урагана, хождение по территории воспрещается. Дважды повторите. Выполняйте! Да побыстрее!»

Через несколько секунд я оказался в неистовых объятиях метели. Она словно заигрывала со мной, швыряя колющими снежками в лицо, забивая глаза, рот, затрудняя дыхание. Страшной силы ветер хватал за полы шинели, за рукава. Природа словно взбесилась.

Старожилы говорят, что не видавали здесь такого 60 (!) лет.

А вот и радиозул. Передал сообщение. Теперь обратно. Спешу. Школа, магазин позади. Скоро и комендатура. Вдруг словно током пронзило. «Наташа! На-та-а-шенька! Доченька-а-а!» – истошный такой женский крик. И как будто рядом совсем. Остановился. Всматриваюсь. Метёт кругом – ничего не видно. Ветер ещё проклятуций неистовствует.словно в трубе какой-то нахожусь. А оттого и кажется, что крик со всех четырёх сторон раздаётся. Мечусь, а кто кричит – не вижу. Только слышу, что голос уже охрип. Рыдания забивают.

Бросаюсь вперёд. В одну, в другую сторону. Стоп! Что-то чернеет. Ближе подбегаю. Женщина. Глазища – четыре на девять. Волосы разметались.

«В чём дело? – спрашиваю. – Успокойтесь. Что случилось?» А сам уже изрядно волнуюсь. Она продолжает кричать – не слышит меня. Видимо, ветер уносит все мои слова в сторону.

Беру её за руки. Повторяю вопрос. Нельзя терять ни минуты, вдруг действительно произошло что-то серьёзное. Смотрит на меня ошалелыми глазами, кажется, ничего не понимает.

Встряхиваю её посильнее. Вроде бы приходит в себя. «Дочка... Наташенька... Пропала...», – проговорила она. А сама рыдает. Наконец, объяснила: «Пошли вместе в магазин, не с кем оставить было. И вдруг вспомнила, что плиту не выключила. Послала её выключить. Вот дура-то! А она пропала...» И снова рыдания.

«Сколько лет ей?» – спрашиваю. «Девять» – и снова как заголосит: «На-а-та-а-ашенька-а-а!»

«Успокойтесь, пожалуйста, – говорю. – Может, дома она осталась? Где дом ваш?» – «Да здесь, недалеко, за штабом».

До штаба дорога хорошая – расчищают. А дальше всё замечено. Спешим по колено в снегу. Женщина уже не кричит. Хрипит только, словно зверь загнанный. Спотыкается, падает. Подняться не может, на четвереньках спешит вперед, руками разгребая снег...

Вот и дом. С криком «Наташенька! Дочка! Родная моя!» влетает в комнату. Через распахнутую дверь вижу рыжеволосую девочку. Сидит спокойно за столом – видимо, уроки готовит...

Это один из эпизодов за сутки. За это дежурство всем нам досталось. Летели стёкла во фрамугах, срывало железо с крыши. Всё стонало и ухало. Некоторых ребятишек ветер валил с ног и катил по земле до первого препятствия. Дороги занесло. Даже вездеходы перестали ходить.

К счастью, серьёзных ЧП никаких не произошло...» (15.03.1963)

Я – Алле:

«Вчера выписали из госпиталя. Сажу в Североморске. Дожидаюсь рейсового к месту службы. Письмо пишу тебе в гостинице «Ванга». Говорю с тобой, своей невестой желанной.

Дорогая моя, самочувствие улучшилось. Все происходило на нервной почве. Нервишки требуется ещё подлечить. В медзаключении записали: нуждается в санаторно-курортном лечении в санатории общего назначения. Целесообразно в ближайшее время предоставить очередной отпуск за 1963 год.

Предлагали берег. Отказался. Рассудил так. Нас теперь двое. Встретимся. Всё обсудим. Уйти никогда не поздно. Приедешь ко мне ты, наладится здоровая семейная атмосфера, возможно, что всё и встанет на своё место.

На берегу жизнь будет спокойнее. Однако трудно в 25 лет смириться с неосуществимостью мечтаний... И на этот раз поступил, пожалуй, вопреки здоровой логике. Но ведь море! Моряки! Жизнь морская! – такое всё родное!... Во всём этом для меня сохранилось ещё столько романтики!... Пока невозможно добровольно расстаться со всем этим. Ты не осуждаешь меня? А понимаешь?

Вчера встретил одного лейтенанта, Голубовского, с семьей (жена и дочка). Помнишь, когда прилетел от тебя сюда, сколько мытарств пришлось мне перенести, прежде чем я добрался до места службы. Тогда я упомянул о семейных, которым пришлось мучиться ещё больше. Там вот среди них был и Голубовский. Перевёз семью. Не прошло и трёх месяцев, приказ – лодку на ремонт. Куда направят после ремонта – неизвестно. Вот Голубовский и отправляет семейство обратно. И такие случаи не единичны. Кочуют наши частенько. Это, Аланька, не для устрашения пишу. Жизнь здесь тяжёлая, с сюрпризами, так что морально готовь себя к трудностям заранее. Тем более что сразу квартиру нам никто не даст. <...> Да и когда предоставят квартиру, она будет выглядеть не так, к каким ты привыкла. <...>

Сейчас мы живём в разлуке. Но и когда будем вместе, придётся привыкать к не менее тягостному состоянию. Жёны говорят, что к этому нельзя привыкнуть. А именно: уйду на службу, а когда приду – неизвестно. Может быть, сегодня, может, – завтра, а то и через неделю, месяц... Но и даже когда дома, могут вызвать и в час, и в три часа ночи...

Надо сильно любить мужа, чтобы воспринимать это, как должное. Надо очень любить и взаимно ценить друг друга, чтобы жизнь оставалась прекрасной!» (без даты)

Я – Алле:

«Скорей бы уехать. Куда-нибудь, лишь бы подальше отсюда. Прошло три дня, как приехал. А кажется, что нахожусь здесь давно. Вероятно, это оттого, что, во-первых, тоскую сильно, во-вторых, некоторые вещи у меня вызывают возмущение.

К примеру, моё желание остаться служить на прежнем месте многие не поняли и осудили. Что меня расстроило. А теперь хожу и думаю: а вдруг они правы? В первую очередь, в том, что пора уже серьёзно относиться к своему здоровью. Умом я всё сознаю, но что-то внутри меня противится...

Ещё одна фотография, которую прислала Алла мне на Север.

«Ты зря так поступаешь. Лейкоцитоз – довольно неприятная штука. Ты просто не отдаёшь себе отчёта в этом. А зря», – один из медиков.

«Надо в первую очередь думать о том, как лучше сохранить здоровье. На берегу это проще», – один из старших офицеров.

«Ты сам себе всё осложняешь. Вот и с женитьбой... Советуем воздержаться пока. Вдруг санаторно-курортное лечение и отпуска существенных изменений в организме не внесут. Всё же лейкоцитоз... Снова возможна госпитализация. Перевод на новое место службы. Женитьба же может всё усугубить. Тем более что квартиру сразу не дадут», – командование.

Сволочные все эти разговоры. Вместо того, чтобы поддержать....

С другой стороны, в какой-то степени они правы. Возможно, желают мне добра. Вот тут невольно и задумаешься...

Вот такие дела, милая Аланька. Переживаю, что приношу столько волнений тебе. Скорей бы уехать. Встретиться с тобой и серьёзно поговорить. Неопределённость угнетает. Надо что-то решать...»

(15.03.1963)

Алла – мне:

«Очень рада, что улучшилось твоё здоровье. Думаю, дальше всё будет хорошо! <...>

Насчёт того, что отказался от берега... Я понимаю тебя! Хотя знаю, что будь ты на берегу, была бы спокойнее... Но! Сама поступила бы так же, как ты...»

(16.03.1963)

Я – Алле:

«Сижу, так сказать, «загораю» – дожидаясь путёвки в санаторий. Работой почти не занимаюсь. На лодке за последнее время был лишь раз. Некоторые начальники начинают искоса поглядывать. А мне наплевать: понял, что дороже здоровья ничего нет. В данный момент в отношении здоровья меня беспокоит один вопрос – как привести в норму лейкоцитоз. Трёхнедельное обследование ничего положительного не дало. Врачи не могут что-либо посоветовать. На это нельзя не обращать внимания, особенно учитывая мой профиль работы. Однако уходить в таком состоянии не хотелось бы. Выяснить хотя бы, что да почему.

Да и рановато уходить ещё. Годика через три хотя бы. Сейчас у меня нет ни опыта, ни веса как у инженера. Хотя на ситуацию я смотрю здраво, однако надеюсь, что всё должно прийти в норму. Если же всё останется без изменений, придётся распрощаться с морем. <...>

Недавно делал доклад морякам по выступлениям Ильичёва и Хрущёва по идеологическим вопросам. Когда готовился, возникло много спорных вопросов. Пришёл разбираться к заму. Зам, отложив текущую работу, предложил сесть: «Ну, что тебя смущает?» Подумал, наверное, что сейчас я задам ему перцу, просвещу непросвещённого. Однако разговор пошёл в другом направлении.

Понимаешь, Алесенька! Четыре книги Эренбурга «Люди, годы, жизнь» я прочёл в училище. Сейчас читаю пятую. А он обратил внимание на Эренберга только сейчас и сразу приступил к пятой... «Один день Ивана Денисовича» он прочёл только сейчас, а я уже закончил работу над рецензией. «Люди – не ангелы» Стаднюка он тоже, по всей вероятности, не читал, хотя заявил обратное. Иначе он не сказал бы, что «Иван Денисович» – замечательное во всех отношениях произведение. Не читал он, как выяснилось, и никаких отзывов на эти два сочинения, где, в частности, Солженицына в одном месте сравнивают с Л. Толстым, в другом отзываются как о гении.

Попробовал он Е. Евтушенко покритиковать, а «Бабий Яр» не читал. И вообще он открыл для себя этого поэта лишь спустя несколько месяцев после нашего прихода. О Вознесенском, Некрасове да, пожалуй, и о Паустовском познания не выходят за рамки «ликбезовских».

О живописи абстракционистов. Здесь он почувствовал себя увереннее, но... ни одной картины ни русского, ни зарубежного абстракциониста в глаза не видел, исключая те «шедевры», которые публиковались на страницах газет и журналов. Когда же на его заявление, что народ такое искусство не признаёт, так как не понимает его, я его в лоб спросил, кого он подразумевает под народом. Учили ли его, человека, который учился почти всю жизнь (он окончил военно-политическую академию им. В. И. Ленина) понимать искусство? Дали ли ему за всё время обучения хотя бы минимум знаний по эстетике и этике? Нет! А говорит, что народ не понимает...

Вероятно, ты догадываешься. Алеся, что кинофильм «Застава Ильича» уже не вызвал особой дискуссии, так как крыть ему было практически нечем.

Однако доклад всё же делать пришлось. Ведь ты же коммунист, напомнил он мне.

И вот беседа состоялась. Зам, сам этого не подозревая, помог принять мне окончательное решение. Раз я коммунист, то должен твёрдо отстаивать то, что считаю правильным, свои убеждения.

Сейчас развернулась острая дискуссия о назначении и путях развития искусства. Значит, есть и у меня право на своё мнение, основанное на знаниях и анализе.

Не объявляя цели, всех моряков собрали после ужина в одном кубрике. То есть в личное время. Поэтому, как и предвидел, все зашумели: «Читали! Знаем! Сколько раз можно слушать!» На это я сказал, что кому будет неинтересно, через пятнадцать минут отпущу.

Но вот прошло тридцать, пятьдесят минут. Никто не ушёл. Кажется, я впервые так «загорелся». Рассказываю о халтурных и подлинных картинах. Привожу выдержки из высказываний. Читаю футуристические стихи, сравниваю их с настоящей поэзией. Подчёркиваю положительное и отрицательное. Доказываю, что истину всегда надо искать в середине, а не по краям. Это закон диалектики. Рассказываю о творчестве Эренбурга и о том, за что он критикуется. Подчёркиваю, что истина рождается в сомнениях. Энгельс указывал, что для нахождения правильного пути, верного решения надо всё подвергать сомнению.

Читаю морякам «Бабий Яр» Евтушенко. Говорю о Солженицыне. О том, что в этих произведениях заслуживает внимания, а что надо отбросить. Горячо говорю о «Заставе Ильича». Разъясняю, какой промах допустили режиссёры.

Особенно большой упор делаю на роли молодёжи в жизни вообще и в построении коммунистического общества в частности. Доказываю, что не только тунеядцы, но и все мы часто проявляем иждивенческие настроения, инертность и боязнь собственной инициативы.
<...>

Прошло почти два часа, а моряки жалеют, что не хватило времени. По-моему, в таком формате и надо проводить подобные беседы...»

(22.03.1963)

Из семейного фотоальбома

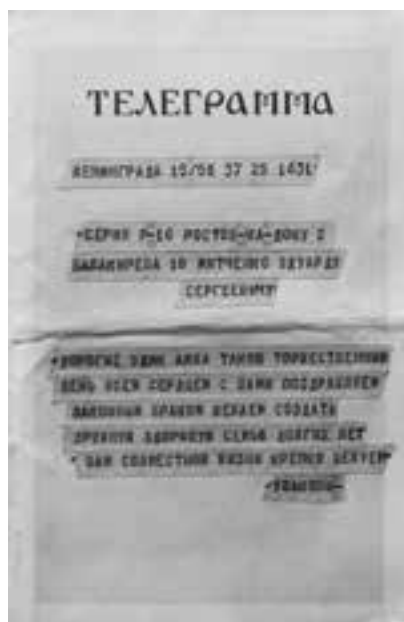
25 мая 1963 года – день нашего бракосочетания с Аллой.

Поздравление с днем свадьбы от
моей мамы.

Поздравление от друзей.

Этой телеграммой нас с Ал-
лой поздравили с днём бракосоч-
етания родители моего друга
Игоря Ушакова.

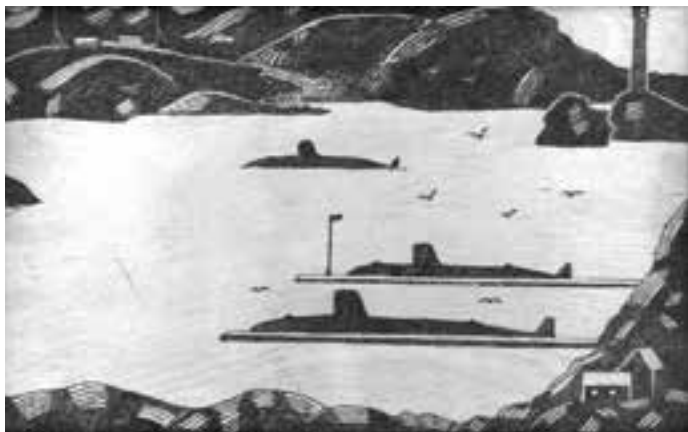
Молодожёны.

Мгновения нашей жизни на Севере.

*Эти две
картины
напомина-
ют о моей
службе на
Севере.
Верхнюю я
выжигал с
помощью
специально-
го устрой-
ства на
деревянной
основе сам.*

ГЛАВА 5.

◀ СЛУЖБА НА БЕРЕГУ ▶

Обнинск

Приказом Главкома ВМФ от 20.09.1963 г. я был направлен в войсковую часть 27013 в должности инженера комплексного учебно-тренировочного центра № 4. Это город Обнинск Калужской области. Выбор этого города был, конечно, неслучайным: где в 1954 году была построена первая в мире действующая атомная электростанция, которая наряду с научными учреждениями стала своеобразной учебной базой для моряков-подводников. Первыми из них были члены экипажа лодки К-3, о чём рассказывалось в предыдущей главе.

А затем, в 1959 году, здесь был создан постоянно действующий учебно-тренировочный центр ВМФ по подготовке экипажей атомных подлодок. Первым начальником Центра был назначен первый командир К-3 Леонид Гаврилович Осипенко.

Вот как описывает Обнинск мой товарищ Николай Ярехтович Щербина в своей книге «Малахита» шкатулка адмиралтейцев». Мне этот небольшой город вспоминается примерно так же:

«Обнинск располагал к себе своим научно-патриархальным величием, какой-то обстоятельностью к окружающим, нормаль-

Первая в мире атомная электростанция и её создатель академик И. В. Курчатov. Фото: vk.com

ной и размеренной, без суеты и присущей тому времени торопливости во всём. Шли пересуды о том, какой вклад в его образование вложили военнопленные немцы, как в этом тихом и уютном месте образовался научный центр с институтами, лабораториями, площадками и, конечно же, учёными.

Строительные организации возводили жилые дома и корпуса будущих научных и производственных учреждений, лес отступал под напором топора, пилы и бульдозеров. С утра до ночи сложной гаммой звуков шумела стройка.

Центральная улица, утопающая в зелени, бежала от вокзала вниз к одному из институтов и к первой в мире атомной электростанции. Она всегда была в меру оживлённой. Как и положено всякому периферийному городку, к ней примыкали парк с танцплощадкой, типовое здание Дома культуры с рестораном и помпезными для местных масштабов колоннами.

Под напором приезжих, в том числе моряков, ресторану присвоили имя «Столбы», с чем вряд ли могли согласиться местные жители, в основном люди учёные и вполне интеллигентные. Как патриотам развивающегося не по дням, а по часам современного научного центра с признаками высокой европейской культуры, им вряд ли могло прийти в голову что-либо подобное.

Достопримечательность Обнинска помимо научных учреждений и ускорителя – река Протва, куда в летний зной выпадает всё население – от слесаря до академика. Большой и ровный луг у реки превращается в пляж и стадион, где все равны.

Совсем где-то рядом деревня Стрелковка, которая дала стране маршала Жукова. Во время войны его штаб размещался в местном парке, об этом не преминут напомнить местные старожилы.

В стороне от центральной улицы кто-то из жителей указал на деревянный особняк, в котором работал Курчатов. Там же особняк художника Кончаловского. Его большое полотно с пейзажем луговины у пригорков Протвы, как мне кажется, я видел в Третьяковской галерее. (...) По всей видимости, это благодатное место, обладающее какой-то особой аурой, в разные годы вдохновляло художника Кончаловского и физика Курчатова. Природа помогала им быть творцами и работать на вечность.

Первый оставил удивительные полотна, второй – первую в мире атомную электростанцию – памятник мирному атому...»

Примерно так выглядел Обнинск в то время, когда мне довелось там служить. Фото: imghub.ru

А вот как автор книги описывает начальника Центра (который был и моим начальником) – Л. Г. Осипенко и его заместителя.

«Человеком-легендой для нашего лейтенантского восприятия был начальник Учебного центра, Герой Советского Союза Леонид Гаврилович Осипенко, бывший командир первой атомной подводной лодки в СССР, теперь переодетый в форму генерал-майора. Небольшого роста, с добрым приветливым лицом, с походкой под кавалериста, в непривычной для него армейской форме одежды с сочными красными лампасами, он вразвалочку появлялся перед сослуживцами и почти каждого удостаивал своим вниманием, что никак не соответствовало представлению об армейском генерале-служаке.

Таким же приветливым и обаятельным был его заместитель, бывший командир БЧ-5 подводной лодки К-8, вынужденно ставший полковником, Евгений Бахарев. Наблюдательному человеку было сразу видно, что его взаимоотношения с начальником УЦ отличала полная гармония».

В этих цитатах упоминается, что Осипенко был переодет в форму генерал-майора, а Бахарев вынужденно стал полковником. Дело в том, что учебный центр ВМФ, естественно, был пре-

Командование учебного центра ВМФ в Обнинске. Л. Г. Осипенко – в первом ряду третий слева. Из книги Н. Я. Щербины «Малахита» шкатулка адмиралтейцев»

*Во время службы в
Обнинске я носил
такую форму во-
енного строителя,
Звание имел не
инженер-старше-
го лейтенанта, а
просто старшего
лейтенанта, но всё
равно оставался мо-
ряком-подводником.*

дельно засекречен, и в целях маскировки морякам, в частности, была выдана сухопутная военная форма.

В книге «Атомная подводная эпопея...», к которой я обращался в предыдущей главе, описан такой эпизод. Во время игры в волейбол один из работников Обнинской АЭС крикнул: «Отдай мяч моряку!» Этого работника вызвали куда надо, а затем всех предупредили: в случае повторного нарушения виновные будут уволены. Это было во время обучения экипажа К-3, но такой же уровень секретности сохранялся и в последующие годы.

На тренажёре «Учёба», как иначе называли учебно-тренировочный стенд № 4, который я обслуживал в качестве инженера, операторы ГЭУ (главная энергетическая установка) и ЭЭС (электроэнергетическая система), а также личный состав энергетических отсеков отрабатывали практические навыки в различных условиях и в состояниях ГЭУ, включая аварийные ситуации. До двухсот вводных давались экипажу для тренировки.

Сам городок Обнинск нам с женой Аллой понравился, хотя бытовые условия были, мягко говоря, не самыми комфортными. Мы жили в гостинице с общей кухней на восемь семей. Занимали одну комнату, в которой также обитали и клопы. Но ведь мы были советские люди, а значит, неприхотливы в быту.

А чтобы клопы не лезли к нам в постель, мы ставили ножки кровати в консервные банки с водой – такую водную преграду эти твари преодолеть не могли.

В Обнинске 2 апреля 1964 года родился наш первый ребенок – сын Олег. Через несколько месяцев Алла уехала с ним в Ростов, и до моего перевода на новое место службы нас связывала в основном переписка.

Из писем

Из писем, написанных за короткий период службы в Обнинске.

Алла (из Ростова) – мне:

«Пишу тебе с почты, а то дома обязательно что-нибудь помещает. Сейчас отослала тебе 25 р., ешь, пожалуйста, вовремя и отдыхай больше.

В Ростове каждый день дожди. Только сегодня солнечно, но сильный ветер.

Эдинька! Посмотри в магазине соковыжималку и набор тёрков. Здесь нет. Ну а для меня купи десятка 3-4 незидимок, здесь их тоже нет.

Как у вас там дела с овощами? В Ростове много всего, но дожди сильно всему мешают. <...>

Не могу ещё не написать об Олежке. Он растёт. Вчера стали купать, и все решили, что скоро ванночка будет ему тесной. Знаешь, он уже всем улыбается, особенно деду.

Эдюша, милый! Пожалуйста, не беспокойся, во всём, что касается тебя и работы, знай – мы всегда с тобой!

Скорей бы шло время, жду не дождусь 20 июня! (моего приезда – Э.М.) Жалею, что не взяла зонт. Плащ мой страшный, а тут часто дожди.

Эдюша, если останутся у тебя «лишние» деньги после зарплаты, купи зонт. Цвет – серый с чёрным, в общем, на свой вкус, и привези мой. Здесь у меня уже есть покупатель, я тогда свой продам.

(29.05.1964)

Алла – мне:

«Каждый раз забываю написать тебе, чтобы ты отнёс в мастерскую брюки, и вот сейчас решила письмо начать с этого. Эдюша, ты только не откладывай, а то получится, что тебе даже не в чем в театр пойти (должны же мы с тобой хоть раз сходить в театр!)

Сегодня суббота, уже 20:00, скоро купать Олеженьку, а потом сразу лягу спать. Ты знаешь, он стал просыпаться в час ночи и в 4 утра. С чего – даже не знаю. Вот и получается, что спать мне почти некогда, поэтому в 22 часа я уже в своей раскладушке!

Сегодня был по-настоящему летний день. Олечка всё время в коляске во дворе. На улице воздух теплее, чем в комнате, дом-то кирпичный.

Значит, экзамен сдал! Ну что же, поздравляю! Отмечать будем по приезду, хорошо?

Эдюша! А ведь 25-го был год, как мы женаты. Обидно, что ты даже, наверное, не вспомнил эту дату... Или я ошибаюсь?

Бегут дни, хочу, чтобы поскорее наступил июнь и... 20 число. Зайка, милый, даже не представляла, что так одиноко будет без тебя! Как ты там? Чем сейчас занят? Я смотрю передачи по телевизору те же, что и ты, даже футбол, хотя ничего в игре не понимаю.

Особых новостей, Эдюша, у нас нет: дни похожи один на другой.
<...>

В Ростове открылось много новых молодёжных кафе, и вообще город стал ещё лучше.

Часто пишу тебе, потому что очень люблю! И буду любить всегда, даже будучи старушкой».

(30.05.1964)

Алла – мне:

«Сегодня уже 31-е. Вчера не отправила письмо, сегодня дописываю. Получила извещение на бандероль, но у меня никаких документов нет с собой! Мама говорит, вроде знакомая у неё на почте, но учти это впредь. <...>

Ну, а годовщину нашу отметим обязательно! Поскорее только приезжай».

(31.05.1964)

Алла – мне:

«Уже 3 июня, скорей бы 20-е!

Сейчас 10 утра, Олеченька спит, и я решила написать тебе. Хожу, хожу и вспоминаю – надо ещё об этом написать, напомнить.

Зайка! Получили бандероль, всё хорошо дошло. Пока обходилась без масла, пользовалась рыбьим жиром. Уже всё у него прошло: ножки стали беленькие и чистые.

У нас вот уже 3 дня стоит жара, Олечка в одной распашонке спит в коляске.! Каждый день даём ему соки: клубничный, яблочный. Сейчас вот тоже жду маму, она ушла на базар за клубникой. Я пишу тебе, а с ним тётя Надя. Так что бабушек хватает. Только без папы очень плохо!

Эдюша! Если будут очки для езды на мотоцикле, как у тебя, купи деду. И свои не забудь взять, а то ездить без них плохо: много пыли и солнца в Ростове.

Теперь к даче проложили асфальт. <...>

Всё бельё вези домой, здесь постираем. Сам больше отдыхай физически и умственно.

Эдюша, вместе с розовым пальто привези и то моё платье – юбка в мелкую складку, оно на вешалке вместе с пальто, больше ничего не надо.

Зайка, родной, очень скучаем по тебе! Жду не дождусь конца этой «автономки»!

(03.06.1964)

Алла – мне:

«Сегодня получила два твоих письма и вот отвечаю. Одной рукой Олежку качаю, а второй пишу. Уже 15:30, а он улыбается, не спит.

Зайка, родной, уже 6-е. Скорей бы!

Кажется, и к нам пришло лето – +28! Завтра открытие водной станции «Аврал». Наши говорят – пойдём и Олежку возьмём. Я смеюсь: нас только там не хватает!

Каждый день купаем его, а он так любит купаться. И улыбается всем, лишь бы с ним разговаривали.

Вчера была Валентина Леонтьевна. Помнишь, регистрировала нас? Всё тискала Олежку. Обещала прийти в гости, когда ты приедешь.

По-прежнему сижу больше дома. Раз, правда, вырвалась в кино, на 10 утра, «Парижские тайны». Фильм очень понравился. Ты ещё не смотрел?

Эдюша, насчёт зонтика. Лишь бы расцветка была хорошая, а форма ручки не так важна. А то я ещё посмотрю, может, один оставлю маме. Ей же нужно хоть что-то подарить. Жалею, что сумку хозяйственную не купила, здесь дыра какая-то, ничего личного нет. <...>

Пошла причёску делать, но если не везёт, то не везёт – раствора не оказалось, а в город ехать далеко.

Валентина приглашала в театр, я не пошла, было прохладно, да и не в чем идти. Костюм мама ещё не сшила.

Эдюша! Документы: паспорт мой, свидетельство наше и Олежки – всё сложи аккуратно и спрячь или привези сюда. Да, мас-

ло получили, ты можешь только одну бутылку купить, больше не надо, я прекрасно пользуюсь рыбьим жиром.

Мама всё лотерейные билеты покупает, буду, говорит, покупать, пока Олежке пианино не выиграю. Сейчас собирается куда-то недалеко идти, спрашивает у меня – можно и Олежку взять? Я говорю – пожалуйста. Хоть вздремну часик!..»

(06.06.1964)

Алла – мне:

«Утром отправила тебе письмо, а сейчас решила опять поговорить с тобой.

Воскресенье сегодня, целый день идёт дождь. Я только что прибежала с базара, Олежке клубнику купила.

Эдюша! Ты спрашивал насчёт зонтика у меня. Так вот сегодня я сказала Вале, а она говорит: «Обойдусь пока!» Неделю назад она купила себе котиковую шубку. Так что если ты не купил, можешь не брать, а если взял, не унывай, лежать он здесь не будет.

Зашла в «Детский мир», покупала Одежке шарики, в коляске повесить. Такой бедненький в Ростове «Детский мир». Обидно – в таком городе и так бедно.

<...>

Как, Эдюша, твои дела? Взял ли брюки? Как переделали, прилично? Да, если тебе не удаётся найти соковыжималку, ничего, будем через марлю давить.

Сейчас дед с бабушкой, слышу, разговаривают: «Хорошо, что к нам привезли его (Олежку), а то заморили бы его там».

(07.06.1964)

Алла – мне:

«Сегодня получила два твоих письма, а вчера отправила тебе очередное. <...>

Спрашиваешь о сыне. Подрос, заметно порос! Что в нём нового? Каждый день что-то новое!

Очень понравилось Олежке, как лампочка качается, и вот я, как только начинает плакать, качаю её. Лежит, улыбается. Накупила ему цветных шариков, повесила в коляске, водит глазёнками, да так забавно.

Зайка! Значит, брюки переделали. Насчёт чёрных флотских мама предлагает тебе привезти их сюда. Новые сшить ведь дешевле, чем эта переделка.

Насчёт телевизора. Ведь уже почти выплатили, Эдюша. Да и потом отдавать дешевле – нет смысла, а 210 никто не даст. Как-нибудь перевезём, а?

С крупами, Зайка, даже не знаю, что делать. Везти их сюда не стоит. Может, домой своим отошлешь? Или продай талон кому-нибудь...»

(09.06.1964)

Алла – мне:

«Пишу карандашом, так как чернила закончились в авторучке, а в магазине их нет.

Получила твоё письмо. Что это загрузил так, милый мой?

Эдинька! Уже 14 июня, осталось совсем-совсем мало! Мы с сынулей тоже очень соскучились. Олежку легче, он ещё не всё понимает, а вот маме очень трудно. Слышишь, Серенький!

<...>

Видела сегодня Вику с мамой, привет тебе от обеих. Вика просила передать, чтобы ты купил зонт для неё лично. Так что, Зайка, не волнуйся, на них здесь спрос. Я сказала, что ты купил уже, а она деньги тебе собралась переводить. Ты же знаешь её. Еле отговорила.

Эдюша! Что это ты за телевизор взялся? Как-нибудь перевезём, не отдавать же даром. Да и потом, подумай, сможем ли мы купить его теперь? Ведь у нас на очереди: 1) магнитофон 2) фотоаппарат 3) ножи 4) Олеженьке автомобиль и т. д. Да и сами на следующий год должны поехать к морю.

Да, а как там мои цветы, засохли, наверное?

Эдинька! Квартиру замыкай, а когда будешь уезжать, заплати за июнь. Думаю, пускать никого не стоит...»

(14.06.1964)

Алла – мне:

«...Зайка! Родной! Что с отпуском? Ведь уже 21 июня. Жду не дождусь тебя! Очень, очень соскучилась!

Вчера взвешивали Олеженьку. Вес 5600 (был 4200). Рост 61 см. Олежка заметно подрос, ты его уже не узнаешь. Говорят, что сейчас вес его превышает норму. <...>

Ну вот, кажется, и всё. Вернее, не всё. Просто Олежка заревел. Приезжай, ждём.

Только что мама принесла мне твоё письмо от 16.06. Распечатала конверт и вот продолжаю. Начинается...

Так я и предполагала в отношении твоего отпуска! Через недельку, числа с 3-5-го...

Однако не буду и я терять надежду на скорую встречу!

...С чего это решили уборщице по 4 рубля платить? С ума сошли, что ли? Мой отец, как проклятый, с 7 утра до 9-10 вечера на работе, уже психом стал, и то получает 45 р. в месяц!

Денег мне, Зайка, никаких не высылай. Смотри, чтобы хоть тебе на питание хватало.

Эдюша! Деду никаких подарков не покупай, а получишь ботинки, можешь привезти. Лучшие на микропоре, ведь у нас весна, осень и зима – сырые. Размер – 42.

Перину, конечно, вези домой. Купим, вероятно, сразу гарнитур. У нас ведь есть 547 руб. Это наш с тобой вклад, понял? Наш!

Ты спрашиваешь, чем я занята! Пожалуйста, сегодняшний день.

Подъём в 5 утра. Стирка пелёнок, готовка завтрака (мама была на базаре). В 9 утра кормила Олежку, сбегала за кефиром ему (с 11 до 12), в 12 покормила, побежала за квасом, потом в мастерскую за босоножками (не готовы!). В 15 покормила Олежку. Поела, помыла посуду, 25 минут посмотрела «Америку», погладила кое-что себе и Юрию. Сейчас 17:40, в 18 опять кормить, потом ужин, Олежку купать и, наконец, сон (но какой, ты знаешь). Вот так, Серенький, я отдыхаю.

Неужели не отпустят, Зайка, в отпуск, а?» (21.06.1964)

Палдиски

Летом 1964 года в учебный центр г. Обнинска приехал капитан первого ранга Виктор Фёдорович Кудрявцев, зам. командира войсковой части № 56190, чтобы набрать людей для нового 93-го учебного центра в городе Палдиски (Эстония) – для подготовки экипажей атомных подводных лодок второго (то есть нового) поколения. Ему было необходимо отобрать 13 специалистов на различные открывающиеся должности. В число этих специалистов попал и я.

Первая должность, которую я занимал на новом месте службы с 01.07.1964 по 03.10.1966 – старший инженер тренажёров группы № 13. Правда, обещанную квартиру дали не сразу, первое время пришлось пожить в общежитии, но это неважно.

Городок Палдиски, расположенный в 50 километрах к западу от Таллинна, мне понравился. Даже не столько сам городок – он тогда ещё ничего толком собой не представлял – сколько местность, высокий обрывистый берег, с которого открывается восхитительный вид.

Городок не велик, но с более чем 300-летней на сегодняшний день историей, истоки которой связаны с военно-морским флотом. Ещё в 1715 году император Пётр I осмотрел берег здешней бухты Рогервик и решил, что здесь должна быть гавань для военных кораблей. Датой основания Палдиски считается 20 июля 1718 года, когда по указанию императора на берегу Рогервика была построена пристань и крепость, получившая такое же название.

В 1762 году Рогервик посетила императрица Екатерина II, и тогда же это место было переименовано в Балтийский порт. Отсюда и возникло созвучное название Палдиски. Права города Балтийский порт получил в 1787 году.

Палдиски известен также тем, что здесь в 1912 году состоялась встреча последних монархов Германии и России – Вильгельма II и Николая II.

Во время Первой мировой войны здесь была база Балтийского флота – опять же факт, указывающий на то, что Палдиски был военно-морским городом задолго до советского времени.

Отчасти с военно-морским флотом связан своим творчеством и уроженец этих мест, известный эстонский скульптор

Амандус Адамсон. Одни из наиболее известных его произведений – воздвигнутый в Таллинне памятник броненосцу «Русалка», затонувшему в Финском заливе в сентябре 1893 года, и памятник затопленным кораблям в Севастополе (во время Крымской войны несколько кораблей русского военного флота были затоплены, чтобы предотвратить английскому, французскому и турецкому флотам вход в Севастопольскую бухту).

Это в двух словах об истории города Палдиски, в котором мне и моей семье довелось прожить более двадцати лет.

Так выглядел Палдиски в конце моей службы здесь. Фото: ajaraik.ee

Железнодорожная станция Палдиски. Сотни раз уезжал я отсюда в Таллинн и возвращался домой на электричке.

Одна из достопримечательностей в окрестностях Палдиски – сооружённый по указанию Петра I в 1724 году маяк (тогда был на 6 метров выше, путь кораблям указывали костры на крыше). А неподалёку – действующий современный маяк. Символическая иллюстрация прогресса человечества. Фото: maaleht.ee

В предыдущей главе рассказывалось о трагедиях, составляющих часть истории подводного флота. Случались они и у берегов Балтики, недалеко от Палдиски. В ноябре 1956 года в Сууруписком проливе в результате столкновения с другим кораблём затонула подводная лодка М-200. Весь экипаж погиб. Моряки были захоронены в Палдиски. На месте захоронения был воздвигнут обелиск.

Так выглядело это место во время моей службы в Палдиски. Позже, уже в начале 2000-х годов, эта территория оказалась владением нового торгового порта, и прах моряков пришлось перезахоронить в другом месте. Там поставлен новый памятный знак.

Фото: Клуб ветеранов флота

Ещё две русские подводные лодки погибли в этих водах в более отдалённые времена. В 1915 году погибла лодка «Акула», а в 1917-м – АГ-14. В ноябре 2015 года в Палдиски, в православном храме во имя Сергия Радонежского были установлены мемориальные доски в память об экипажах этих подводных лодок. В церемонии принял участие посол России в Эстонии Александр Петров, отец которого, как он рассказал, тоже начинал службу моряком-подводником на Тихоокеанском флоте. Отныне этот православный храм стали называть морским. Не случайно мемориальные доски установлены под образом причисленного к лику святых прославленного русского флотоводца Фёдора Ушакова.

Сам храм был открыт и освящён в июне того же 2015 года. А построен по инициативе и на средства предпринимателя-мецената Сергея Чаплыгина, отец которого, Борис Чаплыгин, тоже служил в Палдиски. Душой и управляющей фонда им. Бориса Чаплыгина была (и, возможно, является сейчас) супруга предпринимателя Александра Азова. Фото: Андрей Бабин

Но вернёмся к моей жизни и службе в Палдиски. В 93-м учебном центре мне предстояло прослужить до самой демобилизации в 1985 году. Много событий вместили в себя эти два десятилетия – и радостных, и горестных. Да и сам город благодаря учебному центру ВМФ обретал тот облик, который он в основном имеет сейчас, на моих глазах.

Всего из Обнинска в Палдиски переехали тринадцать офицеров. Тогда, в середине 1960-х годов, мы были первыми, кто обеспечивал деятельность этого учебного центра. Главный корпус, позднее получивший в народе название «пентагон» – большое здание с двумя крыльями – уже был готов, но многое ещё строилось, завозилась техника.

Здесьний учебный центр был подобен обнинскому, но являлся более мощным и современным. Сюда прибывали экипажи новейших атомных подводных лодок второго поколения. Центр в Обнинске продолжал принимать экипажи более старых подлодок.

Если у меня есть какие-либо достоинства, то одно из них состоит в жажде новых знаний, в желании досконально изучить то дело, которым довелось заниматься.

Так уж распорядилась судьба, повторюсь, что моя военно-морская служба прошла почти вся на берегу. Ну и что, не только в море есть чем заниматься морякам.

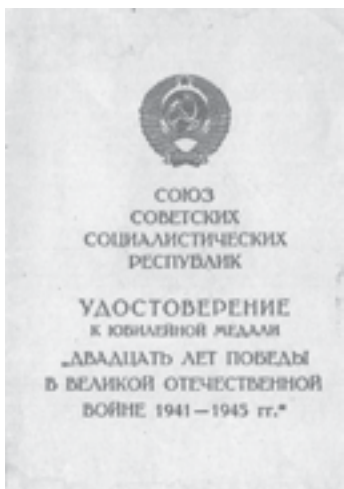
Моя первая должность в Палдиски, начиная с 1 июля 1964 года, – старший инженер тренажёров группы № 12.

*Главное здание 93-го учебного центра ВМФ в Палдиски.
Фото: ajaraik.ee*

В 93-м учебном центре я имел дело со сложной современной техникой.

Юбилейная медаль по случаю 20-летия Победы в Великой Отечественной войне – первая, которую мне вручили в Палдиски.

3 октября 1966 года мне было присвоено воинское звание инженер-капитан-лейтенанта, приказ Главкома ВМФ № 01687. С 18 октября 1967 года приказом назначен начальником тренажёра «Пульт-670» цикла № 10.

Медаль «За безупречную службу» 3-ей степени. Министр Обороны СССР, от 13.12.1967 года. Приказ 299.

Награждён медалью «50 лет вооружённых сил СССР». Юбилейная. Указ ПВС СССР, от 26.12.1967 года

В первые пять-шесть лет службы в Палдиски, когда занимался в основном наладиванием и обслуживанием техники, я часто ездил в командировки в научные институты и на предприятия, связанные с конструированием и производством тренажёров и самих подводных лодок, – «Рубин», «Аврора», «Маллахит», 24-й институт.

Работал я в это время, как говорится, наизнос, не считаясь со временем и силами. Конечно, не всё

так ясно помнится из этого периода. В письмах жене Алле, которые приведу ниже, можно найти некоторые подробности. О том, как бился над решением каких-то проблем, как, начиная рабочий день рано утром, домой возвращался поздно вечером, а то и за полночь... А она мне отвечала – тебе же, мол, самому чем труднее задача, тем интереснее её решать. Это правда.

Свидетельства о рационализаторских предложениях, врученные мне через год после прибытия в Палдиски, 7 июля 1965 года. Так что работа на износ была не напрасной.

Поздравление от коллег на моё 30-летие. «Наш коллектив сердечно поздравляет Вас с днем рождения и желает Вам крепкого здоровья, больших успехов в работе, счастья в личной жизни. Пусть как можно дольше не оставляет Вас дух изобретателя, и Ваши шахматные фигуры не знают горечь поражений. Товарищи со службы.»

Старшему инженер-лейтенанту Митченко Эдуарду Сергеевичу, за отличные успехи в боевой и политической подготовке, 13.08.1965, контр-адмирал Кудряшов.

Грамота по случаю годовщины Великой Октябрьской социалистической революции за отличные успехи в боевой и политической подготовке, которую 07.11.1968 вручил командир в/с 56190 контр-адмирал Рулюк.

В течение нескольких лет мне часто приходилось ездить в командировки. Чаще всего в Ленинград. Но бывало и в Северодвинск – в качестве члена приёмной комиссии на гигантский здешний судостроительный завод, где строили «Акулы» – самые большие тогда в мире подводные лодки.

31 мая 1969 года для меня начался новый этап службы – преподавательская работа. Приказом главкома ВМФ я был назначен преподавателем цикла № 5.

29.11.1976 приказом ГК ВМФ я был назначен преподавателем цикла № 12.

7 октября 1970 г., в день рождения, приказом ГК ВМФ № 01852 мне было присвоено воинское звание инженер-капитана 3-го ранга.

Я в качестве преподавателя.

*Долгое время эта
фотография висела на
доске почёта нашей
воинской части.*

Наша воинская часть всегда участвовала в параде на площади Победы (ныне площадь Свободы) в Таллинне 7 ноября, в годовщину Октябрьской революции. Я – во втором ряду в центре.

Награждён медалью «За воинскую доблесть». В ознаменование 100 лет со дня рождения В. И. Ленина. Приказ командующего ДКБФ №52 от 06.04.1970.

На разных должностях я прошёл все ступени квалификации:
– от специалиста 3-го класса до специалиста-мастера.

Вот выписка из моего архива, составленная 29 декабря 1979 года: «Капитаном 2-го ранга-инженером Митченко Эдуардом Сергеевичем за период прохождения службы в в/ч 56190 с 1964

25.06.1971 присвоена
классная квалификация
специалиста 3-го класса.

28.06.1974 присвоена
классная квалификация
специалиста 2-го класса.

01.07.1975 присвоена
классная квалификация
специалиста 1-го класса.

30.06.1977 присвоена
классная квалификация
специалиста-мастера.

Награждён медалью «За безупречную
службу 1-ой степени». За выслугу лет
в Вооружённых силах СССР. Приказ
Министра обороны СССР № 9 от
12.01.1972.

В 1973 г. я поступил в Университет марксизма-ленинизма, который окончил с отличием 8 июня 1976 г.

Награжден медалью «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

Медаль «За безупречную службу 2-ой степени». За 15 лет безупречной службы. Вооружённые силы СССР.

Медаль «За безупречную службу 1-й степени». За 20 лет безупречной службы в Вооружённых силах СССР.

*Медаль «60 лет
Вооружённым
силам СССР».
Юбилейная.
Указ ПВС СССР
от 28.01.1978
года.*

года по 1979 год подано и внедрено 48 рационализаторских предложений...»

Действительно, в тот период, когда я испытывал настоящее интеллектуальное вдохновение. И в какой-то момент подумал, что научно-техническое творчество – моё призвание. И я решил поступать в аспирантуру и писать диссертацию на соискание степени кандидата наук. У нас в учебном центре было два кандидата наук, я мог стать третьим. И это было реально. Тема моя была утверждена, я сдал кандидатские минимумы, кроме английского. Но планам этим не суждено было осуществиться по бытовым, скажем так, причинам: не смог решить вопрос переезда в Ленинград.

Из-за этого у меня первый раз возникло даже желание вообще уволиться со службы. А потом, в конце 1970-х годов, когда закрыли направление, которым я занимался, снова об этом задумывался. Такие вот перепады в моём состоянии были.

Надо сказать, требования к обучаемым экипажам предъявлялись жёсткие. За проваленные экзамены офицера могли списать с корабля. И это было оправдано. Я убеждён, что если бы такую же обязательную подготовку проходили и гражданские специалисты, то трагедии Чернобыля удалось бы избежать.

В то же время я занимался хоть и военной, но всё же педагогикой, то есть областью знаний и практики, имеющей общие законы и принципы. И я их усердно постигал, потому что своё дело хотел делать хорошо. В частности, изучал методику выдающегося педагога-новатора Виктора Фёдоровича Шаталова.

К примеру, я вывел для себя такой важнейший вывод: если обучаемый по окончании курса проваливает экзамен, это не всегда означает, что виноват он сам. Сначала проанализируй

свою работу: а всё ли ты как преподаватель сделал правильно для того, чтобы человек усвоил знания и навыки?

Не все мои коллеги следовали такому подходу. Вот, например, Боб, как его все звали, Орловский, преподававший живучесть корабля. Не в меру жёсткий был преподаватель. Как-то он, недолго думая, вклеил «двойку» одному капитану 3-го ранга. Тот чуть ли не плачет: ведь над ним автоматически нависла угроза списания!

Я тоже преподавал этому офицеру свою дисциплину и точно знал, что не может он заслуживать «неуда», потому что нормальный, серьёзный человек. И встал на его защиту. В итоге добился того, чтобы он пересдал экзамен по живучести другому преподавателю. Сдал благополучно. Потом я интересовался, как у него дела – ни одного происшествия. Всё в порядке. А ведь готовы были списать, то есть сильно осложнить человеку всю жизнь.

Впрочем, списать офицера могли и по другим причинам. Например, за то, что... разводится с женой. В такую историю как-то попал командир БЧ-5 Нехорошев. Мол, член партии, тем более член экипажа атомной подлодки, не может быть разведён, репутация должна быть безупречной. Дебаты на партсобрании были бурные. Я сам ещё со времён училища любил дискуссии, и свои занятия любил строить в дискуссионной форме, но не частную же жизнь человека обсуждать на партсобрании! Мне это было дико, и, конечно же, я сказал всё, что думаю об этом. О том, что никого нельзя унижать. Какой пример, вопрошал я, мы подаём молодёжи?

В итоге обошлось всё для Нехорошева. Он меня благодарил, хотя до этого знакомы мы не были.

Вот письмо от одного из офицеров, который тоже за что-то меня благодарит. Правда, на этот раз хорошо мне знакомый офицер: вместе учились в училище. Написал он его после отбытия из Палдиски, где был на учёбе.

Эдик, здравствуй!

Большая тебе благодарность за участие в моём вопросе. Ты отзывчивый и хороший парень, внёс мне ясность на события, хотя и не до конца всё выяснилось.

Ты знаешь, что на службе много случаев совершения какого-либо дела, концы в котором найти очень трудно. О моём конкретном деле я тебе уже писал. К моменту моего убытия из

Палдиски было написано представление. Когда убили все, там остался один представитель командования, который должен был продвинуть его, что он, по его словам, и сделал. Однако, как пишешь ты, этого сделано не было.

Я же спокойно ждал 3 месяца и только на четвёртом стал выяснять. Пока выясняли, время идёт. Сейчас, правда, в середине декабря, отправили второе уже отсюда. Смею надеяться получить к 23-му (очередное звание – Э.М.).

Сегодня утром передал от тебя привет Игорю. Было это на завтраке. Номера частей у нас сейчас меняются. Он сказал, что напишет тебе сам. <...>

Привет тебе и супруге от Гали. Привет и поздравления нашим бывшим одноклассникам.

Мы сейчас варимся во флотской заварухе по полной форме. Сдача на самостоятельное управление, сдача задач и т. д. Рабочий день постановили до 23 часов. Вот такая обстановка.

Привет тебе от бывших одноклассников – кроме Игоря, от Паши Котелянского, Штоколо, Дмитренко. Нельзя не поздравить тебя с наступающей очередной годовщиной Вооружённых Сил.

Разреши ещё раз поблагодарить тебя за это сообщение. Если что-либо ещё услышишь по этому вопросу, то, думаю, напишешь. И вообще пописывай изредка – как жизнь, какие перспективы, новости и т. д. Ты в этом отношении живёшь на бойком месте, мимо тебя проходит поток новостей и лиц, знакомых прежде.

До свиданья. Володя.

24.01.1969

Впрочем, я легко заводился на политзанятиях и по менее серьёзным вроде бы поводам. Однажды, например, сцепился с замполитом в отношении художников-импрессионистов.

То есть, каким я был неравнодушным к окружающей действительности человеком с юности, таким и остался. «Не могу молчать!» – этим лозунгом я руководствовался всегда. Например, однажды меня так взволновала какая-то статья в газете «Комсомольская правда», что я не мог не написать письмо её автору:

Уважаемый тов. Филиппченко!

Только что прочитал Вашу статью. Возможно, под настроение, но осадок на душе остался страшно неприятный. Буквально

вчера я выдержал очень серьёзный спор с молодыми матросами, 1948 г. рождения. Как видите, они действительно довольно молоды. Хорошие ребята. Окончили по 11 классов. А вот на жизнь смотрят с очень большим недоверием. Слишком уж, говорят, много у нас по несправедливости. А тех, кто ищет правду, бьют и довольно сильно. Правда-то – она далеко. А строевой старшина рядом! Уж лучше жить по пословице: «Моряк спит, а служба идёт».

Вот и на заводе. Мастера-то – сила! А рабочий – это чёрная кость. Вот и получается: прав тот, у кого больше прав. Гнилая философия? А я бы сказал – страшная. И узнаете, так стали рассуждать не только зелёные юнцы. Такое настроение у многих. Не у большинства, нет. Я всё же далёк от этой мысли. Но у многих. Особенно в сфере студенческой и курсантской.

Я окончил высшее морское училище 5 лет назад. Были споры у нас на эту тему и раньше. Продолжаются и сейчас. И я бы не сказал, что примеров для подобных дебатов стало меньше. Не так давно я спросил своего старшего очень хорошего друга (он коммунист с 20 года, лётчиком прошёл все войны): «А всё же, почему у нас до сих пор иногда имеет место несправедливость?» Ответ его, разговор серьёзный и особый. А пишу я Вам такое вступление для того, чтобы было ясно, что это не просто так. Я первый раз откликаюсь на статью, хотя желание появлялось и раньше. Но всё как-то откладывал, и текучка заедала. А сейчас всё же решил высказаться.

Почему во время войны за трусость и подлость расстреливали? Скажете, иначе было нельзя – война! Вот и сейчас надо вести войну с подлецами и трусами за всё то хорошее, что завоёвано нашими отцами и братьями. За души молодые, за их мировоззрение и сущность.

Разве калечить души – это не подлость, не преступление? Моральная травма – что может быть страшнее? Я имею в виду наши идеалы, наши сомнения.

Бесспорно, «Комсомолка» права, когда выступает с подобными статьями. Но ведь каждый расценивает по-своему.

Час назад мне сказал один товарищ: «Вот видишь, правдолюбец, 76 свидетелей, два суда, председатель исполнительного комитета! И что? Ребят засудили, а ведь ни за что». Так вот, у меня к Вам огромнейшая просьба, и вообще совет «Комсомолке»: если уж пишете о вопиющем произволе, то, пожалуйста, напишите такую же статью (а может быть, и в два раза больше) о том, что справедливость восторжествовала.

Вдвойне обидно, что среди этих подлых людишек наверняка много комсомольцев и даже коммунистов, которых и близко нельзя подпускать к партии. И уж совсем обидно, что почти наверняка большинство из них отделается просто лёгким испугом. Высылаю своё глубочайшее предупреждение А. и Н. Салацким, Воронцову, Недбало, Матвееву, Толмачёву, Ремезову, Почернину, Александрову, Тихомировой. Считаю, что все эти подлецы должны понести самую серьёзную уголовную ответственность. К таким гражданам общественность должна быть беспощадна.

Искренне сочувствую Альберту Никифоренкову и Леониду Весневцу и от всей души желаю им в их тяжёлой благородной работе успеха, удачи и мужества!

Я не знаком с тонкостями правосудия, но если возможно, то можете приобщить это письмо к судебному делу как официальный документ.

С искренним уважением!

Даты на письме нет, но, судя по словам автора, который сообщает о себе, что военно-морское училище он закончил 5 лет назад, то, значит, где-то в 1967 году я его написал. То есть в самый напряжённый период моей службы в Палдиски. Однако если что-то меня сильно задевает, то время на реакцию всегда найду.

Естественно, секретность в учебном центре была абсолютная. И контроль офицеров осуществлялся соответствующий. На несколько человек – один представитель Особого отдела. На

Слева направо: инженеры-капитаны 3 ранга И. Вакуленко, В. Абашев, В. Шумаков.

С товарищами по службе около Дома офицеров флота в Палдиски. Я во втором ряду справа.

резонный вопрос: «Вы что, не доверяете нам?» следовал ответ: «Нет, мы вас защищаем».

Слово «стукач» было отнюдь не абстрактным. Увы, встречались они среди офицеров центра – были охотники доносить на товарищей. Я и сам как-то стал жертвой доноса.

Офицеры, имевшие доступ к секретным документам, в начале рабочего дня получали чемодан с такими документами, а в конце дня опечатанный чемодан следовало сдать. Однажды я случайно оставил документы на столе. Вскоре меня вызвали в Особый отдел. Однако, кроме того, чтобы предпринять соответствующие меры, особицы предложили мне сотрудничать с ними. Проще говоря, тоже стать «стукачом». Несколько раз подбирались. Бесполезно, потому что стукачество я считаю мерзопакостным занятием.

Но кто донёс на меня? У меня было подозрение, что Саша Федорцов – мягкий, добрый, услужливый человек. Вроде и неплохое качество, но, когда оно переходит в подхалимаж, это уже неприятно. Мне казалось, что такого, как Федорцов, нетрудно уговорить.

И теперь я должен сказать ему: «Прости меня, Саша, что грешил на тебя». Сказать с опозданием: он давно уже ушёл из жизни из-за болезни.

У меня были хорошие отношения с помощником командира по режиму Волковым. Мы часто играли у него в кабинете в шахматы, выпивали. Относились друг к другу с уважением. И вот как-то я прямо спросил у него: «Федорцов?» Он ответил: «Нет, Виталий Гох». Для меня это было неожиданно. Кто бы мог подумать... Вскоре Гоха перевели в Севастополь с повышением. Жалею, что не предупредил там ребят.

Порой выявлялись и более серьёзные грехи. Однажды особысты арестовали одного капитана 2-го ранга (не помню фамилию). Офицер как офицер, вполне положительный. И меня пригласили присутствовать при обыске у него. Я без лишних вопросов принял предложение, а потом долго жалел об этом. Ведь про меня могли подумать, что я работаю на Особый отдел, и друзья наверняка отметили про себя, что раз Митченко участвовал в этом, значит, Особый отдел ему доверяет. На самом деле, конечно, я никакого отношения к особистам не имел, но попробуй доказать это после случившегося!

Зачем я согласился на это? До сих пор понять не могу. Под любым предлогом надо было отказаться! Но не сделал этого, и с тех пор этот эпизод считаю одним из тёмных пятен в моей биографии.

А офицеру тому, если верить слухам, дали шесть лет: якобы был диссидентом. Хотя мы не были с ним близко знакомы, думаю, что не являлся он никаким диссидентом, иначе хоть как-то свои взгляды обозначил бы. Возможно, просто каким-то боком косвенно был где-то замешан.

Так что за оградой секретного учебного центра, вроде бы спокойного и тихого, где весь распорядок жизни, казалось, подчинён строгой военной дисциплине, порой разгорались нешуточные человеческие страсти. Порой происходили и драматические события. Поступки иногда совершались неблагоприятные, и даже уголовные деяния. Причём совершались высшим начальством. Мне доводилось оказываться в центре некоторых этих событий в силу обстоятельств, а также в качестве председателя ревизионной комиссии.

Памятен «библиотечный скандал». Выяснилось, что группа лиц расхищала ценные художественные книги, поступавшие в библиотеку воинской части, наживаясь на этом. Я оказался в центре этих событий, поскольку возглавлял контрольную комиссию, проверявшую библиотеку.

По этому поводу я даже написал 16 января 1984 года письмо в нашу флотскую газету «Страж Балтики». Правда, так и не отправил, но оно сохранилось в моём архиве. Прочитирую его полностью, так как в нём описана суть дела:

«Уважаемый товарищ редактор!

Пишет вам капитан 2-го ранга Митченко Эдуард Сергеевич из в/части 56190, проживающий в городе Палдиски, ЭССР, ул. Лауристини, 58, кв. 19.

У нас для вашей газеты может быть хороший материал. С другой стороны, требуется ваша помощь.

19 декабря 1983 года по представлению инспектора финансовой службы в/ч 20405 м-ра Прихода А. А. командир нашей части назначил комиссию по проверке имущества библиотеки части, председателем комиссии назначили меня.

Через несколько дней все члены комиссии убедились, что основной фонд библиотеки в течение длительного времени планомерно расхищался группой лиц. В своей работе мы столкнулись с фиктивными счетами при закупке книг (а точнее сказать, с двойными счетами, один из которых проводится через финчасть, а по второму принимаются из магазина книги, но он нигде не учитывается), с поддельными документами, вплоть до фиктивных актов и подделки подписей отдельных членов комиссии, с грубейшими нарушениями приказов МО СССР № 28 от 21.01.72 г. и № 87 от 14.03.80 г.

В первые же дни работы комиссии со стороны начальника политотдела капитана 1-го ранга Светилькова В. П. отсутствовала должная поддержка, наоборот, он несколько раз предупреждал меня, причём в довольно резкой форме, чтобы я «не зарывался». Четвёртого января начальник ПО обрушил на меня целый ряд угроз и оскорблений, о чём я рапортом доложил командиру части.

Против меня была развернута целая серия провокаций, чтобы дискредитировать, а затем отстранить от работы.

Так, я был приглашён заведующей библиотекой к ней на квартиру, чтобы, как она выразилась, поговорить по душам без посторонних глаз. Не имея должного опыта в подобных проверках, я пошёл к ней в дом. У нас состоялся нормальный разговор, после чего они с мужем проводили меня до дома.

Наутро я был вызван к командиру и вынужден был оправдываться, что никакого обыска у лица, проверяемого комиссией, я не устраивал.

Десятого января 1984 года одна из подчинённых начальника политотдела, непосредственно причастная к проверяемым комиссией вопросам, буквально упростила меня с ней встретиться. Встретились. Не прошло и пяти минут, как эта дама устроила мне истерику, выскочила из кабинета якобы с сердечным приступом.

Минут через 30-40 на столе командира лежало её обстоятельное заявление об издевательских методах допроса, учинённого председателем комиссии, в результате чего у нее произошёл сильный сердечный приступ. По городку мгновенно распространился слух, что я довёл её до инфаркта и т. д. и т. п.

Начальник ПО вновь пытался добиться моего отстранения от работы в комиссии. Не отстранили, но приказали все проверки закончить в очень сжатые сроки, подготовить и представить на утверждение акт проверки. Такой акт был составлен, отпечатан и подписан всеми членами комиссии.

В нём, в частности, говорится, что «при проверке имущества библиотеки комиссия столкнулась с фактами злоупотребления своим положением должностными лицами, отвечающими за сохранность материальных ценностей библиотеки». В результате нанесён материальный ущерб государственной собственности, который по предварительным расчётам составляет 7450 рублей (эта цифра может быть не точна, так как в комиссии не было финансового работника и представителя прокуратуры). Комиссия указала на лица, которые способствовал этому, причём первым шёл начальник ПО, капитан 1-го ранга Светильков В.П.

Тринадцатого января состоялось обсуждение акта в кабинете командира части. Присутствовали все члены комиссии и лица, приглашённые командиром. Как вы, по всей видимости, уже догадались, результат обсуждения был не в пользу комиссии. Нас обвинили в подрыве авторитета начальника политотдела и приказали переделать акт.

Комиссия решила акт не переделывать, а обратиться в вашу газету. Что я и делаю.

Для справки сообщаю следующее.

1. Бывший командир в/ч 56190 контр-адмирал Каравашкин В.С. судом военного трибунала в 1983 году разжалован до

рядового и осуждён на 12 лет строгого режима с конфискацией имущества. Командир осуждён, а злоупотребления со стороны начальника ПО продолжают. Может быть, товарищи, которые занимались делом гр. Каравашкина В.С. заинтересуются материалами нашей комиссии и окажут соответствующую помощь, ведь нам самим не справиться.

2. Чтобы приехать к нам, требуется специальное разрешение.

3. Мой домашний телефон 74-66.

С уважением, Митченко Э.С.

16.01.84 г.»

В письме я, конечно, не стал конкретизировать действия Светилькова, а сейчас могу. Он стучал кулаком по столу, орал, что размажет меня и т. д. Словом, вёл себя истерично и позорно для офицера. Честно говоря, я и до этого не питал особых симпатий к политработникам, а после этих событий – тем более. Хотя, конечно, понимаю, что нельзя всех мазать одной краской, в многочисленном корпусе армейских и флотских политработников, несомненно, были и порядочные люди.

Был ещё один нюанс в этой истории. Упомянутой в письме одной из подчинённых Светилькова, которая уговорила меня встретиться с ней, а потом пожаловалась командиру части, что я якобы издевался над ней, была заведующая библиотекой Лариса Вакуленко, с которой мы были дружны около двадцати лет, то есть с самого прибытия в Палдиски – дружили семьями. Кроме того, её муж был моим непосредственным командиром.

Тем не менее, для меня это не имело никакого значения: перед законом равны все. Конечно, после этого случая нашей дружбе пришёл конец.

После того, как она написала жалобу командиру, я вынужден был представить ему же свой рапорт (с ударением на втором слоге, как принято на флоте), в котором объяснил, как на самом деле проходила наша встреча, закончившаяся так (цитирую по тексту рапорта):

«...Лариса Евгеньевна, не торопясь, встала со стула, поправила причёску, после чего совершенно спокойно, но зло бросила: «Вы ещё пожалеете, Эдуард Сергеевич, ох, как пожалеете. Наши слёзы вам так даром не пройдут. Мы вас раздавим, растопчем!»

На этом мы расстались...»

Дело это всё-таки замяли. Вместо меня в состав контрольной комиссии начальник политотдела включил более надёжного с его точки зрения человека, своего заместителя. Теперь сожалею, что не довёл «библиотечное дело» до конца, во всяком случае, не проявил должной настойчивости, не использовал всех возможностей. Да и на состоянии здоровья всё это отразилось пагубно.

Кроме того, я недооценил степень наглости и бессовестности облачённых властью людей. Например, мне по своей наивности казалось, что достаточно опечатать помещения, где хранились похищенные книги, чтобы гарантировать их неприкосновенность. Поэтому не позаботился о том, чтобы выставить ещё и караул. А помещения в первую же ночь были вскрыты...

Впрочем, «библиотечный» скандал меркнет по сравнению с деяниями начальника (до 1980 года) учебного центра контр-адмирала Каравашкина, о которых я упомянул в своём письме в редакцию, и за которые он был столь сурово наказан. Валентин Степанович продавал «налево» технику, которая поступала в учебный центр. Не один, конечно. Не удивился бы, если бы выяснилось, что в компании с тем же Светильковым, который был замполитом и при Каравашкине. Особых подробностей я не знаю, до нас, простых офицеров-преподавателей, их не доводили. Но ясно, что ущерб был нанесён крупный – и материальный, и особенно моральный.

Вот такие порой дела творились за забором секретного учебного центра.

Хорошо хотя бы то, что начальника-жулика заменил добропорядочный адмирал – Александр Алексеевич Шауров, которого я знал ещё по службе на Севере, а мой друг Игорь Ушаков, кстати, даже служил на подводной лодке под командованием Шаурова.

Конечно же, было в это время место и обычным человеческим радостям. У нас в Палдиски был свой огород.

Мы также отдыхали на природе, ходили по грибы и ягоды. Были и события культурной жизни. Приобщившись к большой культуре и

искусству во время учёбы в Ленинграде, я старался не отставать по этой части и впоследствии годы. А благодаря тому, что Алла работала в Доме офицеров, мы узнавали о предстоящих культурных событиях первыми и старались их никогда не пропускать.

Отдых на природе...

И письма, письма... Сколько их написано за эти годы! Сотни только сохранившихся в моём архиве. Есть среди них и особо эмоциональные письма. Вот это, например:

Здравствуй, роднулька!

И всё же здорово – дочь!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Хожу, как во сне. Ничего не могу делать, даже сосредоточиться не могу. И рот сам по себе до ушей расползается. А тебя я люблю независимо от того, кого ты родила. Люблю, Алка! И очень даже сильно. Я счастлив, что у меня такая жена и такой друг и мать. Мне в этом плане чертовски повезло в жизни....

Это было написано 5 марта 1969 года. В этот день у нашего почти пятилетнего тогда сына появилась сестрёнка, а у нас с

... и в свободное время дома.

Аллой – дочь. Если сына мы назвали в честь моего друга Олега Коренькова, то дочь – в честь Вики, близкой ростовской подруги Аллы.

Через год после «библиотечного дела» моя служба в Палдиски и вообще на Военно-морском флоте подошла к концу – я отдал ей 28 лет. На тот момент я был в звании капитана 2-го ранга, которое получил в 34 года, то есть задолго до увольнения. И тогда были все основания полагать, что я вполне способен стать капитаном 1-го ранга в должности старшего преподавателя. Но этого не случилось. Думаю, лишь по причине моего характера, очень уж принципиального.

Обычно для офицеров увольнение в запас или в отставку по достижении необходимой выслуги лет происходит естественным образом. У меня же этот момент был весьма мучительным.

Я уверен, что командование части решило демобилизовать меня с подачи Светилькова. Официальный же повод – по состоянию здоровья. Правда, обследование, которое я прошел в 1-м ВМОЛГе, действительно подтвердило неважное его состояние. Так как я желал продолжать службу и не согласился с решением ВВК (военно-врачебная комиссия) о моей демобилизации, то данный вопрос передали на рассмотрение в Военно-медицинскую академию.

На дополнительное обследование меня вновь поместили в 1-й ВМОЛГ.

В общем, после всех этих событий, которых подробнее коснусь в следующей главе, посвящённой здоровью, вопрос с моим увольнением был решен окончательно. Вот последняя запись в «Послужном списке», касающаяся прохождения службы:

«Уволен в отставку с действительной военной службы по статье 60, пункт «Б» (по болезни) Положения о прохождении военной службы офицерским составом Вооружённых Сил СССР с правом ношения военной формы одежды. Исключён из списков личного состава части с 18 октября 1985 г.»

Из писем

В этой подборке – обзор наиболее показательных, как мне кажется, писем, написанных мною и мне после переезда в Палдиски и до конца 1960-х годов.

Я – другу Олегу Коренькову:

«Видимо, расстояние имеет немалое значение в отношениях. Письма стали приходиться редко, да и прежней задушевности, какая была в разговорах, не чувствуется. Я говорю про всех нас троих (третий – Игорь Ушаков – прим.).

Может, причиной явилась моя женитьба и рождение сына? Вряд ли. Вы-то с Игорем остались в прежней позиции, а переписка всё равно не ладится. Так в чём же причина?

Меня это тревожит. А тебя? Ведь ты же, наверное, не раз убеждался, что хорошего друга, преданного товарища, найти очень тяжело. А ведь мы друзьями были, да и остаёмся ими! Так ведь? Но в таком случае отношения между нами должны постоянно поддерживаться и оберегаться.

Молчание же может привести только к очерствению и замкнутости. И если мы не будем поддерживать постоянную тесную переписку (но не поверхностные отписки), то, вероятно, скоро превратимся просто в общих знакомых, не больше.

*Мой друг Олег Кореньков в
Палдиски во время переподго-
товки.*

Ака уехала в Ростов. Уставала здорово, а от меня помощь, сам понимаешь... Сынишка мне нравится, хотя и доставляет массу хлопот. Из него должен получиться хороший парень. Конечно, всё будет зависеть от воспитания.

С их отъездом стало спокойней. А то стал путать день с ночью... А работы хватает. Сейчас начальник ушёл в отпуск и два старших отдыхают, так совсем туго приходится. Скорей бы отпуск! <...>

Вечера проходят за телевизором или за шахматами. В 1/8 первенства СССР по переписке проиграл 2 партии, 3 выиграл и одна ничья. В остальных обоюдоострая позиция. В 1/4 не выхожу. Сожалею, но сейчас уже ничего не поправишь»
(без даты).

Первая зима сына Олега в Палдиски.

Я – Л. П. Затопляеву («папе»):

«Почему ты молчишь? Что случилось? Я уже начинаю волноваться. Очень прошу, ответь мне сразу. Правда, я также давно не писал. Каюсь, грешен. Сейчас вроде бы пробел появился в моей загруженности. Постараюсь хотя бы частично искупить вину.

В основном всё обстоит нормально. Аппаратуру приняли. Добился ли я своего? Или меня сломали? Ни то, ни другое. Полностью своего не добился, хотя воевал бескомпромиссно до конца. Однако всё же сделать заставил много.

Вообще-то получился скандал. Четверо из членов комиссии отказались от подписания. Вначале дебаты были страшные. Слишком уж много оставалось хомутов. Сдатчики зашились окончательно. У них горел другой проект. Им надо было бы давно уже заниматься им, а они вынуждены были сидеть здесь. С другой стороны, и нам надо вести обучение. Вынужден был писать на имя командира короткий, но очень серьёзный и деловой рапорт – принимать нельзя! Подпишу акт, если на то будет письменное приказание. На что он ответил: «Ну что ж, Эдик (ход дипломата!), отдать такое приказание я не имею права – ни морального, ни юридического, ни административного. И я, и главный инженер отлично понимаем тебя, но... принимать надо! Единственное, на что я могу решиться, это принять аппаратуру под свою ответственность без непосредственного начальника. Они, сдатчики, оставляют большое серьёзное гарантийное письмо. Я согласен с тобой (т.е. он – со мной), что большинство сроков, которые они гарантируют, нереально. Но что делать, обучать-то надо! Тем более что обучать можно, ведь техника в основном функционирует! Будут срывы, ну что ж, будем вызывать их. Ответственный сдатчик гарантирует, что по первому вызову они пришлют специалиста, как бы он загружен ни был. Так что смотри. Я советую подписать».

Вот так протекала наша беседа. Я попросил две недели на устранение ряда замечаний собственными силами. Тех замечаний, которые непосредственно были связаны с нарушением техники безопасности. Они дал эти две недели. На другой день четверо непокорных подписали акт. На этом эпопея была закончена и... началась другая.

Основные замечания мы устранили не за две недели, а за десять дней. Но потребовался ровно месяц, чтобы почти всё стало функционировать, как положено.

Акт был подписан 25 мая. И только сегодня, 26 июня, я вздохнул с облегчением. До этого дня уже бредил неисправностями. Во сне вслух читал схемы и спорил... Получался чуть ли не замкнутый круг: одно сделаем, появляется другое, а то и сразу два, три отказа.

На прошлой неделе было принято решение: надо вызывать. Кажется, запутались окончательно. Решили подождать ещё сутки.

Кое-что сделали. Стали вводить параметры вручную. Но истинная причина была ещё неизвестна. Однако работать было можно. И вот сегодня, кажется, понял. И всего-то (!!) сгорели два диода в двух блоках. А блоки эти стоят в двух машинах стоимостью каждая по 80 тысяч! Знаешь, дружище мой дорогой, как гора с плеч!

Работу люблю. Но чертовски большая нагрузка. Слишком уж много надо знать, то есть объём большой различных по своему функциональному назначению блоков: электроника, автоматика, вычислительная техника, электротехника. Четыре таких кита! Всё взаимосвязано и работает в исключительно определённой логической последовательности. Сгусток технической военно-морской мысли. Этим только и утешаюсь. Самый передовой, самый сложный комплекс, которого пока ещё нигде, кроме нас, нет.

Страшно беспокойный всё же у меня характер. Давит со страшной силой то, что я ещё не всё изучил. Это не боязнь ответственности в случае отказа. Нет. Это моральная неудовлетворённость. Одну треть освоил хорошо, вторую треть кончаю. Итого 2/3. А после назначения прошёл уже год. Если так и дальше пойдёт, потребуется ещё полгода, чтобы страждущая душа получила успокоение. Слишком долго и расточительно. Понимаешь, дорогой, как-то не очень ценятся, особенно в нашей конторе, знания. Больше ценят тех людей, которые подхватывают мысль начальников на лету и моментально поддерживают её, как бы в своей сути она порочна ни была. Знание, конечно, тоже кое-что даёт. Это что-то вроде щита для таких людей, как я.

Искренне признаюсь: ох, и туго мне пришлось бы в жизни (а может быть, ещё придётся?!), не обладай я чертовской работоспособностью и, как следствие, чисто техническим инженерным авторитетом. Из истории известно, что бунтарей-одиночек всегда принимают в штыки. Наше время тоже не является исключением. А я именно из таких. Я добился того, что со мной все без исключения стали считаться. Принимают именно таким остроугольным. Но это далось дорогой ценой. Я оказался в какой-то изоляции. Жалею ли я об этом? Частично да! Но только частично. Вероятно, как нет золотой середины между подлостью и порядочностью (не может же человек поступать полуподло?), так нет её и между приспособленчеством и откровенной честностью. Человек должен оставаться самим собой в любой ситуации. Сохранять индивидуальность и принципиальность во всех вопросах, если эти принципы прогрессивны и направлены на пользу делу. А у меня (это для тебя не новость) есть

свои принципы и свои убеждения, которые в кулуарах разделяет подавляющее большинство.

Но... в жизни по тем или иным мотивам эти же люди идут на сделку со своей совестью (отмалчиваются либо говорят не то, что думают, лишь бы не навлечь на себя гнев «всевышнего»). А это я расцениваю именно так – подличают.

Послушай! Но отчего же это? Ведь большинство людей воспитано на здоровой почве. Настроено прогрессивно и обладает правильной убеждёностью. Так откуда же это равнодушие и трусость? Ну, у твоего поколения понятно – запугано кровью... А откуда в нашей среде, у молодёжи? Из-за пустозвонства и нереальных (иногда) призывов? Нет, это только поверхностная накипь, не суть. А вот суть в чём???

Ну ладно, философствовать хватит. Я, наверное, утомил тебя...»

(26.06.1965)

Когда долго не было писем от Затопляевых, однажды послал им такую телеграмму.

Следующее письмо – от москвички Лены Зиновьевой, друга нашей семьи и нашей с Аллой сверстницы. Лена – из семьи, очень близкой Ушаковым. Её отец Валентин Петрович Зиновьев, генерал, был начальником штаба у Владимира Алексеевича. Как и Ушаковы, она бывала у нас в Палдиски. Интересная личность, умная и образованная женщина, выпускница Московского авиационного института. Письма Лена всегда писала большие и обстоятельные.

Лена Зиновьева – мне и Алле:

«...Отпуск провела отлично. Масса впечатлений. Особенно понравились горы. По существу, я ведь впервые оказалась в настоящих горах. В порядке рекламы. Советую поехать по подобным путёвкам.

После отпуска меня отправили в колхоз. Так что в течение двух недель я «поднимала» сельское хозяйство. Поначалу с не привычки было несколько <...>.

В последнее время удалось посмотреть несколько хороших вещей. В основном на тему войны. В кино: «Обыкновенный фашизм», «Нюрнбергский процесс». Обязательно посмотрите.

В театре недавно чудом удалось посмотреть спектакль «Павшие и живые». Есть здесь у нас молодёжный театр, который пользуется огромнейшим успехом. Попасть в него можно только случайно. Спектакль замечательный!

Ещё мне посчастливилось попасть на вечер, посвящённый 35-летию нашего института МАИ. Он проходил во Дворце съездов.

<...> Эдик, ты, наверное, радуешься за Евтушенко: ведь его за поэму «Братская ГЭС» выдвинули на соискание Ленинской премии. Я, в свою очередь, рада за тебя, за то, что так высоко ценят твоего кумира. И всё-таки я против столь высокой оценки его творчества. Извиняюсь, конечно...»

(30.12.1965).

Алла – мне в Ленинград, где я был в командировке:

«...У нас всё нормально, если не считать того, что скучаем по тебе. Оба в равной мере. Я не предполагала, что Аля будет так болезненно переживать твоё отсутствие. Каждое утро, день и вечер на каждый звонок бежит к двери с криками: «Папа!» Я ему говорю, что папа в Ленинграде, но он не хочет понимать этого. Как твои дела? Как добрались? Где ты остановился? Что ешь? Как успехи? И ещё тысячу «как».<...>

Получила перевод из Омска и уже потратила: купила себе костюм за 16 руб., а на остальные деньги Але чёрной икры. Теперь тебе нас не прокормить. Сын ест икру ложкой! Аля ведёт себя хорошо, но не проходит часа, чтобы не вспомнил тебя. <...>

Я всё-таки посмотрела «Брак по-итальянски». Ходила 10-го на 16.30. С Алей была Люда, она ходила на 19.30. Фильм очень понравился. Прекрасная артистка Софии Лорен, одно удовольствие смотреть на неё и её игру...»

(11.01.1966)

Игорь Ушаков (с Севера) – мне:

«...Давно собирался тебе написать, но всё не получалось. То работы навалом и нет времени, то есть время и уже садишься писать, но откладываешь на другое время. А всё это потому, что написать письмо для меня – огромный и мучительный труд. Для написания письма у меня отводится целый день, например, как сегодняшнее воскресенье.

Пишу тебе с нового места. Прибыл сюда месяц назад, и уже становится тошно. Сам знаешь, как на новом месте всё начинается. Заседаем допоздна, планируем, пишем кучу бумаг, потом меняем план и опять размножаем бумаги. Когда это всё кончится, неизвестно. По-моему, никогда, потому что пока выполняешь одни задачи, уже ставятся другие, ещё более грандиозные. В общем, надоело, хочется отсюда смыться, но не пускают. Да и полярная ночь давит на мозги.

Погода здесь сейчас отвратная – то мороз сильнейший, и залив парит так, что ничего не видно, то заряды пурги. Ребята, которым нужно по каким-либо причинам уехать, сидят неделями и ждут. Новый год здесь встретил на ПКЗ (плавучая казарма – прим).

Жить на ПКЗ тоскливо, не то, что было раньше. Вечером все разбегаются по домам, и почти никого не остаётся, даже пулюку расписать не с кем. Фильмы тоже не крутят, поэтому приходится гнить у себя в каюте. Единственное утешение – отпуск намечен на июль. Если так и будет, загляну к тебе.

Пиши, как дела у тебя. Если ты успокоился со своей семейной жизнью, то это хорошо, я рад. А вообще – тебе мой совет: поменьше дёргайся, а то допрыгаешься. Не понимаю, чего тебе не хватает...» (без даты)

Алла – мне в Ленинград:

«...Вчера собралась тебе писать, но в 20.00 выключили свет, а дали в 23.15, вот и легли спать вместе с Алёй.

Третьи сутки, как у нас очень холодно, сегодня минус 20, сильный ветер. Сидим с Алёй дома.

<...>

Эдинька! Не забудь о моей просьбе: 1) рисовый крахмал. 2) Мне шапку посмотри, только меховую, желательно белую, размер 58. 3) конечно, что-нибудь Але (а шуб цыгейковых нет. Але нужен 26-й размер, хорошо бы чёрную или коричневую). А вообще, Альке уже 28-й размер надо брать – костюмчики, а шубку – 26-й.

Если тебе нужны деньги, я переищу, у меня ещё есть. Вчера Ира была в Таллинне, всё сапожки ищет. Я очень жалею, что не взяла летом те замшевые в Ростове. Ведь здесь такая сухая холодная зима.

Вот, Эдюша, родной, такие наши новости. Скорей бы время шло. Но я как подумаю, что приедешь ты всего на 2-3 дня, даже настроение падает! Плохо одной, без тебя очень тоскливо и одиноко, а время, кажется, никогда еще так не тянулось!!

(15.01.1966)

Алла – мне:

«Вчера отправила тебе письмо, а о главном забыла написать. Алька влез на стол, взял мои очки, стал надевать и, конечно, сломал. Одну дужку совсем отломил, посмотришь, но её, по-моему, уже не сделать.

Я тебя очень прошу, Зайка, посмотри в «Оптике» в Ленинграде стёкла мне минус 1,5 (близорукость) и хорошую оправу на свой вкус. Меряй тоже на себя, только чтобы тебе была очень свободна. У меня-то лицо шире! И ещё, может, встретишь цветные стёкла, тоже на минус 1,5. Обязательно возьми, их только в Ленинграде можно достать, как говорит Ларка.

Эдюша! Если не купил ещё мне шапку, то и не надо. А то возьмишь, да не такую, буду потом переживать.

А с курением как дела? Ты уж не гонись за ребятами, они вон какие!

Кажется, спал сегодня мороз, а вчера было минус 22. Но мы с Алей всё равно часик позакалялись. Он каждый вечер встречает идущих с работы: «Папа, папа!» <...>

Ларке выслали холодильник «Саратов», маленький, а обошёлся он им в 187 руб., Она долго ревела – за такие деньги! Лучшие бы, говорят, «Кавказ» здесь взяли...» (17.01.1966)

«Папа» – мне:

«Наконец собрался написать тебе письмо... Между прочим, и ты не балуешь меня количеством писем. Утешает то, что они всегда содержательные.

Эдик, сынок мой! Посмотрели мы с Зоей на твою фотографию и ахнули. Разве можно доводить себя до такой худобы! Почему ты так перегружаешь себя? Подорвёшь здоровье и уже не вернёшь... Давай-ка, милый друг, договоримся: ты будешь следить за собой хотя бы ради такого хорошенького сына! Умей сочетать труд с отдыхом.

Приятно, что у тебя по-прежнему неплохо идут дела с шахматами. Определённо у тебя талант, и ты его не глуши. Как знать, если б ты много работал в этой области, то давно уже был бы мастером. Советую тебе на будущий год подумать об отдыхе. Я первый раз отдыхал в санатории и убедился, что только при отрыве от забот житейских можно отдохнуть.

В семье всё хорошо. Если скоро увидимся, то есть о чём поговорить.

P.S. Ты забыл поздравить Зою...»

(20.01.1966)

Алла – мне:

«...Сегодня мы получили бандероль! Молодец! Мне тоже нравится шубка, но она Але очень велика! Её надо см на 10-12 подшивать, и длину, и рукава! Так что только в следующую зиму будем одевать, да и то, наверное, надо будет подшивать! Большое спасибо Маргарите Михайловне за внимание! Ей, видимо, за просьбами и гостями отдыхать некогда!

Эдинька! Сегодня я выслала тебе 25 рублей, чтоб «как-нибудь» не выкручивался. Думаю, до 4.02 дотянешь.

<...>

Сегодня в магазине продавали чудесные английские шерстяные костюмы по 100 рублей, видел бы ты! Ну да ладно, всё ещё впереди».

(24.01.1966)

Мама – мне:

«Получила твоё письмо из Питера. Всё же, как хорошо, Эдинька, что есть на свете такие люди, как Ушаковы. Когда ты в Ленинграде, я всегда с чувством благодарности вспоминаю эту семью, материнскую заботу Маргариты Михайловны. В этой семье есть о чём поговорить, есть кого послушать. В общем, я очень благодарна за всё.

А ты, сын, обо мне особенно не тревожься. Здоровье моё хоть и не особенно хорошее, но я работаю, и ничего со мной не случится, а если что-нибудь серьёзное, то тебе обязательно сообщат. <...>

Эдинька, после того, как я получила письмо Аллы с фотографией Олежки, я сразу написала ответ и пригласила Аллочку в Омск. Почти два месяца не было ответа на моё письмо, потом пришло сразу 3 письма от Аллы, одно от тебя и бандероль. В одном из этих писем Алла пишет, что они, наверное, поедут в Ростов, обещала со-

общить, и вот только через месяц пришло твоё письмо, в котором ты пишешь, что Алла дома.

А я так обиделась, что вы не приняли моё приглашение. Я понимаю, что Алле хочется в Ростов, но, мои дорогие детки, поймите и меня тоже, я ведь очень скучаю о вас всех. Не обижайте меня. Пусть Алла с Олежкой приезжают. Я всё сделаю, чтобы им было здесь хорошо.

Из продуктов у нас сейчас всё в магазинах есть, за исключением риса и гречки. Питаемся мы хорошо...»

(без даты)

Моя мама – Алле:

«...С нетерпением ждём вас в гости. Ничего не могу понять. Получила Эдькино письмо, в котором он пишет, что тревожится за моё молчание, а ведь я пишу. Как только получила, Аллочка, твоё письмо с фотокарточками Алика, я сразу послала письмо с приглашением вас в Омск. И так-то скучаю, а как посмотрела на Олежку, совсем покой потеряла.

После этого получила сразу 3 письма от вас и бандероль. Спасибо, Аллочка, за подарок, очень понравились платочки – чудесные и цвет у обоих самый модный.

В одном из 3-х последних писем ты, Ака, пишешь, что «если мы уедем, я сообщу». Вот я в течение месяца и ждала с волнением сообщения, куда вы с Аликом поедете – к нам или в Ростов. Конечно, Аллочка, я понимаю, что тебе хочется к маме и папе в Ростов. Но в Омске вас с Аликом ждут с такой же материнской любовью. <...>

Поживёте у нас, а потом по вашему желанию я вас могу проводить или обратно на Ленинград, или на Ростов за свой счёт, а возможно, и бесплатно. И, пожалуйста, никаких подарков. Только, если представится возможность, Ака, возьми: костюм спортивный шерстяной женский, 48 или 50 размер, можно и мужской 50 размер; 3 пары гольфов, 23 размер, коричневые, которые были у вас в магазине, я взяла 2 пары и очень жалею, что взяла мало».

(01.02.1966)

Мама – мне:

«Спасибо за телеграмму, только зачем такой длинный текст? Я и так не очень надеялась на приезд невестки с внуком. Ты прав, сынок, в том, что нет необходимости пускаться в такое длительное путешествие на край света, это ведь очень опасно. Но не прав в

том, что разговора не было об этом никогда, разговор этот я часто заводила и будучи в гостях у вас, и в своих письмах.

Алла писала в письме, что «уедет Эдик, и нам будет скучно», да и тыпишешь, что «командировка затянется, а Алла одна». Вот я и подумала: Аллочка не работает, с питанием у нас в семье всё нормально, с продуктами в городе сейчас хорошо, правда, всё дорого, но почти всё есть. Думала, самое подходящее время повидаться.

А ты такую телеграмму прислал. Читать даже было обидно. Хотя бы просто пообещали, и то матери было бы легче.

Да, сын, так уж устроена нелепо жизнь, что почести и свидания с человеком устраиваются, когда его уже нет, когда случится какая-то крайность, тогда все вспоминают о своём долге.

Ты вот, Эдик, два года подряд забываешь меня с днём рождения поздравить, а мне обидно. <...>

Не обижайся на меня, Эдик, я должна была высказать тебе свою материнскую боль. Когда у тебя будут взрослые дети, ты поймёшь меня...» (без даты)

Алла – мне в Ленинград:

Решили писать сами, не дождавшись письма от тебя. Ясно! Рад наш папочка, что оставил нас с бабушкой – вот и помалкивает. Ну ладно, будем ждать.

Маму встречал Женя. Я их ждала. Всё приготовила, мы ещё в час ночи отмечали приезд бабушки. Сейчас мама кое-что шьёт мне, а я помогаю. Аля тоже. У нас холодно очень. Сегодня сильный ветер, после обеда не выходили.

Мама довольна нашей квартирой, ей нравится. А Палдиски, говорит, похож на деревню. «Что это за город!» – говорит.

Наш Аля вчера нас очень напугал. То, чего ты боялся. Розетка! Мама оставила шпильку, а он, конечно, засунул её в розетку. Его, наверное, немного дёрнуло, потому что заплакал. Перегорели пробки в коридоре, на площадке. Ходила за Женькой, он всё сделал. Возится с бабушкой, посадит её возле себя и книжки заставляet читать.

Мама много рассказывала за Ростов. Теперь у нас в саду есть вода, провели недавно, всё сделано в доме. Ходит троллейбус от нас к садам и в город. Много настроено домов. Я, наверное, вообще теперь Ростов не узнаю.

Эдинька! Мама привезла с собой хвойный концентрат, так что теперь мы с ней ежедневно принимаем хвойные ванны – лежим по 15-20 минут. <...>

Были в Кейла и Клоога с мамой. Люда смотрела за Алей. Купила тебе кое-что. Приезжай, посмотришь!

Завтра хочу съездить в Таллинн. Может, эти очки починят. У глазного я была, высылаю рецепт. Только подбирай отличную оправу и меряй, чтобы она тебе была свободна. Рецепт мне написала Литвинова, она ведь не глазной врач. Может, будет металлическая оправка, возьми тогда её. Только белую пластмассовую не бери. Форма – в виде «бабочки».

Эдюша! Купи банок 5 щавеля, когда будешь домой ехать. Мама говорит, в Ленинграде есть – нам он пригодится.

В Таллинне, может, куплю овощей, моркови – у нас же нет...»
(14.02.1966)

Я (из Ленинграда) – Алле:

«Ну как, с мамочкой веселее? Как она доехала? Понравилось ли ей у нас? Когда и кто её встретил? Где? Как Олежка, узнал бабушку? Как у тебя дела? Настроение?

Вот видишь, сразу сколько вопросов. У меня всё нормально. <...>

Живу в гостинице. Устроились в одном номере с Куцем. Завтракаем здесь в буфете. Он открывается в 7:30. Обедаем в институте. Ужинаем в столовой, недалеко от работы. Нигде ещё не был. Даже в кино не ходил. Все вечера корплю над первоисточниками. Вчера закончил, наконец-то, «Государство и революция». Сегодня вечером отправился к Ушаковым. Отвез старый том и взял два новых. Философия! Уж очень быстро она надоедает. А одолеть надо!...»
(15.02.1966)

Я – Алле

«...Мы должны постоянно оберегать наше чувство. Ни в коем случае не черствеет. Если цветы не поливать, и те зачахнут.

Будничная серая повседневность часто затягивает людей, как топь. Нередко человек из-за этого опускается, смиряется и всё в нём притупляется. Так чаще всего и получается у большинства людей. И они начинают просто тянуть лямку. А мне ужас как не хочется, чтобы так было у нас.

Ты знаешь, милая моя роднулька, у меня созрела уверенность в том, что мы пронесём верность и своё глубокое чувство через всю жизнь. В прошедшие годы было не совсем всё гладко, но такой уж, видимо, закон жизни. Всё хорошее, правильное, ценное рождается в муках... Всё будет хорошо, радость моя!

Скажешь, ну вот, опять мой Эдюшка пустился в свою философию. Да, я ужасный романтик и идеалист. И всю жизнь стремился (и буду стремиться!) только к светлому, хорошему, к справедливости. Но ведь хорошее и светлое само собой не придёт, не свалится с неба. За него надо бороться.

Сейчас я это осознал. Мы сами часто отравляем себе существование, нередко из мухи раздувая слона. Что особенно нетерпимо в семейной жизни. Сейчас это дошло. А раз так, то всё будет хорошо!...» (22.02.1966)

Я – Алле:

«Березонька весенняя, здравствуй! Здравствуй, моя дорогая Аленька. Аллунчик! Звёздочка ясная и немеркнущая!

У меня всё нормально, не беспокойся. Деньги пока есть. Не голодаю. Завтракаю, обедаю и ужинаю прилично. Положил на это дело 2 рубля, а иногда трачу и 2 с полтиной.

Книги на этот раз не покупаю. Всё не скупишь, а самое необходимое уже приобрёл. <...>

В свободное от работы время штудирую по-прежнему первоисточники. Вчера покончил с Энгельсом – «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Довольно большая и тоскливая вещь. А перед этим конспектировал «О государстве» Ленина. Конечно, всё это даётся не просто. Но раз затеял такое серьёзное «мероприятие», надо бить теперь до конца. И будет ли результат успешным, во многом зависит и от тебя.

В первые дни Николай звал то в кино, то просто погулять, а сейчас отступился. Видит, что бесполезно. Вот так и живу. Небольшое разнообразие внёс фильм «Этот безумный, безумный, безумный мир». Американский широкоформатный. Зал гоготал, а мне что-то не понравился. Не смешно: сплошное дешёвое трюкачество, да и сюжет банальный – алчность человека. Вообще-то смотрится легко, но выходишь из зала – и пустота. Будет идти и у нас, можно не ходить. Фильм не только поставлен неважно, но и приличных артистов нет, одни какие-то кретины.

Вчера по телевизору транслировали из Москвы спектакль «Океан» А. Штейна. Специально поехал к Ушаковым. И хотя по телевизору полного удовольствия не получишь, но вещь хорошая.

У Ушаковых всё в порядке. Правда, задали они мне ребус. Понимаешь, второго (не забудь!) марта у Владимира Алексеевича день рождения – 63 года. Я как-то выпустил это из виду. Что подарить?

Проблема. А с пустыми руками в такой день не приедешь. Не знаю, что и делать. Конечно, лучший вариант был бы присмотреть что-нибудь в Таллинне, чисто эстонское. Но время упущено. А в воскресенье здесь все магазины выходные. А останется два дня.

Ты спрашиваешь, что слышно в отношении командировки, укладываемся ли в сроки. Как это ни печально, но как минимум ещё раз поехать, наверное, придётся...»

(26.02.1966)

Алла – мне:

Сегодня уже второе! Очень ждём тебя. <...>

Дома всё нормально. Бабушка уже об отъезде поговоривать стала, но до твоего приезда я её точно придержу. Гуляет мама в основном с Алей. Купила она ему телефон, так он всё с тобой разговаривает: «Папа, папа!». Он подрос. Эдюша! Купи, пожалуйста, 1 пачку «Геркулеса», а то Аля уже доел ту, что была. Но если нет денег, то ничего не покупай. <...>.

Как с очками? Рецепт не потеряй. Я, Зайка, в Таллинне видела отличную оправу, но без рецепта мне не продали...»

(02.03.1966)

Я – Алле:

«...Второго числа у Ушаковых торжества не состоялось. Дело в том, что Владимир Алексеевич ведёт в ДОФе секцию, и в этот день у них было запланировано обсуждение доклада. Заседали они часа четыре, как он и предполагал.

А вот на следующий день отметили в тесном кругу. Мне удалось в этот вечер вызвать Вл. Ал. на откровенность. Попросил поделиться воспоминаниями о войне. Проговорили часа два. Интересно! Единственно, о чём очень сожалел, это о том, что не было возможности записать. Старался запомнить. Но куда там. Коньяк сделал своё дело. Наутро от рассказа остались одни обрывки. Жаль, что такие разговоры на трезвую голову не получаются.

Да, а когда сидели за ужином и выпили, у меня экспромт получился. Тост за то, чтобы Юрка (младший сын Ушаковых – прим.) поменьше доставлял огорчений таким замечательным родителям. Чтобы достойно нёс традиции семьи. Сказал, что ему повезло – иметь таких родителей, жить в таких условиях. А он это не ценит. Выпили. Смотрю, Юрка помрачнел. И со словами «Всё, пошёл заниматься» ушёл из-за стола.

Если он парень неглупый, поймёт. А когда поймёт, обида пройдёт. <...> Обстановка достаточно напряжённая на работе. Из института приезжаем поздно. Вкалываем изо дня в день. Даже 7 и 8 марта полный рабочий день! Встали перед нами на колени, во главе с главным конструктором. Пришлось согласиться. Ничего не поделаешь, у них сжатые сроки, а объём работы очень большой...»
(05.03.1966)

Алла – мне (из Ростова; дождавшись меня из командировки, она с матерью и Олегом улетели туда):

«Еле долетели! Мама полёт перенесла хорошо, только говорит, что оглохла. А мне с самого начала было неважно, лети мы ещё час – меня бы уже выносили из самолёта!

В Ростове были в 21:20, вечер был отличный: +7, тепло, сухо. Часов в 22 уже были дома. Дед нас, конечно, не ждал!

Сегодня отправила тебе телеграмму, правда в 16.00 – с утра уборка. Алька ведет себя хорошо, уже успел в грязи выпачкаться.

Заинька! Милый! Пожалуйста, береги себя. Кури поменьше, это тебе совсем ни к чему. И ещё – обязательно напиши, если будет трудно с ресурсами! Алька взял твоё фото: «Папа, пап!» – положил фото на подушку и сам рядом лег!..»

(16.03.1966)

Алла – мне:

«Четвёртый день как мы без тебя, а мне кажется, что уже месяц прошёл.

Понемногу начинаю привыкать к ростовским будням. <...>

Вчера часа 3 потратила на обход обувных магазинов в поисках сапожек. Конечно, нет их. <...> Вечером смотрела по телевизору спектакль московского драмтеатра «Иду на грозу». Ничего!

Много настроено новых кафе. У нас здесь открыт кинотеатр «Сокол». Внешний вид отличный. Ходит троллейбус.

Дед каждый вечер садится на четвереньки, а Аля садится на него и ездит. Отец рад, что появился у него напарник. <...>

Заинька! Сейчас выслать тебе деньги или позже? Напиши, а то я переживаю, что ты сидишь без денег.

Купила я тебе фланелевую тёплую польскую рубашку и отличную белую майку в магазине подарков.

Купить мне здесь палку на окно или возьмём в Ленинграде?..»
(19.03.1966)

Я – Алле в Ростов (опять из Ленинграда):

«Вот и снова письма! И снова разлука. Нелёгкий этот год для нас.

Живу у Ушаковых. В гостиницу не пошёл. Не хочется устраиваться вместе с Николаем. Дерьмовый он парень. Не в моём духе. Да и период сейчас у Ушаковых тяжёлый. Моё же присутствие хотя бы немного будет их отвлекать (у сестры Владимира Алексеевича в Москве диагностирован рак. – Э.М.). Владимир Алексеевич приехал из Москвы осунувшийся. Всё свалилось на его плечи. Сейчас постепенно приходит в себя от пережитого.

В пятницу посмотрел фильм «Влюблённый пингвин». Кажется, польский. Смотрится неплохо, но вообще ерунда.

Сегодня смотрел «Приключения Питкина в больнице». Хохо-тал до слёз. Питкина, как это ни странно, я раньше не видел. И ты понимаешь, родненька, глупейшая вещь. Но настолько всё глупо, что ужасно смешно.

А в субботу посмотрел интересный балет Минкуса «Дон-Кихот», по одноимённому роману Сервантеса. Раньше на него сходили Ушаковы. И вздохом расхваливали. Решил сходить и я. И не зря. Богатейшая музыка и очень красивые танцы. Мне повезло. Партию Китри (дочь трактирщика Лоренцо) исполняла ленинградская prima-балерина, народная артистка России Н. А. Кургапкина. Если представится возможность, мы с тобой обязательно сходим ещё раз.

А в воскресенье меня удивил Куц. Только собрались ужинать – звонок. Просят Эдика. Подхожу – а это Николай. Говорит: «Не хочешь пойти в музыкальную, есть лишний билетик». Ты, конечно, догадываешься, что раздумывал я недолго. Я очень люблю этот театр. И на этот раз здорово повезло. Главную роль, Элизы Дулитл, исполняла заслуженная артистка России Виноградова. А её партнёра, Генри Хиггинса, заслуженный артист республики В. Ф. Тимошин. То есть выступал первый состав. Оперетта называется «Моя прекрасная леди». Виноградова, как всегда, прекрасна. Очень понравился Тимошин. Другие исполнители тоже хороши. Неплохо поставлен кордебалет. По содержанию же вещь, как и все оперетты, проста.

Приезжает Образцов со своими куклами. Очень хотелось бы понасть. Но... Все билеты давным-давно распроданы.

Вчера в газете читали, что скоро в горьковском премьера «Идиота». В главной роли князя Мышкина – Смоктуновский. У них ожидаются гастроли в Англию. И вот по просьбе общественности

включили Смоктуновского. На сцене, кажется, он никогда не играл. Хотелось бы посмотреть на его новое амплуа.

Здесь идёт слух, что Муслима Магомаева осудили на 7 лет, якобы за растление молодёжи. Мы этому не поверили. Но из других источников ещё есть сведения, что осудили якобы за изнасилование 9-летней девочки. Кошмар! Ты ничего об этом не слышала? И верится, и не верится. Слишком уж дикая версия. А вместе с тем вопрос: почему он не выступил на «Огоньке», посвящённом 8 марта? Если бы было всё нормально, вряд ли его обошли бы. Да и такие дикие разговоры, как правило, не беспочвенны...»

(21.03.1966)

Алла – мне:

«Прошла неделя, Эдюша, как мы здесь, каждый день уже заглядываю в ящик, очень жду твоего письма. И знаешь, что-то мне ничто не мило в Ростове. Хочу к тебе...»

(21.03.1966)

Алла – мне:

«Ну, куда это годится? Я тебе пишу четвёртое письмо, а ты до сих пор – ни одного.

Напрасно ты думаешь, что если мы у бабушки, то не ждём твоих писем. Можно придумать тысячу оправданий, но... я ведь, как ты. И ты прекрасно знаешь, как я переношу твоё отсутствие и молчание...»

(23.03.1966)

Эдюша, родной!

«Наконец-то хоть одно твоё письмо получила. Целых десять дней ничего не знала о тебе! Отсюда и те переживания, которые свалились на меня. Сразу же и отвечаю на твоё письмо.

Я довольна, что живёшь ты в этот раз у Ушаковых. Правда, тебе так далеко ездить, но хоть есть будешь по-человечески. <...>

Смотрели балет «Легенда о любви» с участием твоей любимой Кургапкиной. Не знаю, может, я не понимаю в балете, но Уланова и Плисецкая мне больше нравятся. А вот с опереттой тебе, конечно, повезло.

За Муслима Магомаева я ничего не слышала, ну, а тому, что слышал ты, я не верю!...»

(25.03.1966)

Алла – мне:

«Думала, с ума сойду, пока дождусь от тебя второго письма. Заинька, миленький, почему ты так редко пишешь? Много работы? Я знаю, родной, всё понимаю, верю тебе, как себе, но... Всё равно очень переживаю, когда долго нет твоих писем. Ведь я очень люблю тебя, Эдюшка, отсюда и беспокойство о тебе. И так будет всегда, такая уж у меня натура. <...>

Вчера впервые надела Але осеннее пальто. И представляешь, он вырос из него! Шапочки весенние тоже маловаты. Завтра посмотрю что-нибудь в городе. Растёт наш сынуля.

Бегает по двору с самого утра, с 8 до 12 на воздухе. С 12 до 14 спит, а потом опять до 18-19 гуляет. В 19.30 говорит «Аля пать», сам идёт к кровати и ложится. Часто вспоминает тебя. Всё смотрит на фото и говорит: «Папа Эдя, мама Ака». Когда приедешь, ты его не узнаешь, так он вырастет.

Эдюша! Значит, числа 12-13-го поедешь домой, а потом опять на месяц в Ленинград? Или до мая? Зайка, родной! Ты представляешь? Я ведь настроилась только до 20-25 апреля. Не хочу ещё и май быть без тебя! Будет там у вас конец когда-нибудь или нет?!

Была с Викой в кино. Смотрели «Эскадра уходит на запад». Мне понравился. Сейчас смотрю по телевизору премьеру телефильма «Пограничная тишина». Сегодня в 18.20 вторая серия. Я люблю такие фильмы. В театр обязательно ходим, вот только немного освободимся дома.

Сегодня собрались с Викой на «Иностранку», но её что-то нет. Вот я и села написать тебе. Завтра на главпочтамте опуцу. Из Ленинграда письма идут быстро: 28-го ты отправил, а сегодня, 30-го, я получила. <...>

Эдюша! Родной! Береги себя! Спорь и ругайся на работе в меру! Да и куришь, наверное, вовсю, я ведь представляю, чего стоят тебе такие дебаты на работе».

(30.03.1966)

Алла – мне:

«Итак, начало апреля. Скорей бы шло время. Надоело быть одной, да и Аля часто вспоминает тебя.

<...>

Эдинька, будешь дома, зайди на почту, возьми все журналы за месяц и предупреди, что ещё месяц тебя не будет.

Посмотришь, как там мои цветы, долей воды, а то посохнут.

Всё время хочу спросить и забываю: что-то ты не пишешь, готовишься ли сейчас к сдаче кандидатского минимума. Или сейчас не до этого? Эдюша, неужели снова придётся приезжать на месяц? Что значит, числа до 15 мая? Ты не забудь хоть сообщить об этом мне.

Эдинька! Достала ли тебе Маргарита Михайловна рубашку? Нравится? Здесь я видела хорошие, но твоего размера не было.

Между прочим, 2 апреля 1964 года родился Олеженька. Хорошо, что он ещё мал, и то, что папа забыл (!) поздравить его с днём рождения, можно ему не объяснять. Мы понимаем, что в у тебя много работы, и тебе сейчас просто не до нас. И всё-таки мы ждали твоих поздравлений...»

(03.04.1966)

Алла – мне:

«...Сколько времени прошло, а посылка до сих пор где-то ходит.

Я сегодня встретила почтальона и спросила, не было ли нам посылки, она говорит – завтра будет. Придёт, конечно, хотя и с опозданием. Дело не в этом. Просто, Заинька, у нас уже взрослый сын, целых 2 года ему исполнилось!

Вика подарила ему грузовик, а Валентина (врач) – трактор. Бабушка – костюм, а дед дал 10 руб., как видишь, торжество было заметным! Видел бы ты, с какой радостью твой сынуля подарки принимал! Глазёнки блестят, прямо светится весь. Знаешь, Эдюша, Аля уже начинает составлять предложения, конечно, это у него не всегда получается, но кое-что понять уже можно. <...>

Эдюшенька, я тебя вот о чем хочу предупредить. Деньги ведь я тебе посылала с доставкой на дом, а тебя, конечно, не застанут. Так ты зайди сам на почту и предупреди. Я их отослала 31-го. Используй сам, как тебе сейчас надо. <...>

Ты, Заинька кури поменьше, очень прошу тебя, родной! Будь умницей, а то я никогда не буду спокойна, береги себя, родной, береги для нас! Ну, а мы себя – для тебя, для всех нас!

Сегодня дождь целый день, и это «спасло» меня: и с тобой поговорила (по телефону – прим.), и с Викой в кино на 19.40 сбежали. <...>

Сейчас, в который уже раз, смотрела кинофильм «Добровольцы». Ты помнишь его? Мне кажется, он никогда не сойдёт с экранов. Как хорошо, что есть такие фильмы. Восхищаюсь героями фильма, их отношением друг к другу. Буду стремиться к тому, чтобы и в нашей жизни с тобой всё было похоже на них».

(03.04.1966)

Я – Алле:

«Давай ещё раз вспомним хорошее правило: прежде чем говорить – думать. А прежде чем писать – тем более!»

Очень обидно было услышать от Маргариты Михайловны о твоей просьбе – напомнить мне о вашем существовании. Тем более преподнесено это было с соответствующей «приправой».

А это: «Могу и вечером позвонить, но тебя ведь не будет дома!» Интересно – а где же я буду?! И в каждом письме что-нибудь в таком роде. А ещё заверяешь, что веришь.

Давай, родненьчик, договоримся ещё раз и окончательно! Пора выбросить на свалку шелуху недоверия и многозначительных намёков. Мы слишком часто сами себе мелочами отравляем существование.

У меня сейчас довольно напряжённый и ответственный период. Огорчений хватает сполна. Не надо их увеличивать.

Я очень люблю тебя, Ласка! И безумно – Олежку! Раньше мне казалось, что будет лучше, если ты уедешь к родителям. Сможешь там отдохнуть и хотя бы немного поправиться. А на деле получается, что это не так. Вместо спокойствия – одни волнения.

Аллунчик, дорогая, нельзя же так! Выбрось ты чепуху из головы. Ведь всё хорошо.

Только три письма за три с половиной недели? Ну и что? Но я не могу отписываться просто так. Написать письмо для меня – это два-три часа. А их нет! Я сейчас очень устаю. Поэтому прошу тебя – не делай поспешных выводов. Когда упрёки не заслуженны, они легко ранят. А ты знаешь меня и мою дурацкую склонность к «философским» рассуждениям.

В последнее время мы вели много разговоров на тему взаимоотношений. Поставлены точки над всеми «и». Так зачем же начинать всё снова? <...>

По мере возможностей кандидатский готовлю. В основном в дороге, во время переездов туда и обратно. Взялся за английский. Может, попытаюсь сдать его в мае. Надеюсь получить помощь от Владимира Алексеевича. Сделать, так сказать, с его помощью прошение на разрешение сдачи! Это, как выясняется, тоже непросто, так как ходатайство на сдачу надо было подавать раньше.

Рубашку Маргарита Михайловна пока не достала. Ей сейчас не до этого...»

(06.04.1966)

Я – Алле:

«У меня всё нормально. Очень скучаю по вас, хотя и работы ужас сколько, но разлука сказывается всё сильнее. Соскучился страшно.

Аллунчик! Может, приедешь? Осточертело всё до предела! Очень хочу видеть тебя. Если с Олежкой всё нормально, то приезжайте к празднику. Из Ленинграда поедем вместе домой.

(25.04.1966)

Я – Алле:

«У меня всё относительно нормально, если не считать работы – там приходится порядком нервничать.

Ориентировочно на 28 апреля намечено подписание акта о приёмке. Думаю, к 30-му с официальной частью будет закончено. Командировка у меня по 9-е.

Приезжаешь, снимаем номер. Если удастся, то двухрублёвый, который оплачивается. Праздники проведём у Ушаковых.

Сходим в Музкомедию и Кировский. Посетим Русский музей, где сейчас хорошая выставка Серебровской и ещё кого-то.

8-го навестим дом, т. е. поедем в Палдиски. А вот дальше что будет, сказать трудно. Предварительно ожидается ещё один приезд. Но на сколько – неизвестно...»

(25.04.1966)

(Судя по следующим письмам Аллы из Ростова, до 1 мая ко мне в Ленинград она не приехала – смогла сделать этот позже.)

Я – Алле:

«...Очень жаль, что праздники мы провели не вместе. Так этого хотелось... <...>

Первого мая смотрели салют, а затем возвращались домой пешком. Праздничный Невский изумителен! Все праздники стояла отличная солнечная погода, и мы много гуляли. Третьего с Леной смотрели на Зимнем стадионе праздничный концерт с участием эстрадного оркестра «Дружба» с Эдитой Пьехой и польского эстрадного оркестра. Остались довольны. Особенно, конечно, Пьехой.

А вчера слушали Давида Ойстраха. Ну, это имя говорит само за себя. Исполнял скрипичные концерты Моцарта, Шуберта, Вагнера. Много было иностранцев и евреев. Имя Ойстраха, конечно, овеяно мировой славой, и попасть на его концерт довольно сложно. Но нам повезло.

А недавно выступал Рихтер, также с исключительно хорошей программой. Попастъ, конечно, было невозможно. Билеты спрашивали в метро, в метрах в 500 от филармонии.

С работой сейчас спокойнее. Горячка кончилась. Однако приехать ещё раз придётся. И снова примерно на месяц.

Восьмого поеду домой. Проведаю цветочки и всё прочее. А дня через 2-3 вернусь обратно...»

(06.05.1966)

Я – Алле:

«Плохо, что разлука так затянулась. Ты мне очень нужна, Ласка! Особенно остро я это чувствую сейчас. В пустой квартире так пусто и одиноко...

Странно. Зачем мы ругались, ссорились, огорчали друг друга? А сколько переживаний. А ведь нас двое. На всём белом свете только двое – ты да я. И всё! Олечка не в счёт. Ведь он – это мы! Неразделимое и единое.

Соскучился очень по Ласке своей, по теплу, поцелуям. По милостивому непослушному шалуну. Одним словом – по семье. Да разве передать состояние словами? Затосковал, Акка, и на душе как-то уж очень муторно.

А в остальном всё нормально. Правда, в квартире пыли ужасно сколько. Будем бороться с ней сообща. Завтра уезжаю обратно. Командировка уже на руках. И вроде бы придётся мне на недельку съездить из Ленинграда в Горький. Планируй свой приезд в Л-д к концу месяца. Обратно поедет числа девятого. Голосовать будем здесь. Я об этом пишу, потому что нас не хотели вносить в списки. Вчера специально ходил по этому поводу в горисполком. <...>

Появилась, родненькая, у меня хорошая обнова. Достал через Маргариту Михайловну рубашку белую. Ну, о которой мечтал. Нейлоновую, с твёрдым воротничком. Рад! Очень! А здесь купил себе летние чёрные перчатки. Ходил вчера за кителем. Забраковал опять! Весь снова распорол. Сегодня утром заново делали примерку. Завтра обещали отдать.

Жалко, что не состоялся разговор (телефонный – прим.). Понимаешь, уведомление принесли, когда я был на работе. Постучались к Сосниным, а те сказали, что я в командировке. На почте моментально отработали в Ростов, что меня нет. Пришлось их там разнести в пух и прах.

(13.05.1966)

Я – Алле:

«...Приглашают работать в Ленинград, вернее, в Петродворец. Красивейшее место! И работа по душе. Должность тоже отличная – младший научный сотрудник. Как ты на это смотришь?

Правда, есть две проблемы. Первая: должны отпустить здесь. Спрашивал у Кудрявцева и всех непосредственных начальников. Сейчас, конечно, не отпускают. Однако все заявили, что в перспективе это возможно. Когда подготовлю полноценную замену.

Вторая проблема сложнее: получение там жилья. Надо сразу настроиться на то, что продолжительное время придётся снимать комнатуху. Пока накопим на кооперативную квартиру, пройдет не один год. Да и в кооператив такой вступить, тоже задача не из лёгких.

При встрече, Аллунчик, мы обсудим этот вопрос, но ты уже сейчас подумай...»

(без даты)

Я – Алле:

«...Сегодня приезжает с машинами (везёт оборудование – первая партия) Куц. Завтра, вероятно, двинемся с ним обратно. Сейчас пойду их встречать. А перед этим зайду в гостиницу, надо разместить водителей.

Квартиру закрою нормально. Все выключу, уберу цветы, полью, будь спокойна.

На почте договорился, чтобы журналы не носили. За квартиру заплатил, а вот китель не забрал. Снова – в который раз! – вернул. Будут распарывать всю спину и перешивать. Замучил я их, даже неудобно. Но дерьмо брать не буду. Последний раз я им так и сказал...»

(17.05.1966)

Алла – мне:

«Как тянутся дни! И до чего надоело твоё отсутствие! Завтра 20-е. Скорей бы кончился этот месяц!

<...>

Алька-то стал не слушаться. Когда-то ты переживал, что он вырастает маменькиным сыночком. Вот уж чего не могу о нём сказать. Стал драться! Да, да! Чуть что – на улицу. Стал плевать. Откуда и берётся дурное? Ругаю его, но иногда это мало помогает. Говорит он много, но на своём языке. Но кое-что понимаем. Ты не узнаешь своего сына. <...>

Это письмо я отошлю попозже, к твоему приезду в Ленинград. Но к 25-му ты его получишь!

Женаты три года, а мне кажется, что мы только познакомились! <...>

Я была в театре! Смотрели с Викой «Перед заходом солнца». Конечно, Симонов прекрасен своей игрой. У нас в гостях сейчас ленинградский театр, но дадут они только 2 вещи, 24-го числа этого месяца уезжают. Была в театре с Викой, еле выбрались. <...>

У нас сейчас много (на базаре!) цветов: розы, пионы, жасмин – покупаю их сама для себя, для нас. Жду, когда получу огромнейший букет от тебя! Помнишь, как в дни твоего приезда из Гурзуфа.

Когда же ты будешь в Ленинграде? Туда хоть позвонить можно...»

(19.05.1966)

*Во время подготовки к параду в
День Победы 9 мая в Палдиски.*

В праздничный день с товарищами по службе. Я – справа во втором ряду.

В День ВМФ. Я – слева с дочкой Викой. Рядом капитан 2-го ранга Виктор Прохорихин.

Мама – мне:

«...А теперь, мой сын, у меня будет с тобой серьёзный разговор. Судя по тому, что в конверте с моим именем я нашла письмо, адресованное Юрию, а написанное мне, наверное, пошло в его адрес, можно догадаться, что работой ты загружен по горло. Ведь перепутать письма можно только тогда, когда теряешь контроль над собой. Ты что же, Эдик, действительно работаешь на износ?

А зачем столько куришь? Похудел, наверное, ещё больше. Разве у тебя так складывается жизнь, что одни неприятности? Курильщики обычно говорят: «Закуришь – и успокаиваешься». Ты тоже свою нервную систему успокаиваешь этой отравой?

Так вот: когда потянешься за папироской, представь, что в это время на тебя смотрят материнские глаза, полные печали и огорчения. Береги своё здоровье ради сына. Чтобы он вырос с родителями и не испытал сиротской доли, которую испытала твоя мать, да и ты с сестрой.

Я часто бичую себя за прожитую жизнь и всегда прихожу к одному выводу: проходили бы у меня детство и юность с родной матерью, вникал бы отец в наше воспитание – безусловно, моя жизнь сложилась бы по-другому. Прошу тебя, дорогой ты мой человек, береги себя!

Мама (2-я справа во втором ряду) с коллегами по работе во время отдыха на природе.

<...>

Сообщи, Эдя, адрес Юрия, я переishлю ему письмо.

Эдя, пожалуйста, купи Леночке авторучку, если будет, то школьную. Разрешили им писать авторучками, а в продаже их здесь нет. Она мне почти каждый день напоминает: «Напишите дяде Эде, чтобы выслал мне авторучку». Если не будет школьной, можно любую. Вышли бандеролью».

(без даты)

Я (из Горького) – Алле:

«Вот я и в Горьком. Интересно в большой город приезжать первый раз. Город огромный. По Оке растянулся на 15 км, а по Волге на целых 25!

В гостинице мест не оказалось. Выручил швейцар – дал адресок недалеко от работы (20 мин). Немного отдохнул и поехал знакомиться с городом. Никогда не предполагал, что Горький расположен уступами и здорово кривой. Сам он оказался не очень красивым, а вот в районе набережной Волги изумительный! Высоко над рекой стоит большой памятник В. Чкалову, а от него уступами к реке ведёт довольно симпатичная лестница в виде восьмёрки. Её в народе так и называют – «восьмёрка».

Этот город примечателен ещё и тем, что здесь, как нигде, чтятся революционные традиции прошлого. В любом городе много призывных транспарантов, но здесь они выполнены со вкусом и с душой. Огромные неоновые буквы часто встречаются на пути: «Коммунизм победит!», «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны» (В. И. Ульянов-Ленин)» и т. д. И странно то, что это не раздражает, а, напротив, как-то подтягивает.

<...>

Народ здесь мне нравится. С характерным волжским оканием и довольно душевный. По крайней мере, пока ни одного человека не встретил, кто вызвал бы антипатию. <...> С недельку как минимум провести здесь придётся...»

(24.05.1966)

Алла – мне:

«Итак, сегодня 25 мая. Целый день ждала от тебя хоть что-нибудь но... Наверное, завтра будет, должно быть. <...>

Вчера, Эдюша, получила бандероль твою из Ленинграда. Аля так рад! Ему хоть каждый час новые игрушки покупай – не откажется.

Парусник – прелесть, а с паровозом не расстается, носит в руках целый день.

Получили, Эдюша, и палдискую бандероль. Конфеты для всех были большим подарком. Дала по бутылочке Вике. Валентине Б., отнесу одну зубному врачу, ну, а остальные – наши. Где ты только их достал? Что-то я таких не видела. Тапочки Але подошли хорошо.

<...>

Встреча, встреча! Как я её жду, родной мой! Уже устала считать дни. Сколько их уже прошло, и хотя меньше осталось, всё равно это будут дни, полные тоски по тебе.

Будь ты в Ленинграде, я бы уже несколько раз позвонила, чтобы хотя бы услышать твой голос. <...>

Аля наш уже ездит на велосипеде. Бегает вовсю. Ты и не узнаешь его. На маменькиного сыночка совсем не похож. Баловаться стал, порой не слушается, мне даже боязно порой становится – каким он вырастет?

<...>

Сижу, пишу тебе, а куда отсылать, не знаю. Просто, Заинька, сегодня три года, как мы женаты, и мне так захотелось побыть с тобой!

Как дорог ты мне, Зайка! Нет слов, которыми я могла бы написать тебе об этом!...»

(25.05.1966)

Алла – мне:

«Получила, наконец, 27 мая твоё письмо из Горького. Ответ пишу сегодня: всё равно адрес горьковский я не знаю, поэтому буду писать на Ленинград.

Вот и ещё один город посмотрел. Не пойму только, что ты мне в письме нарисовал – набережную, что ли?

Слушаю прогноз: завтра тепло, а в Поволжье – жарко. Очень беспокоюсь за тебя: ещё поплавать захочется в Волге!

Скорей бы ты был рядом!

Знаешь, я о тебе больше беспокоюсь, чем за Алю. Он хоть под взглядом моим всегда, а ты?!

Зайка! Как только приедешь, позвони мне. Я хочу услышать тебя. Сегодня уже 7 дней, как ты в Горьком. Каждый день считаю дни...»

(29.05.1966)

Лена Зиновьева – нам с Аллой:

«...Хочу поблагодарить вас за внимание, которым очень тронута. Большое спасибо за мартышек. Правда же, они чудесные? Я в восторге от них. <...>

Вчера была на авторском вечере Е. Евтушенко (он ведь, кажется, твой кумир, Эдик?). Многие стихи слышала впервые. Кое-что понравилось, кое-что – нет. Очень понравились стихи: «Баллада о штрафных батальонах», «Баллада о браконьерстве», «Картинка детства», «Любимая, спи». Читает он свои стихи хорошо. И всё-таки не могу сказать, что я от него в восторге, как не могу этого сказать ни об одном современном поэте.

Здесь сейчас на гастролях Ленинградский театр комедии. Скоро пойду на «Свадьбу на всю Европу» в их постановке».

(30.06.1966)

Алла – мне:

«Вот ты и дома! Я тоже очень хочу к тебе. Сегодня 19-е, конец дня, скорей бы они шли... Все разъехались, стало тихо и тоскливо.

<...>

Аля всё ищет тебя. Сейчас сидит, спрашиваю у него: «Что папе написать?». Отвечает: «Аля хочет башую басину» – большую машину.

Скорей бы увидеть тебя! Быть всем нам вместе, надоели разлуки, слишком много их у нас с тобой...»

(19.08.1966)

Я – Алле:

«...Решил твой Эдюшка начать укреплять здоровье и бегать по утрам на зарядку. И в первое же утро слегла больше нормы. Но решил проявить твёрдость. Быстренько оделся и – на улицу. Побегал, размялся. Возвращаюсь и... А ключ-то схватил не тот! (А время уже около восьми.). О, ужас! Пошёл к Женьке. Взял кое-какой инструмент. У Гусева взял топор. А дверь ломать ух, как не хочется. Но иначе не откроешь, надо ломать... Тут я вспомнил Север. Помнишь, к Галке лазил? Решил и на этот раз попытать счастье. Мне повезло. Минут через тридцать поймал кран. Договориться не составило труда. Подъехали к окну. И я полез. Все сошло благополучно. Ключ лежал рядом с тем, который я схватил. И всё это стоило всего лишь маленькой. <...>

Из овощей в Палдиски есть помидоры и капуста. Помидоры, конечно, не такие, как в Ростове, но кушать можно. Появились во всех магазинах яички. Я сразу купил 40 штук. Сегодня же купил 9 кг картофеля, хороший, но по 18 коп.

<...>

Этот год для твоей мамы был тоже очень тяжелый, поэтому будет правильно, если дед захватит её собой. Не забывай, что Алька у них с марта месяца и неизвестно, сколько будет в будущем. Ты не должна ставить им свои ограничения, когда вопрос касается отдыха. Мне тоже не очень-то приятно быть без семьи, но в данном вопросе эгоизм не к месту».

(25.08.1966)

Я –Алле:

«Сегодня суббота. Двенадцатый час. Три часа готовился к семинару. А сейчас пишу тебе, дорогой мой дружище, и смотрю передачу из Сопота, заключительный концерт. Мне понравился. Интересно, сделали вам телевизор, если да, то ты наверняка тоже смотришь.

Уехали ли старики отдыхать? Как ты управляешься одна, скучно, наверное? Ничего, родненький, зато греется под солнышком и вдоволь трескаете фрукты. Здесь прохладно и сильный ветер, а из зелени почти ничего. Мне, конечно. Ласка, одному здесь тоже не очень сладко. <...>

Алька так и стоит перед глазами. И почему-то особенно запомнилось, когда он играл в канаве. Весь чумазый, мордашка счастливая-счастливая и такой родной!

Мы ссоримся иногда и огорчаем друг друга, когда вместе. А не проходит и недели в разлуке, как начинаешь скучать и тосковать. Все же, по-моему, мы очень здорово привязались друг к другу. Но это не просто привычка, это гораздо больше и сильнее! И с каждым прожитым днем я в этом убеждаюсь все больше. Вы мне очень дороги, Аллунчик. Я тебя глубоко уважаю. А вместе вас очень Люблю!! Вы для меня единое целое. Не смей больше так говорить, что я всё предал и забыл! Не было никогда такого и, думаю, никогда не будет. Если ты меня уважаешь, то обязана верить в мою искреннюю большую любовь и порядочность. В мои идеалы, которые не терпят фальши, лжи и грязи.

Я знаю, что у меня характер не из лёгких и тебе из-за этого иногда тяжело со мной. Но ты пойми, глупая, любимая моя девчонка! Все эти жизненные трения, выливающиеся в ссоры и не всегда умест-

ные философские разглагольствования, выяснение взаимоотношений – всё это мелочи. Но, понимаешь, родная, нельзя допускать, чтобы эти мелочи выросли в огромную гору, из-за которой уже невозможно будет рассмотреть солнце. Если мы этого не сумеем сделать, то dokonаем сами себя...»

(01.09.1966).

Я – Алле:

«Время 4 часа утра. Пишу на дежурстве. А до этого минут 15 занимался физзарядкой. Еле согрелся. На улице +8 градусов, поэтому в помещении не жарко.

А до зарядки чинил электрогрелку, есть такая в дежурке. Провозился около часа. Но не зря. Греет. Вот только спать хочется. Пишу и кемарю. Так как поспать сегодня пришлось всего лишь часика два.

Сейчас здесь грибная пора. Ходил и я с Мартыняками. Стоило найти парочку приличных грибов, и я загорелся. Собирать их одно удовольствие. Выдался как раз хороший денёчек. Тихо, воздух чудесный. И грибы, грибы! Грибов в этом году много. Часа за 3,5-4 сумка (белая) стала полна. В основном подберезовики и моховики. А вот белого никто из нас не нашёл. В общем, удовольствие получил огромное, а какие грибы жаренные вкусные, с картошечкой. Бесподобно!

Приносят много брусники. Но за ней я ещё не ходил.

За квартиру и свет рассчитался, так что, дорогая, будь спокойна».

(без даты)

Лена Зиновьева – нам с Аллой:

«Узнала от Игоря и из вашего письма приятную новость в вашей жизни. Имею в виду небольшую ступеньку в служебной биографии Эдика (присвоение мне звания инженера-капитан-лейтенанта – прим.). Спешу поздравить вас с этим радостным событием и пожелать дальнейших успехов. Очень рада за вас, именно за вас всех, потому что считаю, что это заслуга всего семейства: папина – в том, что умеет хорошо трудиться, а мамина с сыном – в том, что создают папе благоприятные для этого условия. <...>

А вообще, Эдик, ты молодец. Так держать! (Такая, кажется, существует команда у моряков?) <...>

А то, что, говоришь, работы стало невпроворот, так это не беда. Я, например, тебе даже завидую. Поначалу ведь всегда прихо-

дится трудновато. И Аллочке, безусловно, тяжело то же, приходится ей посочувствовать. Но ничего, со временем, по мере освоения новой «машины» станет легче. Зато как приятно на душе, когда испытываешь удовлетворение от собственной работы.

Я вот этим сейчас, к сожалению, похвастать не могу. Ждём темы, ждём приказов, ждём бесконечных реорганизаций и т. д. и т. п. В общем, всё время чего-то ждём, а делать нечего (я имею в виду конкретную постоянную работу). И самое интересное, что ведь план выполняем и даже перевыполняем. Ужасно грустно и тоскливо от всего этого. Даже подумываю о том, чтобы куда-нибудь перейти. Но из разговоров со своими товарищами узнаю, что везде в нашей системе примерно одно и то же.

<...>

Стараюсь не пропускать события в культурной жизни нашей столицы. <...>

В праздники, 8 ноября, была на выставке «Интерпрессфото». Выставка понравилась, много интересных по композиции и по исполнению работ, особенно среди жанровых фотографий.

Несколько раз была в театре. Внимания заслуживает «Дон Кихот» – красивый балет во Дворце съездов.

«Насмешливое моё счастье» – отличный спектакль, созданный в театре им. Вахтангова на основе переписки Чехова с его друзьями и родными. И, наконец, «10 дней, которые потрясли мир» по Джону Риду. Этот спектакль замечателен своей своеобразной постановкой. Ставит его наш самый популярный сейчас Театр на Таганке. Это театр, где в основном работает молодёжь под руководством Ю. Либимова.

А вообще так много интересного вокруг, что приходится только сожалеть, что мало свободного времени, чтобы всё успеть, посмотреть, перечитать. Вы, к сожалению, не имеете возможности воспользоваться даже половиной того, чем пользуются москвичи.

<...>.

Эдик, по поводу твоей просьбы. Если встречу, обязательно буду покупать Есенина и Евтушенко для вас. В журнале «Искусство кино», № 10, 1966 г. есть киносценарий Евтушенко. Если не найдёте у себя, я вам вышлю.

А есть ли у вас что-нибудь Ф. Кривина? Очень интересные вещи у него».

(12.11.1966)

Л. П. Затопляев – мне:

«...Был очень доволен содержанием твоего письма (такие письма можно и редко писать). Основное, что я понял из твоих рассуждений: если делать что-то, так только хорошо, отдавать всего себя тому, что тебе по душе. И жизнь хороша, и жить хорошо, когда ты доволен сделанным.

Есть люди, которые считают, что та жизнь хороша, в которой больше взял и меньше отдал. Не так хорошо поработал, как хорошо отдохнул.

В этом письме видна твоя трезвость, опыт, и нет уже той необузданной юношеской удали, с которой можно наделать глупостей (что порой с нами случалось). А главное, будь всегда самим собой, не зарывайся...»

(02.01.1967)

Лена Зиновьева – мне:

«...Знаешь, Эдик, я читала твоё письмо, и мне было ужасно стыдно. Я никогда не осмелюсь поставить себя по своему отношению к работе на одну ступеньку с тобой. У меня всё-таки нет такой одержимости, которая свойственна тебе. <...>

31 декабря заезжал Игорёха.

Между прочим, прочим, он в ДОСААФовскую лотерею выиграл «Москвича». Представляете? Правда, он до сих пор говорит «кажется», так как не может в это поверить. Действительно, трудно поверить. <...>

Эдик, мне купили очень интересную книгу о Есенине (на твою долю тоже). Я ещё, правда, их не получила в руки. Но как только они будут у меня, я вам вышлю».

(03.01.1967)

Л. П. Затопляев – мне:

«Наконец-то собрался написать тебе письмо. Никак не мог справиться с мыслями. Уж очень взбудоражило меня твоё письмо – пришлось много думать, перебирать в памяти прошлое, взвешивать... Но, честно, я так и не нашёл конкретный ответ на поставленный тобой основной вопрос: жить надо спокойно, получать все ранги и почёт и смотреть на всё сквозь пальцы; или оставаться твёрдым до конца в своих убеждениях, рискуя впасть в немилость ограниченного начальника? Почти гамлетовский вопрос...

Мне трудно сказать тебе решительное слово ещё и потому, что я сам ведь упрямый человек, и из-за этого в жизни видел многое, а главное, испытывал ущемление. В наше время трудно найти людей, которые бы понимали, что подличать подчинённому – великое кощунство. Тем более в армии. Я, например, армейские порядки не люблю за то, что там «суд и правда – всё молчи» (строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта» – прим.). Пусть он в пять раз ограниченнее, пусть он только способен командовать «ать, два!», но он начальник, и поэтому молчи,...

Вот почему мне трудно говорить с тобой на эту тему, которую ты поднял в письме. Я глубоко понял смысл всего: ты сейчас в своих убеждениях достиг зенита и дальнейший твой шаг будет шагом к закату или к принципиальности и честности, или потом к прекращению военной службы.

Но должен тебя предупредить: и на гражданке много твердолобых начальников...

Я как старший товарищ считаю своим долгом, посоветовать тебе: мысли об уходе в отставку пока выброси вон. <...> Тебе, как военному, известно, что чтобы выиграть бой, не обязательно всё время наступать.

Умей вовремя отступить, чтобы потом снова занять свои позиции. Ты грамотный инженер, это твой козырь, который ты умело и в нужный момент должен использовать. Помни, что храбрость познаётся в бою, а ум – в споре.

Я, может быть, задаю больной вопрос, но это необходимо: почему ты ничего не пишешь о сыне, о семье? Я бы хотел знать всё...» (13.03.1967)

Я (из Ленинграда) – Алле:

«Доехали нормально. Вместе со мной уезжал сотрудник института Лёвка Логунов. Упомянул я его вот в связи с чем. Я его и раньше знал как хорошего специалиста, сейчас же познакомился с ним как с человеком. Интересный тип и довольно неглупый парень.

Давно я не входил в такой раж, как в разговоре с ним. Разговор в основном шёл о жизни, о Человеке и о человечках, о партийном и беспартийном. В общем, как ты понимаешь, разговор был серьёзный и на болезную для меня тему.

Он, в принципе, типичный демагог, который может здорово критиковать и... ничего не делать, если предмет критики его лично не касается. Проговорили мы с ним до 3 часов. Но когда утром про-

снулся, не жалел, что пришлось мало поспать. С такой горячностью и убеждением я давно не говорил. А то, что разговор не прошёл для Лёвки бесследно, было видно по его лицу, а также по словам, которыми мы обменялись при прощании.

Сразу же отправился в институт. Весь день прошёл в сплошных хождениях и разговорах. В 6 часов пошли всей компанией отужинать. После этого двинулись в ОМИСовскую гостиницу, где и разместились удачно. Поболели в футбол против «хохлов». Все болели за «Спартак», поэтому расстроились после матча...

(23.04.1967)

Я – Алле (из Палдиски в Ростов):

«У меня, дорогая, всё нормально. Пожалуйста, спокойно отогревайся на солнышке и ни о чём не беспокойся. Сейчас глубокая ночь – 25 минут четвёртого. Ты сладко спишь. А я выпил кружку крепчайшего чая и вот стал писать это письмо. Стою в карауле.

В воскресенье ходили с Лихачёвым за земляникой. Галка не пошла. Боятся змей. Ей кто-то сказал, что в этом году их ужас сколько. Осталась готовить обед.

Итак, мы отправились по ягоды... Мишка заверял, что он знает такие места! Однако, как и следовало ожидать, ягоды словно прятались от нас. Знаешь, куда дошли? По той же дороге, по которой ходили тогда с Алькой. Мимо хутора, за железную дорогу, пытаюсь выйти к морю. Так вот, мы тогда шли правильно! Но не дошли километра полтора-два. И зря не дошли. Какая там красотища!!! Минут 15-20 не мог прийти в себя. <...> Мы обязательно сходим туда всем семейством. <...>

И теперь задаюсь вопросом: зачем люди на воскресенье уезжают отдыхать куда-то «на лоно природы», когда под боком такое? Видимо, так уж человек устроен. Южан тянет на север, северян – на юг. Вот так и кочуют в поисках хороших мест. А ведь часто хорошее совсем рядом. То, что близко и доступно, редко ценится. Как, впрочем, зачастую и в жизни, не исключая и семейной...

После похода Миша зашёл в магазин. Взял бутылочку вина. И я отправился к ним на званый обед. Вот так прошло воскресенье.

Остальные же дни, как близнецы. Как они проходят у меня, ты знаешь. В работе. И в раздумьях над «идеями».

Дня два тому назад, а точнее, 16-го в 23.45, когда уже устроился на подушке и закрыл глаза, вдруг осенило! Сон как рукой сняло. Минут через 30 сидел уже с карандашом в руках над тетрадкой. Ты зна-

ешь, что Архимед открыл важнейший закон, когда сидел намыленный в ванне? Первую часть убираю, а вот со второй есть аналогия. Так в ночной рубашке и просидел ещё два часа. И ты знаешь, Ласка, кажется, не зря! Идея обрела форму. Недели две-три на черновую работу. И может получиться неплохой результат. Кажется, большего (по значимости в техническом плане) я ещё не выдавал на-гора.

А вообще у меня родились интереснейшие планы. Частично приступил к их реализации. Начали создавать схему и делаем специальную стойку, которые позволят провести довольно глубокие, объёмные и очень интересные исследования. И, по-моему, крайне необходимые не только для нас, а в первую очередь для создателей подобной техники. Ориентировочно, они займут не меньше года. Думаю, у меня хватит выдержки довести дело до конца. Работа, бесспорно, может, явиться очень полезной.

Ты, наверное, думаешь – мол, а когда у тебя не было интересных планов? И обширных, и серьёзных. Действительно, раньше я ставил перед собой заведомо – можно и так сказать! – практически невыполнимые планы. Но здесь не тот случай. Это уже не вишь. Это вглубь! В общем, роднулёк, я загорелся. Игра стоит свеч! Но чтобы её выиграть, потребуется и твоя колоссальная помощь. Моральная! Душевная! Любящая и нежная! Голова работает, как машина. Чертовски хорошее состояние. И его надо сохранить. Хотя бы на время, годика на полтора-два, когда вчерне всё прояснится.

Понимаешь, ворочать приходится и придётся в основном одному. Ребята есть, и довольно добросовестные. Но они не творческие, а только исполнители.

Кстати, назначили нового инженера. Но он ещё «едет» и когда прибудет, неизвестно. Хоть бы попался толковый парень».

(18.06.1967)

Я – Алле (в Ростов):

«Вот и началась новая эпопея переписки. Ничего, родная, будем надеяться, что она не затянется надолго. <...>

В отношении работы пока благодать. Во-первых, всё починили. Работает. Во-вторых, и дома вольготно. Разложил схемы, а убирать не надо. Вся комната в схемах. Можешь представить, как я увяз в этих схемах: после отъезда ни разу не включил ни приёмник, ни телевизор. Представляешь? Пока дела идут хорошо, так Нос держу кверху! Так и ты держи».

(28.06.1967)

Олежка подрастает.

Я – Алле:

«Сел писать тебе письмо и задумался. О чём? Понимаешь, вышел из строя один блок, над которым мы с Гусевым бьёмся уже почти неделю. Гусев уже до того затыркался, что я вчера запретил ему что-либо крутить самостоятельно, без меня. И только сегодня наступило какое-то просветление. Куц вчера решил послать телеграмму, чтобы приехали исполнители. А сегодня приехал Матвеев из командировки. Подходил ко мне. Спрашивал, посылать вызов или нет. Может быть, я не прав, но мне стыдно кого-то вызывать. Неужели он настолько умнее, что быстренько все сделает?»

Правда, честно говоря, блок действительно довольно сложный. Но ты же знаешь меня – для меня чем сложнее, тем интереснее. Я же шахматист. Вот и решил проверить свою зрелость. Вся беда в

том, что до отказа именно этот узел являлся для меня ахиллесовой пятой, так как почти абсолютно не знал его. И вот два дня с 8 до 21 часа сидел над схемами, описывал и разбирался с принципом работы. Ещё два дня, с 8 до 21 часа, ушло на, так сказать, ознакомление с устройством на месте. И только на пятый день стало что-то проясняться.

Сегодня шестой день. Уверен, что я на правильном пути. Пришёл домой только из-за футбола. Ведь сегодня наши играют с Польшей. А после матча снова пойду разбираться. Думаю, что дня через два всё настрою. О результате, конечно же, напишу сразу...»

(05.08.1967)

Алла – мне:

«Итак, сегодня уже 6 августа. Вернее, прошло уже 6-е. Воскресенье. Только что досмотрела балет «Спящая красавица», и вот села писать тебе письмо. Внеочередное, так как на два моих предыдущих я ответа от тебя пока не получила. <...>

В Ростове стоит такая жара, что просто ужас. Я с 10 утра с ребятами уже в «лягушатнике». Алинька уже сам лезет в воду. <...>

Аля очень стал скучать по тебе, особенно в последние дни. Как увидит самолёт, так показывает всем: «На таком мой ёдненький папочка полетит!»

Эдюша, ты что-то редко писать стал. Не болеешь? А на работе как дела? Ты ведь не напишешь, если что не так. Как только задерживается письмо от тебя, так я уже начинаю беспокоиться и сажусь строчить тебе. Ты только не злись на меня! Я ведь всегда болезненно переношу наши разлуки, поэтому, наверное, все мои письма так похожи друг на друга и совсем не интересные.

Но у меня ведь, как и у тебя, дни, как близнецы. С утра до вечера с детьми. Ходить особо некуда, да и желания нет. На днях только была в кино, да и то посмотрела старые фильмы – «Их знали только в лицо» и «Старшая сестра» (последний понравился).

Очень скучаю по тебе. Порой такая тоска гложет, что бросила бы всё и уехала к тебе!!!»

(06.08.1967)

Я – Алле:

«Читала, наверное, в прессе, что над Эстонией пронёсся сильный ураган? А теперь несколько деталей глазами очевидца. Основное произошло в воскресенье.

В этот день в 9.00 я был уже на работе. В обед вечер покрепчал. А часов в 14 началось. Ветер быстро начал перерастать в бурю. Усиливались гроза и дождь. Часа через полтора разыгрался уже настоящий ураган. Мы продолжали работать. И вдруг сильнейший, как будто взрыв, удар! В помещение ворвался свистящий ветер и дождь. Одного окна как не бывало – выбило каким-то летящим предметом. С этого момента и началась борьба за живучесть, которая для меня продолжалась почти до 22 часов.

Примерно минут через 30 заделали окно (пока нашли, чем, и придумали, как). Естественно, сухого места на нас уже не было. А душа-то болит – как там дома? Бегу домой. А по пути перед моим носом сорвавшийся с крыши лист железа высаживает у меня же второе окно. Но я уже не задерживаюсь...

Природа словно взбесилась. Чего только в воздухе нет, начиная с мусора и кончая шифером, который ветер срывает с крыши, как с карточных домиков.

До квартиры добрался благополучно. Влетаю! Все окна настежь. На полу обе твои любимые вазы и ещё кое-что. А я ведь точно помню, что, уходя, закрывал все окна. Кроме форточек.

Но ты знаешь, родненька, мы родились, видимо, под счастливой звездой. Вероятно, хорошо, что окна раскрылись. Во-первых, на кухне их наверняка все побило бы ящиком, который летал часа два (Панов наблюдал это и потом рассказывал). Во-вторых, над нами в большой комнате окна как не бывало – высадило шифером, прилетевшим с 22-го (!!) дома. Разбило у Зверягиных, у Лемшивых. Это только в нашем подъезде. У многих в нашем доме шифером разбило окна.

В отношении воды я уж молчу. Представь себе мысленно, что получится, если снять часть крыши и поливать это место водой в течение двух суток, да ещё под сильнейшим напором. На пятых этажах просто ужасно. Мыльцев, к примеру, которому дали 79-ю квартиру в нашем доме, вынужден был две ночи спать под натянутой клеёнкой. В общем, не пострадавших немного. Это, в основном, жильцы южной стороны. Нашу же сторону промыло сверху донизу. С детского сада крышу снесло полностью. Закрывали в аварийном порядке. Есть даже дома (частные), из которых людей пришлось срочно переселять. Случилось всё это в воскресенье, а связь вышла из строя на неделю. Только на четвёртый день в городе появился в магазинах хлеб. Валило телеграфные столбы.

Вспомни ДОФ, насколько там было уютно, какое могучее дерево стояло. Так вот, штук семь этих многолетних деревьев выверну-

ло с корнями. У подплава вода доходила до переезда, а у нас захлестывало железную дорогу.

Я специально прошёлся в четверг по городу. Картинка жутковатая. Мне даже показалось, что город затих и сжался.

Лично у нас всё обошлось относительно благополучно. Несмотря на то, что много посуды было на полу, в том числе и вазы, ничего не разбилось. Улетел, правда, ящик да ещё одна штора, с кистями. Искал, и мне помогали её искать. Конечно, безрезультатно. Попов говорил (он почти пять часов простоял у окна, наблюдая эту страшную картину), что подняло её выше строящегося дома, у которого возведено уже пять этажей. Но мы всё же пытались искать. Бесполезно. <...>

На днях напишу, как прошла встреча выпускников 1962 года, на которую еду...»

(14.08.1967)

Я – Алле:

«Сегодня послал телеграмму, чтобы ты перезаказала разговор. Наряд не перенесли, хотя я просил. Дело в том, что дважды уже переносили, А сейчас, говорят, менять не с кем. Попробую говорить из Палдиски, в Кейла не поеду. А вообще-то ты, очень прошу, не беспокойся. Я постараюсь писать чаще. Честное слово, загрузка большая. Слегка не клеится на работе. Орехов в отпуске. Мыльцева пришлось отпустить по болезни. Вот и кручусь, как белка в колесе.

Вечером встречи остался очень доволен. Жаль только, тебя не было. Некоторые были с жёнами. Подробно расскажу обо всём при встрече. Аленька, ты в письме просила купить что-то для волос. Напиши, пожалуйста, ещё раз. То письмо залило водой».

(17.08.1967)

Мама – мне:

«Эдя, получила твоё письмо, и знаешь, оно не было для меня неожиданным. Я знала, что придёт время, когда ты сам поделишься со мной своими сокровенными думами. Я намеренно не отвечала тебе сразу, чтобы дать тебе возможность ещё раз разобраться во всём самому. Подумала, что самое страшное – сделать скоропалительный вывод. Разложила всё по полочкам, принимая во внимание и свою жизнь, и те ошибки, которые были допущены мною в жизни.

Ну, то обстоятельство, что в Ростове мне не понравилось, пусть тебя не тревожит. Не будь там Аллы с Аликом, я бы туда и не поехала. Я повидалась с ними, а это ведь частица твоей семьи.

На этот раз, будучи в Ростове, я заметила, что Алла начинает показывать некоторые проблески самостоятельного мнения и открыто, правда, пока не очень смело, высказывает свои противопоставления их укладу жизни. Я сама была свидетельницей такого эпизода, когда Алик начал капризничать и никого к себе не подпускал, Алла его наказала, а мама её говорит: «Ты же мать, зачем издеваешься над ребёнком, не дам тебе бить Олеженьку». А Алла ей на это сказала: «Неужели вам Димки мало, вы хотите ещё и Альку испортить?»

Не знаю, может, это она в моём присутствии хотела показать, какая она строгая мама. Влияние родителей на Аллу очень большое, может быть, она считает себя обязанной им за оказываемую помощь, и поэтому во всём с ними соглашается.

Я ей об этом писала ещё до твоего письма, не знаю, поймёт ли она меня правильно. Я очень, очень, от всей души хочу, чтобы вы с Аллой стали друзьями. И считаю, что всё поправимо.

Послушайте меня, отдайте мне Аллу на зиму, а Алла спокойно пусть идёт работать, остался мне год до пенсии, потом я могу приехать на некоторое время к вам, и всё будет хорошо. Если она действительно тебя любит, она должна понять и согласиться с этим.

Потом, Эдя, я бы на твоём месте немного ограничила Аллу в этой купле-продаже тряпок. Это ведь тоже имеет большое значение в жизни – нет постоянства, нет любимой вещи, всё надоедает, теряется интерес к вещам.

Пойми, сын, очень многое зависит от тебя. Недостаточно того, что сам ты чистоплотен и требователен в быту. Раз уж так сложилась жизнь, и твой выбор пал на эту женщину, заинтересуй её окружающей жизнью, чтобы она была равной тебе духовно. Если она по-настоящему любит тебя, она не будет жить своим узким мирком. А жить вместе, но идти по жизни разными путями, – это, конечно, не жизнь, а, образно выражаясь, лишь «исполнение обязанностей». При такой жизни финал один – распад семьи.

Пересмотри ещё раз все стороны своей семейной жизни, не требуй от Аллы невозможного, помоги ей. Она неплохой человек, и ей ведь тоже нелегко. Всё остальное, Эдя, прошу тебя, выкинь из головы.

<...>

Эдинька, ты прав в том, что сейчас нет, а точнее, почти нет идеальных семей, а в счастье я что-то не особенно верю.

Тебе же советую по-матерински – не отдавай всего себя работе. Если не лавиную долю, то хотя бы большую часть своего свободного времени уделяй семье.

Мы тоже с Аллой ещё не стали друзьями. Но, несмотря на это, она несколько раз мне писала, что ты мало бываешь дома, вовремя не приходишь обедать. Ты, выходит, живёшь, как тебе лучше, а о ней ты подумал, сынок? <...>

Нет, сын, моего согласия на то, чтобы ты испытывал свою судьбу. А то получится, как у меня: три раза я испытывала судьбу, а вот в 26 лет овдовела, и по сей день одна – без ласки, без друга прошла моя молодость...

Пожалуйста, прошу тебя, не терзай ты себя разными сомнениями да предположениями. Всё должно быть хорошо.

Я как-нибудь, Эдя, расскажу тебе всю свою жизнь. В ней немало поучительного. И только сейчас я поняла, как была неправа, когда не поехала с Люсиным отцом... Это была моя роковая ошибка. Потом эта регистрация с Гончаренко, просто чтобы доказать что-то отцу Люды и... поломана вся жизнь. Правда, я, может, не пожалела бы об этом, если бы не война. Серёжа был настоящим человеком и любящим мужем. Но всё же судьбу-то свою я сама перевернула».

(без даты)

Лена Зиновьева – мне:

«...Эдик, не могу не поделиться с тобой впечатлениями о воздушном параде. Ты, наверное, видел этот парад по телевизору. А мне посчастливилось быть в Домодедово. Видела всё в натуре. Ты знаешь, Эдька, это просто сказка. Во-первых, всё очень красиво было, а во-вторых, какая техника! Дух захватывает. И как приятно было, буквально до слёз приятно (я не рисуюсь нисколько) сознавать, что всё это наше, советское.

А какие лётчики молодцы: такое вытворяли в этих чудо-машинах, что не верилось, что это происходит наяву. В общем, здорово!»

(15.08.1967)

Алла – мне:

«Вчера только получила твоё письмо, вечером звонила, а сегодня... нет сил, как хочу тебя видеть!

<...>

В Ростове тепло, днём даже жарко. Приезжай, отогревайся! На 9-е сентября у нас с тобой билеты в Музкомедию. 17-го днём Аля с бабушкой идёт в цирк, а вечером мы. Так что не опаздывай...»

(20.08.1967)

Я – Алле:

«Наконец-то пришёл домой. А время 25 минут первого. Денёк выдался что надо. Правда, и другие не намного легче. А вообще сегодня удачный день. Три дня с утра до вечера бился над вычислительным комплексом и вот только сегодня всё пошло.

У ребят из Ленинграда командировка кончается завтра. Пробывали они здесь вдвоём десять дней, но основное, то, над чем я безрезультатно бился, они так и не сделали. А ведь один из них разрабочник данного узла. Так что понятно, почему я так долго бился... Естественно, кое-что они выбрали, но все ожидали от них большего.

В остальном же на работе всё без перемен. Дома ремонт в разгаре. Правда, я прихожу поздно, поэтому в основном выдаю только советы да убираю грязь. Помогают ребята, которых я снимаю со смен поочерёдно! и отправляю в квартиру. Ребята осознают мою загрузку и понимают, что сейчас мне не до ремонта. Но раз уж затеял, то надо заканчивать. Роднулька, я рад, что наконец-то заживём как люди. Ведь как приятно, когда всё чистенько, светло и без всяких трещин. Знаешь, отдых какой будет продуктивный?

Беспокоит сынуля. Хоть бы было всё хорошо. Может, мы его на зиму отправим в Омск?

Заканчиваю – глаза слипаются, сил нет».

(23.08.1967)

Алла – мне:

«Сегодня получила твоё письмо, и вот спешу ответить. Аленьку подлечили. <...>

Как ты там, родной? Мне показалось (или на самом деле?) что ты простыл сильно во время урагана. Береги себя, очень прошу. Кури поменьше. Как ты не поймёшь, что курево – это такая гадость!!

Боюсь, что последние дни без тебя будут тянуться в 10 раз дольше!

<...>

Ты спрашиваешь, что нам захватить.

Привези пачки 4 какао «Наша марка», здесь нет совсем. Мне купи «Сильвы» № 4 или 5 – 15 тюбиков (10 Юркина Галка очень просила, а 5 – маме). Это в нашем галантерейном...»

(23.08.1967)

Я – Алле:

«Если бы только знала, как мне надоело без вас! Решено окончательно и бесповоротно: ни ты, ни Алька больше никогда не уедете так надолго! , Правда, будь Алька здесь, нам ни за что не сделать бы такого грандиозного ремонта. <...>

Наконец-то пошло на работе. Еле выбрал. То одно, то другое, то третье. Думал – с ума сойду. Но всё окончилось нормально. 31-го последний зачётный день. А там окно до 1 ноября. Выдаю всем персональные задания.

Пришёл новый инженер. Впечатление пока сложное. Холостяк. Пока переводом он явно недоволен. Хотя ни в окладе, ни в штате не проиграл. Но уж очень убивает наш грязенький городишко.

Ремонт идёт полным ходом, но... медленно. В сроки (думали управиться до 31-го) явно не укладываемся. А потому в отпуск придётся пойти на несколько дней позже.

<...>

Вчера был в кино – «Девушки из С.....» Кажется, поставлен в ФРГ, о японском театре-ревю. Довольно занимательный фильм, полтора часа музыки.

Видимо, вылечу в субботу, 9-го. Первого поеду за билетом. А в воскресенье надеюсь всех вас увидеть и крепко расцеловать!»

(25.08.1967)

Я – Алле (из санатория в Геленджике):

«...Вот уже третий день стоит чудесная погода. Как жаль, что не хватило слов убедить тебя поехать вместе. Эх ты, ну почему ты такая у меня?!

Вчера вечером взгрустнулось. Был чудесный тихий вечер, тёплый, шум прибоя. Часа два просто просидел на берегу, мечтая...

Позавчера посмотрел фильм «Фараон», сразу две серии. Артисты изумительные, но сам по себе фильм страшно нудный.

Был на экскурсии в Геленджике и в Джанхоте. Теперь знаю, что это за места.

На пляже целыми днями дуемся в дурачка и в шахматишки. Попробовал сыграть в преферанс, но за неимением постоянной практики стал слабовато соображать.

Читаю «Накануне» адмирала Кузнецова. Это его мемуары. Исключительно интересно написано...»

(25.09.1967)

Мама – нам:

«Большой вам сердечный материнский привет. Сегодня вышла на работу. Немного приболела, перенесла на ногах грипп, думала, пройдёт безнаказанно, потом... что только не привяжется к ослабленному организму. <...>

Люда несколько раз пыталась послать вам телеграмму, хотя я просила не делать этого и не сообщать, что я болею, зачем зря тревожить. Из переданных мне накануне полного выздоровления 3-х ваших писем и так явствует, что у вас и без меня тревог хватает – то Алик, теперь ещё Алла, это меня очень тревожит.

Думала к вам полететь, но об этом по совету врачей пока и думать нечего. <...>

Но чувствую себя сравнительно неплохо. Больше, чем собственное здоровье, меня беспокоит, что у вас в семье какие-то неполадки.

<...>

Ты пишешь, Алла, что поедешь в Ростов. Да, я с тобой согласна, там фрукты, но душевного отдыха не будет – всё какие-то дела, заботы, нервозность. Я ведь, Алла, ради вас готова чем угодно пожертвовать. Надо будет приехать к вам или в Ростов – я всегда согласна, лишь бы от этого была польза.

В Омск, знаю, не поедете, несмотря ни на какие любезные приглашения. Хотя это будет для всех нас большой радостью. Может быть, надумаете?»

(25.04.1968)

Мама – нам:

«У нас всё хорошо. Письма, сынок, получаю от вас регулярно – спасибо. Вот только почему-то Алла замолчала. <...>

Знаете, даже не верится, что я доживу до времени, когда не надо будет вставать по часам и иметь дело с этими формулярами и цифрами. Да, дети мои, в 55 лет иметь стаж 38 лет, материальные лишения – всё это, конечно, нелегко, но пенсию я себе заработала неплохую, порядка 65-70 руб. Но долго ли я её буду получать – это вопрос.

Боюсь особенно радоваться твоему сообщению о приезде в Омск, чтобы радость не была омрачена невыполнением твоего решения. Тебя жду не только я, ждут и родные, ведь 5 лет ты не был здесь. Может быть, Олежика с собой привезёшь, а я, как оформлю пенсию, привезу его вам в сентябре. Это было бы вообще здорово. А Аллочка отдохнула бы и подлечилась. <...>

Эдинька! Ты пишешь, что начал поправляться. Это неплохо, только я не представляю тебя полным. Ты был полным только в детском возрасте, жаль, что нет ни одной твоей детской фотокарточки, где ты как поросёнок был. А то, что ты поправляешься, пусть тебя не тревожит. У нас беспокойные характеры, так что до большого жира дело не дойдёт...»

(07.06.1968)

Маргарита Михайловна Ушакова – нам:

«Очень довольны получением от вас весточки, а ещё лучше будет, если увидим вас лично.

Алла пишет, что мы не виделись целую вечность. Действительно, это так. А время летит, летит...

Даже не верится, что Олежке пошёл пятый год. Он совсем уже большой мальчик, и чувствуется, что парень он умный. <...>

В письме всего не опишешь. Надо встречаться и говорить – говорить без конца...»

(07.07.1968)

Алла (из Ростова) – мне:

«Не удивляйся, что пишу карандашом, я ведь не дома, где есть сразу несколько ручек.

Сегодня получила твоё письмо и сразу пишу ответ.

<...>

Взяла два билета на «Дон Кихота» на 18.08, жду тебя. Приезжай раньше, ты мне очень нужен!

Спрашиваешь насчёт сувениров? Купи мне одну сетку-невидимку (цвет коричневый) и посмотри сумку-«кошёлку», небольшую, грубой, ручной работы (рисунок). Эдик! Только не из цветной соломы, а однотонную, без отделок. Не будет – не надо.

Аля говорит: «Что-то папа не едет, я уже жду его! И писем нет»

А ему: «Как же нет? Сегодня получили». «Ну ладно, – говорит, – пиши тогда ему письмо». Так когда ты приедешь, 16-го?»

(8.08.1968)

Я – Алле:

«Наконец-то получил твое письмо. Рад, Алланька, что у вас всё относительно нормально. Всё бы ничего, но скучаю по вас ужасно. И ты знаешь, Ласка, почему-то не так по Альке, как по тебе. Или это действительно запоздалая Любовь?! Или от того, что Вас двое...?!

А, вероятней всего, и первое и второе!!! Всё будет нормально, дорогая моя зайчишка.

Дома без особых перемен. Наконец-то, навёл элементарный порядок. Несмотря на то, что только 26-го вышел на службу, успели дважды провернуть в наряд. Сегодня суббота. Ой! Уже воскресенье! Все нормальные отдыхают. А я «бдю» службу.

Погода стоит хорошая. Говорят, много появилось маслят. Но отлучаться далеко из дома нельзя.

Был в новом универмаге. Мне понравился».

(3-11.09.1968)

Маргарита Михайловна – мне:

«Получили от тебя письмо, большое спасибо, думала, что ты будешь у нас, но, как видно, обстановка заставляет быть на месте.

<...>

Хотела написать Алле письмо, но раз она 16-го выезжает, значит, скоро будет дома.

Ты пишешь, что без них скучно, и я тебя понимаю – это же твоя семья, и она должна быть единой.

Ты поверь мне, Эдик, что муж должен излучать тепло и заботу, ну, конечно, большое внимание уделять. Алла этого заслуживает. <...> Алла твоя хорошая мать, хорошая жена, и ты не имеешь права обвинять её в чём-либо, она этого не заслужила. Думаю, мы с тобой ещё поговорим об этом. Ты же, Эдик, числишься у меня в хороших...»

(15.09.1968)

Мама – нам:

«...Дети мои! Так мне от всей души хотелось бы, чтобы в вашей семье было бы счастье и радость.

Эдик, многое зависит от тебя. Жизнь сейчас и так сложная, экономика тяжеловатая, а если всё это усугублять семейными неурядицами, жизнь может показаться совсем невыносимой.

А ты, Эдик, береги Аллу. У неё характер такой, что она может и не пожаловаться лишний раз, но не надо по пустякам травмировать нервную систему. Алла хорошая, но, на мой взгляд (может, я ошибаюсь), ты не всегда с ней справедлив. Ты думаешь, ей легко сидеть дома? Бывают часто одной?

Я её всё больше начинаю понимать, хотя видимся мы с ней раз в год. Так что, сын, хочешь – обижайся, но я тебе прямо скажу: в своей

семье ты как гость. А ты постарайся посмотреть на свою семью со стороны. Львиную долю времени у тебя забирает работа, по вечерам тоже работа, а также шахматы, чтение, друзья. Что же останется семье?

Алла любит тебя, а ты этого не ценишь. Ведь не из-за склонности к праздному времяпрепровождению она сидит дома. Она и живёт только сыном и тобой, так ценить надо это.

Она ни разу мне не пожаловалась на свою жизнь, но я мать, и, побывав последний раз в Ростове, я поняла многое. Когда зашёл разговор о втором ребёнке, она сказала мне: «А когда же жить для себя?» Этих слов было достаточно, чтобы понять её состояние.

Кто знает, Эдик, когда нам ещё придётся встретиться, на бумаге всего не выскажешь, но ты, я думаю, меня понимаешь. Самое дорогое – это когда в семье живут одними интересами и живут настоящие друзья. А когда два близких человека живут каждый своими интересами – это уже не семья.

Я вас обоих очень люблю и желаю только добра вашей семье...»
(без даты)

Я (из Ленинграда) – Алле:

«Дела у меня в основном складываются нормально. Судя по ходу работы, задание выполнено. Хотя когда оно выдавалось Поповым, всем, а мне в первую очередь мне, оно казалось даже теоретически почти не выполнимым.

Выехал я 5 октября. В 9.00 шестого был на работе. Сейчас всё время провожу в Петродворце. И вот с 9.00 шестого и фактически до сегодняшнего числа (а сегодня 10-е) потерял счёт времени. Вот так я ещё не работал. С 9 до 9, а то и до 10 часов. Насколько сейчас загружен, можешь судить хотя бы по тому факту, что 7-го отложил всё в сторону в 22.10. Мне попался чудесный парень, который добровольно (!) с полной отдачей во всём мне помогает. В будущем он должен по этой теме сотрудничать с нами.

Так вот 7-го бутылкой сухого шампанского и отметили мой юбилей. Отставлено абсолютно всё: газеты, кино, журналы и т. д. Даже в парке с фонтанами ни разу не побывал. А он, вероятно, в это время года замечательный. Даже Ушаковы! И у них ещё не был. Понимаешь, кроме меня, в данный период эту задачу выполнить никто не в состоянии. Вторично же меня не пошлют, это понимает и Попов. Когда я уезжал, он сказал: «Прошу не по службе, а чисто по-человечески – сделай всё возможное и даже невозможное!»

Это действительно очень важно. И очень прошу, любимый мой огонёчек! Не ругай своего Эдюшку, и не обижайся, что работу он ставит на первое место. Ведь так, в принципе, и должно быть в обществе. Если бы все так относилось к своему делу, давно жили бы намного лучше. Видимо, здесь я неисправим. Прости за это и пойми. Очень прошу! Обстоятельства складываются таким образом, что раньше, чем 18-го (конец командировки) я не смогу приехать. Поверь, так надо! Если я не буду успевать до 22 часов, буду сидеть до 2-3 часов ночи. Но мне необходимо выполнить то, что поручено. Я заверил Попова, что сделаю всё возможное, что может только зависеть от меня, а может быть, и невозможное.

В Петродворце я нашёл материал, о существовании которого и не догадывался. В институте я его отбирал по крупницам, на что ушла половина времени командировки (обидно!) А здесь он весь есть, но... очень мало времени. Не сердись, родная! Эдюшка очень любит вас. И ему очень больно огорчать вас. Но ничего сделать нельзя».

(10.10.1968)

Мама – нам:

«Вот и проводили меня на заслуженный отдых. 29 сентября был небольшой вечер – вручили мне подарки и грамоту. Зачитали приказ командира отряда, я осталась довольна. Сколько буду получать, пока не знаю. Просят ещё месяца 2-3 поработать, так что пока работаю.

Эдя! Ещё раз поздравляю тебя с юбилеем. Как мне хочется от всего сердца пожелать вам, чтобы в вашей семье навсегда установились мир и дружба. Уважайте друг друга и цените.

Ты, Эдя, много не кури, это ни к чему. Берегите своё здоровье. Алик вот скоро подрастёт, будет помогать маме, он уже сейчас, наверное, ходит за хлебом. И не заметите, как подойдёт время в школу его провожать.

<...>

Эдинька! Не обижайся, сынок, что не выслала тебе подарок на твой юбилей. 29/IX у меня день рождения, 8/X у Люси, а 14/X – у Лёночки. Да ещё заготовки на зиму – угля взяли, капуста, картошки. Да мой уход на отдых решили отметить 6/XI.

Не обижайся, я тебе подарок пришлю обязательно. Хочу купить тебе хорошие туфли. Ты мне только, Эдинька, напиши конкретно, какой номер надо, 40 или 41

(без даты; видимо, октябрь 1968)

Мама – нам:

«Большой привет вам от меня и всей нашей семьи. У нас всё нормально. Как у вас? <...>

Аллочка! А ты почему не пишешь? Пиши мне, жду. Меня абсолютно всё интересует...

Да, вот ещё что, Аллочка. Если будешь что посылать, пожалуйста, пошли сахару ванильного, пакетиков пять, мишуры для ёлки и дождя, здесь этого ничего нет. Может, будут колготки, любые, размер Тани – 36, Лены – 38-40. В отношении перчаток Анатолию: возьми, Эдинька, любые хотя бы байковые, а размер... Наверное, 10 или 11. Я сама не знаю.

Вообще-то, Аллочка, в отношении заказа особенно волноваться не следует, что будет подходящее, то и возьми. Если будут дешёвенькие кофточки трикотажные (такие, как ты нам посылала свои, розовую и беленькую), можно взять мне и Люде.

Теперь вот что, только давай, Аллочка, договоримся без стеснения, напиши мне вот о чём. Люда тут кое-что уже купила для малыша, но я ей говорю, что у вас детское всё гораздо лучше, чем здесь, так ты напиши, что лучше – купить или выслать денег, а вы там купите. Ей так хочется сделать тебе подарок. Не стесняйся, пиши.

Маленькая Татьяна спрашивает: а кто богаче живёт, мы или дядя Эд? Почему они собираются девочку купить, а у нас что, денег нет? (В это время мы ждали рождения нашего второго ребёнка, и уже было известно, что это будет девочка – прим.)

Я вот уже второй месяц дома, но... пока ещё не чувствую, что отдыхаю. Поздравляем вас с наступающим Новым годом. От всей души желаем, чтобы он принёс вам радость, благополучие, а Эдику успехов в труде, побед в шахматах.

Алинька! Что же ты, мой внучек, не напишешь мне? Или нарисуй что-нибудь, я жду...»

(Очевидно, ноябрь 1968)

Лена Зиновьева – нам:

«От всей души поздравляю вас с наступающим праздником и желаю встретить и провести его так, как вам этого хочется. Ну, а на будущее: здоровья вам, успехов, счастья. Получила все ваши письма.

<...>

Аллочка, относительно твоей просьбы. Я не обещаю тебе твёрдо, когда я смогу её выполнить, но со всей ответственностью обе-

цаю, что буду обязательно смотреть. У нас рядом с домом филиал «Детского мира», и я буду туда заходить часто.

Чулки я тебе, наверное, смогу достать. Это проще. Только скажи: тебе очень плотные, толстые или просто красивые, можно и тонкие?

Напиши, что ещё нужно. Вдруг что-то я смогу достать. Честно говоря, в больших очередях я стоять не могу из-за недостатка времени. Но иногда, бывает, случайно попадают хорошие вещи. А детские вещи часто бывают симпатичные.

<...>

Аллочка, ещё раз. Пожалуйста, не стесняйся, проси всё, что тебе нужно. Давай договоримся с тобой так (мы ведь уже свои люди): я не буду считать обязанностью твои просьбы, но по возможности буду стараться выполнять. Смогу – достану, не смогу – ты ведь не обидишься, правда? Поэтому пиши, если что-то надо. У нас ведь действительно проще со всем этим...»

(06.11.1968)

Маргарита Михайловна – нам:

«Эдик, большое тебе спасибо за хорошее письмо. Я рада от души, что в вашей семье всё идёт хорошо, и пусть будет всегда так.

Читали письмо и смеялись, как ты, Эдик, стараешься воспитывать своего сына, и как он на это реагирует. Не спеши делать из него «Эйнштейна» и «Ботвинника», всё придёт в своё время, вот увидишь.

Что касается зарядки – это очень хорошо, это ему на пользу, а вот цифрами голову особенно не забивай, всё хорошо в своё время.

<...>

Олежка пусть больше гуляет, не морочьте ему голову цифрами, всё это впереди, а детство бывает раз в жизни...»

(26.01.1969)

Мама – нам:

«Вчера отправила вам письмо, а сегодня получила от вас. Сразу же отвечаю.

Эдинька, это письмо по содержанию мне очень понравилось, хотя в него и вложена частичка юмора. Прочитав его, я и правда уверовала, что у вас всё в норме – это для меня большая радость. Знаешь, сын, я ведь всё время помню твои слова, когда ты был у нас и сказал, что «Алла сыном ходила тяжело», а я знаю, что это значит,

вот и тревожусь за неё. Материнство не бывает лёгким. То, что Алла жалуется на усталость и ноги – это закономерно.

Я тебе расскажу одну историю. Ходила я тогда в таком примерно периоде, как и Алла, ну и вздумали мы с твоим отцом в театр пойти. Чувствую, ноги в туфлях устали, и во время представления я туфли сняла. А когда спектакль кончился, ноги до того отекли, что даже пальцы в туфли не полезли. Кое-как выбралась в фойе, а отец твой бегал туда-сюда, чтобы такси какое-нибудь поймать. А Тобольск в то время, это тебе, Эдинька, не Ленинград. Бегал, бегал – нет никакого такси, и тогда он говорит: одевай, мол, мои ботинки, а я в носках. Представляешь, военный и в носках! Ну, добрались кое-как домой. После этого были предусмотрительней: если куда ходили, то его тапки брали с собой.

Так что всё это в порядке вещей...»

(без даты; вероятно, конец 1968-го или начало 1969 года, так как речь о беременности Аллы)

Алла (из роддома) – мне:

«У меня пока нового нет ничего. Врач посмотрела и сказала – подождите день, до завтра. Видимо, я переутомилась, и мы немного поспешили с роддомом.

Сестра оставила в Кейла мой паспорт. Сейчас поезжай любой электричкой в Кейла и возьми его. Завтра утром приезжайте. Может, домой с вами поеду? Чем чёрт не шутит! Срок-то у меня 19-го. Но низ живота и поясница ноют, посмотрю, что будет ночью.

Как вы там? Ты спи в большой комнате, а Аля с мамой в другой. Пусть утром прокатятся, если будет желание. А ты не забудь про Кейла, чёрт бы её подрал!

Мне ряженки привезите, а то я до сих пор на корочке хлеба. Тут такое дали, что я не могла это есть.

Крепко всех целую 10000000 раз.

Эдюша! Моё окно на 3-м этаже, дом деревянный здоровый напротив.

И не пиши так нежно, а то я реву! Шучу, пиши».

(без даты; очевидно, конец февраля или первые дни марта 1969)

Я – Алле:

«И всё же здорово – дочь!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Хожу, как во сне. Ничего не могу делать, даже сосредоточиться не могу. И рот сам по себе до ушей расползается. А тебя я люблю

независимо от того, кого ты родила. Люблю, Алка! И очень сильно. Я счастлив, что у меня такая жена и такой друг и мать. Мне в этом плане чертовски повезло в жизни. Поправляйся поскорее и ни о чём не беспокойся. Всё будет хорошо и нормально.

Как дочурка? Видела ты её уже? На кого похожа, какие волосы и есть ли они? Как кушает? И ещё тысячу как...?

Тебе горячие поздравления передают Лихачёвы, Мартыняки, Вакуленко, Фроловы, Шерепанюк и вообще все наши сослуживцы и знакомые передают тёплые, добрые пожелания.

На работе всё нормально, без каких-либо изменений.

Дома всё хорошо. Бабушка кудахчет над внуком, а я им помогаю. Вчера наводили с Алькой порядок в сарае, 1,5 часа трудились. Сегодня должны закончить.

Завтра с утра, по всей видимости, приедем с Алей и бабушкой. Во сколько подойти к окну, чтобы ты показала нам ляльку? Сердечно поздравляю с 8 марта и желаю хорошего настроения, счастья, а самое главное, здоровья и бодрости духа!»

(без даты; возможно, 5 марта – день рождения дочери, или на следующий день)

Алла – мне:

«Ты спрашиваешь, как назвать? Конечно, Викой!

Вика! Вика! Сколько я сейчас переживаю из-за неё. Молю всех святых, только бы всё было хорошо.

Сегодня спала плохо. Вот сижу, и в каждом эстонском слове мне кажется, что говорят о ней. Завтра ещё, видимо, не принесут. Я спрашивала, сказали, что съедает она вроде норму – 20 г. А что ещё? Я не знаю.

Видела я её дважды, чернявая какая-то, а на кого похожа? На меня. Сын-то на тебя.

Можете проехаться завтра, но ведь вам так далеко ездить! Эдюша, принеси бумагу и карандаш, а то писать нечем и не на чем».

Алла – своей матери:

«Милая мама, спасибо тебе за заботу. Итак, мы теперь с дочкой Викой. Передай Олеженьке, он же хотел. Родила я её 5 марта, рост и вес пока не знаю. Роды были очень тяжёлые, шёл ребёнок попойкой. Сейчас с ужасом думаю, как я выкрутилась. Об остальном при встрече. Мама! Пододеяльничек есть, лежит в шифоньере внизу, пока наденем на Алино пуховое одеяльце. Шить не надо, не возись.

Эдинька! Ты рад? Как настроение?

Сына! Слушайся. Я скоро буду дома. Смотри, не ешь снег и не простудись.

Да, мама, приготовь мне смесь в стакане – мёд с орехами. Фрукты есть.

Займитесь пелёнками, а то пропадём. Остальное потом подкупим. И коляску посмотрим, без меня не берите.

Сейчас девочка и не знаю, на кого похожа.

Лежать здесь дней 6-7. Сегодня температура 37,4.

Вы часто не ездите сюда, далеко, пусть Эдик после работы, к тому же здесь карантин.

Я лежу в палате № 5, на 3-м этаже.

Мне до сих пор не верится, что я выдержала такую пытку, и у нас дочь!»

Алла – мне:

«Сегодня была врач, разрешила вставать. Чувствую себя хорошо, только слабость, но это пройдёт. Температура в норме.

Дочь весит 3400, рост – 50 см. Врач обещала, что завтра, 7.03, принесут дочку, если всё будет хорошо. Сегодня она стонала ночью, а утром ничего. Детский врач говорит, что это, видимо, от того, что ребёнок шёл ягодицами, и роды были тяжёлые. Теперь буду беспокоиться за неё, хоть бы всё было хорошо!..»

(06.03.1969)

Маргарита Михайловна – нам:

«Давно вам не писала. Всё какие-то домашние и общественные дела, а также разные болячки отнимают время.

Получили от вас поздравительную открытку и фото всего вашего семейства. И каково было моё удивление, когда увидела Вику, сидящую, как птенчик, и только тогда я поняла, что забыла, какие бывают дети в пять месяцев. Я ей послала погремушки, она, наверное, давно забыла про них. К году её рождения я постараюсь быть более актуальной в плане подарка.

Да-а, время летит действительно с космической скоростью, а дети растут быстрее (на чужих руках).

Эдик и Алла, вы просто молодцы, а вот когда будет иметь семью мой Игорь, это вопрос».

(07.12.1969)

Счастливая мама с дочкой Викой.

Из семейного фотоальбома

19 июля 1974 года состоялась свадьба моего друга Игоря Ушакова и Натальи.

И вот мы уже вчетвером.

Олегу около 7 лет, Вике – 2 года и 8 месяцев.

*С любимой
дочкой Викой
на прогулке и в
фотостудии.*

Здравствуй мамма!
 Паулина описала В год когда я ро-
 ди, Паулина была беременна! Сестра!
 Знаешь теперь у меня В березинка
 была! А была перепалочка с бабкой
 с сестрой! Ей писали что кушать не
 давай и кофак. И бабка стала
 мы раз ходили на дачу в раз посто-
 лив котик, вилочкой как ланка дожи-
 вее с пилочкой пилочкой как кода!
 И минорско трад бес не такой
 как у нас! Бабушка! Ама пог лосот! Ама
 дачка так же вроде трад пилот, слава
 бау, не на нас! А аккурбатое даче
 не так же = тоже пилотое коси того
 пилот даче уна все было нормально,
 Не кто не даче! Мамма писали
~~то~~ есоти не заговаривать сканит
 коту сканит кот. Но кто то и не

Здравствуй мамма!
 Как тебе здоровье. Скоро ты приедешь?
 Целую на 4 и 5 в мн
 Мамма тебе Ама
 Да, здравствуй даче Воды
 обесловото.
 Целую мамма
 Ама

Когда дети были маленькие и летом были в Ростове у бабушки с де-
 душкой, они писали нам такие, к примеру, письма.

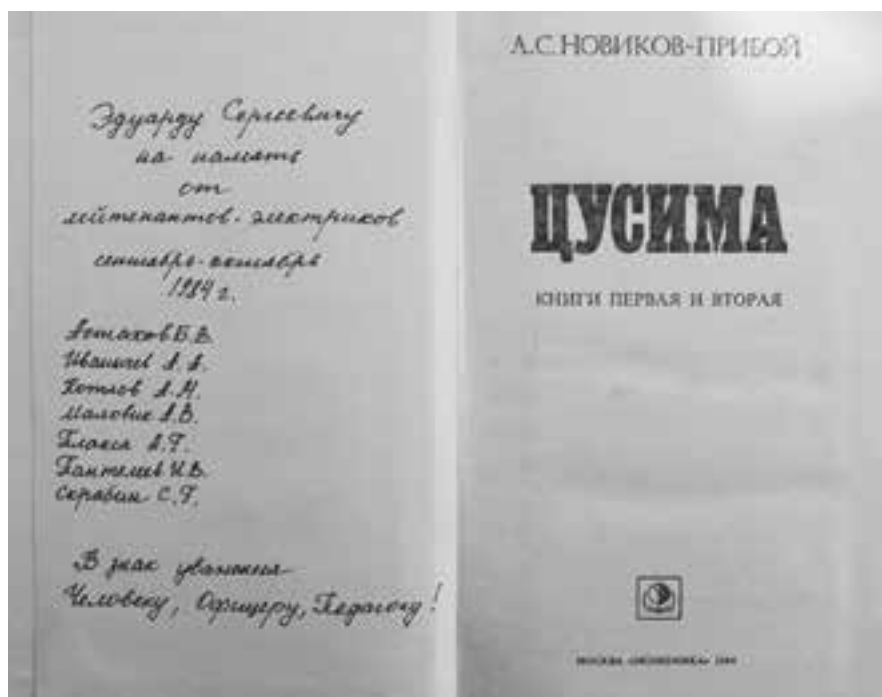
Наши дети уже совсем большие.

Олег – на первом курсе Ленинградского высшего инженерного морского училища им. адмирала С. О. Макарова.

В школе Вика занималась музыкой.

Подарок молодых офицеров-электриков, с которыми я проводил занятия в учебном центре.

ГЛАВА 6.

◀ ПРОСТО ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ ▶

Преодоление

«Конечно, не очень здорово, что я так много валяюсь в госпиталях. Но мне хочется жить здоровым. И я буду здоровым! Вот увидишь...» – пожалуй, эту строчку из обычного моего письма маме, написанного в 1960-е или в начале 1970-х годов, можно выбрать в качестве эпиграфа к этой главе.

Действительно, моё здоровье на протяжении многих лет постоянно причиняло мне беспокойство, создавало серьёзные проблемы. Это настолько важная часть моей жизни, что считаю необходимым посвятить ей отдельную главу. В частности, для того, чтобы поделиться собственным опытом в этой области.

Не могу сказать, что в детстве я был болезненным ребёнком. Правда, как рассказывала мама, в ранние годы были у меня признаки рахита из-за недоедания, однажды вроде воспаление лёгких было. Но я этого не помню, значит, особых последствий эти заболевания не имели. Но позже – то одно, то другое... Такое впечатление, что организм в целом медленно, но постоянно подгнивал.

А начались мои проблемы со здоровьем в первые же два года службы, которые прошли на Севере.

Жаль, что не сохранилась медицинская книжка, исписанная названиями многочисленных заболеваний: выбросил вместе с другими бумагами и частью книг, объяснив себе это тем, что места для своего архива уже не хватает. Это действительно так, но медицинскую книжку надо было оставить: сегодня она представляла бы собой ценный автобиографический документ.

Тем не менее, это факт: уже в молодости я мучился различными недугами. Медицинской книжки нет, зато есть дневники, в которых, среди прочего, я отражал и эту сторону своей жизни. Многочисленные проблемы со здоровьем, которые преследовали меня на протяжении десятилетий. Проблемы широчайшего спектра – от радикулита до импотенции. То одно, то другое... Весь организм – вразнос, моральное состояние – соответствующее.

Убеждён, что причина большинства этих неприятностей в том, что я в самом начале службы на Северном флоте нахватался

радиационного излучения. Конечно, мы все знали, что радиация – это опасно для жизни. Не только знали, но и прощались с нашими товарищами, которые гибли от неё. В главе «На Северном флоте» я упоминал о подводной лодке К-19, стоявшей в Западной Лице и получившей название «Хиросима» из-за многочисленных аварий. В результате одной из них в результате облучения погибли восемь человек, а позже ещё один. Среди погибших был и Боря Корчилов, окончивший наше училище на год раньше меня.

Но все эти трагедии происходили в результате ужасных аварий. В повседневной же жизни мы недооценивали опасность радиации, не догадывались о возможных последствиях, особенно отдалённых во времени. Хотя, выходя на работу, каждое утро получали на КДП (контрольно-дозиметрическом пункте) индивидуальные дозиметры.

Между тем, радиация очень коварна, даже если дозы облучения не столь велики, как при авариях, но принимаемые организмом постоянно. Воздействие же всегда индивидуально, как показывает мой опыт.

При прохождении очередной плановой диспансеризации у меня оказалась плохая кровь – лейкоцитоз, то есть повышенное количество лейкоцитов. Пока серьёзных выводов никто не делал.

Однако через несколько месяцев меня вновь вызвали в медчасть базы на осмотр. Вновь был зафиксирован лейкоцитоз. Стойкое повышенное количество лейкоцитов может привести к лейкемии, то есть раку крови, поэтому медики базы, чтобы не испытать судьбу, направили меня в госпиталь Северного флота в Полярном, где я прошёл достаточно длительный курс лечения. А я ведь не прослужил ещё и года на флоте.

*Военно-морской
клинический
госпиталь в По-
лярном. Фото:
wikimapia.org*

Вид на город Полярный. Фото: ok.ru

Выписали меня, одновременно порекомендовав командованию части предоставить мне внеочередной отпуск с целью укрепления здоровья в санатории Северного флота в Ялте.

Санаторий оказался шикарный: передовое оснащение, прекрасное питание... Тогда, на заре атомного подводного флота государство заботилось о нас, подводниках, наверное, так же, как и о космонавтах.

В конце отпуска я почувствовал себя совершенно здоровым человеком. Да и обследование накануне отъезда подтвердило, что всё у меня вроде бы в порядке.

Окрылённый, я вернулся в часть. Мне очень хотелось служить. Я мечтал о дальних морских походах.

Правда, на учёт по медицинской части всё-таки поставили. И вот через несколько месяцев очередной контрольный анализ крови показал: вновь лейкоцитоз, превышение нормы значительное.

Тогда меня направили на обследование и лечение в Ленинград, в 1-й ВМОЛГ (Военно-морской ордена Ленина госпиталь). В этом старейшем в России лечебном заведении тогда открыли

специальное отделение для моряков атомных подводных лодок. Врачи там работали высшей квалификации, оснащение – превосходное.

*Старейшее в России воен-
но-морское лечеб-
ное учреждение,
открытое в
Санкт-Петер-
бурге в 1715 году.
Фото: peterburg-
center.ru*

Моё состояние было не столь трагичным, видимо, поэтому никакого специального курса лечения мне не предложили. Только физиотерапия, инъекции витаминов, успокаивающие препараты, снотворное и вдобавок усиленное питание.

Понравилось, что работавшие со мной медики ничего не скрывали. Так, мне объяснили, что для обследования почек мне через вену ввели радиоактивный элемент. Потом положили на специальный стол. Подвели над каждой почкой датчики, и они тотчас защёлкали, фиксируя процесс очищения организма от радиоактивных изотопов. Сигналы от датчиков выводились на самописцы. Лечащий врач охотно объяснил мне полученные диаграммы.

Он констатировал, что почки работают нормально. Затем он перешёл к результатам обследования печени. Врач показал мне изображение печени, на котором наглядно просматривались здоровые и поражённые участки. Площадь последних была весьма обширной, но поражение, к счастью, неглубоким. Врач пояснил, что особой опасности пока нет. И вообще, добавил он, для функционирования организма достаточно одной восьмой части печени. Посоветовал также внимательнее относиться к питанию, и быть аккуратнее в отношениях с алкоголем.

Ознакомившись с результатами обследования лёгких, доктор посоветовал ограничить курение, а лучше вообще бросить. Предупредил, что курение может вызвать серьёзные последствия, вплоть до туберкулёза.

Покуривать я начал ещё в школе, а по-настоящему пристрастился к курению в училище. Произошло это как-то само собой, так как курило абсолютное большинство курсантов. Денег у меня всегда было мало, поэтому курил всякую дешёвую дрянь, вроде «Примы», «Дымка», каких-то ментоловых сигарет. Курил я всегда много и о возможных последствиях, конечно, не задумывался.

К курению я пристрастился еще в юности.

Получив офицерское звание, я перешёл на более дорогие сигареты, но курить меньше не стал. Мужская среда, в которой находился почти всегда на Севере, состояла в основном из курящих людей.

Дело не в том, что я легко поддаюсь влиянию, выше я ведь рассказывал, что, когда надо, могу проявлять принципиальность, просто считал курение вполне естественным занятием. Мало того, мне даже нравился аромат дыма приличных сигарет. И курил всегда много, по полторы-две пачки в день.

Предупреждение врача в госпитале, конечно, заставило задуматься о вреде курения, но ещё не настолько, чтобы немедленно расстаться с этой привычкой.

Постоянный пациент 1-го ВМОЛГа, я бывал там и зимой, когда обычно на улицу пациенты не выходят. Смотрят телевизор, играют в карты... А я выходил. И не просто прогуляться, а просил дать лопату, и чистил все дорожки от снега. Говорят, физический труд на свежем воздухе отбивает охоту к курению. Но не у меня. Да и не так уж много я трудился с лопатой в руках.

Да, я всё-таки бросил курить, но произошло это примерно через двадцать пять лет. Это было очень непросто. Я слышал и читал, что некоторые заядлые в течение многих лет курильщики бросали курить сразу и бесповоротно. Просто выбрасывали последний окурочек и больше к сигаретам не притрагивались.

У меня так не получилось. От решения бросить курить до его окончательной реализации прошло несколько лет.

Бросал я долго и мучительно. Начать решил с постепенного ограничения количества выкуренных за день сигарет. Жена, узнав о моём решении, захотела мне помочь: просто выбрасывала все сигареты, которые находила в квартире. Но мы же не на хуторе отдалённом живём: работа, друзья, компании – и везде хватает курильщиков. Нет-нет да стрельнёшь сигаретку, «уже точно последнюю». Были периоды, когда я не курил два месяца, восемь месяцев, даже два года. И всё равно опять начинал, поскольку желание не исчезало. Стоило оказаться в тёплой компании, а там коньячок, кофе, разговоры – как не закурить?

Огромную роль в том, что я всё-таки бросил курить, сыграли умные книги. Чем больше их читал, тем сильнее прозревал. И осознавал, что курение – это действительно очень вредная привычка. Более того, мне стало неприятно смотреть на курящих людей. С какого-то момента запах сигаретного дыма, ещё не так давно приятный, стал противен.

Короче говоря – бросил и знаю, что теперь уже точно никогда не начну. Исключено.

Сложнее обстояло дело с пристрастием к алкоголю. Разумеется, я не имею в виду алкоголизм или страшные многодневные запои – разве мог бы я в таком случае прослужить на флоте почти тридцать лет? В отличие от человека, страдающего недугом под названием алкоголизм, я всё же могу сказать себе: «Стоп, Эдуард». Правда, должен признаться, бывали случаи, когда такой команды вовремя не поступало. То есть перебирал основательно. Но это отдельные случаи, не система.

Однако злоупотребление, очевидно, допускал, если даже сравнительно недавно, 25 декабря 2002 года, в 14.30, я записал в дневнике: *«...Без жёстких ограничений с окружающим миром явно не обойтись. В первую очередь в вопросах питания и, безусловно, в употреблении алкогольных напитков. С последними следует категорически завязать. Как ни печально это констатировать. Зачем укорачивать свою жизнь? Надвигающаяся старость тому грозное*

предупреждение. Алкоголь и гепатит С (среди прочих «болячек» прилипла ко мне и эта зараза). Продолжать пить в моём состоянии – равносильно самоубийству...»

Менее чем через полгода, 7 мая 2003 года, в 22 часа, в перерыве того, на что мне следует обратить первостепенное внимание, в 5-м пункте я вновь записал: «В праздники алкоголь резко сократить. Нельзя пить на равных с молодыми!» И пункт 6: «В будни исключить пиво».

И почти через два с половиной месяца, 17 июля, в 19.30, опять сделана аналогичная запись: «С питьём алкоголя во всех его проявлениях надо окончательно завязывать». Или вот, через год и десять месяцев, 17 апреля 2005 года, ещё более эмоционально написал уже в другой тетради: «Чувствую себя сломанным и больным. Запрет застолью!!! С выпивкой завязать! Завязать!! Выпивку вон!!!» Очередной приказ самому себе выделен крупными буквами, поэтому он сразу бросается в глаза на этой странице.

В одном из дневников есть даже обращение к сыну, в связи всё с той же бедой. Запись сделана в июне 2012 года:

«Дорогой Олеженька!

Должен с горечью признаться тебе, что я попал в алкогольную зависимость. Так как я человек не очень глупый, то это, вероятно, тебе не очень заметно, а скорее всего ты недооцениваешь случившуюся со мной беду. А это большая беда и не только для меня. Плохо от этого не только моим самым близким – дочке, моей Викушке, и мамочке нашей, но и окружающим меня людям по работе, включая детей.

Печально сознавать, что эта моя беда не даёт мне возможности обрести бывшее здоровье, острый ум, хорошую память и достойную силу воли. Всё это вытекает из меня...

Возможно, это не так заметно для тебя, а я это ощущаю и остро чувствую. Но боюсь тебе в этом признаться, чтобы не нарушать наши взаимоотношения. После выпивки, любой, я захожу в какой-то стопор. Я осознаю, что делать необходимо, но не делаю. Усиливается гнусное состояние, мешающее спать, усиливается кожный зуд и т. д. и т. п. Об этом много думаю, но результата положительного нет...»

В детстве, естественно, алкоголя даже не пробовал. И не видел, чтобы взрослые вокруг много пили. Даже когда работал два лета с геодезистами в тайге, не припомню, чтобы они увлекались выпивкой.

Впервые я перепил после школьного выпускного вечера. Собрались несколько ребят, среди них Толя Турьянский, Володя Рогилёв и ещё кто-то. Сбросились на водку и какие-то дешёвые консервы типа частика в томатном соусе. Либо закуски было мало, а водки много, либо просто с непривычки, но всем нам было ужасно худо.

Мама и сестра были в ужасе, наблюдая, как меня вырывало. Несколько часов рвота не прекращалась, они страшно боялись, как бы беды не случилось. Это вместо того, чтобы радоваться серебряной медали и похвальному листу, которые я принёс домой. Испортил такой торжественный и важный в жизни любого человека день! И, главное, испортил не только себе, но и своим близким.

В училище с ребятами выпивали, конечно, когда на досуге собирались большой компанией, но не много. Больше танцевали, пели, хохмили. Наверное, сдерживало то, что надо было возвращаться в училище, а какая там была дисциплина, я уже упоминал.

Действительно много я начал пить на Севере. Кстати, в ежедневный рацион всех членов экипажа лодки – от матроса до командира – входило вино. Но этим, конечно, офицеры не ограничивались. На стол в компаниях выставлялось и «шило» – технический спирт, выдававшийся на обслуживание материальной части корабля.

Если не хватало «шила», покупали водку в магазинах – «Столичную» по 3 рубля 12 копеек и так называемый «сучок», или, согласно этикетке, просто «Водку» по 2 рубля 62 копейки. Забытое богом место, делать особо нечего в свободное время, сообщество вокруг преимущественно мужское... Это первое, чем хочется объяснить пристрастие к алкоголю.

Сомнительное объяснение, но хорошо, допустим. Но на Севере я и двух лет не прослужил. А потом? В Обнинске, в Палдиски, в Таллинне? Ведь и там злоупотреблял выпивкой. Хотя окружение было уже не только мужским. И образ жизни, и семейное положение – всё было другим. Однако, тем не менее, вышеприведённые записи из дневников сделаны сравнительно недавно.

Общеизвестно выражение: горе утопить в вине. Не то, чтобы я в горе постоянно жил, нет, конечно, но какие-то неприятности в личной жизни и на службе, нелады с физическим здоровьем, порождающие стрессы и депрессию (не обязательно в медицинском смысле этих терминов) – всё это меня преследовало постоянно – и побуждало обращаться к алкогольным напиткам. Кроме

того, я всегда был готов поддержать хорошую компанию в плане выпивки.

И сейчас готов, поскольку отношение к алкоголю у меня более сложное, чем к курению. Хотя я приказывал себе письменно в дневниках категорично в дневниках «завязать!», о полном исключении алкоголя из своей жизни, в отличие от курения, я никогда не задумывался. И не считаю это нужным. Мне, например, трудно вообразить, что мой близкий друг – абсолютный трезвенник. Разумеется, излишне подчёркивать, что не по этому критерию я оцениваю людей, просто речь в данном случае идёт об отношении к алкоголю.

Считаю, что сейчас у меня достаточно нормальное отношение к крепким напиткам. Компанию, как и прежде, всегда поддерживаю, но, как говорится, свою норму знаю. Несмотря на «провокации» со стороны некоторых родственников.

Ещё одно воспоминание, связанное с алкоголем. Как-то в 1-м ВМОЛГе я делил палату с майором, который в своё время был участником испытания первой советской атомной бомбы, которое состоялось в конце августа 1949 года на Семипалатинском полигоне в Казахстане, – стоял в оцеплении. Конечно, хватанул тогда радиации, о чём свидетельствовали почти полное отсутствие волос на голове и особенно – дёсен. Жутковатое зрелище.

Но вообще майор выглядел достаточно бодро. Главное – жив. Он и рассказал мне о начмеде в их части – капитане. Тот по своей инициативе проводил научные эксперименты. Например, такой: взял две партии крыс и обе подверг облучению, одной давал спирт, другой – нет. Выяснилось, что крысы из первой партии жили вдвое дольше, чем из второй.

Может быть, действительно в этом что-то есть. Не зря же экипажам АПЛ выдавалось вино.

Да и в обычной жизни, как советуют то один, то другой специалист, умеренное употребление вина не только не вредит, но даже полезно для здоровья.

Итак, в один не самый прекрасный день стало ясно, что не только дальние морские походы на АПЛ мне не суждены, но и вообще служба на военно-морской базе. Правда, вообще о списании речи пока не шло. Так я оказался в учебном центре в Обнинске.

Шли годы, здоровье у меня было не то, чтобы совсем ужасным, но в целом хандра не отпускала. То одно беспокоило, то другое – лёгкие, почки, спина, желудок, нервная система... Но

особенно с какого-то момента стал мучить стоматит – это когда дёсны покрываются кровоточащими язвочками. Неужели всё это – последствия радиации? Думаю, да. Конкретно на мой организм она повлияла вот таким образом.

Начало моей службы на Севере сопровождалось проблемами со здоровьем, и заканчивалась она тоже в этом плане довольно драматично.

Так, ближе концу моей службы в Палдиски, рентгенолог при очередном обследовании обнаружил у меня дивертикул двенадцатиперстной кишки – это небольшой отросток или мешочек. Опасность тут в том, как мне объяснили, что если туда попадёт посторонний предмет, может начаться воспалительный процесс.

Нужна операция! Таково было заключение начальника хирургического отделения госпиталя Таллиннской военно-морской базы Полякова. У меня не было сомнений в том, что надо ложиться на операцию, тем более что полковник медицинской службы, собиравшийся лично оперировать меня, слыл блестящим хирургом.

Некий внутренний голос подсказал мне позвонить в Ленинград и сообщить об этом по телефону своему хорошему знакомому, хирургу от Бога Владимиру Крамареву.

Сначала я познакомился с его сестрой Светланой. Она работала в ленинградском 24-м институте, в котором я часто бывал в командировках, и была разработчиком тех самых тренажёров, которые использовались у нас в учебном центре. Через неё я сошёлся и с её братом. Очень дорожу дружбой с ними обоими. К сожалению, Владимир ещё сравнительно молодым человеком ушёл из жизни.

Так вот, Володя Крамарев очень заинтересовался тем, что я ему сказал по телефону. Хотя предполагаемая операция, как меня заверяли в нашем госпитале, предстояла, может, и не самая рядовая, но достаточно обычная, Владимир решительно сказал:

– Бери свои снимки, медкнижку и приезжай ко мне. Не сомневаюсь, что твои друзья по технике всё сделают грамотно: вырежут, зашьют. А вот последствия, подозреваю, для тебя могут быть серьёзные. Если действительно операция показана, я сам её сделаю. Но не исключаю, что операция не нужна. Приезжай, разберёмся.

При первой же возможности я приехал в Ленинград. Изучив снимки и записи в медкнижке, Володя около часа доходчиво пытался разъяснить, что операция в моём случае будет крайне слож-

ной, а главное, с непредсказуемыми последствиями. Дело в том, что дивертикул образовался в непосредственной близости от желудка, крайне сложно к нему добраться. Да и стоит ли рисковать, если, как утверждали мои ленинградские консультанты, природа моего дивертикула физиологическая, а не патологическая.

Мнение Крамарева было однозначным: операция категорически не рекомендуется!

А чтобы его мнение было ещё более убедительным, Владимир показал меня своему коллеге – профессору Военно-медицинской академии, главному хирургу Советской армии и Военно-морского флота, генерал-майору медицинской службы Михаилу Алексеевичу Лущицкому. Минут сорок профессор тоже изучал снимки и медкнижку, потом мял меня со всех сторон. Его вердикт: операция молодому человеку не показана! О чём и сделал соответствующую запись в медкнижке.

Почему же Поляков настаивал на операции? Ведь он тоже хороший хирург. Очевидно, потому, что у врачей могут быть разные мнения по поводу того или иного случая. Наверное, это нормально. Другое дело, как быть нам, обычным людям, далёким от медицины? Соглашаться на операцию или нет? Иногда это вопрос жизни и смерти в буквальном смысле слова.

С тех пор прошло уже несколько десятилетий. Если я сейчас вспоминаю этот эпизод, стало быть, никаких трагических последствий моё решение отказаться от операции не повлекло. Повлекла бы их операция, если бы я на неё согласился? Кто знает...

Особенно тяжёлые дни мне довелось пережить в последние месяцы службы.

Вдобавок ко всем прочим неприятностям у меня образовался заворот кишок, который, в свою очередь вызвал перитонит, поскольку с операцией затянули.

Прооперирован я был 9 мая 1985 года. Пришлось удалить 1,8 метра тонкого кишечника. Операция оказалась тяжелейшей. Пришлось подключить искусственное кровообращение.

Помню своё состояние... Я лечу куда-то в какой-то трубе. Вокруг слышится многоголосье. Многие пытаются меня ущипнуть. Мне это неприятно. Лечу всё быстрее...

Врачи не скрывали, что состояние моё в те дни было критическим. А я думаю, что и более того. Клиническая смерть... Конечно, такого термина не найти в моей истории болезни, но, позже, прочитав книгу врача-реаниматолога Раймонда Моуди «Жизнь

после жизни», который глубоко исследовал этот феномен – продолжение жизни после смерти тела – я пришёл к выводу, что пережил именно её, клиническую смерть, тот момент, когда душа уже попрощалась с телом...

На этом мои злоключения не закончились. Долгое время после операции у меня не заживал шов на животе. Постоянно расползался, воспалялся. Его скрепляли, а он опять...

Поехал в Ленинград. Тот же Михаил Алексеевич Луцицкий без особого труда выяснил, почему шов не заживает и не проходит воспаление: внутри остался узелок. Не считаю себя вправе критиковать представителей той области, в которой не являюсь специалистом, однако позволю себе предположить, что не обязательно быть светилом медицины, чтобы разобраться в этом моём случае.

И, тем не менее, допуская, что врачи могут расходиться в своих мнениях по поводу лечения одной и той же патологии, иногда и ошибаться, я всё равно свято верил в профессионализм врачей, в возможности традиционной медицины. Верил несмотря на то, что бесконечно лечился в лучших госпиталях и санаториях, а здоровье моё лучше не становилось.

Всё равно себя я видел просто пациентом, полностью подчинённым воле медиков, человеком, от которого в области здоровья ничего не зависит. Если, скажем, велят тебе принимать килограммы лекарств, значит, ты обязан это делать.

Поворотным в плане принципиального переосмысления этого подхода стал для меня 1972 год, когда я в очередной раз прибыл в центральный санаторий Военно-морского флота в Гурзуфе, что на Южном берегу Крыма – теперь в основном по поводу заболевания желудочно-кишечного тракта.

Заодно я пожаловался главному врачу, полковнику медицинской службы, на

Виды Гурзуфа (из Интернета).

замучивший меня стоматит:

– Пожалуйста, сделайте хоть что-нибудь! У вас же лучший санаторий ВМФ!

Тот посоветовал обратиться к капитану медицинской службы Владимиру Широ, возглавлявшему стоматологическое отделение.

Я пошёл к нему как к обычному зубному врачу, ни на что особо не надеясь. Однако Владимир Широ оказался человеком, который, без всякого преувеличения, перевернул всю мою жизнь.

Когда я вошёл к нему в кабинет, меньше всего ожидал вопроса, который последовал после того, как он осмотрел ротовую полость:

– У вас сила воли есть?

– Вроде бы есть, – не очень уверенно ответил я, не понимая, к чему клонит стоматолог.

– Вы что-нибудь слышали о лечебном голодании? – далее спросил он.

– Так, краем уха, можно сказать, почти ничего, – ответил я.

Я действительно кое-что об этом слышал – в Таллинне, от известного стоматолога Иосифа Бельчикова, в прошлом тоже военного, ветерана Великой Отечественной войны. По поводу стоматита он сказал, что причина моих неприятностей – внутри организма, в нарушении обмена веществ. И посоветовал попробовать лечебное голодание. Правда, конкретных рекомендаций Бельчиков дать мне не рискнул, так как специально этой темой не занимался. Да если бы и дал, я не уверен, что советом воспользовался бы, так как морально явно не был готов к подобным радикальным, как тогда казалось, методам.

И вот теперь Широ спросил у меня насчёт голодания. Тоже стоматолог. Любопытное совпадение.

Владимир рассказал о личном опыте своей жены: в результате 11-суточного голодания она избавилась от пиелонефрита (воспаления почек).

– Одиннадцать суток вам сразу не потянуть, тем более, если нет рядом поддержки, а трёхдневное голодание рекомендую попробовать, – сказал Широ. – Да, прямо сейчас, здесь, у нас. Чего тянуть-то?

«Если у вас нет поддержки...» Сразу я особо не обратил внимания на эти слова Владимира, но позже убедился, насколько они важны.

Он попросил меня найти трёхлитровую банку, наполнить её

дистиллированной водой, которой хватит на три дня голодания.

– Пейте только воду, а в столовую три дня не ходите, – посоветовал стоматолог.

Деловой подход: предложил не подумывать, а сразу, так сказать, взять быка за рога.

Я нашёл банку и попросил у медсестры дистиллированной воды.

– А вам зачем? – спросила она.

Я объяснил.

– Мне надо посоветоваться, – сказала медсестра и рассказала о моей затее лечащему врачу, начальнику терапевтического отделения. Тот закатил скандал:

– Жить надоело? У него патология желудочно-кишечного тракта, а он голодать собрался! Противопоказано! Запрещаю!

Между тем, я, будучи человеком компанейским, сблизился с Владимиром Широ и его женой, даже был вхож к ним в дом.

Я извинился перед ними, что из-за меня у них могут быть неприятности, но Владимир отмахнулся:

– Ничего страшного. Обычная реакция. Все врачи обычно так реагируют.

Так благодаря супругам Широ я благополучно осуществил первый в жизни трёхсуточный сеанс лечебного голодания. Это было не так страшно, как поначалу мне казалось.

Владимир и его жена всерьёз интересовались вопросами, связанными с голоданием. Они и мне дали почитать литературу об этом, в основном «самиздатовскую».

Общаться с этой приятной семьёй пришлось даже дольше, чем рассчитывал: пребывание в санатории мне продлили, и в итоге я провёл там 36 суток. И за это время осуществил целых четыре трёхдневных сеанса голодания. То есть, получается, треть срока в санатории провёл без питания. Вопреки стереотипу: если санаторий – значит, усиленное питание.

Я не ведал прежде ощущений, которые испытал после этого. Домой вернулся совсем другим человеком. Просветлённым каким-то, что ли.

Идея лечебного голодания захватила меня целиком. После встречи с супругами Широ я уже дома регулярно стал подвергать себя более или менее длительным сеансам голодания. Продолжительностью от одного дня до восемнадцати суток.

В сущности, идея проста. Все мы регулярно делаем гене-

ральную уборку дома – вычищаем грязь и пыль из всех углов. Вот и наш организм периодически нуждается в такой «уборке» – то есть в удалении накопившихся в потаённых уголках «шлаков», остатков пищи, не усвоенных организмом и не выведенных естественным путём. Это и происходит в процессе длительного отказа от питания: организм тогда просто вынужден задействовать все эти остатки, одновременно освобождаясь от них.

Если же вводить в организм всё новые и новые порции пищи, масса «шлаков» будет только нарастать, отягощая и отравляя организм. Особенно если человек предпочитает высококалорийную пищу, объём которой превышает по своей энергоёмкости энергетические затраты, а это весьма распространённое явление.

Казалось бы, не так трудно понять эту простую истину: потреблять следует не больше энергии, чем тратишь, иначе излишки будут откладываться в виде тех же «шлаков», жира, холестерина... С риском соответствующих последствий вроде инфаркта, инсульта и т. д.

Да многие наверняка это и понимают – теоретически. Практически же следовать этому правилу большинству из нас ох как нелегко. По одной простой причине: еда является одним из удовольствий человека. Так хочется чего-нибудь вкусненького, что отказаться никак невозможно!

По-человечески это понятно. Между тем, основываясь на своём опыте, берусь утверждать, что целебное голодание доступно любому человеку. По крайней мере, 24-часовое вообще, по моему, никаких волевых усилий не требует.

В целом же классическая формула профилактического голодания такова: сутки – каждую неделю, трое суток – раз в месяц, неделя – раз в три месяца.

Правда, сам я этой схемы строго не придерживался. Для меня приоритетная цель – устранение конкретных проблем со здоровьем: какое-то серьёзное заболевание дало о себе знать, повреждение получил, или просто хандра напала, голова тяжёлая... Или вот запись из дневника, на которую опять же случайно взгляд упал: «Нервную систему надо привести в порядок. Пойду, пожалуй, на трёхдневное голодание».

Короче говоря, просто жить хочется, и жить полноценной жизнью – вот главная причина, почему я это делаю.

Надо признать, в самом голодании радости мало. Нет, дело

не в чувстве голода. Его-то как раз и нет. Просто бывает тяжело по той же указанной выше причине: еда – это удовольствие, а я ведь тоже живой человек, мне тоже хочется чего-нибудь вкусненького. А живу я не в башне из слоновой кости: у меня семья, друзья, родственники. И никто из них, увы, избранного мною образа жизни не придерживается.

И, тем не менее, некоторые лишения, которым себя подвергаешь, стоят того, чтобы потерпеть. Иначе разве стал бы я в течение более сорока лет прибегать к голоданию?

Во-первых, есть и конкретные результаты. Примеры? Пожалуйста. Когда мне диагностировали язвенный проктит и предписали традиционный двухмесячный курс лечения, состоящий в основном в приёме таблеток три раза в день, семидневного голодания оказалось достаточно, чтобы избавиться от этой патологии.

В течение четырёх лет – в конце 1990-х и начале 2000-х – врачи дважды диагностировали плохую работу печени и застой желчи в желчном пузыре, а также наличие в нём камней. И каждый раз направляли меня в больницу на операцию.

Я не игнорировал предписание, но шёл в больницу, предварительно проголодав в течение семи суток. Изучив результаты предоперационного обследования, врачи были шокированы: никаких камней в желчном пузыре нет! Как и не было. Куда же они девались? Врачи грешили на медицинскую технику. Но я-то знал, что камни рассосались в результате голодания. Конечно, врачам я об этом говорить не стал – бессмысленно.

Однажды я подхватил ангину. Общее сильное недомогание, высокая температура, да ещё прострелы в правом ухе. Пошёл к врачу за больничным, а заодно показался отоларингологу. Врач посмотрела, назначила лекарства, сделала снимок пазух носа. Следующий приём назначила через неделю, предупредив, что будет делать прокол пазух, так как они полностью забиты гноем – отсюда и головные боли, и прострелы в ухе, констатировала врач.

Время до приёма я зря не терял – все эти семь дней голодал.

Явившись к доктору и усевшись в кресло, я попросил прежде, чем прокалывать, сделать контрольный снимок – а вдруг гноя там уже нет? Мол, я ведь целую неделю усердно пил таблетки, в том числе антибиотики! (На самом деле, разумеется, прописанные мне лекарства я и не думал принимать).

Доктор ответила, что не стоит на это время тратить. Гноя так

много, что без прокалывания не обойтись.

Я человек мужественный, много чего пережил в этой жизни. Переживу и эту ещё одну маленькую операцию. Доктор надела перчатки, сестра-ассистентка подала ей большущий шприц. Небольшая анестезия, и вот шприц уже в левой ноздре. Когда он был извлечён, удивлению врача не было предела – шприц совершенно пустой! Аналогичная история произошла и с правой ноздрей. Так я лишний раз убедился в эффективности длительного голодания.

В другой раз прибегнул к тому же методу, когда мне поставили ещё более серьёзный диагноз – двустороннее воспаление лёгких. Девять суток голодания – и воспаление прошло. Как и не было. И не понадобились никакие антибиотики, обычно прописываемые в таких случаях.

Подобных примеров можно привести ещё немало.

Во-вторых, общее состояние, наступающее, как правило, после голодания. Какая-то необыкновенная лёгкость в теле, ясность в голове. Обычно заранее я не загадываю, как долго продлится голодание. Это зависит от состояния организма, от результатов. В такие дни полезно вести дневник, честно фиксируя самочувствие и прочее.

Самому длительному лечебному голоданию я подверг себя летом 2003 года – оно продлилось восемнадцать суток.

Повод – от непрекращающихся болевых ощущений в области горла до общих нервных перегрузок.

Все эти восемнадцать суток я ежедневно вёл подробный дневник, в котором фиксировал свои действия, самочувствие, а также делился сам с собой какими-то рассуждениями общего характера. Перечитываю эти записи – и вспоминается в деталях эта как бы отдельно взятая маленькая жизнь протяжённостью в восемнадцать суток.

Процитирую лишь заключительную, итоговую запись:

«4.08.2003, понедельник. Восемнадцать суток!

Личный рекорд побит в два раза. Молодец! Восхищаюсь собственным мужеством, упорством, оптимизмом и верой.

Оглядываюсь назад и с трудом верю, что это мог сделать я – слабый, порочный человек, проживший много десятков лет в невежестве, в заблуждениях, подверженный чуть ли не всем человеческим порокам, себялюбец и эгоист, до дикости ревнивый, и вместе с тем страстно увлекающаяся натура...»

Следует признать, что длительные голодания порой тяжелее

После завершения 18-дневного голодания. Самочувствие хорошее.

в моральном отношении, чем физически. Не раз убеждался, как прав был капитан медицинской службы Владимир Широ в гурзуфском санатории, когда, говоря о голодании, между делом упомянул о желательности моральной поддержки со стороны близких.

Увы, у меня такой поддержки не было. В своих дневниках я фиксировал, как жена и дочь (сын живёт в Санкт-Петербурге) рыдали, умоляя меня прекратить истязать себя. Они считали, что я истязую себя вместо того, чтобы нормально лечиться, если у меня какая-то болезнь. Нормально – значит, ходить к врачам, выполнять предписанные процедуры, принимать лекарства...

Понять родственников, наверное, можно, тем более, когда речь идёт о действительно серьёзных заболеваниях вроде воспалений лёгких. И мне действительно порой бывало во время голодания очень скверно. Бывало, ночью даже щипал себя, чтобы не уснуть – боялся умереть во сне...

Понять близких мне людей можно, но как я мечтал, чтобы и меня понимали! Увы... А ведь хотя бы попытаться сделать это стоило бы. Особенно учитывая тот факт, что избранный мною метод исцеления даёт реальные результаты.

Человек я эмоциональный, и написал в дневнике на эмоциях, что в два раза превысил личный рекорд длительности голодания. На самом деле, конечно же, это не самоцель – устанавливать рекорды, во что бы то ни стало продержаться без еды на несколько дней больше, чем в предыдущий раз. Просто чем продолжительнее голодание, тем глубже очищение организма, оздоровление, омоложение. Тем свежее, яснее голова.

Дело даже не только в самом методе целебного голодания как таковом. Ещё при общении с супругами Широ я сделал для

себя важнейшее открытие, а впоследствии всё больше убеждался в его справедливости.

Путь к здоровью надо искать самому, не уповая слепо только на врачей, на прописываемые ими пресловутые таблетки. Искать – и действовать. Грамотно, с учётом особенностей своего организма.

Естественно, речь не идёт о том, чтобы полностью отвергнуть традиционную медицину, мы же разумные люди, понимаем, что во многих случаях без её возможностей не обойтись. Но и уповать только на традиционную медицину, не желая утруждать себя, тоже нельзя, если хочешь быть здоровым человеком.

Словом, я искал свой путь. Увлекателен, кстати, сам процесс. Вначале двигался как бы на ощупь. Но постепенно отыскивал собственную тропинку. Обретал уверенность в том, что избранный мною путь – правильный.

В моём эпистолярном архиве есть много писем от моих родственников и знакомых, в которых затрагивается тема здоровья. Как правило, это жалобы на болезни свои и домочадцев, печальные новости о пребывании в больнице и т. д. Я тоже, когда был повод, касался в своих письмах этой темы. Но обычно в другой тональности. Одно из таких писем я процитировал в самом начале главы: «Мне хочется жить здоровым. И я буду здоровым!» Несмотря ни на что.

Или вот ещё, из письма маме и сестре Люсе:

«...Вот уже четвёртый месяц пошёл, как стал регулярно бегать. Это, пожалуй, то, чего мне не хватало для окончательного восстановления здоровья. Я ведь люблю хорошо покушать. А всё съеденное надо активно перерабатывать. Организм не справ-

О моём личном опыте в области здоровья писали и в газетах. Одна из статей опубликована в октябре 2005 года в эстонском издании «Здоровье для всех».

ляется, отсюда и различного рода осложнения. А сейчас вроде бы найден в определённом смысле оптимальный жизненный вариант. Чем больше перебираю с едой за столом, тем больше стараюсь увеличить физическую нагрузку – чтобы всё перегорело. Кажется, получается...»

Конечно, несмотря на все свои грандиозные старания, абсолютно здоровым человеком я не стал. Но в целом мой опыт по этой части, несомненно, положительный. Рассказывая о том, как я формировал здоровый образ жизни, должен подчеркнуть важную вещь. Речь идёт не только о физическом здоровье, но и о духовном обновлении. Последнее не менее, а может, и более важно.

«Внутренняя грязь – это ещё страшнее, чем грязь наружная. Поэтому тот, кто очищается только снаружи, остаётся нечистым внутри, похож на гробницу, украшенную блестящей живописью, но внутри наполненную мерзопакостью» – это цитата из Евангелия Мира Иисуса Христа. Здесь имеется в виду духовное очищение. Но то же самое можно сказать и о физическом очищении организма.

Выше я отметил, ради чего подвергаю себя длительным голоданиям, и вообще много работаю над тем, чтобы быть здоровым: просто жить хочется. Я бы и так сказал: жить хочется просто (с акцентом на последнем слове). То есть, в равновесии с окружающим миром, с окружающими людьми и с самим собой, не раздражаться по пустякам, не создавать себе и другим проблемы на ровном месте... Конечно, абсолютной гармонии в этой сфере достичь крайне трудно, а может, и невозможно, мы же все живые люди, но стремиться к ней можно и нужно.

Из писем

В этой подборке – обзор писем, написанных мне, моей семье и мной в 1970-е и в первую половину 1980-х годов, до увольнения со службы в отставку.

Мама – нам:

«Ох, как давно я не бралась за письмо. Кажется, пошла целая вечность. Посылаю вам самый искренний сердечный привет и материнский поклон.

Начну письмо с ответа на твоё, сын, письмо, на которое я ещё не ответила по причине своей тяжёлой болезни. Как хорошо, что вам обещают квартиру, а то пойдёт Аля учиться, надо же поставить ему письменный стол, а у вас ведь нигде.

Эдинька и Алла, не обижайтесь, что я не выслала вам обещанной посылки, всё лежит в ящике. Ты ведь знаешь Люду, она говорит, неудобно такую посылку посылать, надо ещё что-нибудь купить. А что? Я ведь не знаю, в чём у вас острая нужда. <...>

Аллочка, ты на меня не обижайся, ведь я считаю тебя за дочь, а дочерям всё говорят в глаза, и они не обижаются. Я клянусь своей жизнью, что желаю вам обоим только добра. Живите дружно, у вас дети такие хорошие.

Аллу, Эдинька, не обижай. Всё будет хорошо. У вас всё должно быть хорошо.

<...>

Але купили машинку, Люда связала носочки Вике, ещё кое-что купили. Теперь уже обязательно посылку отошлём...»

(16.01.1970)

Анатолий (муж моей сестры Люды) – нам:

Получили от вас поздравление и посылочку. За то и другое большое спасибо.

<...>

Эдя, у меня к вам большая просьба. Хотел преподнести жене подарок к 8 марта – болоньевый плащ. Ездил в течение двух недель в город. Есть все размеры, кроме 46-го, который ей нужен.

Если будет возможность, то купи, пожалуйста, плащ болонью, 46 размер, рост 1-й или 2-й, цвет синий, чёрный или коричневый.

Ждём заказ в течение двух недель. И телеграммой сообщу в отношении денег, немедленно вышлем.

Хотели сделать подарок Олежке – купили с Люсей коньки, ботиночки 33 размер. Но мама говорит, что они будут ему велики, пришлось сдать обратно в магазин. А меньших размеров пока нет. Если будут, купим...»

(23.02.1970)

Мама – нам:

«...Эдинька, а почему вы не сообщили, получили ли нашу посылочку?

Значит, дети мои, ничего у вас с квартирой не получается. Плохо, ведь ваши дети подрастают. Аля в школу пойдёт, ему нужен свой уголок, да и тебе, Эдинька, надо где-то заниматься. Придётся Але ставить письменный стол к окну в большой комнате, больше нигде.

А если вы думаете делать капремонт, то как же ваша кроха? Это ведь надолго, а ремонт – это запах краски и сквозняки.

Значит, Викуленька начала ходить? А говорит что-нибудь? Что именно и как? Это ведь самый интересный возраст у детей. Полненькая она или нет?

Аллочка, опиши мне всё о детках, очень хочется знать, как они растут.

А как у тебя здоровье? Значит, мама обещает приехать – это хорошо. , отдохнёте немного, с мамами вообще хорошо. <...>

Алла, где будете лето проводить? Приезжайте к нам, вот было бы радости у всех.

Аллочка, напиши размеры Викушкины. Здесь есть малюсенькие валеночки фетровые, надо брать, пока есть, а то потом их не найдёшь. <...>

Обо мне не беспокойтесь, главное – берегите друг друга». (без даты)

Л. П. Затопляев – мне:

«...Особого удовлетворения от работы не ощущаю («папа» работал директором школы для заключённых в колонии – прим.) Уж слишком малые надежды на результаты труда. А зачастую эти надежды опошляются высоким процентом успеваемости: получается, в наших условиях учатся лучше, чем на воле. Вот такой абсурд. Вывод: не нужно выполнять домашние задания, не надо вообще иметь желания учиться – а учиться будешь лучше. <...>

Такая же история была с награждением юбилейной медалью. Приказ: наградить 9% от всего коллектива. Вот завод СК: получилось 1200 медалей на него. А кому давать? Большая текучка кадров, большинство работают от 1 года до 3 лет. И давай лепить...

Этот же процент распространяется на школы, институты. Получилось, что из 9 профессоров получил медаль только 1. Или школа базовая, куда без конца приходят учиться мастерству, там каждый учитель – «Отличник народного просвещения», но только 1 из 9 мог получить медаль.

Ленин не терпел такой уравниловки, а у нас она процветает...»
(23.04.1970)

Л. П. Затопляев – мне:

«...Сегодня рано утром Юра (сын Л. П. – прим.) поехал служить в армию. Я никогда не видел такого скорбного и безумного зрелища. Отправляют в первом часу ночи. И вот у ворот военкомата собирается толпа полупьяных или совсем пьяных людей – поющих, орущих, плачущих и т. п. Различного рода музыка, откровенные прощания с девушками – всего не опишешь.

И вот через мегафон подаётся команда о посадке. Солдат с рюкзаком лезет к двери автобуса, и его подсаживают все 10-15 человек провожающих. Образуется пробка. Никто не может сесть. Кто как пробивается в машину, рюкзаки бросают в окна, и слышится команда об отходе машины (сколько в неё село – неважно).

Сплошной визг. За этим автобусом устремляются десятки мотоциклов, а эти автобусы кружат по городу, чтобы окончательно избавиться от сопровождающих. Грузятся в вагоны также, где попало. На войну провожали легче...»

(без даты)

Я – Олегу Коренькову:

«Посылаю тебе письмо, которое почему-то вернулось назад. Мне кажется, тебе будет интересно его почитать. Хотелось бы получить на него ответ.

Ушаковы говорят, что ты очень хочешь уйти, куда угодно, лишь бы скорее. Мне кажется, такая возможность может представиться в ближайшие три-четыре месяца. Если ты действительно хочешь уйти, тебе лучше подъехать сюда.

Понимаешь, Олег, это слишком серьёзный вопрос, и решать его заочно не очень хорошо. В письме всего обсудить нельзя. <...>

Мне лично работа нравится. С утверждением штатов, вероятно, будет повышение. Тебе же снова придётся всё начинать с азов...» (без даты)

К сожалению, у моего друга Олега с какого-то момента всё пошло как-то не так, о чём напоминает вот это письмо от Маргариты Михайловны. Впрочем, там есть строки, касающиеся и важного эпизода в жизни нашей семьи – приобретения не новой, правда, машины: «...Вчера получили от вас третье письмо, большое спасибо за вашу память. <...>

В предыдущем письме ты, Эдик, просил купить тебе кое-какие запчасти. Владимиру Алексеевичу кое-что там непонятно, но он всё выписал на листок, будет наведываться в автомагазин. <...>

Правильно вы с Аллой сделали, что купили эту машину. Иначе её вам не купить, а потихоньку ты её приведёшь в надлежащий вид, и будете ездить. <...> Посадишь свой «колхоз» и поедете куда-нибудь. <...>

23 мая мы проводили Олега на Камчатку. Всё же его поведение не на достойной высоте, как по отношению к себе, так и к своим товарищам, да и к работе он относится так, что чем скорее выгнать с флота, тем лучше. Но, надо сказать, на гражданке ему будет трудно, ведь он привык сорить деньгами, а тогда их не будет.

Перед отъездом опять выкинул такой трюк, что мы не спали всю ночь, а в 5 часов утра надо было его поднимать, так как в 8 ч. 20 у него самолёт. Можете представить себе наше состояние.

Моё дело маленькое, но надо всё же сказать, это подло и некрасиво с его стороны. Нашёл себе женщину – жену своего товарища, и, как видно, она его слишком увлекла, потащил её с собой в Крым...»

(13.06.1970)

Мама – нам:

«...Не писала долго по одной причине: очень волнуюсь, когда начинаю вам писать. Писать не то, что думаю, не умею, а писать всё, что нагромождается в голове, – значит, опять доставлять вам волнения и обиды. <...>

Устала я, сынок, от этой жизни, да и мучает меня то обстоятельство, что с Аккой сложилась такая обстановка, а я скучаю по вас до предела всех моих возможностей.

Возможно, зимой побываю у вас. Живу с вами в своих мечтах и снах. Вы не думайте, что если не пишу, то не думаю о вас. Ещё как думаю. <...>

Эдинька и Алла! Анатолий и Люда хотели бы побывать в Ленинграде, потом у вас дней 5. Я не знаю, как вы посоветуете – есть ли смысл затеваться с пропуском, напишите. Очень им хочется посмотреть, как вы живёте, повидаться, поговорить. Будет ли в это время дома Аллочка с детьми? Ведь они и хотят приехать, чтобы повидаться с ними. Ехать они хотят через Ленинград и побыть там 2-3 дня. Эдинька, нет ли у тебя там какого-нибудь не очень занятого товарища, который был бы у них гидом? Они ведь ещё нигде не были, вот бы он и сводил их в самые знаменательные места. Остановятся они, наверное, в гостинице аэропорта. Ну, а насчёт средств... Толя таким желанием горит побывать у вас, что взялся работать по нарядам после своей основной работы.

Правда, у нас у всех поизносились зимние пальто, но это беда небольшая, купим, а может, и в старых ещё перебьёмся.

<...>

И ещё: обо мне не тревожься. Если будет со здоровьем очень плохо, то сообщим, а сейчас я чувствую себя нормально. Вот только скучаю очень по вас, особенно по внукам.

Может быть, вы приедете всей семьёй на будущий год? Эдя, пусть Алла хоть несколько строчек напишет в твоём письме, я буду знать, что она не обижается.

<...>

Сообщите, как решён вопрос с оформлением машины. А долгов очень много у вас? Напиши, сын, маме. Конечно, иметь свою машину очень хорошо. Олежка, наверное, в восторге, когда едет в машине?..»
(03.08.1970)

Л. П. Затопляев – мне:

«Получил от тебя письмо. Очень рад тому, что ты сумел перестроить своё время. Увлечение работой – хорошо, но и жизнь нужно видеть.

Конечно, в расчёте рабочего времени большую роль играет опыт, рабочая грамотность, которая у тебя с каждым годом накапливается, оттачивается. Тем более, ты подходишь творчески и, в конце концов, у тебя всё пойдёт по правильному руслу.

Правда, у нас ещё кое-где смотрят на руководителя как на способного тогда, когда он загружен по горло и захлёбывается в работе. А если он умело справляется, организован, быстро всё успевает, то считают, что он мало работает.

Вот как у меня на работе. <...>

Твоё высказывание о «маменькином сынке» меня встревожило. Фундамент характера закладывается в дошкольном возрасте. Алла – умная женщина, и ты должен её убедить, если она неправильно воспитывает. В конце концов, если не найдёте общего языка в этом вопросе, пострадаете не вы, а Олежка. Я имел в этом плане опыт с Юркой. У нас всё время были из-за него скандалы. Зоя считала, что я отношусь к нему, как к чужому. В конце концов, я плюнул и не стал вмешиваться. Результат такого «воспитания» ты знаешь...»

(без даты)

Лена Зиновьева – нам:

«Наконец-то собралась вам написать. Почему так долго молчала? Даже не могу объяснить толком. Впрочем, причины были. <...>

Аллочка, у меня к тебе просьба. Посмотри, пожалуйста, в вашем универмаге нитки. Меня интересуют недорогие нитки типа «ириса», штопки, х/б нитки вязальные и т. п. красивых (ярких) цветов. Ведь я теперь занялась своей машиной вплотную. <...> Особенно посмотри х/б нитки и штопку. Какая-то бывает штопка по 50 г моток за 18 коп., очень красивых расцветок.

У нас она, говорят, когда бывает, то за ней давка хуже, чем за японскими зонтиками. Ведь у нас вся Москва вяжет вообще и, наверное, 0,5 Москвы – на машинах.

Кстати, насчёт зонтиков. Японских, наверное, не достать: их нет даже в валютном. Я видела в магазине с длинной ручкой, но с красивой «шапкой» из нейлона, по-моему, наши – 18 руб. Не знаю, нужен ли тебе такой. Это было в январе.

Ещё напиши размеры обуви у ребят. Вдруг будет что-нибудь импортное? Буду брать, а там сама решишь, оставить ли себе или кому-нибудь отдашь». (01.03.1973)

Лена Зиновьева – нам:

«Что у вас случилось? Почему молчите? Где вы находитесь?

Аллочка, частично выполнила твою просьбу (купила для Вики туфельки, размер 16) и не знаю, куда выслать. Может быть, есть смысл отправить их в Ростов?

Ещё купила симпатичную трикотажную рубашечку для неё. Правда, боюсь, не мала ли будет, а других размеров не было. Зато рисунок такой, что должен иметь успех в вашей семье, а главное, в городе, поэтому я решила взять. А если Вике не подойдёт, я думаю, что желающие на неё у вас найдутся. Стоит она 2 руб.

Для Олега ничего интересного не нашла пока. Наверное, в следующий раз надо мне просто сразу брать что-либо хорошее, а ты там решишь. А то пока я жду от тебя ответа, всё исчезает. Ведь детская хорошая обувь – это такой дефицит.

Я предполагаю, что Алла может быть уже в Ростове. Поэтому, Эдька, напиши ты, куда мне отправить всё это. И что делать с оставшимися 9 руб.? Оставить у себя на случай или тоже переслать вам?

Теперь я смогу искать что-либо только осенью, наверное, так как уезжаю на дачу и буду бывать в Москве редко...

(06.07.1973)

Маргарита Михайловна – нам:

«...Эдик, у меня к тебе большая просьба. Может, ты мне купишь две 3-литровые банки мёда? Если да, то напиши открытку, и я тебе телеграфом переведу деньги. А если будет оказия в Ленинград, может быть, ты их передашь с кем-нибудь?...»

(без даты)

Л. П. Затопляев – мне:

«Прости, что в такое время и долго не писал тебе. Не хочу скрывать: несколько раз пытался писать, но не знал, как.

Последнее твоё письмо для меня очень печальное. Я ждал ещё одного, в котором будет более ясно об анализах, о состоянии... Не знаю, что почувствовала милая Алла, получив такое письмо, а для меня это был удар в несколько мегатонн... Я верю, что ты сможешь восстановиться и выйти победителем.

Я много раз и подолгу лежал в больницах и считаю, что самое главное – никого не слушать, быть уверенным в себе, верить и не надламываться. Беда наша в том, что мы иногда знаем больше врачей, и это плохо. <...> Обидно, что они от тебя многое скрывают и неправильно лечили, но ещё обиднее, что, зная твоё состояние, тебя посылают в долгие командировки, противопоказанные тебе. Если они об этом не думают, то об этом должен думать ты (хоть это и военный приказ). Думается, что тебе надо избегать нервных перегрузок всеми путями.

А эта работа, которую ты собираешься начать, – очень большой труд, большая нервная перегрузка, требующая большого самообладания при разочаровании.

Я считаю, что сейчас самое главное – думать о здоровье, а стремиться какую-то работу делать «на подсосе» (как говорят шофёры) не нужно. Это моё мнение.

Не знаю, где ты сейчас, и получишь ли это письмо, но хотелось бы быстрее узнать подробности и результаты. Не уходи в болезнь, не поддавайся настроению, мой дорогой...» <...>

Смотрю снова «Семнадцать мгновений весны». Фильм поставлен удачно. Поражаюсь (всегда) этой обстановке недоверия в высших кругах.

Книги читаю, какие принесут. Прочёл «Динка» Осеевой, не пропустил Купера.

P.S. Может быть, мне прилететь к тебе?»

(07.12.1973)

Мама – мне:

«...Лекарство получила, спасибо, родной, оно мне помогло, при возможности закажи ещё, особенно эти индийские таблетки. Здесь нет никакой возможности их достать.

Людя прошла обследование – обнаружили песок в печени, назначили лечение. Анатолий прошёл первый курс лечения, сейчас перебив. Пока вроде в семье налаживается, девочки учатся неплохо.

Вручили нам повестки на снос, но куда попадём, вопрос ещё решается в «верхах». <...>

Дорогие мои Алла и Эдик, я уже писала вам, кое-что просила, вышлите, пожалуйста: градусник плавающий для аквариума, книгу «Домашний аквариум», мне тапки 39 размера, на войлоке или ещё на чём, только не на резине. Алла, пожалуйста, не обижайся на мои просьбы, здесь действительно нет того, что я прошу. Если сможешь, купи 2 мотка мохера, какой был в Кейла. Деньги я вышлю.

Здесь трудно, очень трудно и с питанием, даже с молочными продуктами бывают перебои. <...>

Подходит очередь на холодильник, осталось 11 человек. А то замутились без холодильника, тот совсем отказался работать.

Алла, если что надумаешь новое продать или перепродать, высылай, продам, а старьё здесь совсем не берут...»

(26.10.1974)

Мама – нам:

«Эдинька, письмо твоё получила. Реально представляю, как вам досталось с ремонтом, но что надо, то надо. Рано или поздно, а его

пришлось бы делать. Я рада за вас. Рада за Олежку, что он посещает бассейн. Это укрепляет здоровье. Наверное, выросли оба. А Викуля как? Растёт маме помощница.

Дети взрослеют, а у родителей прибавляется забот и тревог.

Эдинька! Я забыла тебе написать, что 31.12. у дяди Коли юбилей, 60 лет. Если успеешь, пошли телеграмму поздравительную. Мы собираемся 31.12 проводить его на заслуженный отдых».

(28.12.1974)

Мама – мне:

«Родной мой сын, большое сердечное спасибо тебе за письмо.

Разделяем вашу радость по поводу присвоения тебе звания (капитана 2 ранга – **Э.М.**). Ну, а я откровенно говорю, что это моя материнская радость и гордость. Я горжусь тобой! Спасибо, сын, желаю вам с Аллой больше иметь в жизни приятных событий, и чтобы как можно меньше было огорчений.

Эдинька! Рада, что дома у вас всё нормально. А вот на нашу семью какая-то напасть напала. Переболели все гриппом, а мы с Леной до сих пор киснем. Такой был тяжелейший грипп, почти пять дней держалась температура 39, такая страшная головная боль, а потом осложнения... <...>

Господи, как я рада, что вы хоть влезли в кабалу, но взяли гарнитур. Ну и что же, что дорого, сейчас приличную вещь не возмёшь дёшево. Молодцы! Конечно, трудновато будет, зато избавились от этой «скрипучки», не будете теперь спать, как на кочках, и пылы будет меньше. Правильно сделали, я одобряю.

Если у Лены всё будет благополучно, то Люся с Леной где-то в конце марта (в весенние каникулы) хотят посетить Ленинград и дня на 3-4 заглянуть к вам. Думаю, что с вашей стороны не будет возражений. Как только всё решится, напишем насчёт пропуска...»

(14.02.1975)

Мама – нам:

*«...У нас в семье постепенно всё налаживается. Вызывали их обоих – беседовали, сделали внушение, но не развели. Оказывается, развестись не так просто. (Речь о сложных отношениях моей сестры Люды и её мужа Анатолия – **Э.М.**)*

Анатолий был 15 дней в командировке. Завтра будет месяц, как он устроил «бунт». Сейчас не пьёт. Видно, сильно переживает

Дорогой сестричке на добрую память. 20.2.1975 Палдиски

разрыв с семьёй. Похудел. Больше молчит. Я не вмешиваюсь. Как хотят. Может, образумится.

Скорей бы уж решился квартирный вопрос. Большую роль играет и то обстоятельство, что рядом его родня – братья, мама, которые жалеют его и частенько угощают стопкой.

На работе у него нормально. Был у нас его начальник, беседовал с ним, с Людой, с девочками. Говорит Люсе – нельзя его сейчас оставлять одного, без семьи, совсем пропадёт человек. Может быть, он и прав. А я думаю, всё зависит от Анатолия, от него самого.

Боже мой, как я устала от этого от всего, не высказать.

Алла, я писала насчёт пальто, вышлите, пожалуйста. Рису надо, а вот если будет ёлочный дождь и мишура, вышлите, пожалуйста. Как только пришлют извещение на переселение, я вам сообщу. Почему не пишут мне Алла, Олежик?

Пишите, не обижайтесь, кто знает, когда придётся пови-
даться».

(без даты)

Мама – нам:

«Большой вам сердечный материнский привет.

Да, Эдя, квартирный вопрос откладывается, не менее чем года на два, но ведь не всегда всё делается так, как хочешь. Здоровье моё действительно резко ухудшилось. То, что здесь похуже с питанием – это одно, а основная причина – это сложившаяся обстановка в семье. Так было плохо, что и не высказать. Сейчас вроде бы наладилось, но это же не проходит бесследно. Трудно, а мне с моей ранимой нервной системой совсем тяжело. Жизнь проходит неуютно и безрадостно.

Спасибо большое вам обоим за то, что не возражаете против моего временного приезда к вам. Думаю, что как только Таня с Леной окончат школу, и определится их дальнейшая учёба, да и я немало оправлюсь от своих болячек, то обязательно приеду к вам погостить и отдохнуть.

Да, ты прав, сынок, всё будет хорошо. Я уверена, что мы с Аллой поймём друг друга. С моей стороны многое было передумано. Да и что, в конце концов, нам делить, сколько там моей жизни осталось.

Эдинька и Алла, Лена с Людой так остались довольны вашим приёмом, так понравилась ваша семья, взаимоотношения. А о детях Лена всё время так вспоминает и говорит: «Умные ребятки у дяди Эди и тёти Аллы».

(24.04.1975)

Мама – мне:

«...Эдинька, не обижайся, родной, что пишу редко. Жизнь моя проходит однообразно, писать о её неуютности не хочется, а порадовать тебя нечем. Год сложился для меня тяжёлый, сказалась та

обстановка семейной жизни, в которой мне пришлось жить. Глава семьи по-прежнему не перебесился, правда, сейчас не буйствует (серьёзно предупредили), но напивается до невменяемости. Боже мой! Какое надо иметь терпение. Люда сжала свои нервы до предела и пока вынуждена со всем мириться, пока хоть как-то устроятся девчонки. Ну, а я, мать, сам понимаешь, не могу вот так просто бросить всё и уехать. Кто же, кроме меня, поддержит её хотя бы морально.

А тут ещё затянулся квартирный вопрос.

Пишу я тебе, Эдинька, редко, но я в мыслях всегда с тобой: возжусь ли на огороде, занимаюсь ли домашними делами, всё время мысленно разговариваю с тобой. Часто дома бываю одна, временами сплю очень плохо, так что времени для размышлений много, к тому же ещё не снят запрет читать, смотреть телевизор.

Теперь уже, Эдинька, могу тебе написать: на почве сильного нервного потрясения (когда Анатолий всё переломал и перебил), да ещё перенесённого тяжелейшего гриппа в январе – было осложнение. Ну, что такое головная боль, тебе, сынок, известно, ты сам этим страдал, но это было что-то ужасное, я думала, с ума сойду, а потом начали понижаться зрение и слух. Лечили, кололи... <...> Окулист выписал капли, но предупредил, что достать их трудно. Это французские капельки, которые приостанавливают помутнение хрусталика глаза. Как вернёшься домой, я тебе вышлю рецепт, может быть, сумеешь достать. <...>

Рада, Эдинька, за тебя, что дома у тебя всё благополучно. Приятно и то, что у Али нет троек, дальше будет сложнее.

Вот видишь, сынок, какое скучное получилось письмо...»

(17.06.1975)

Лена Зиновьева – нам:

«...Представилась возможность побаловать ваших детей столь любимой этим привилегированным классом жевательной резинкой.

Очень надеюсь, что этот атрибут «тамошнего» мира не скажется на идеологии нашего молодого поколения, и у него с вашей родительской помощью не сложится мнение вроде того, которое я как-то услышала от одного 5-летнего молодого человека: «Я хочу быть капиталистом, чтобы ездить за границу. У них там хорошо, потому что там продают жвачку, а у нас нет».

Ну, а чтобы они сами кое-что поняли, пусть попробуют эти зелёные австралийские конфеты и сравнят с нашей самой дешёвой карамелью. На мой взгляд, наша карамель значительно вкуснее!

Ещё очень хочется надеяться на то, что доброе расположение Олежки и Вики к т. Лене не окажется в зависимости от этого её примитивного внимания к ним.

Всё это, конечно, шуточки, хотя к ним и следует относиться не столь легкомысленно. В моей жизни есть пример, когда свой авторитет в глазах семилетней дочери моей близкой подруги мне удалось завоевать только благодаря паре пластинок этой самой жевательной резинки. Правда, к счастью, это единственный случай.

Ну, ладно, ребятки, не обижайтесь. Просто очень хочется, чтобы у нас в стране были хорошие добрые люди. А это, я отлично понимаю, зависит не от количества сжеванной ими в детстве заграничной резинки...»

(17.07.1976)

Мама – нам:

«Дорогой мой сынок! Наконец-то получила от тебя письма – одно и второе. Нет, родной, я не обижаюсь. В начале июля я получила от Акки два письма, так что была в курсе ваших семейных дел.

Да и обстановка в Люсиной семье была очень тяжёлая. Анатолий уходил из семьи, Люда это переживала очень тяжело (с её-то сердечным заболеванием). А обо мне и говорить нечего. Поэтому старалась никому не высказывать своего горя и ни во что не вмешиваться.

Сейчас он вернулся, внешне вроде всё нормально, но вот дети... Девочки пока с ним молчат, похудели обе, раздражительные. Особо Таня. <...>

Девочки завидуют Олежке, что у него такой папа. В свои годы он уже познакомился с тем, о чём они только мечтают.

Вот и хорошо, что вы поехали на машине. Может, расход тоже немалый, но зато впечатлений много. Да, отпуск у вас получился «смешанный». Конечно, это всё утомительно, но самое главное, что всё кончилось благополучно – это основное.

Правильно, что не написали мне заранее о своём автопутешествии, а то бы я совсем разволновалась, ведь столько дорожных происшествий. Слава богу, что у вас всё обошлось, и машина выдержала испытание...»

(23.08.1976)

Л. П. Затопляев – мне:

«...С 15 по 17 октября был участником встречи ветеранов Краснознамённой 364-й Тосненской стрелковой дивизии, посвящён-

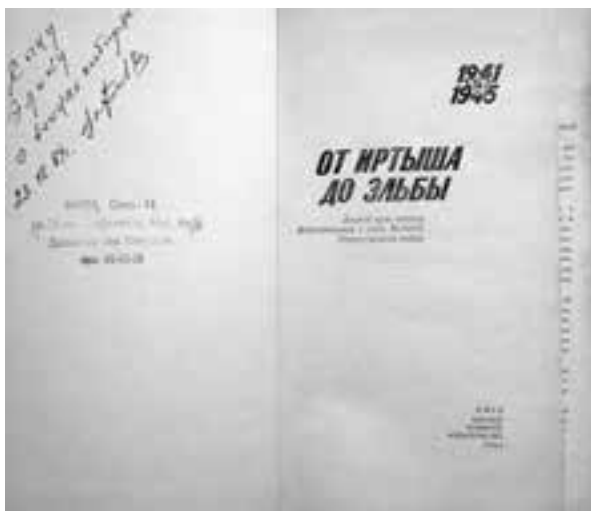
ной 35-летию со дня её формирования. Впечатление огромное! Эта встреча дала повод вновь убедиться: какие колоссальные потери мы понесли в эту войну! Наша Сибирская 364-я дивизия отправилась на фронт в августе 1941 года, имея 18500 бойцов и командиров. Дивизия, единственная из девяти сибирских, дошла до Берлина и участвовала в его штурме. Сколько солдат и офицеров пополнило её ряды за 4 года?! Мы не можем даже вообразить... Погибали не только в боях, но умирали и после боёв в течение тридцати одного года (только последних наша статистика не учитывает!)

Так вот: сейчас в живых от всего воображаемого количества бойцов и командиров осталось... 426 человек! Вот она – картинка военных потерь, о которых наши дети и внуки не знают, и им об этом не говорят...

Приехали на встречу 203 человека из Москвы, Ленинграда, Белоруссии, Мурманска, Хабаровска и других городов. Никто никого не узнаёт. Только в процессе разговоров кое-что проясняется. Все уже старые, дряхлые, больные, только в глазах огонь воспоминаний о былом...

Уже многое сделано для создания музея дивизии. Большую работу проводят школьники. Все довольны, что хоть под конец их жизни об участниках войны стали на деле вспоминать...»

(без даты; очевидно, октябрь 1976)

В письме Лев Павлович упоминает о с воём участии во встрече с однополчанами из 364-й Тосненской стрелковой дивизии. Позже он подарил мне изданную в Омске книгу «От Иртыша до Эльбы», одна из глав которой посвящена боевому пути этой дивизии.

Маргарита Михайловна – мне:

«Большое тебе спасибо за такое большое и очень интересное письмо. Мы его читали коллективно и с большим интересом. Особенно полезно было почитать будущим родителям и подумать, как надо уделять внимание своим детям.

Читая твоё письмо, я вспомнила о прошлом, когда мне так трудно приходилось с Юркой, ох как трудно.

У вас с Аллой всё впереди. Не хочу пророчить, но трудностей будет ещё много. <...>

Наши не согласны с твоим мнением в отношении Карпова. Карпов заявил авторитетно, что приложит все силы, чтобы удержать титул, и мы ему очень симпатизируем, а не этому зазнайке Фишеру.

(Как известно, Анатолию Карпову в 1975 году был присвоен титул чемпиона мира по шахматам без матча с Робертом Фишером ввиду отказа последнего от поединка. Очевидно, это письмо написано во время переговоров о проведении матча этих шахматистов в 1976 или 1977 году, который тоже не состоялся – Э.М.)

В журнале «За рубежом» есть большая статья о Фишере. Как найду, так вырежу и вышлю.

Эдик, когда будешь в Ленинграде? Очень хочется тебя видеть, говорить с тобой...»

(без даты)

Л. П. Затопляев – мне:

«Спешу сообщить тебе, что Совет организации встречи учащихся нашего класса решил провести её 26 февраля 1977 г. Будут высланы официальные приглашения.

Возникла большая трудность с розыском бывших учащихся, особенно девочек. Подключили адресные бюро, газеты, радио, старые адреса выпускников (эти у меня есть). Пока нашли 16 человек. <...>

Напиши, будешь ли на встрече и какого содержания вызов нужно выслать для твоего начальства...»

(18.01.1977)

Восьмилетняя дочь Вика – бабушке (моей маме, которая была тогда в Палдиски):

«Здравствуй бабушка! Получили твоё письмо. Спасибо за палзунки и за штанишки! Мы были 2 раза на дону. Сиводня решили пакататься на корабле! Бабушка вам папа сказал, чтоб мой цветок

тоже паливать? У нас тепло но идут дожди. Скажи девочкам что я приеду 16 августа. Ходили в кино на «Приключение кота в сапах». Очень хорошее кино мне и Алегу очень понравились. Вот я сейчас пешу а дождь идёт!

Вот пака всё. До свидание. Вика»

(19.07.1977)

Вика – бабушке:

«Получила 2 письма. В сад ходили два раза. Получила куклу бу-
мажную! Спасибо.

Знаеш теперь у меня 3 вырезных кукол. Я веть познакомилась с Галей с соседкой. Ей нинужна эта кукла она мне её и отдала. И бабушка отдала.

Мы раз ходили на дон 1 раз искупались поели, апотом как ли-
нёт дождь все с пляжа и ринутя кто куда! И нимножко град был
не токой, как у нас! Больше! А мы под мост. А там дырки только
издырок грязь тикёт, слава богу, не на нас. А аказывается у меня не
такое и горло плохое после этого дождя у нас всё было нормально.
Не кто не заболел. Миня насильно есть не заставляють сколько хочу
столько и ем. Но конечно и не мало. Я каждый день читаю. Басанож-
ки те которые вы с бабушкой купили те я ношу где мне нимножко
трёт я одиваю носки и в носок ваты, и всё нормально. Я мою руки
очень часта как поглажу Малышку так и вымою.

Вот пока всё! До свидание».

(30.07.1977)

Мама – нам:

«...Доброго вам здоровья, его-то как раз и не хватает в наших
семьях. Господи, какое-то наказание!

Дела немного подобрались, осталось капусту засолить. Да Люде
достается на двух работах. Ну, а молодёжь? Молодёжь плохо помо-
гает, устают. <...> Анатолия нет, опять «живёт для себя». Так
что, Эдинька, ничего о нём не пиши. Это такой мерзавец... Как уз-
нал, что Люда серьёзно больна, так ушёл из семьи. Люда сейчас вро-
де немного отошла, спокойнее переносит этот уход. Устала она от
него в полном смысле. Ну, а я – пока держусь, я ведь, сынок, привыч-
ная к лишениям и невзгодам.

Эдинька, очень меня встревожило твоё письмо о здоровье семьи,
и особенно Аллы, это просто какое-то наказание. Первые дни ходила
с мыслью дать тебе телеграмму, чтобы высылал пропуск, а потом

пришла к такому выводу: увольняться ей надо, успокоиться и посидеть зиму дома, подлечиться. Очень вас обоих прошу – послушайте вы моего совета, а во-вторых – Алле надо на время забыть про капрон, одеваться теплее. Да, Эдинька, вполне тебя понимаю: самое тревожное в семье – это болезнь. Никакая работа не в тягость, когда все в семье здоровы. Ну, а как ты сам выстоял? Ведь твоё здоровье тоже не особенно хорошее. Как себя, сынок, чувствуешь? Теперь, Аллочка, напишу, как мои дела в отношении продажи шмоток. Костюм продала за 45 р., а вот остальное...

<...>

P.S. Теперь, сынок, твой день рождения совпадает с большим всенародным праздником – Днём конституции.

В мамином денежном переводе – 3 р. Олежику в копилку...»
(октябрь 1977)

Я – маме:

«Дорогая мама!

Прими самые искренние поздравления по случаю твоего славного 70-летия!!! От всей души желаем тебе крепкого сибирского здоровья на долгие годы, благополучия, радости и счастья, мирного, солнечного неба и успехов во всех делах. Мы все искренне тебя любим и уважаем. Радые всегда встречаю с тобой. Не сердись на своих детей и внуков. Они всегда и во всём стараются сделать тебе только хорошее.

Ты у нас добрая, справедливая и мужественная женщина. Являешься во всех отношениях хорошим примером. Оставайся такой же на долгие, долгие годы. На радость своим внукам, правнукам и деткам. Мы все искренне тебя любим и желаем тебе только добра, хорошего настроения и счастья!!

А если что делаем не так, подсказывай нам. Мы всегда поймём тебя правильно. Ибо хороший, добрый человек никогда не сделает худаго своим близким. А ты у нас очень добрая и очень хорошая.

И не такая уж большая беда, что у тебя не очень счастливо сложилась личная жизнь. Зато ты должна быть счастлива своими детьми. А какие у тебя прекрасные внучки и внук, а правнуки, будем надеяться, принесут тебе ещё большую радость. Ведь всё это продолжение твоего рода. Ты дала им и всем нам жизнь. Именно ты поставила всех нас на ноги. Это всё очень большое счастье и не меньшее, на мой взгляд, достижение, чем, скажем, стать академиком. Умница наша и великая труженица! Гордись этим и будь счастлива,

а мы все счастливы тобой и тем, что рядом с нами ты присутствуешь постоянно.

От имени всего моего дружного и крепкого семейства прими ещё раз самые искренние поздравления!!!

Крепко целуем и обнимаем!»

(20.09.1983)

Я – сестре Люде:

«Дважды пытался связаться с тобой по телефону и оба раза неудачно – по всей вероятности, не было никого дома. Хотел уточнить в отношении вашего с Танюшей приезда.

Мы все по вам (а я особенно по тебе!) очень соскучились, буквально каждый день ждём телеграмму с рейсом и датой прилёта. Не откладывая решение этого вопроса на потом, всегда есть мешающие обстоятельства, но ты плюнь на них и приезжай. Тем более, что обстановка у нас сейчас в доме нормальная, никто не болеет...» <...>

У Олежки дела идут нормально. На ноябрьские праздники приезжал домой (Олег уже учится в Ленинграде в высшем мореходном училище им. адмирала Макарова – **Э.М.**). Выглядит хорошо. <...>

Дополнительно к стипендии 12. р. 40 к. раз в месяц высылаем ему 20 руб. Говорит – хватает.

В Ленинграде на такие деньги учиться сложно, так как соблазнов много, и везде плати. Мы это понимаем, однако большую сумму не высылаем, дабы не было у него лишних денег. Если они есть, дело, как правило, идёт к выпивке, а это уже ни к чему.

У Викули наметился порядок в школе. Школа ей доставляет много беспокойств. Учиться плохо не хочет, а учиться хорошо ей тяжело, так как звёзд с неба она не хватает. Приходится оказывать помощь, особенно по геометрии и алгебре.

У меня всё благополучно.

(без даты; вероятно, конец 1982 г.)

Я – сестре:

«...Поговорил с тобой по телефону, и на душе стало спокойнее, хотя ты меня не обрадовала в отношении состояния здоровья мамы. Да и то, что ты в настоящее время не приедешь, тоже радости не принесло. В остальном же мне было приятно слышать твой милый голос. Спасибо за высланные посылки. Пока не получили, но по получении сразу отпишу. Был бы рад получать от тебя чаще весточки, но это остаётся пока только мечтой.

Жаль, что тебе не подошёл пояс. Это дефицит, у нас их достать довольно сложно.

<...>

С Олежкой изредка перезваниваемся, иногда обмениваемся письмами. Дела его обстоят нормально. На 3-м курсе учиться спокойнее, да и отношение преподавателей уже не такое, как на младших курсах. ,

С Викушей дружны. Часто вместе занимаемся. Гуляем и много болтаем о всякой чепухе.

<...>

Делаем всё возможное, чтобы поддержать здоровье на должном уровне. восстановить его и закрепиться на отвоёванных рубежах. Этому сейчас подчинено всё...»

(без даты)

Я – маме:

«Как ваши дела, настроение, здоровье? Что-то вновь упорно все молчите. Хотя бы весточку в несколько строк прислали. Неужели все так заняты? А вообще-то я вас понимаю – во-первых, дела, а во-вторых, время летит так быстро, что его не замечаешь в повседневных заботах. Казалось бы, давно ли я был в Омске? А прошло уже 2,5 месяца.

Дела у нас в основном нормально. Правда, вот уже месяц я нахожусь в госпитале. Но это не должно никого огорчать, так как лежу я в Палдиски. Условия здесь отличные. Часто звоню домой, да и видимся тоже. Иногда даже удаётся полюбоваться на плоды трудов весенних огородных, сейчас это всё воздаётся сторицей. <...>

Много цветов – здесь постаралась Викуля. Вообще на огороде красиво и приятно. <...>

Олег сейчас на практике. В начале августа они приходили в Ленинград. На встречу ездила Викуля. Практикой Олег доволен, были они в Греции. Конечно, всё сложно и тяжело, но интересно. Сейчас отправились в Италию. Викуля сегодня поехала в Таллинн за результатом по поводу зачисления в медучилище.

У меня самочувствие в общем нормальное, не беспокойся. Рецидив дал, бесспорно, отпуск, который оказался уж дюже динамичным и напряжённым. В конце месяца должен быть дома».

(без даты)

Я – маме:

«Печально, что сестричка серьёзно болеет. С полиартритом наша официальная медицина не справляется, лечить его не может. <...>

На данном этапе её болезнь во многом продиктована и теми переживаниями, которые на неё валятся в последние годы. Трудно предположить, кто бы их выдержал, окажись в её положении. Конечно, ей очень тяжело. Но надо крепиться. Надо жить. Надо выходить из такого состояния, в котором она оказалась. У многих горе бывает похлеще.

В части оказания помощи в лечении я мог бы реально ей помочь, если бы она недели на три-четыре приехала к нам. <...>

Мама! Ты, пожалуйста, не обижайся, что почти не помогаю тебе. До апреля у нас туговато. Мы же в прошлом году отдыхали всей семьёй на машине, до сих пор расплачиваемся.

Але надо помогать, само собой. С учёбой Викули в Таллинне и на неё расходы прибавились (Вика учится в таллиннском медучилище – **Э.М.**). Я уже не говорю о том, что большие дети требуют и соответствующей одежды. Пишу тебе об этом, чтобы ты правильно поняла меня, не осуждала и не обижалась. А то у меня душа болит за ваше упорное молчание. Я в жизни не поверю, что ни у тебя, ни у Люси не нашлось часа в течение двух-трёх недель, чтобы пообщаться со своим единственным сыном (братиком). Только обида может мешать вам.

А ведь мне тоже не очень сладко живётся. И обид, и огорчений тоже хватает, да и здоровье, как ты знаешь, далеко не богатырское. Ценить и оказывать внимание друг другу надо при жизни...»

(без даты)

Я – маме и сестре:

«Вот и заканчивается моя затянувшаяся командировка. Через несколько дней буду дома, а пока подводим итоги в Ленинграде.

Всё у меня хорошо, самочувствие и здоровье в порядке. Вчера виделся с сынулей. Чуть-чуть запоздал к его дню рождения. Оказывается, у него 2 апреля получился двойной праздник. Сам себе преподнёс подарок – успешно сдал в ГАИ экзамен на самостоятельное вождение автомашины и получил права. Молодчина!

Вид и настроение его мне понравились. Заверил, что и по учёбе всё в порядке. Видел его девушку, к которой он серьёзно привязался. Она оканчивает институт, увлекается театрами, не красавица, но обаятельная девушка. Мне она понравилась, и я доволен их дружкой.

А вообще Олег стал уже вполне взрослым, изменился здорово. Не знаю, мамочка, узнаешь ли ты своего внука, о Люсеньке я уже и не говорю. Рад, что у Люсеньки наступило улучшение состояния здоровья. <...>

Было бы очень здорово, если бы наконец решился вопрос со сносом. Мамочка, а ты не можешь через военкомат выхлопотать для себя (с кем-то для ухода) отдельную жилплощадь, как жена погибшего офицера? Последним постановлением льготы вроде бы ещё увеличены».

(без даты)

Я – маме:

«Получил твоё письмо и сразу отвечаю. Печально, что у сестрички так осложнилось со здоровьем. По всей видимости, это результат обрушившихся на неё в последние годы переживаний. Да и берегла она себя очень мало, всё для девчонок старалась. Но пусть не отчаивается. Главное не терять надежды и оптимизма. <...>

У меня состояние здоровья опасений не вызывает. Правда, пока ещё продолжаю ходить на перевязки, так как ранка рубцуется медленно, но общее самочувствие уже бодрое (после операции, упоминавшейся в повествовании, которую мне сделали 9 мая 1985 года). <...>

Олеженька прибыл с практики. Но вчера (13.08) мы с Викуленькой отправили их в Ростов. <...>

С 12 августа пошёл в отпуск. На службу мне формально 2 октября. Пишу «формально», так как выйду и буду рассчитываться. Сегодня документы ушли в Москву. Пока нахожусь в отпуске, будет подписан приказ об увольнении. Так что со службой завязываю окончательно. Да и хватит, уже пошёл 29-й календарный год, а для пенсии достаточно и 25.

С работой на гражданке спешить не буду. Надо окончательно поправиться, чтобы твёрдо стоять на земле...»

(14.08.1985)

Вика – бабушке (моей маме):

«Вот я и в Ростове. Долетели хорошо (правда, на 3 часа опоздали). Встретил меня мой друг Володя. Он отдыхал в Ворошиловграде, а потом приехал в Ростов. Он был и в Палдиски, сейчас улетел на Север. Хороший парень очень. Дружим с января.

Во дворе всё по-старому. Бабушка с дедушкой чувствуют себя неважно, мы им хоть поможем. Дел очень много. Вчера делали уборку в

доме, а сегодня большая стирка. Из фруктов много яблок, груш, арбузы покупаем мешками по 20 коп. за кг. Целый день кушаем арбузы.

Папа тоже должен прилететь в Ростов. А мы взяли обратные билеты на 3 сентября. Дотянули, а теперь придётся в училище опаздывать, но это ничего, к колхозу я успеть должна.

Впереди 2-й курс. Страшновато, но что ж поделаешь. На каникулах здорово, но надо опять втягиваться. В общежитии жить не буду, лучше ездить домой.

Два дня было очень жарко, а сегодня прохладненько. Мы и тепла не хотим, привыкли к пасмурной погоде. И ещё раз убеждаюсь: как хорошо дома, и вообще в Эстонии. <...>

А как у вас там делишки? Ты мне, бабуль, тоже пиши. Надо нам опять начать переписываться!»

(22.08.1985)

Я – маме и сестре:

«...На прошлой неделе состоялся разговор с командиром в отношении моего ухода в отставку. В ближайшее время ложусь в госпиталь на последнее обследование (так положено). По всей видимости, новый огородный сезон встречу уже законным пенсионером.

Уезжать из Эстонии не думаю. Будем пытаться получить жилплощадь в Таллинне. Правда, это потребует дополнительных расходов, так как очень сложно решается вопрос с пропиской. А без неё жилья не получить. На расходы придётся пойти, так как оставаться в Палдиски тоже не резон. Против Ростова восстали категорически дети.

У наших деток пока всё нормально. Приезжал после длительного плавания Олежка. И побыл-то всего пару дней, а на душе стало гораздо спокойнее. Выбранной профессией он доволен, хотя она не из лёгких. Не только он чувствует себя счастливым, повидав мир в свои двадцать лет с небольшим. И родители не менее счастливы. <...>

Викуле в училище нравится. Три недели они были в колхозе на уборке картофеля. Пришлось ей там нелегко. Во-первых, часто шли дожди. Во-вторых, с отдельными девочками в их группе. Вы же прекрасно представляете современную молодёжь, её запросы и стремления. И нашу Вику, этого домашнего дитя...

Девочки многие курят, пьют, сверх меры интересуются мальчиками, матерятся, как сапожники. И вот наша Викуля, вступив в конфликт с некоторыми из таких, сумела из него с честью и до-

стойно выйти. Молодец! Об этом нам поведала их классная руководительница, которая была вместе с ними.

Длительное отсутствие сына, поездка в колхоз дочери, болезнь родителей, да и обстановка у ваших молодых не могли не сказаться отрицательно на общем состоянии Аллы Фёдоровны. Нервная система у неё ни к чёрту. Переживает за всё и за всех сверх всякой меры. Сейчас расплачивается обострением...»

(без даты)

Я – маме:

«Получил твоё письмо, приехав домой из санатория. В нём ни слова о самочувствии сестрёнки, что меня беспокоит. <...>

Считаю, что самочувствие у меня нормальное, с учётом перенесённой операции. И хорошо я сделал, что укрепил своё здоровье в санатории. А главное, много гуляя, обрёл душевное равновесие, в целом по-хорошему успокоился, а заодно продумал свою генеральную линию в жизни на ближайший период.

<...>

В отношении детей не у вас одних проблемы, они касаются остро и нас. Просто ваши детки постарше, а наши только выходят на самостоятельную орбиту. Эгоизма с их стороны тоже хватает. Чем, как не эгоизмом, можно объяснить тот факт, что Олег сделал предложение девушке, отнесли заявление, и только после этого стал с нами советоваться, как им провести свадьбу (а точнее, какую материальную помощь мы можем им оказать). Я-то давно готовил себя к этому его шагу, а для матери его решение явилось в буквальном смысле ударом. Дали молодым три месяца, 26 декабря регистрация. Вот такие дела...»

(без даты; очевидно, осень 1986)

Из семейного фотоальбома

Алла с братом Юрой в раннем детстве с родителями.

Вновь вспоминаем юную и молодую Аллу – в январе 1950 года и летом 1961-го.

*Антонина Стефановна, мать
Аллы, в молодости.*

*Юрий с матерью и своим сы-
ном Димой.*

Фёдор Георгиевич и Антонина Стефановна, родители Аллы, зарегистрировали брак, прожив вместе несколько десятилетий.

Алла с родителями.

Сын Олег в дни окончания школы.

Другое важное событие в жизни Олега: его бракосочетание с Еленой Борисовной Васильевой 26 декабря 1985 года в Ленинграде.

Ещё фотография со свадьбы сына: здесь он с Леной, мы с Аллой и Викой и родители Лены – Борис Павлович и Людмила Александровна.

Олег, Лена и их дочь Даша.

Бабушка Алла с внучкой Дашей и невесткой Леной в Таллинне 4 июля 1987 года.

Олег на прогулке с дочкой.

В семье Олега и Лены подрастает вторая дочка – Катя. Старшая, Даша, на руках у бабушки Люды, матери Лены.

Такой красочной фотографией мои ленинградские друзья Ушаковы поздравили меня с днём рождения.

В этом конверте Ушаковы прислали поздравление Вике с 16-летием.

9 июля 1988 года дочь Вика вышла замуж за Михаила Косолапова.

Мы с Аллой и Вика с Михаилом во время прогулки.

С дочкой Вики и Михаила и моей третьей внучкой Ариной.

Арина, Даша и Катя часто проводили лето в Ростове – как в своё время Олег с Викой. Гуляли во дворе и купались на Дону.

Такие самодельные поздравительные открытки присылали бабушке Алле внучки Даша, Катя и Арина.

Вика со вторым мужем Сергеем Николаевичем Киселевым в день регистрации 15 февраля 2006 года.

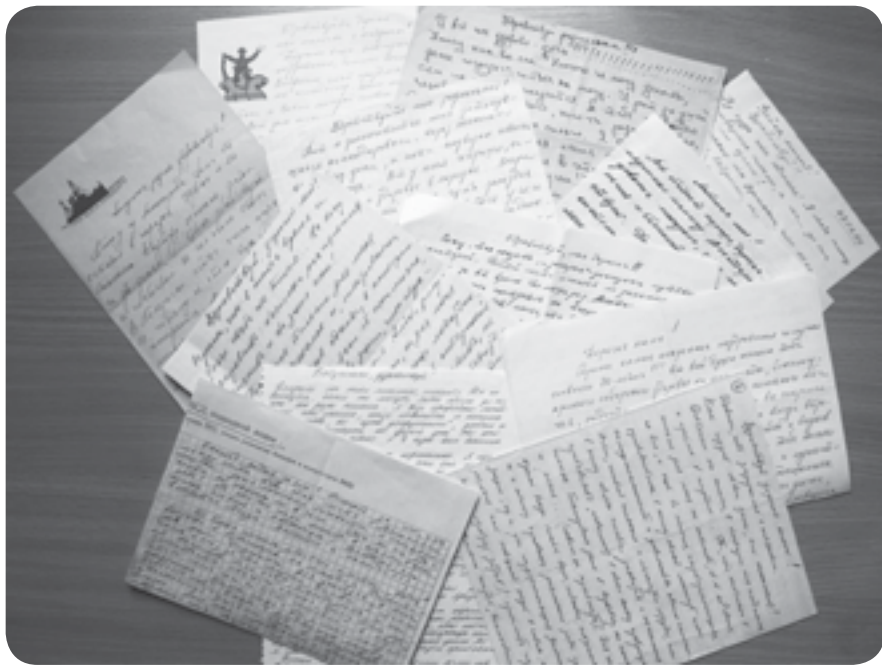
2 июня 2002 года родилась Маша – вторая дочь Вики и моя четвёртая внучка.

Вика с двумя дочками Ариной и Машей и мужем Сергеем 15.02.2006.

Такими открытками мы поздравляли друг друга с праздниками.

В эту книгу включено так много писем, потому что почти все они, написанные в период с начала 1960-х годов до конца 1980-х сохранились в моём архиве.

№ 17-13

МИНИСТЕРСТВО Связи СССР

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЕМ *ous* ПЕРЕДАЧА

Вс. *100* Аз. *100* Пересл. *100*

ПАЛЬДИСКИ 151 16 6 1552

Служебная
открытка

•ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ПРИЧИНУ ДЛИТЕЛЬНОГО МОЛЧАНИЯ
БЕСПОКОИТЬСЯ НЕ СЛУШАЙТЕ•

3. 10000—40 Т. 200.000х100

ГЛАВА 7.

◀ ЕСТЬ В ШАХМАТАХ
ЧТО-ТО БОЖЕСТВЕННОЕ... ➤

Увлечение на всю жизнь

Итак, с осени 1985 года для меня началась совершенно новая жизнь – гражданская. Хотя демобилизовали меня со 2-й группой инвалидности и без права работать, конечно же, о безделье не могло быть и речи. Впрочем, если разобраться, моя деятельность в гражданской жизни опять была непосредственно связана с преподаванием, но уже совершенно в другой области – шахматной.

Моё первое знакомство с великой игрой шахматами произошло в детстве благодаря моему дяде, Геннадию Леонтьевичу Мешкорудникову.

Геннадий Леонтьевич Мешкорудников был моим первым наставником в шахматах.

Грамота, которой был награждён Геннадий Мешкорудников за второе место на одном из турниров.

Шахматы меня пленили содержанием игры. В то время ещё, может, не очень осознанно, но я уже понимал, насколько эта захватывающая игра. Я вообще был довольно спортивный мальчик – худощавый, но сильный, гибкий, подвижный. Легко подтягивался на турнике, делал подъём переворотом, быстро бегал, катался на коньках и лыжах. У учителя физкультуры был любимчиком. Даже некоторое время занимался боксом и достиг 2-го разряда.

Однако никакое спортивное увлечение не могло сравниться с шахматами. Любил их и директор нашей 23-й школы В. Ф. Ермошенко. С сыном его много играл. И против него, и вместе с ним – за сборную школы. Большой любительницей шахмат неожиданно оказалась и учительница английского языка. Возможно, сравнительно неплохие оценки по этому предмету я зарабатывал отчасти благодаря нашему с ней совместному увлечению.

Настоящей шахматной Меккой в школьные годы был для меня Дом пионеров, который я стал посещать, по-моему, с четвёртого класса. Занятия в шахматном кружке там вели крепкие кандидаты в мастера Русаков, Краснов и другие преподаватели.

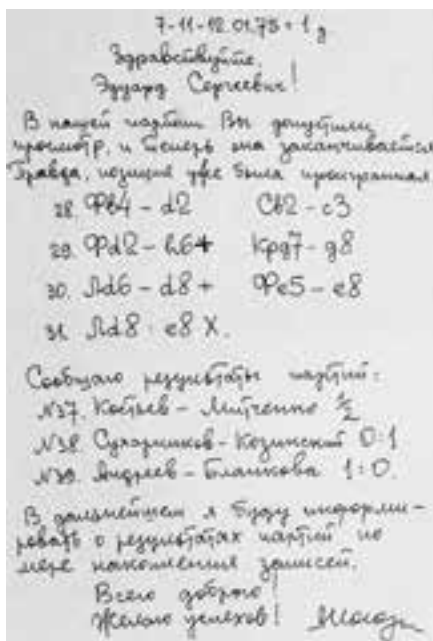
15 марта 1936 года в Омске открылся областной Дом пионеров. Это был первый культурно-досуговый центр школьников с большим количеством кружков и квалифицированными преподавателями-воспитателями.

Когда в наши дни я рассказываю юным шахматистам, что мы тогда играли без шахматных часов, они не могут поверить. А часов действительно не было. Тренер следил за временем игры по обычным часам.

И помимо занятий в Доме пионеров непрерывно играл дома и в школе. И на улице, в том числе со взрослыми любителями шахмат, которые жили у нас в Авиагородке.

Когда я учился примерно в 7-м классе, у нас появился Вася Иванов, прибывший служить в отряд, который осуществлял охрану объектов аэропорта. Он оказался сильным шахматистом, кандидатом в мастера и, естественно, моим партнёром. Накануне командного первенства трудовых коллективов района я предложил Васе выступить за сборную нашей школы. Он согласился, и в том числе благодаря ему мы стали чемпионами района. Потом не раз успешно выступали в различных городских соревнованиях.

Так что уже в школьные годы мне довелось познать радость спортивных побед. Удачно выступал за команду школы на первой доске на районных и городских соревнованиях. В старших классах играл и за взрослую команду района, причём на второй доске. Ничего удивительного, ведь уже в девятом классе я выполнил норму кандидата в мастера.

Долгое время я увлекался игрой в шахматы по переписке. Письмо от одного из моих друзей-соперников.

В те же годы увлёкся игрой по переписке и сохранил это увлечение надолго. Уже проживая в Эстонии, продолжал играть по переписке. Достиг неплохих результатов и в этой своеобразной разновидности шахмат. До сих пор где-то хранятся специальные почтовые карточки, на которых записывались ходы. Ведь для их пересылки мы пользовались обычной почтой.

Преуспевал и в шашках. Тоже уважаемая мною игра, но отодвинул её в сторону, так как в ней нет той глубины, как в шахматах.

Шахматы на военной службе

Правда, после окончания школы на несколько лет шахматы почти выпали из моей жизни. И в училище, и во время службы на Севере редко выпадала возможность сыграть в шахматы. Но выпадала, о чём свидетельствуют фотографии и, например, запись в курсантском дневнике о том, что легко выиграл первенство училища. Но в целом в училище и на Севере было не до любимого увлечения.

И только в Палдиски шахматы вновь в полной мере вошли в мою жизнь. И то не сразу после прибытия в учебный центр, когда работал, бывало, по 18 часов в сутки. Немного позже, особенно после того, как сосредоточился на преподавательской работе, возможностей посвящать себя шахматам стало гораздо больше.

Ну, а в отпуске поиграть в шахматы – это уж непременно.

К счастью, в Палдиски было место, где играть, – в Доме офицеров флота, и было с кем играть: у нас служили крепкие кандидаты в мастера, такие, например, как, например, Вадим Гальцев, Володя Сапегин, были и забойные перворазрядники.

И в экипажах, прибывавших для обучения, всегда находилось несколько сильных шахматистов. Предлагал им сеансы одновременной игры на 15–20 досках. Большинство партий выигрывал. В общем, играли до одурения. Пожалуй, иногда даже чересчур много.

Сеансы одновременной игры с матросами комендатуры г. Палдиски.

Фото с моряками-шахматистами на память.

Шахматная жизнь в учебном центре закипела, я добровольно взял на себя организаторские обязанности, устраивая множество турниров – первенства циклов, командные, лично-командные. В турнирах участвовали десятки офицеров, мичманов и матросов.

Награждаю призёров личного первенства нашей части, проходившего в декабре-январе 1975/76 года.

Грамоты за успешное выступление на шахматных турнирах во время службы в Палдиски.

К шахматам я пытался приобщить и сына Олега. Однажды про него написали даже в нашей флотской газете «Страж Балтики». Вот весь текст этой заметки с подписью «наш корр.», которую написал, конечно, я сам:

«А я не хочу ничью!»

В дни школьных каникул кандидат в мастера инженер-капитан 3 ранга В. К. Гальцев провёл сеанс одновременной игры по шахматам на 15 досках со школьниками. Из всех партий, сыгранных офицером, лишь одна закончилась вничью. Её сделал 6-летний Олег Митченко.

В конце партии произошёл курьёзный момент. Кандидат в мастера, получив несколько худший ладейный эндшпиль, предложил Олегу ничью. Мальчик отклонил её в категорической форме. И только после настойчивых доводов папы, что ему не выиграть позицию, с сожалением принял ничью».

Кандидат в мастера инженер-капитан-лейтенант Вадим Гальцев даёт сеанс одновременной игры юным шахматистам, среди которых и мой сын Олег, который сыграл вничью с кандидатом в мастера.

В одной команде у нас играли и матрос, и лейтенант, и капитан 3 ранга.

В политотделе мою деятельность поддерживали, Коллективом учебного центра мы выступали и на соревнованиях за пределами Палдиски. И порой успешно. Например, мы выиграли первенство Таллиннской военно-морской базы.

Наша команда – победитель первенства Таллиннской военно-морской базы, перед Таллинским Домом офицеров флота, где состоялся турнир.

Этот турнир организовал прапорщик Борис Рытов, увлечённый шахматный энтузиаст. Он и сам был сильным шахматистом, одним из сильнейших в Эстонии, имевший звание мастера. Он становился чемпионом республики, в составе сборной ЭССР выступал на командных чемпионатах СССР.

Борис Рытов – уроженец Москвы, там прошла его юность, но большая часть жизни, с 1964 года, связана с Эстонией. То есть, с того же года, когда и я приехал сюда для продолжения службы в Палдиски. Борис тоже был военнослужащим, прапорщиком по званию. Мы познакомились с ним, когда играли за команду 51-го флотского спортклуба в турнире на Кубок Балтийского флота. И с тех пор очень сблизились с Борисом. Я считал своим другом этого хорошего человека. Конечно, Борис не раз по моему приглашению приезжал к нам в Палдиски.

У него и семья была замечательная. Жена Мерике тоже была хорошей шахматисткой, если не ошибаюсь, серебряным призёром чемпионата мира по игре по переписке. Внучка, Май Нарва, показывала хорошие результаты в молодёжных возрастных категориях.

К сожалению, Борис рано, в 50 лет, ушёл из жизни. В 1987 году, когда я только начинал свою деятельность в качестве шахматного педагога. Не знаю, есть ли тут прямая связь (косвенная – наверняка), но замечу, что он очень много курил.

В последние годы Борис Рытов часто посещал Дом шахмат им. П. Кереса, с которым, как расскажу ниже, связана и часть моей жизни.

Борис Рытов (справа и слева), неоднократно бывавший у нас в Палдиски по моему приглашению, был одним из самых близких мне людей в шахматном мире.

О моей дружбе с Борисом Рытовым напоминают несколько фотографий и несколько десятков писем, которые он мне писал.

Всё это время я по крупицам собирал свою личную шахматную библиотеку, которая в лучшие времена достигала трёх тысяч книг. Хотя в советское время приобрести желаемые шахматные книги было очень непросто. В письмах я просил своих коллег по

шахматам достать те или иные книги. Они и сами знали о моём интересе к шахматной литературе. О чём свидетельствуют вот эти, скажем, заключительные строки из одного из писем Бориса Рытова: «Эдуард, есть для тебя книги: 1.«Дебютная энциклопедия», 1-й том. 2. «Моя система» А. Нимцовича. 3. «На шахматных полях» (о шахматах в Вооружённых Силах). Не высылаю, так как опасаясь, что ты в отпуске. Получу от тебя письмо, и тогда могу сразу выслать. Привет твоей супруге. Борис 25.10.1975»

Вот окончание другого его письма: «Кстати, Эдуард, у меня лежат для тебя 5 шахматных книг (из них 2 на русском языке). Если попадёшь в Таллинн, извести заранее, можем встретиться у меня или в любом другом месте. Поздравляю с праздником Октября тебя и твоих близких. Желаю здоровья и успехов каждому в своих делах. С дружеским приветом, Б. Рытов. 05.11.1975»

Вот фрагмент ещё одного письма Бориса, в котором затрагивается не только тема шахматной литературы: «...А. Гурвич говорил мне о твоём письме с критикой нашего флотского первенства. Думаю, что дело этим и кончится, ведь каждый печётся прежде всего о собственном благополучии. Таких, как ты, бескорыстных энтузиастов, увы, очень мало. Второй том энциклопедии можешь считать своим, тем более что 1-й из этого комплекта я отдал Гусеву. Вышла болгарская книга «Испанская партия» на русском языке. Лида купила для тебя, да и у меня есть лишний экземпляр. Хотя она теперь есть и в свободной продаже (это только 1-й том из пяти обещанных, и все – об испанской). До свидания. Лучшие пожелания твоим близким. Борис. 20.03.1976».

В этом письме упоминается А. Д. Гурвич.

Это был известный шахматный деятель из Москвы, судья международной категории, много делавший для популяризации шахмат, прежде всего, в армейской среде. Познакомился я с ним опять же благодаря Борису Рытову. Гурвич оказывал нам поддержку касательно участия в соревнованиях, а также старался, чем мог, помочь мне в приобретении шахматной литературы. Приятно перечитывать письма этого в высшей степени интеллигентного человека:

«Дорогой Эдуард Сергеевич! Спасибо за Ваше письмо, поздравления и добрые пожелания. Вот только получил я его уже в Главном военном госпитале им. Бурденко, куда был препровождён за недостойное поведение по части гипертонии. Здесь вместе со миной прозябает коллега по... хоккею Ан. Вл. Тарасов

(выдающийся советский хоккейный тренер – Э. М.), «пострадавший» от многочисленных шайб, заброшенных в ворота ЦСКА в Горьком. Так что мы имеем возможность с ним детально обсудить всевозможные шахматно-хоккейные темы. Когда выберусь – известно одному богу, но мне хотелось бы, чтобы это случилось, по крайней мере, до 15.03, чтобы иметь возможность поехать на зональный турнир в Севастополь. Очень неловко чувствую себя, так как не смог выполнить Вашу просьбу, но постараюсь всё же книгу Фишера достать.

Хочу Вас попросить в свою очередь (к сожалению, я стал этим злоупотреблять!) прислать мне несколько значков с таллиннского турнира и, если таковые выпущены, конверты или открытки со спецгашением и без него. Или, может быть, там будет ещё что-то интересное. Но, конечно, только в том случае, если Вас это не затруднит. Пользуясь случаем, хочу передать Вам самый сердечный привет и попросить поздравить от меня Вашу милую супругу с женским праздником. С искренним уважением к Вам и с пожеланием всего наилучшего, А. Гурвич. Москва, 03.03.1972».

Ещё одно письмо А. Д. Гурвича:

« Уважаемый Эдуард Сергеевич! Набрался наглости и решил написать Вам, попросить об одном одолжении. Сейчас в Таллине идёт международный турнир и, возможно, Вы выберетесь его посетить. Если представится возможность, то купите, пожалуйста, на мою долю несколько значков и конвертов, посвящённых этому соревнованию. Буду Вам весьма признателен и обязан.

Что у Вас слышно? Как идут шахматные дела? У нас как-то на этот счёт затихла переписка. Через месяц в Кронштадте начинается очередной чемпионат ВМФ, зона Вооружённых Сил. Как известно, въезд туда также по пропускам. Но Дом офицеров флота обратился в ЦДСА с письмом о проведении соревнования у них, и, как видите... Если в Палдиски не пропал интерес к шахматам, то пусть из политотдела или ДОФа будет до 1 июня такое письмо (приглашение), и я постараюсь всё устроить. Все расходы за наш счёт. Ваши лишь хлопоты... Подумайте! Думаю, для гарнизона это было бы небезынтересное мероприятие. У нас в издании нашего клуба вышли две работы: «Спутник шахматиста-организатора» и бюллетень № 14. Дошли ли они до Вас? Если нет, то я смогу выслать. В общем, пишите. Желаю всяческих успехов. Сердечный привет Вам и супруге. С уважением, А. Гурвич Москва, 19.02.1975».

И вот такое письмо:

«Уважаемый Эдуард Сергеевич! Большое спасибо за поздравления и тёплые пожелания. Заказное письмо с конвертами я также получил и хочу поблагодарить Вас за внимание. Что касается интересующего Вас вопроса в отношении сбора шахматной литературы, то здесь, несмотря на мой опыт и многочисленные знакомства, задача куда сложнее, чем Вы, может быть, думаете. Дело в том, что с выпуском шахматной литературы дело обстоит крайне сложно. Из-за недостатка бумаги сокращаются и тиражи, и наименования. А это, как Вы понимаете, порождает спекуляцию. У нас существует, конечно, неофициальный «чёрный рынок». Там всё есть, но страшно дорого. Например, книга, которую я Вам послал, стоит там 7-10 рублей. Я, правда, столько не платил, но, увы, факт этот единичный, поскольку мой товарищ просто сделал для меня одолжение. Желание Ваше иметь хорошую библиотеку похвально. Но для этой цели Вам понадобится много денег. Например, книга Фишера «60 избранных партий».

Чем я могу помочь Вам? К сожалению, мои возможности ограничены, да и, честно говоря, моё положение не позволяет связываться с теми, кто занимается куплей-продажей. В прошлом году у меня произошла такая история. Проездом с Камчатки был у нас один майор. Он буквально умолял меня достать ему книгу о межзональном турнире в Бразилии. Я ему объяснил, что по сравнению с номиналом она продаётся в 7-8 раз дороже. А он своё: «За любую цену!». И уехал отдыхать. С большим трудом мне удалось её приобрести, примерно за эту цену. И на обратной дороге (я в это время был на соревнованиях) он заехал ко мне домой и получил оставленную книгу, естественно, расплатившись, как следует. При этом, казалось бы, сделав доброе дело, я, честно говоря, до сих пор испытываю чувство неловкости, поскольку невольно оказался соучастником мелкой спекулятивной сделки. Надеюсь, Вы понимаете, что судье международной категории, да к тому же члену партии это не к лицу...

Я прекрасно понимаю, что Вы лично не заподозрите меня, но... Короче говоря, возможно, я что-нибудь и смогу для Вас приобрести, но давайте условимся так. Вы сообщаете мне, что именно Вас интересует. Затем я выясняю, сколько та или иная книга будет стоить, и сообщаю Вам. Если это Вас устроит, то я книгу покупаю и высылаю Вам. Но обязательное условие: это касается только нас двоих, никакие просьбы других людей не будут иметь

место. Если такой вариант Вас устроит, то в знак нашей дружбы (уже с приличным стажем) и личного уважения я смогу иногда для Вас что-нибудь доставать. Вот всё, чем я могу Вам помочь. Пишите. Желаю всего доброго. А. Гурвич Москва, 06.05.1977».

О моей настойчивости в собирании шахматной литературы напоминает и сохранившийся ответ из шахматной федерации СССР:

«Уважаемый товарищ Митченко! К сожалению, мы не можем ознакомить Вас ни с диссертацией Т. В. Петросяна «Некоторые проблемы логики шахматного мышления» – так как она написана на армянском языке, ни с дипломной работой Ю. С. Балашова «Творчество Роберта Фишера», ибо эта работа будет защищаться только на будущий год. Начальник отдела шахмат и шашек М. Бейлин 06.08.1977 г.»

Да что книги, если даже массовый журнал «64 – Шахматное обозрение» в те годы выписать было проблематично. Об этом напоминает фрагмент из ещё одного письма Бориса Рытова: «Да, насчёт «64». В Таллинне подписку проводит клуб, но ему устанавливают лимит, который исчерпан уже в октябре. Мне говорили, что в Москве на Главпочтамте в окне, кажется, № 50 или 51 проводится подписка на любое издание и в любую точку СССР. Может быть, от вас кто поедет через Москву, так пусть туда заглянет. Сам я тоже постараюсь узнать точнее, но у меня очень слабые шахматные контакты с Москвой. 25.11.1974».

Но вернёмся к шахматной жизни в Палдиски и к нашим гостям. Борис Рытов был далеко не единственным среди них. По моему приглашению в Палдиски приезжал, к примеру, Эдуард Гуфельд – известный международный гроссмейстер, тренер, литератор, человек, которого называли шахматным академиком. Был у нас и именитый украинский гроссмейстер Владимир Савон, многократный победитель молодёжных чемпионатов мира в составе сборной СССР.

Самыми знаменитыми нашими гостями были, пожалуй, два международных гроссмейстера. Один из них – С. А. Фурман.

Семён Абрамович Фурман известен как шахматный теоретик и тренер одного из самых ярких шахматистов современности Анатолия Карпова. Это под руководством Фурмана он стал 12-м чемпионом мира и потом несколько раз защищал титул. По характеру, как мне показалось, Фурман был человеком очень спокойным, немногословным.

Организованный мною приезд в Палдиски Семёна Абрамовича Фурмана, вызвал большой интерес в учебном центре.

Я привёз Семёна Абрамовича из гостиницы «Виру» в Таллинне, где он остановился, на «Волге» командования центра. Программа пребывания Фурмана в Палдиски Фурмана была такой же, как для всех гостей-шахматистов: небольшое выступление, ответы на вопросы и, конечно, сеанс одновременной игры. По дороге мы решили, что для игры хватит двух – двух с половиной часов.

На самом деле сеанс продолжался не менее пяти часов. Семён Абрамович никак не ожидал, что военнослужащие в какой-то воинской части окажут ему столь упорное сопротивление. Мало того, некоторые даже выиграли у него. Это явно озадачило Семёна Абрамовича, о чём свидетельствовала капелька пота, висевшая у него на носу. Сразу видно, что не любил человек проигрывать. В частности, уже где-то на 20-х ходах победу над именитым гостем одержал упоминавшийся выше мой товарищ кандидат в мастера Вадим Гальцев – очень сильный для любителя шахматист был, серьёзно относился к этому своему увлечению, уделял большое внимание теоретической подготовке. Вот и заманил Фурмана в ловушку.

Всё готово к началу сеанса. В центре – С. А. Фурман, справа начальник политотдела, капитан 1-го ранга Вольнец, слева – я.

*Именитый
гроссмейстер не
ожидал такого
упорного сопро-
тивления от
наших шахма-
тистов.*

*Инженер-капитан
3-его ранга Вадим
Гальцев (слева) по-
лучает от меня
поздравления и
награду за победу
над международным
гроссмейстером
Семеном Абрамо-
вичем Фурманом (в
центре).*

Еще одним звёздным гостем Палдиски был выдающийся гроссмейстер Давид Ионович Бронштейн, шахматный новатор, мыслитель, писатель.

В отличие от Фурмана, он категорически отказался от машины, и мы в Палдиски из Таллинна ехали на электричке. Отказался Давид Ионович и пообедать у меня дома. Предпочёл прогуляться по городку и окрестностям. Гуляли мы с ним часа два, после чего отправились в Дом офицеров.

План такой же: сначала гроссмейстер выступит перед аудиторией, ответит на вопросы, потом – сеанс одновременной игры.

Я предупредил Давида Ионовича, что публика у нас довольно разношёрстная, большинство людей не очень разбираются в тонкостях шахмат, поэтому не стоит, наверное, увлекаться спецификой игры. Людей больше интересуют, предположил я, что-то вроде баек из жизни шахматистов.

Однако Бронштейн говорил исключительно о шахматах. В частности, рассказал о драматической концовке своего матча на первенство мира с Михаилом Ботвинником в 1951 году, который он реально мог выиграть, оставалось лишь свести вничью две заключительные партии, но...

Занимательных историй гость особо не рассказывал, говорил только о шахматах как таковых, но люди в переполненном зале слушали Бронштейна, затаив дыхание. Возможно, потому, что он был более известен широкой публике, чем Фурман.

Сеанс одновременной игры и на этот раз пошёл не по тому сценарию, как, очевидно, рассчитывал Бронштейн. Однако, удивившись, что победить с лёгкостью всех не удаётся, а некоторым даже проигрывал, он перевёл мероприятие в шоу, с юмором стал относиться к происходящему. В отличие от Фурмана, игравшего чрезвычайно серьёзно.

Я тоже принимал участие в этом сеансе, но подробности не запомнились. Видимо, сыграл ниже своих возможностей, как это чаще всего и происходило в поединках такого формата. Почему-то излишне напрягался, играя со знаменитостями, к тому же несколько рассеивалось внимание, поскольку как организатор должен был следить, чтобы всё было в порядке в зале.

С особой теплотой Давид Ионович Бронштейн приветствует организатора турнира, то есть меня. Впрочем, как и всех участников перед тем, как сделать первый ход. Справа мой сын Олег.

Встреча и сеанс одновременной игры с известным гроссмейстером Давидом Ионовичем Бронштейном вызвали в Палдиски огромный интерес.

Момент сеанса одновременной игры.

Бронштейн подписал мне свою книгу: «Любителю шахматного искусства Эдуарду Сергеевичу Митченко в память о встрече на турнире «Таллин-77» и с самыми добрыми пожеланиями лично Вам и всем Вашим близким. 12.03.77»

Известных представителей шахматного мира в Палдиски я приглашал, как правило, встречаясь с ними в Таллинне, куда они время от времени приезжали. Обычно мне не отказывали. Думаю, потому, что человеком я всегда был достаточно коммуникабельным, а главное, люди видели, наверное, что шахматы я люблю безумно, поэтому не хотели огорчать отказом. Помнится, только экс-чемпион мира Михаил Таль, феноменальный шахматист, отклонил моё предложение приехать в Палдиски, сославшись на занятость.

Приглашал я к нам и видных деятелей эстонских шахмат. Того же Бориса Рытова, международного мастера Иво Нея, много сделавшего для любимого вида спорта и на организаторском поприще.

В 1992 году, будучи в Москве с группой тренеров на мероприятиях по случаю 100-летия со дня рождения знаменитого русского шахматиста Александра Алехина, я от имени Эстонского шахматного союза пригласил экс-чемпиона мира Михаила Моисеевича Ботвинника. Он ответил, что приедет только в том случае, если будет приглашение от правительства Эстонии, но вряд ли, добавил он, таковое поступит. Правда, вернувшись в Эстонию, я не стал продвигать свою инициативу.

Запомнился небольшой конфуз, случившийся со мной в той поездке. Сначала мы встречались с ещё одним известным гроссмейстером Василием Васильевичем Смысловым, и я, обращаясь к нему, назвал его Михаилом Моисеевичем. Мне показалось, он обиделся.

Я никогда не скрывал, что знаменитые шахматисты – мои кумиры, перед которыми я преклоняюсь. Благодаря тому, что в Эстонии был свой великий гроссмейстер Пауль Керес, и ежегодно проводится турнир его памяти, мои кумиры периодически приезжали в Таллинн.

Неприятный осадок остался у меня от встречи с 10-м чемпионом мира. Борисом Спасским. Я подошёл к нему с безобидной просьбой – поставить автограф на его книге. А он неожиданно отказал.

А вот автографов Анатолия Карпова у меня даже несколько, хотя, отдавая должное таланту этого шахматиста, должен признать, что как личность он мне не очень симпатичен. Не могу простить его команде и всем, кто за ним стоял, а стояла, можно сказать, сама советская система, то, как поступали с соперниками Карпова по матчам за титул чемпиона мира ради того, чтобы «правильный» советский шахматист победил «отщепенца».

В 1992 году мне поручили организовать сеанс одновременной игры с Анатолием Карповым, а приехал он в тот раз в Таллинн по приглашению Союза славянских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии, который решил отметить юбилей того же Алехина (ещё до нашей поездки у Москву)

Желающих сыграть с самим Карповым было много, и количество досок пришлось увеличить до тридцати, по-моему.

Сеанс затянулся. А поскольку приближалось следующее мероприятие, где ждали Карпова важные люди, в том числе посол России Александр Трофимов, я начал нервничать. Когда оставались незаконченными две партии, а время уже совсем поджимало, я спросил у кого-то из функционеров Эстонского шахматного союза: «Может, напомнить Карпову, что уже пора идти в другое место и попросить согласиться на ничьи в этих партиях?» На что мне ответили: «Это невозможно! Он же профессионал и играет только на победу». В итоге мы опоздали на следующее мероприятие минут на сорок.

Из описанных выше эпизодов, имевших место в начале 1990-х годов, можно сделать вывод, что и после увольнения с военной службы шахматы заняли значительное место в моей жизни. Да, это так. Более того, на долгое время основное и единственное, если иметь в виду профессиональную деятельность.

Но поначалу всё было очень непросто. Напомню, со службы меня уволили по состоянию здоровья, дали группу инвалидности без права работать. Чтобы добиться этого права, пришлось идти, в том числе, психиатрическую больницу. Множество всевозможных тестов довелось проделать, чтобы получить желанную справку: Эдуард Митченко работать может.

А работать я хотел только шахматным педагогом. Пришёл в Дом шахмат имени Пауля Кереса, на базе которого работала городская шахматная школа. Разумеется, пришёл не в первый раз – давно был вхож в этот дом. Многих тренеров хорошо знал. В частности, очень ценю дружбу с Тыну Труусом (если вынести за скобки один неприятный эпизод, когда Тыну повёл себя, на мой взгляд, непорядочно). Думаю, не было тогда в Эстонии другого шахматного тренера, равного ему по квалификации.

В чисто эстонском коллективе приняли меня хорошо, как и всегда принимали. Несмотря на мою принадлежность к «оккупационной» армии – этот термин был уже в ходу, а вскоре стал в Эстонии практически официальным.

Из русских тренеров в шахматной школе работала только Лидия Глебовна Барбо де Марни, да и то на четверть ставки. Основная же работа у неё была на заводе «Вольта», где, кстати, высоко котирировалась как ведущий конструктор. С ней мы тоже сотрудничали задолго до моего прихода в Дом шахмат. Короче говоря, было кому молвить слово за меня перед руководством. И я был принят в городскую шахматную школу.

Вот как я описал первые свои впечатления о новой работе в одном из писем маме и сестре:

«...У меня всё пока идёт по плану. Работа мне нравится и приносит удовлетворение. Заработок, правда, пока невысокий, но к новому учебному году обещают добавить.

У меня три группы ребятишек (мальчики, в основном) в возрасте от 6 до 8 лет, но в основном ученики первого и второго

Таллиннский Дом шахмат им. П. Кереса – первое моё место работы после увольнения в отставку.

класса. Их программа обучения рассчитана на пять лет. Тренер я начинающий, придётся много поработать, чтобы был результат.

Обнадёживает коллектив. Хотя в основном эстонский, но все они довольно сносно объясняются на русском. Довольно дружный коллектив и вообще-то опытный, если судить по успехам учеников на всесоюзной и международной арене.

Директор школы – очень известный и популярный в Эстонии международный мастер Иво Павлович Ней».

Впрочем, в самом Доме шахмат я работал недолго. Мною овладела нестандартная идея, и я загорелся желанием ее осуществить.

В 1986 году мы получили квартиру в Таллинне, в строящемся тогда ещё районе Ласнамяэ на улице Юмера, а как раз там же, напротив нашего дома, вступила в строй Таллиннская 38-я основная (девятилетняя) школа. За несколько недель до начала учебного года я пришёл к директору Нелли Александровне Репецкой и изложил свою идею: организовать шахматный всеобуч для всех первых классов (а их, к слову, в том учебном году в школе было целых десять). Затем из детей, проявивших интерес и определённые способности к шахматам, сформировать 2-й класс и вести его до выпуска.

«Без шахмат нельзя представить полноценного воспитания умственных способностей и памяти. Игра в шахматы должна войти в жизнь начальной школы как один из элементов умственной культуры. Речь идёт именно о начальной школе, где интеллектуальное воспитание занимает особое место, требует специальных форм и методов работы» – возможно, я не ссылался в разговоре с Нелли Александровной на это высказывание великого педагога Василия Андреевича Сухомлинского, но то, что руководствовался им, – это точно. Понятно, что Нелли Александровне понадобилось некоторое время, чтобы осознать моё предложение. Впрочем, совсем непродолжительное. Далее разговор пошёл уже деловой и детальный.

Забегая вперёд, могу констатировать, что следующие девять лет были самыми счастливыми в моей жизни после увольнения со службы. Поистине золотыми. И благодарю я за это необыкновенно умного и светлого человека Нелли Александровну Репецкую. Если бы не её заинтересованность в моей идее, трудно сказать, как сложилась бы моя жизнь.

К сожалению, уже через три года после нашей первой встречи Нелли Александровны не стало, но всё задуманное нами было уже осуществлено и отлажено. Да и поддержка у меня была со стороны районного отдела народного образования.

Мне выделили целых три помещения: большую аудиторию для занятий, комнату для педагогов и компьютерный класс. Я установил в нём 32 шахматных компьютеров, которые купил в

Ленинграде при поддержке городской шахматной школы. Это были первые советские шахматные компьютеры. В большом классе к нашим услугам была и библиотека – три тысячи томов шахматных книг и подшивок журналов, которые я к этому времени накопил.

Когда к нам приходили руководители шахматной школы, они только языками цокали и качали головами от удивления.

Уместен вопрос: не чрезмерную ли ответственность я, вчерашний кадровый офицер ВМФ, взял на себя, явившись в школу в качестве педагога? Да, нередко отставники преподавали НВП (начальную военную подготовку) в старших классах, но я-то пришёл к первоклашкам. Конечно, не общеобразовательные предметы им преподавать, а только шахматы, но тем не менее. Впрочем, невозможно же, встречаясь лицом к лицу с детьми, ограничиваться исключительно предметом обучения. Педагог и общее влияние оказывает на ребёнка... Да если хотя бы и только шахматным премудростям обучать – это тоже полноценная педагогическая специальность, которой овладевают в соответствующем высшем учебном заведении. Я же учился в военно-морском инженерном училище... Что ж, должен ещё раз поблагодарить Нелли Александровну Репецкую за то, что поверила мне. Впрочем, риск оказаться изгнанным из школы с позором, думаю, был минимальным.

Да, я служил на флоте. Но пятнадцать лет занимался преподавательской работой. Казалось бы, ничего общего: обучать взрослых людей, матросов и офицеров обращаться с оборудованием атомной подводной лодки – и учить шахматам маленьких детей. Внешне – да, мало общего. Но суть-то та же: передавать некую сумму знаний и навыков группе обучаемых. А тут законы действуют универсальные.

Во время службы я старательно их постигал, как уже указывал ранее, изучал и пытался применять на практике опыт выдающегося педагога Виктора Шаталова. И я знаю, что делал своё дело вполне качественно.

К тому же, приступая к работе в школе, я знал, что у меня есть ещё один козырь: я люблю детей.

А что касается диплома... У меня был в Таллинне коллега, окончивший шахматное отделение Московского института физической культуры, но в своей тренерской деятельности, увы, совсем не преуспел: ни спортивных результатов нет у его воспитан-

ников, ни контакта с детьми. Я наблюдал за ним: дети устают, он устаёт, начинает раздражаться...

Впрочем, это довольно распространённое явление, когда обладатель диплома о специальном образовании – в разных видах деятельности – на деле оказывается бездарным специалистом, а человек без «бумажки» демонстрирует недюжинный талант. Я не про себя, хотя, замечу, результаты моей педагогической деятельности действительно налицо.

Разумеется, из сказанного не следует, что я с пренебрежением отношусь к педагогическому образованию. Наоборот, даже жалею, что не получил его: понимал, что некоторых знаний мне не хватало, в частности, в области детской психологии. Возможно, из-за недостатка знаний каких-то аспектов в области педагогики я не могу похвалиться стабильными на протяжении многих лет достижениями, как, например, тот же Тыну Труус, Аксель Рей, Леонид Пелешев из Нарвы...

В общем, я начал работать. Всё шло по плану. Из нескольких сотен первоклашек был сформирован 26 класс в количестве 32 детей – специализированный шахматный. Ещё через год класс получил официальный статус спортивного класса. Это был первый и, возможно, до сих пор единственный в Эстонии спортивный шахматный класс.

Из этих первоклассников я сформировал в Таллиннской 38-й основной школе специализированный шахматный класс.

Мне выделили ставку педагога, но я оставил себе только половину. А другую половину отдал учительнице младших классов, которую по моей просьбе администрация выделила для руководства классом. Правда, с этой учительницей долго мы не смогли работать совместно, и вскоре её заменила Евдокия Николаевна Молчанова – великолепная учительница химии, умеющая удивительно легко ладить с детьми. И вот она-то действительно стала моей соратницей и единомышленницей в полном смысле слова. Тем более что обе её дочери занимались в этом классе. Одна с самого начала, вторая была зачислена позже.

Дети находились в школе пять дней в неделю с 8 до 18 часов. Утром у них были уроки по общеобразовательным предметам. Потом – обед, приготовление домашних заданий. После этого – шахматы, полтора-два часа ежедневно.

На занятиях в шахматном классе.

Чтобы добавить детям физической активности, я договорился о третьем уроке физкультуры для них. Кроме того, мы два раза в неделю ходили в бассейн. Конечно, нагрузка у детей была огромная.

Не удивительно, что некоторые родители выражали беспокойство в связи с этим. Мы собирались и обсуждали эти вопросы. К счастью, в основном в спокойной, деловой обстановке. Я убеждал родителей в том, что надо детям потерпеть, втянуться в такой режим, и всё пойдёт нормально. И что им очень важно чувствовать поддержку и заинтересованность родителей.

И потом, на успеваемости ведь повышенная нагрузка не сказывалась. Наш класс в целом учился как минимум не хуже остальных. В основном на 4 и 5. Все были довольны – и родители, и учителя, которые, по их словам, шли на уроки в мой класс отдыхать.

Никого из класса отчислять не пришлось. Бывало, уходили отличники, но добровольно: утрачивали интерес к шахматам, не было прогресса в игре, а проигрывать не любили. Отличник не обязательно должен быть хорошим шахматистом.

Словом, нам удалось создать поистине райский детский шахматный уголок, притягательный для детей, склонных к шахматам, со всего города.

Спортивные результаты не заставили себя ждать. Максим Елисеев, Дима Канила, Коля Ватансий, Оля Беляева, Таня Заец, позже пришли Аня Абишева, Лера Осипова... Почти все они были чемпионами Эстонии в своих возрастных группах, а некоторые и неоднократно. Настоящей нашей звездой был Андрей Шишков, перешедший к нам из другой школы. Впоследствии он стал международным мастером. Правда, учился Шишков в обычном классе, так как был на год или два старше ребят из шахматного класса.

Вершиной же в смысле спортивных результатов я считаю наши выступления на всесоюзных соревнованиях школьных команд на призы ЦК ВЛКСМ «Белая ладья». Обычно команды из Эстонии занимали в этих соревнованиях места в лучшем случае в третьем десятке, и на большее не претендовали – мол, нам ли тягаться с соперниками из таких больших республик, как Россия, Украина...

Мы три раза выступали в «Белой ладье» и результаты шли по нарастающей – 16-е место, 11-е, наконец, выход в главный финал и 6-е место! Тогда мои ребята учились, кажется, в шестом классе. Плюс Андрей Шишков.

Наша команда на одном из турниров «Белая ладья»: Андрей Шишков, Максим Елисеев, Дима Канила, Арсений Васильев, Оля Беляева. Справа – кто-то из организаторов соревнований.

В 1990 году финальный турнир «Белая ладья» состоялся в Краматорске Донецкой области Украинской ССР.

На соревнованиях в Краснодоне Луганской области.

В 1991 году наша команда успешно выступила на республиканском турнире в Нарве.

Мы побывали и в Славяногорске (ныне Святогорск) Донецкой области. С нашими воспитанниками моя коллега Лидия Глебовна Барбо де Марни.

В дни турниров в других городах у ребят было время и для отдыха.

Я считал себя не просто педагогом, учителем, а ещё и тренером. Разница понятна. Педагог и учитель воспитывают и обучают, а ключевой критерий работы тренера – спортивные результаты его воспитанников. У моих ребят, а значит, и у меня, хорошие результаты были, и я не скрываю, что этим горжусь.

Собственно, методика моя была простой. Если в двух словах – как минимум, надо не мешать развиваться ученикам. Я не торопил их, не перегружал чрезмерными нагрузками и требованиями. Главное, чтобы шахматы им были интересны. Занимались дети в группах, сформированных из учеников примерно равных способностей. Чтобы каждый имел шансы выигрывать партии. А если мальчик или девочка будут постоянно проигрывать, это может не

только подорвать их интерес к шахматам, но и негативно сказать-ся на моральном состоянии вообще.

Но я был не просто шахматным тренером, а педагогом в широком смысле слова. Я верил и верю, что шахматы – игра поистине божественная, учит человека мыслить не только за шахматной доской, но и вообще в жизни, способствует формированию гармоничной личности. Искренне верил и верю, что благодаря шахматам дети могут стать здоровыми и счастливыми людьми. Шахматы – даже больше, чем игра. Это явление культуры.

Так что отнюдь не только шахматной доской ограничивалось моё общение с детьми, и даже не только школьными стенами. Круг моих забот был необычайно широк – от обучения навыкам пользования за столом ножом и вилкой до помощи в выборе жизненного пути. Неслучайно клуб, который я организовал для ещё большего сплочения моего класса, назывался «Гармония».

При этом я руководствовался словами того же Василия Андреевича Сухомлинского, которые прочитал (и записал в одном из своих дневников) в его книге «Как воспитать настоящего человека»:

«Воспитывайте своих питомцев так, чтобы с малых лет их сердца озарились ярким светом духовной красоты – и тогда их сердца будут чистыми и тонкими, чуткими и восприимчивыми к этическому поучению, на страже поступков ваших питомцев всегда будет стоять чуткий часовой – ваша совесть. Состливые вырастают там, где царит дух изумления перед красотой героизма, мужества, верности убеждениям, готовности отдать жизнь во имя идеалов и идей. Этот дух изумления создаёт ту утончённость сердца, благодаря которой слово становится могучим средством воспитания. Вот что необходимо, чтобы человек был воспитуемым. Но как звучание музыкального инструмента становится тоньше и выразительнее, когда на нём играют, так и чуткость человека к воспитанию – способность быть воспитуемым – повышается при постоянном воспитании».

Я мог бы процитировать здесь десятки подобных высказываний известных людей, которые в своё время аккуратно переписал в свои тетради.

У каждого ребёнка – своя уникальная судьба. Взять того же Максима Елисеева. Одарённый мальчишка, он уже в 6 лет выполнил норматив 3-го разряда. К шахматам его приобщил дедушка. Но по большей части мальчик был предоставлен сам себе: отец,

моряк, месяцами дома отсутствовал, да и не верил он, что у его сына есть талант к шахматам. Мать была занята новорождённой дочкой. Словом, родительской поддержки мальчик не чувствовал, а ведь она очень важна.

Тем не менее, Максим начинал заниматься у меня ещё в Доме шахмат.

Я захотел перевести Максима, который учился в другой школе, в свой шахматный класс, уже 3б. Проблема состояла в том, что он успел окончить только первый класс, причём неважно, в основном, на тройки. Кто же его примет сразу в третий?

Одна добрая учительница согласилась позаниматься с ним летом по программе второго класса. Вроде бы он что-то усвоил, во всяком случае, решили принять его в 3-й шахматный класс. И не ошиблись! Максим, словно желая оправдать оказанное ему доверие, учиться стал хорошо, и не снижал успеваемости до самого выпуска. И в шахматы играл здорово. К девятому классу был перворазрядником, но потенциал его, считаю, был гораздо выше.

Один из самых талантливых моих учеников Максим Елисеев – участник состоявшегося в Ленинграде отборочного турнира к первенству мира в своей категории.

Он же готовится к поединку.

Дела у нас шли вроде бы успешно, тем не менее, даже через три года некоторые высказывали опасения, что наш шахматный класс – явление временное. Мы даже провели анкетирование родителей – хотят ли они, чтобы шахматный класс продолжил свою

деятельность? Подавляющее большинство родителей ответили «да». Нет, наш класс был явлением постоянным. Предназначенный ему путь он прошёл до выпуска.

Правда, дневниковые записи напоминают, что даже в эти лучшие мои годы не всегда мне было радостно на душе. Бывало, нападала хандра, как, например, 2 декабря 1992 года, когда я записал в тетради:

«...Что беспокоит? Вот уже почти два года буксую в работе. Утерян ключ, позволяющий многие вопросы решать «на ура». Появилась определённая апатия ко всему. <...> Безусловно, обвал в стране не мог не сказаться на моём состоянии, как и на состоянии близких людей. Как, безусловно, и нелепая смерть, которая унесла сестру, а вскоре и мать, с которой думал вместе дожить до её 100-летия.

Причин, которые мешают жить и трудиться в радости, можно перечислить много. Четырежды вскрывали дачу с хищением вещей, инструментов и продуктов. Серьёзная кража на Махтра, особенно жаль дипломата с документами. <...>

Да и Тыну хорош. Надо же было так сломаться. Потрясающе необязательный, да ещё пьёт по-чёрному. Детей от него надо, безусловно, ограждать. Всё, что помимо шахмат, имеет от него отрицательный эффект. <...>

Лида тоже помощница неудачная. Только, как говорится, под себя и для себя. КПД у неё низкий. Занимается в основном показухой, чтобы удержаться на плаву как тренер. А как привыкли пить! Да и я туда же. Стоит выпить рюмку – и понеслось. Наутро жалею. И пью без меры, и ем в это время много. И совсем уже сдурел – закурил...»

«Пережил тяжёлый спад...» – так начинается длинная запись от 26.02.1994 с подробностями, которые не буду здесь подробно воспроизводить. Тут и уход ряда моих воспитанников к другим тренерам, и фиаско, как написано, с Максимом Елисеевым... И такой вывод, сделанный, вероятно, на эмоциях: «Следует решительно распрощаться с шахматными амбициями. Ничего, кроме огорчений и неблагодарности, они не принесли...»

И, тем не менее, дальше написал: *«Однако признание как тренера состоялось. Никто не в состоянии перечеркнуть достигнутых успехов в детских шахматах...»* Далее следует перечисление этих успехов. И вывод: *«Менять профессию пока не следует. <...> Удовлетворение приносит работа с самыми маленькими. Их*

внутренняя большая радость от общения с шахматами и мне приносит ощущение радости бытия».

И всё-таки мы благополучно добрались до выпускного класса основной школы. Девятилетнее образование в шахматном классе получили 25 человек – на несколько человек меньше, чем начинали, но это непринципиально.

Волнительный выпускной акт вызвал у меня неоднозначные чувства. В этот день я остро ощутил, как бесконечно дороги мне все эти ребята. И как быстро пролетели эти девять лет. И как мне не хочется с ними расставаться.

А ведь школу они ещё не окончили. Большинству предстоит поступить в десятый класс. Кто-то пойдёт в среднее специальное учебное заведение. И там уже шахмат в том виде, как это было у нас, у них уже не будет. Мне трудно было с этим смириться, отделяться от ощущения, что расстаёмся мы преждевременно.

Каждому выпускнику я подарил т.н. гроссмейстерские шахматы (утяжелённые, используемые в серьёзных турнирах) и шахматные часы.

Согласно существовавшей договорённости, выпускники девятого класса 38-й школы переходили в Таллиннскую 65-ю среднюю школу (ныне Ляэнемереская гимназия). Те, кто пройдёт конкурсный отбор. На этом этапе наш класс вновь подтвердил свою хорошую подготовку – из 25 учеников 19 были зачислены в 10-й математический класс 65-й средней школы.

Среди остальных шестерых был Серёжа Поляков, повозиться с которым мне пришлось немало. Отличник в учёбе не обязательно должен быть и отличным шахматистом. В то же время троечник может отлично играть в шахматы. Сергей Поляков – как раз такой случай.

Да и тройки-то ему натягивали. Он не просто неважно учился, а так скверно, что несколько раз вставал вопрос его отчисления. Мальчик и его брат росли без отца, мать с трудом сводила концы с концами.

Всякой раз, когда речь заходила об отчислении, я защищал его, настаивая на том, что отчисление, то есть отлучение от шахмат на пользу ему не пойдёт, скорее наоборот. В общем, как-то дотянули до девятого класса.

Впрочем, не так важно на самом деле, как он играл в шахматы. В любом случае судьбы этих ребят мне были небезразличны.

Вот почему мы с классным руководителем Евдокией Николаевной Молчановой обошли едва ли не все гимназии, пытаясь пристроить Сергея в десятый класс. Это было непросто, ведь у парня было восемь троек по итогам основной школы. Нас просто высмеивали, особенно Евдокию Николаевну – мол, вы же учитель, как вам могло прийти в голову хлопотать за такого ученика?

Тогда мы пришли к кому-то из руководителей строительно-механического техникума. Да, основную школу Сергей окончил на тройки, но имеет первый разряд по шахматам, мало того, побеждает кандидатов в мастера, убеждали мы его, то есть голова у парня светлая. И его приняли.

К счастью, Сергей нас не подвёл. Он успешно окончил техникум и в то время, когда я начинал это повествование, знаю, что он работал по специальности в крупной строительной фирме Merko, был уважаемым специалистом. Есть и семья. Я уверен, что увлечение шахматами сыграло не последнюю роль, в том, что всё у него сложилось на тот момент хорошо. Надеюсь, что всё хорошо и сейчас.

Угроза отчисления витала и над Дианой Брехун. Тоже росла без отца, в неблагополучной семье. Не отчислили, доучилась до девятого класса под моим постоянным наблюдением. Правда, в отличие от Сергея Полякова, не знаю, как у неё сложилась жизнь после того, как мы расстались. Остаётся надеяться, что всё у неё благополучно.

Довелось мне сражаться и за брата Серёжи Полякова – Сашу. С ним было сложнее, чем с Серёжей: связался с воровской компанией, с наркотиками. Вытаскивал его из этой трясины, в том числе с помощью шахмат. Но не только. Стыдно признаться, но и пороть пришлось его за проступки по взаимной договорённости. Единственный случай в моей педагогической практике. Но победителей не судят, не так ли? Не уверен, конечно, что этот педагогический «метод» сыграл решающую роль, но главное, что и у Саши опять же на тот момент, когда начинал повествование, всё у него было в порядке: работает шеф-поваром в одном из ресторанов, семья у него хорошая.

Радуюсь за каждого своего воспитанника, кто занимает достойное место в жизни, независимо от достигнутых результатов в шахматах. Среди них, например, и Яна Есипович, довольно популярная сегодня в России актриса театра и кино.

После того, как я расстался со своими воспитанниками, логично было всё начинать сначала: заниматься шахматами во всех 1-х классах, затем формировать 2-й шахматный и идти с ними до выпуска.

Но Нелли Александровны Репецкой, к великому сожалению, уже не было с нами. К моменту выпуска моих воспитанников школу возглавляла Марина Андреевна Баранюк. Честно говоря, она мне сразу не пришлась по душе: показалась какой-то грубоватой, резкой. Впрочем, я бы легко с этим смирился, если бы Марина Андреевна поддержала моё начинание так же, как Репецкая.

Нет, прямо в лоб мне не было сказано, чтобы убирался вон со своими шахматами. Вытесняли постепенно, хотя и настойчиво.

Однако особенно настроил меня против Баранюк один эпизод, не связанный с шахматами. Это было время, когда на всей территории в тот момент уже бывшего Советского Союза ниспровергали с пьедесталов (как в прямом, так и в переносном смысле слова) былых вождей и кумиров, в том числе В. И. Ленина.

Наша школа не осталась в стороне. Это было ужасно, когда я увидел вываленные на школьное крыльцо библиотечные книги В.И.Ленина. Видеть это было невыносимо. Я состоял в партии, основанной Лениным, не потому, что кадровому офицеру полагалось быть членом КПСС, а потому что искренне поддерживал принципы коммунистической идеологии. Если перечитать непредвзято Моральный кодекс строителя коммунизма, нельзя не согласиться, что он, по сути, не отличается от Нагорной проповеди Христа с её заповедями.

Даже если книги по какой-то причине решили изъять из библиотеки, разве это означает, что их можно демонстративно бросать у порога школы (!), под ноги ученикам?! Уму непостижимо... Конечно, я зашёл к директору, сказал всё, что об этом думаю.

Марина Андреевна Баранюк и сегодня довольно известный в педагогической и родительской среде специалист, приверженец т. н. гуманной педагогики. Желаю ей успехов на своём поприще, в то же время оставляю за собой право иметь собственное мнение об этом человеке.

Короче говоря, пришлось мне расстаться с Таллиннской 38-й школой. Но не с шахматной педагогикой!

Маарду: радости и печали

В течение нескольких лет, с конца 1990-х и до начала 2000-х годов, я работал в Маарду, небольшом городе в 15 км от Таллина. Я рассчитывал, что путь, успешно пройденный в таллиннской школе, удастся повторить в местной гимназии. Да, именно в гимназии, то есть довести своих воспитанников уже не до 9-го, а до 12-го класса. Надежда была тем сильнее, что директор гимназии Лео Реппонен оказался любителем шахмат и довольно сильным перворазрядником, как я убедился, играя с ним.

Выслушав меня, он, в принципе, поддержал моё предложение, но... По независящим от себя причинам директор не мог обеспечить необходимых условий. Тем не менее, в Маарду я остался. При поддержке председателя Маардуского спортивного объединения Эвальда Раудсеппа организовал городской шахматный клуб.

Мои воспитанники показывали неплохие результаты. Вот только нормального помещения не хватало для полноценной работы клуба. Мне приглянулось заброшенное здание бывшего детского сада. Мэр Георгий Васильевич Быстров, у которого я побывал на приёме, распорядился передать здание для шахматного клуба. Мы с помощниками привели его в порядок, и в марте 1999 года клуб распахнул свои двери.

Правда, уже в самом начале не обошлось без неприятностей. Деньги, выделенные на фуршет по случаю открытия клуба, я решил использовать, как мне показалось, более рационально: приобрёл вешалки для верхней одежды. Некоторые важные люди были этим недовольны. Это был лишь первый звоночек... Как бы там ни было, клуб начал действовать. Я перевёз сюда свою шахматную библиотеку, те самые компьютеры и прочее. Всё шло хорошо. Мы показывали неплохие результаты и на районном уровне, и на республиканском.

О нас много писали в городской газете, я и сам предлагал свои заметки. Сейчас перечитываю их – и живо вспоминаются подробности. Вот, к примеру: *«...Завидную волю к победе и мастерство проявили наши ребята, разгромив опытных соперников из Раквере с счетом 4:1. Единственное поражение в исключительно упорной борьбе потерпел И. Ключко. Эта победа позволила нам догнать по очкам Силламяэ, после чего борьба за бронзовые медали обострилась до предела...»*

Высоко была оценена и моя педагогическая работа в целом. На официальном уровне: в 2001 году я стал лауреатом конкурса «Дружелюбный учитель». А работа эта зачастую и не видна посторонним. Взять описанную выше историю с теми же братьями Поляковыми.

А в Маарду произошла одна неприятная история с неплохой шахматисткой Дашей Дмитренко.

Однажды выяснилось, что из карманов верхней одежды стали пропадать деньги в монетах. Понятно, что это делал кто-то из детей. Один имеющий отношение к клубу мужчина, у которого тоже пропадала мелочь, для того, чтобы определить похитителя, придумал своеобразный, хотя не очень гуманный способ: он измельчил в крошку бритвенные лезвия и положил в карман, перемешав с монетами.

В этот же вечер деньги у него из кармана опять исчезли. А на следующий день Даша Дмитренко, а было ей тогда лет 10-11, пришла на занятия с перебинтованными пальцами...

Нет, никакого разноса ей устраивать я не стал. Просто поговорил с ней, с её мамой. И очень надеюсь, что этот урок пошёл ей на пользу.

В целом же, казалось бы, работай и радуйся. Я даже ушёл из Таллиннской шахматной школы, желая полностью сосредоточиться на работе в Маарду. Позже столичные коллеги высказывали мнение, что напрасно сжёг я все мосты. Позже и сам это понял, но задним умом мы все сильны.

У меня ведь там всё хорошо было до определённого момента. Кстати, для популяризации шахмат в Маарду я как-то организовал в городе турнир, в котором приняли участие лучший тогда эстонский шахматист Яан Эльвест, известный советский и российский, в то время проживавший в Латвии гроссмейстер Евгений Свешников и другие. Не слышал, что после того, как я попрощался с Маарду, там состоялись турниры с участием шахматистов такого уровня.

Титул «Дружелюбный учитель» присуждается педагогу за соответствующее отношение к детям, но я старался быть дружелюбным по отношению не только к моим юным воспитанникам, но и ко всем людям, с которыми контактировал по работе. Не только в тот период, а всегда и везде.

Тем не менее, в какой-то момент начались неурядицы, впоследствии перешедшие в чёрную полосу. Я был уверен, что работаю

самостоятельно в клубе, который сам же создал, но мне настойчиво стали давать понять, что есть в городе люди, которым я обязан беспрекословно подчиняться. В клубе у меня занимались и дети, и взрослые. Меня стали обвинять в том, что я слишком много внимания уделяю детям, а работу со взрослыми бросил на самотёк. Считаю себя профессиональным детским тренером, возможно, я действительно с детьми возился больше. А что со взрослыми-то нянчиться? Тем более что их всего-то числилось в клубе не более двух десятков человек.

Возникли вопросы и по части финансов. Кое-кто усмотрел связь между тем, что я недостаточно много работаю со взрослыми, и резким сокращением финансирования взрослых шахмат. Тогда как с детскими в этом плане всё обстояло более или менее благополучно. Помимо городских денег, средства выделяло и Министерство культуры.

Но моя-то в чём вина? Я разве против того, чтобы и на взрослых шахматистов выделялось достаточно денег, даже неоднократно ставил об этом вопрос, но что я могу сделать, если не удалось их добыть?

Или это был только повод для наступления на меня? Как бы там ни было, дошло до того, что на повестке возник вопрос о моём смещении с должности руководителя клуба и члена правления. Чем-то и кому-то я мешал. Может, со своим независимым характером не вписывался в местные порядки? Не знаю, но такое ощущение есть. Ощущение того, что порядки в Маарду тогда были какие-то мафиозные. Мне, человеку чрезмерно, возможно, доверчивому, становилось здесь всё более неуютно.

Депутат местного Горсобрания врач Борис Слепиковский в те дни сказал мне примерно так: «Ты – винтик здесь. Если они решились тебя убрать, то уберут».

В 2001 году я был отмечен по итогам конкурса «Хороший учитель». Удостоверение подписано вице-мэром Таллинна.

Кстати, и над Эвальдом Раудсеппом в какой-то момент сгустились тучи. На одном из собраний был поставлен вопрос о смещении его с должности за недоверие. Я выступил в поддержку Раудсеппа.

После собрания Раудсепп и Реппонен о чём-то беседовали. Я подошёл к ним. «Эти могут и убить» – запомнились мне слова Раудсеппа. Да, так всё и вышло: по итогам голосования на очередном отчётно-выборном собрании в феврале 2002 года в члены правления я избран не был. Ключи велели сдать.

Я был ошеломлён. Ведь Маардуский шахматный клуб – моё детище. Я его создавал, три года пестовал, сделал одним из лучших в Эстонии. И теперь мне же – от ворот поворот.

Руководителем же клуба, как выяснилось позже, назначили некоего Васильева, известного пристрастием к игре в казино. Такое впечатление, что решение это было навязано не имеющими отношения к клубу, но влиятельными лицами.

Меня упрекали в том, что с отчётностью дела у меня плохи. Действительно, бухгалтерия, бумажная работа – это не самая сильная моя сторона. Но я могу поклясться: ни одна крона казённых денег к моим рукам не прилипла. А отчётность... Ну, это же всё поправимо. Если относиться друг к другу дружелюбно.

Но нет, эту «партию» я проиграл. Мне поставили мат... Даже один из моих лучших учеников Виталий Шлыков, чемпион Эстонии, выступил против меня.

Однако и после этого события продолжали развиваться по удручающему для меня сценарию. В тот момент, когда я хотел вывезти из клуба моё личное в основном имущество, председатель Горсобрания и президент шахматного клуба Ханс Винкман потребовал всё вернуть на место, а не то, мол, отнимут силой.

Я подчинился, но решил сопротивляться, сколько могу. Ключи Васильеву сдавать отказался, замок в дверях заменил. Не понимаю, почему, собственно, я должен был оставлять имущество, которое приобретено на мои личные деньги (библиотека главным образом) и на средства моих спонсоров?

Тем не менее, в мой адрес раздавались прямые угрозы. Меня поджидали у клуба, стучали в окно, желая, очевидно, «поговорить». Я даже обратился к руководителю маардуского боксёрского клуба Александру Баранову с просьбой выделить телохранителя. За оплату этой услуги, конечно. Поставил в известность о происходящем и полицию.

Местное издание «Городская жизнь» выступило в мою защиту, опубликовав статью «Лес рубят, щепки летят». В частности, в ней написано: «Наверное, он действительно вдумчивый детский педагог. Не случайно же в прошлом году стал лауреатом конкурса «Дружелюбный учитель». Достаточно послушать, как Митченко рассказывает о своих воспитанниках. А рассказывать Эдуард Сергеевич может долго почти о каждом. Он обучает их не фигуры двигать по доске. Готовит их к большой жизни, моделью которой является шахматная игра...»

В статье приведено и такое письмо читательницы:

«...Ещё полгода назад я мучилась со своим тогда почти шестилетним сыном. Обладая незаурядным складом мышления и математическими способностями (когда его ровесники иногда с трудом постигали математику в пределах десяти, он уже хорошо ориентировался в трехзначных числах), он был слишком застенчив и из-за маленького роста явно страдал комплексом неполноценности. Мы предлагали ему футбол в надежде, что он станет общительнее и живее. Выходило же наоборот – он не успевал за другими и становился ещё более неуверенным в себе. Мы пробовали привлечь его к творчеству в художественной студии, где занимается его сестра. Он сходил два раза отказался от этого наотрез. То же самое постигло нас с балными танцами и с бассейном.

А дальше нам просто повезло. В детском саду кто-то из ребят научил его играть

в шахматы, даже не то чтобы играть – двигать фигуры. Ему понравилось. Вывеску на шахматном клубе он прочитал сам, когда мы проходили мимо, и попросил, чтобы мы туда зашли. Так мой сын стал самым младшим на тот момент учеником тренера Эдуарда Сергеевича Митченко. Он ходил на занятия по пять раз в неделю, абсолютно добровольно и с большим желанием. Приносил маленькие призы за свои маленькие победы или утешительные призы за поражения – значки, открытки, машинку – и постоянно менялся во всей своей остальной жизни: стал увереннее в себе, перестал плакать по пустякам, с удовольствием ходит в бассейн учиться плавать. Он нашёл себя, сейчас он уже не просто двигает фигуры, а играет – создает своим комбинации, ставит мат, в каждый свой ход вкладывает какую-то свою мысль, он – потенциальный будущий шахматист, возможный чемпион и гордость нашего города...»

Это только одно мнение. Как пишет автор статьи, «много тёплых слов в адрес Эдуарда Сергеевича я услышала от родителей, пока готовила этот материал».

В те же дни несколько десятков родителей подписали и официальное заявление руководству Маарду:

«Мы, родители детей, посещающих шахматный клуб под руководством Э. С. Митченко, категорически возражаем против снятия с должности нашего детского тренера.

Наши дети в течение трёх лет пять раз в неделю были заняты в шахматном клубе. За это время они достигли значительных результатов. Дети изменились в лучшую сторону в эмоциональном и психологическом плане. У них повысилась успеваемость в школе. Дети стали более собранными, ответственными. Они гордятся своими успехами и своим клубом, ставшим им родным.

В этом большая заслуга их тренера Эдуарда Сергеевича Митченко – детского тренера от Бога. Он умеет найти подход к любому ребёнку. Дети с удовольствием общаются со своим тренером не только по шахматным проблемам, но и по другим вопросам, которые их волнуют. Эдуард Сергеевич всегда найдёт правильный ответ и возможность объяснить и поддержать ребёнка.

С чувством возмущения узнали мы о снятии с должности нашего тренера. Шахматный клуб – это единственное место в городе, где дети даже из не очень обеспеченных семей могли заниматься этой прекрасной игрой – шахматами, так как занятия были бесплатные.

Не хотелось бы думать, что наша местная администрация и г-н Г. Быстров, за которого мы голосовали, заинтересованы в пополнении числа наркоманов и малолетних правонарушителей. Мы против замены детского тренера, устраивающего и детей, и родителей, на кого бы то ни было. Очень надеемся, что наше письмо не останется без внимания первых лиц нашего города».

Возможно, это заявление и не осталось без внимания первых лиц города, но никаких последствий оно не имело.

Имущество я всё же вывез. Ночью, взяв несколько помощников.

Вот так печально завершился короткий маардуский период моей шахматной деятельности. А как хорошо всё начиналось...

Я со своими воспитанниками в созданном мною маардуском шахматном клубе.

Открытие одного из турниров в Маарду. Выступает мэр города Г. В. Быстров.

Мои маардуские воспитанники с наградами, полученными на различных соревнованиях.

В Таллиннской Ляэнемереской гимназии

Но жизнь продолжалась, и я вновь пришёл в школу, на этот раз Таллиннскую 65-ю среднюю (ныне Ляэнемереская гимназия).

Меня ещё во время моей работы в Маарду приглашал директор школы Евгений Караваев, с которым мы ранее где-то пересекались. Опять повезло: Евгений Константинович, правда, не шахматист, но тоже человек из мира спорта – фехтования и современного пятиборья. Он мне обещал золотые горы, в том числе прекрасные помещения в отдельном здании бывшего детского сада, которое тоже принадлежало школе.

Но когда позже мне показывала школу завуч, я заметил, что она чем-то очень расстроена. Оказалось, что они, учителя, рассчитывали на эти помещения для своих нужд.

Конечно, я сразу отказался от них. Мне предложили другое помещение, подвальное. Впрочем, до работы тогда дело не дошло, я продолжал работать в Маарду. И только когда там всё окончательно было закончено, я вспомнил о предложении Караваева.

Между тем, ему недолго довелось директорствовать в этой школе – 3-4 года. Особенно против него была настроена завуч по внеклассной работе Светлана Ивановна Логусова, которая инициировала коллективное письмо учителей против Караваева в вышестоящие инстанции. А поскольку я был как бы протеей директора, то она и на меня перенесла негативное отношение. Впрочем, эта дама мне не слишком симпатична не по этой причине. Дело в том, что мне в принципе не нравятся женщины, которые курят и злоупотребляют алкоголем.

Караваеву действительно пришлось уйти из школы – если я правильно понял, он организовал на территории школы незаконную коммерческую деятельность.

На его место пришёл Валерий Петрович Новиков. Уже при нём я пришёл в 65-ю школу. Хотя к шахматам он не имеет отношения, впечатление у меня сложилось о Владимире Петровиче самое благоприятное – умный, эрудированный, интеллигентный человек.

Под крышей 65-й средней школы я учредил Ласнамяэский молодёжный шахматный клуб, который работал достаточно долго – до 2014 года. Были и определённые успехи, правда, уже не такие яркие, как в золотое время работы в 38-й основной школе.

Имея соответствующий опыт, в 2006 году я организовал шахматный всеобуч в первых классах Ляэнемереской гимназии, а также в расположенном неподалёку Линнамаяэском русском лицее. Правда, сформировать специализированный класс и пройти с ним путь до выпуска – такое мне удалось только в 38-й школе.

Тем не менее, я тепло вспоминаю это время, когда работал в Ляэнемереской гимназии.

Включая летние каникулы: в течение нескольких лет я по своей инициативе организовывал городской лагерь с шахматным уклоном, который посещали несколько десятков учеников. Впрочем, шахматы занимали лишь небольшую часть лагерных будней. И только для желающих. Мы ходили в музеи, в зоопарк, устраивали всевозможные увлекательные игры. Не случайно наш лагерь назывался «Мир приключений».

Это был новый, но интересный для меня опыт как для педагога в широком смысле этого слова,

Благодарность от администрации Ляэнемереской гимназии за организацию и работу в летнем шахматном лагере.

По окончании соответствующих курсов в 2010 году я получил свидетельство о присвоении мне III категории тренера по шахматам.

Занятия с учениками в Таллиннской Ляэнемереской гимназии в классе и в летнем лагере.

На память о моих учениках остались и эти тематические рисунки, которые они мне подарили.

Вот как охарактеризовала мою деятельность в Таллиннской Ляэнемереской гимназии моя коллега, педагог Наталья Евгеньевна Григорьева:

«Как известно, в воспитании культуры мышления большая роль отводится шахматам. Можно сказать, что моим ученикам повезло, так как у них была замечательная возможность научиться играть в шахматы. Эдуард Сергеевич Митченко научил играть в шахматы несколько поколений моих учеников. Мы сотрудничаем с ним довольно продолжительное время.

Дети учились и играли с удовольствием, ведь Эдуард Сергеевич – мудрый и терпеливый наставник. А главное – сам одержим этой интеллектуальной игрой.

Несколько лет подряд мне довелось работать в городском шахматном лагере на базе Таллиннской Ляэнемереской гимназии под руководством Эдуарда Сергеевича.

Надо отметить, что он умел найти подход и договориться с каждым, с кем имел дело. Будь то ребёнок, подросток, родители, воспитатели отрядов или даже повара, которые нас кормили. А также умело и мудро разрешать конфликты. Дети любили педагога и с удовольствием записывались в лагерь. Ведь там можно было играть в шахматы и с пользой проводить своё время.

К нам, воспитателям лагеря и учителям, Эдуард Сергеевич относился корректно и уважительно, советовался по вопросам режима работы и учебно-воспитательной программы лагеря. Надо сказать, что и кадры он умел подбирать очень грамотно.

С Эдуардом Сергеевичем всегда можно было посоветоваться по важному вопросу, зная, что получишь разумный совет.

Я очень рада, что имела честь работать с Эдуардом Сергеевичем Митченко. Многому я и сама у него научилась».

Вот такой была моя шахматная жизнь. Вспоминаются и радостные моменты, и не очень приятные эпизоды. Были и серьёзные инциденты, конфликтные ситуации, в какие-то периоды охватывала апатия, раздражение.

Но это всё преходящее. А шахматы – вечны. Они всегда со мной. Где я – там и шахматы. Прекрасные, божественные, сказочные...

Из писем

В этой подборке – мои письма маме и сестре и пара писем от уже взрослой Вики бабушке. Они охватывают вторую половину 1980-х годов, когда я закончил службу и приступил к деятельности шахматного педагога.

Я – маме:

«Всё у нас дома нормально. 11 сентября 1985 года приказом Главкома ВМФ я уволен из рядов ВС, а с 18 октября исключён из списков части, в которой прослужил 21 год. Мероприятие с одной стороны волнующее, а с другой немного грустное, слово «пенсионер» никак не доходит пока до моего сознания.

Проводили меня прилично, вручили грамоту от нашего Главкома Горшкова за безупречную многолетнюю службу в рядах ВМФ, вручили медаль «Ветеран ВС», грамоту от командования. Сослуживцы преподнесли на память настенные часы. Отметили это важное событие в кругу близких. Хорошо посидели, попели, поплясали. Коллег по службе пока не собирал, думаю сделать это в ближайшее время.

Приступил к оформлению документов, которые нужны для гражданки, в том числе и к решению вопроса с пропиской в гор. Таллинне. Частенько стали ездить с Видулей одной электричкой. Работу подыскал, но оформлюсь на неё окончательно, по всей вероятности, только с Нового года.

У детей всё хорошо. Олежка весь в свадебных заботах, не пишет и нам, поросёнок. Изредка перезваниваемся лишь по телефону. Может быть, и спешит он с этим мероприятием...»

(без даты)

Я – маме и сестре:

«...Практикой Олежек доволен, но пришлось выполнять много «грязной» работы, так как на судне он был самым младшим. Устал и осунулся. Но это дело наживное. Главное то, что коллективом он доволен, а также строгим порядком на судне. Вроде бы не в обиде на него и коллектив. <...> По специальности он будет механиком, в далёкой перспективе – «дед», второе лицо на корабле после капитана. И специальность, и профессия ему нравятся. Даже большой шторм он переносит нормально.

<...>

Сейчас период у меня, как ты понимаешь, вновь не из лёгких. Для решения всех организационных вопросов, связанных с переходом на гражданку, требуется оформление ряда документов, а для этого подавай то одну справку, то другую, то... ещё пять! А это не только время, но и нервы.

А здесь ещё традиционная отходная, всё же в части 21 год, из них в одном подразделении 16 лет. Хотя ребята и намекали, что, дескать, можно и не делать – простим. Но хотелось попрощаться по традиции хорошо. Собралось нас 13 мужиков, все, кто был на месте, пришли. Было что выпить, и чем закусить. Подруга моя хоть и поворчала накануне, но в итоге помогла здорово. Собрались около 7 вечера, разошлись в первом часу. Было сказано много приятных слов. Викуля дополнительно порадовала музыкой. Я накануне и весь вечер чувствовал себя прекрасно. Однако перебора, вероятно, не избежал. <...>

Олег расписывается 26 декабря. Кажется, мы убедили молодых не устраивать по этому поводу шумных торжеств, никаких банкетных залов, тамады, оркестра и т.д. не будет, всё планируем по-семейному, скромно. Но ведь будущее счастье молодых не определяется количеством приглашённых, съеденного и выпитого за здоровье новобрачных... После регистрации они думают приехать к нам...»

(без даты)

Я – маме и сестре:

«...Я кручусь с оформлением документов на гражданку. Особенно затяжным вопросом оказалась прописка в Таллинне. <...>

Аллочка сейчас в Саки под Евпаторией. Еле уговорил поехать туда. Санаторий вроде бы по профилю. Дела со здоровьем у неё не ахти. <...>

У Викули без перемен. Крутится с раннего утра до отбоя. Встаёт она каждый день, кроме воскресенья, в 6.15, а заканчивается день в 23 часа и позже. Каждый день ездит в Таллинн. На дорогу уходит более 3 часов. Тяжело ей, устаёт. Но бодрится. Я её понимаю, сам почти каждый день в таком же режиме. Когда переедем в Таллинн, будет легче. Правда, тогда начнутся другие проблемы. Но в этом и заключается жизнь...»

(23.11.1985)

Я – маме и сестре:

«...Может, из продуктов что-то надо прислать, кроме масла? Напишите. И не думайте, пожалуйста, о моих временных материальных затруднениях в плане материальном. Я ведь, увольняясь со службы, получил пособие в размере двух окладов. Из Ростова кое-что подбросили. <...>

Боже мой! Хоть бы поскорее решился ваш квартирный вопрос. Как гора с плеч свалилась бы. Да и обстановка стала бы намного спокойнее. Столько лет ждать! Только от этого можно заболеть.

Теперь несколько слов в отношении Олега и его предстоящей свадьбы. Это хорошо, что он такой же, как и все. А браки ранние сейчас действительно в моде. Хотя он женится не так уж рано. Пятый курс, самое время.

А чего ещё ждать? Тем более что девочка не какая-то с улицы. Он с ней знаком уже год. В 1986 году тоже кончает институт. Впереди у неё защита диплома. Учится хорошо, что позволило ей уже сейчас устроиться на полставки в одной из лабораторий института. Мама вот уже тридцать(!) лет работает шофёром, отец начальник большого участка у строителей. Живут в 3-комнатной квартире рядом с Невским проспектом. То есть в центре славного Ленинграда. Есть дача рядом с городом, куда можно добраться на городском транспорте.

Молодые сразу решили жить отдельно. Мы приветствуем это. На их счастье, есть комната дедова по маминой линии, за которую платить не надо, и в которой, кроме холодильника, всё остальное есть.

Сверстали они ориентировочно и свой будущий бюджет. Олег сказал, что если мы будем высылать ему вместо 25-28 руб., которые он имеет от нас сейчас, рублей 40-50, то он будет доволен. Нас это тоже устраивает. <...>

Отношения у них друг к другу ровные, душевные. Интуиция подсказывает мне, что у ребят будет нормальная семья....»

(24.11.1985)

Я – маме и сестре:

«...У Олега с 8 декабря госэкзамены. Вот и пролетели годы учёбы.

У Викуши экзамены с 6 января. Скоро и она приобретёт полную самостоятельность. Всё у неё в порядке. Профессия нравится, музыкой продолжает заниматься.

Я уже все документы по гражданской линии оформил. Получил паспорт, военный билет, пенсионное удостоверение. Вчера ездил за пенсией. Первый раз получил в банке, а в следующий раз переведут на адрес таллиннский, где мы с Акой прописаны. Пенсию начислили полную. Так что теперь главная задача – восстановить здоровье. Если всё будет без осложнений, то к концу 1986 года должны выделить квартиру в Таллинне, а пока проживём здесь.

Район, правда, не очень хороший, далековато от центра, но выбирать не приходится. Лишь бы дали, да быстрее...»

(без даты)

Я – маме:

«...Регистрация прошла очень торжественно, родители не удержались и даже всплакнули при этом. Затем все направились в ресторан «Метрополь», где в одном из банкетных залов и отметили это событие.

Стол был заказан на 35 человек. Однако друзей Олега из военных училищ не отпустили, поэтому собралось 28 человек. Выпили 9 бутылок водки, 4 бутылки вина и 7 бутылок шампанского. Был профессиональный тамада, остроумный и не очень назойливый. Он был со своей музыкой и гитарой.

Свадьба прошла весело, много плясали и смеялись. Пьяных не было, ссор тоже никаких- <...> На следующий день свадьба продолжилась в доме родителей невесты. Народу было ещё больше. С большим трудом, но в конце концов все разместились. Дома тоже пили в меру, поэтому всё прошло достаточно хорошо и весело.

В этот день мы с молодыми уезжали домой. На поезд в 23.15 нас провожали почти все присутствовавшие на свадьбе...»

(10.01.1986)

Я – маме и сестре:

«У нас всё нормально. Олег сейчас в Палдиски, вместе со своими однокурсниками проходит практику в бригаде подводных лодок. Впервые столкнулся с истинной казармой, матросским харчем и работой в условиях ограниченного пространства и определённого дискомфорта. Неоднократно Олег заявлял, что как здорово, что не пошёл он в военное училище.

Я доволен, что настроение у него хорошее, избранная профессия нравится, здоров, полон оптимизма и приятных надежд, а это в жизни самое главное. <...>

Для нас сейчас самый главный вопрос – квартирный. Если не помешают какие-либо чрезвычайные обстоятельства, то в июне могут выписать ордер.

А как у вас с этим вопросом? Сроки прояснились? И всё же зря ты не использовала ранее свои права, предоставленные семье пропавшего без вести (то же самое, что погибшего) в ВОВ. Уверен, по линии обловоенкомата этот вопрос можно и нужно (!) было решить значительно раньше. Ты имеешь существенные льготы по многим вопросам. Вот только знаешь ли ты о них? В частности, если в этом году вопрос с жильём всё же решится, то сразу же добиваясь установки телефона.

Могу тебя порадовать. Устроился на работу. Ты знаешь моё глубокое, искреннее увлечение шахматами. Так вот сейчас представилась возможность заниматься этим профессионально. Устроился в шахматную школу олимпийского резерва, взял ребят 6-8 лет. Бесспорно, как и любое новое дело, оно потребует много сил, терпения и знаний. Но здорово уже то, что эта область мне интересна и во многом знакома. Я ведь прошёл хорошую преподавательскую практику.

Пока дорога отнимает много времени, но когда квартирный вопрос решится, то будет вообще здорово. В перспективе руководство шахматной школы думает открыть филиал в том микрорайоне, где я буду жить. Я этот филиал должен возглавить.

Вы знаете, дорогие мои, уходя на пенсию, о таком трудоустройстве я даже не мечтал...»

(13.02.1986)

Лена (жена Олега) – Надежде Леонтьевне (моей маме):

«...Прошло около двух месяцев, как мы с Олегом переехали в комнату моего дедушки. И теперь всё в наших руках. Первое время было тяжело, но сейчас приновились.

Вообще, это хорошо, что мы живём отдельно, так как видим и ценим труд каждого. Здесь всё на виду. Я очень рада, что Олег у меня очень работающий и не отлынивает от домашней работы. Дело в том, что я работаю очень далеко от дома. Поэтому встаю в 6 часов, а приезжаю к семи вечера. Нехватка времени чувствуется. Но пока не могу сменить место работы – необходимо отработать три года.

Олежка занимается, не поднимая головы. Он очень добросовестный человек. Жду не дождусь, когда он защитится, тогда можно будет отдыхать не только в воскресенье, но и в субботу. Хочется быть больше вместе до того, как он уйдёт в море, а сентябрь не за горами...»

(без даты)

Я – маме и сестре:

«...Олежка корпит над дипломом, в июле защита, потом от-
пуск. На майские праздники Алла с Викой ездили в Ленинград, оста-
навливались у сватов. Посмотрели комнату молодых, куда они
переехали. Светлая, просторная. Но до уюта ещё далековато. <...>
Отношения у них между собой и со всеми родителями добрые, а это
залог будущей хорошей семьи. Это нас больше всего радует. Хотя
ещё не кончили горевать, если откровенно, по поводу такого шага на-
шего сына...Вика совсем стала взрослой девочкой, невестится вовсю.
Меня последнее несколько смущает, если не сказать больше – пуга-
ет. Будет жаль, если и она в недалёком будущем последует примеру
брatца. <...>

Ждём с нетерпением разрешения квартирного вопроса. Обеща-
ют в июне. Но есть много «но», поэтому волнуемся.

Со здоровьем наблюдается стабилизация, это радует.

Работа моя идёт успешно, и, что главное, приносит моральное
удовлетворение. Сегодня у своих ребят сделал официальное закрытие
учебного года. Многие пришли с родителями. После официальной ча-
сти давал ребятам сеанс, всего село за доски 22 человека. Это был
уже для меня своего рода экзамен. Выдержал, в общем-то, достойно:
+ 20, одну проиграл, и одна ничья.

Родители также сказали несколько добрых слов в мой адрес, не-
которые преподнесли цветы. Приятно!..»

(25.05.1986)

Я – маме и сестре:

«...Состоялся конкретный разговор в отношении квартиры.
Известен район, дом, этаж. Ездил смотреть. Район застраивает-
ся очень быстро. Благоустройство территории и бытовые здания,
естественно, отстают здорово от жилых корпусов. Но это времен-
ные трудности. А в общем, место неплохое, хотя и считается да-
лековато от центра. Я засёк время следования автобуса туда и об-
ратно. Примерно 25-30 минут до центра, от остановки 5-7 минут
хода до дома.

Посмотрел на «свой» предполагаемый 5-й этаж в 9-этажном
доме. Обошёл всё вокруг. Понравилось, что рядом с домом небольшой
массив соснячка, высаженного (как вскоре узнал из «Вечёрки» в 1972
году. Рядом строится школа, говорят, для русских детей, и детский
сад. Недалеко пробивается тоннель для скоростного трамвая. Мага-
зина пока в этом микрорайоне нет.

Район в целом мне понравился. Да и дом расположен хорошо. Комиссия дом приняла давно. Но задержка произошла почти на месяц из-за отсутствия электрических плит. Сейчас всё поставлено. Производятся мелкие доделки. На следующей неделе обещали начать выдавать ордера. В следующем письме, думаю, у меня появится возможность описать состояние квартиры и пригласить на новоселье...»

(05.06.1986)

Вика – бабушке (моей маме):

«...Наши делишки идут нормально. Я сдала первый экзамен на пятак. Это был несерьёзный экзамен, оценку поставили по результатам за год. А вот следующий потруднее – история. Дрожу.

Заканчивается 2-й курс 5 июля. Сейчас учёбы осталось мало. Езжу один раз в неделю. Ну, и на экзамены. Мама сегодня улетела в Ростов. Так что хозяйничаем с папой на пару. Числа 8-10-го и я туда собираюсь.

Ну, а теперь о главном. Квартирный вопрос закончен. Получили 4-комнатную в Ласнамяэ. Квартира отличная, с балконом. Ура!!! Папа сам остальные подробности напишет. Но работы, конечно, ещё много. Переезжать собираемся месяца через два. Рада, что и у вас скоро решится этот вопрос.

Но меня, бабуль, берёт такая тоска. Ведь я прожила всю жизнь в Палдиски и не представляю себя в другом месте.

У Алиньки с Алёной дела обстоят хорошо. 15 июля Олег защищается. Алёнушка работает. Ну, а не пишут они, видимо, потому, что сейчас им трудновато. Ведь они на квартире сами (дедушкина комната). От родителей ушли. По секрету, в сентябре-октябре ждём прибавления. Я уж и не дождусь!!!

Учиться мне, бабуля, всего 2 года 10 месяцев. В общем, ещё 3-й курс + 2 экзамена за 2-й курс. Это на сегодняшний день.

О планах на будущее пока ничего не пишу. Конечно, они есть, и большие. Посмотрим, как пойдут дела дальше.

Да, бабуль, а я ведь трусихой так и осталась. Но не в плане учёбы и медицины, а в том, что ужасно плохо мне без дома, без родителей. Когда сама куда-нибудь уезжаю – на экскурсию, в колхоз... Ведь за 2 года в общежития переночевала 1 раз! И то с горем пополам. Как подумаю, а вдруг мне придётся из дома уехать, аж страшно становится. Это я с тобой по секрету пооткровенничала!»

(17.06.1986)

Я – маме и сестре:

«...Обстановка несколько осложнилась с появлением новых членов семьи – внушки и невестки. (Олег, окончив училище, получил назначение в Эстонское морское пароходство, и его семья жила с нами в нашей новой таллиннской квартире – **прим.**) Олег ушёл в море, причём надолго. А Алёнка, как, видимо, и основная часть молодёжи, практически к труду не приучена. Пока они встречались на танцульках и бегали по театрам, выглядела она вполне достойно. А сейчас возникает напряжённость ввиду того, что она, кроме своей дочки, практически больше ничем не занимается. Говорит, что не успевает.

А нам кажется, что это от порочного воспитания. <...>

За время проживания у нас, сдаётся мне, она ничего не пригодила. Хотя намёки ей по этому поводу подавались неоднократно.

Пока всё более или менее благополучно, отношения в целом у всех добрые, но нет-нет, да кто-нибудь загрустит или сорвётся немножко.

Дашутка (Даша, дочь Олега и Лены, родившаяся в Таллинне, – **прим.**) не очень спокойный ребёнок. Этим отчасти объясняется, что невестка сильно устаёт. <...>

Со здоровьем у меня всё обстоит вроде бы благополучно. Утром делаю хорошую зарядку, а затем контрастный душ.

Домочадцы мои ведут более праздный образ жизни. Расплата – здоровьем.

<...>

По работе у меня всё в порядке. Ребятток много. На занятия ходят с удовольствием. Появилась группа разрядников – 14 человек с 4-м разрядом. Особенно порадовала одна девочка – Аня Абишева. Здесь у нас недавно проходил турнир с участием Ленинграда, Москвы, Киева, Минска, Баку, Риги, Вильнюса. Аня перевыполнила норму 3-го разряда. Это успех, если учесть, что ей только 8 лет. Но там папа молодец, он имеет 1-й разряд.

Рядом с нашим домом с 1 сентября начала работать новая восьмилетняя школа. В основном буду работать в ней. Директор моё предложение поддержала. Всё необходимое уже закуплено. Выделили нам небольшой класс. Обещали с нового учебного года выделить ещё одно помещение для занятий на шахматных компьютерах. Ленинград наладил их производство, я случайно об этом узнал. Деньги у школы были. Закупили 32 комплекта. Это немало, если учесть, что каждый стоит 320 руб.

Дело совершенно новое. Не только для меня. Какой-то опыт есть только в Баку. 24 ноября посмотрю, что там у них имеется и, самое главное, как используется.

У Викули без перемен. Встречается с Мишей. Вроде бы серьёзный. Отслужил армию. Работает, учится заочно в ленинградском институте связи. Пока общий язык находят. Но боится, что, как «прежние», может разонравиться.

Олежка сейчас в Руане, Франция. 17-го должны возвращаться курсом на Ригу. Может быть, смотаемся туда на денёк.

<...>

Сейчас объявился новый родственничек. Тоже Мешкорудников. Прислал поздравление к 7 ноября. Но вот беда, я никогда не был в гостях по указанному адресу, и за четверть века проживания в Эстонии это первое поздравление. Подпись – Мешкорудников Б. А. Видимо, собирается в гости, поэтому и вспомнил.

А я вот что по этому поводу думаю. Хорошие братья у тебя Николай, Леонид и в какой-то степени Геннадий. Вот их я всегда буду рад видеть у себя. Надумают – пусть приезжают.

Очень хотелось бы видеть вас. Если есть возможность, приезжайте.

Приезжайте!

Как ваш квартирный вопрос, разрешился? В Москву обращались?..»

(без даты)

Я – маме и сестре:

«...Собрал вам небольшую посылочку. В феврале обязательно ещё вышлю и гречку, и масло. Как вы живёте? Переехали ли окончательно на новую квартиру?

Олежка в море. Дашенька подрастает. Невестка вообще-то ничего, но определённые проблемы существуют. Нам трудно, конечно, угодить. Видимо, правы те, кто считает, что молодые должны жить отдельно от родителей.

Познакомились поближе с Мишей, Викулиным молодым человеком. Девчонка невестится вовсю. Как бы не выскочила скоро замуж. Но я не думаю, что с Мишей она решится на серьёзный шаг. Хотя здесь прогнозировать трудно. Парень на втором курсе института связи, заочник. Учиться ещё более 4 лет. Не знаю, выдержит ли. Их поступило от Эстонии 46 человек, а к этой сессии осталось шестнадцать.

У меня всё нормально. Но работы много. Все организационные моменты с созданием филиала шахматной школы в районе, где я живу, решены успешно. Есть два отдельных помещения, приобретён весь спортивный инвентарь.

Начал занятия во всех первых классах, целью которых является отбор 30 детей в специализированный шахматный класс...»

(без даты)

Я – маме и сестре:

«Наконец-то! Все мы так рады, что ваш квартирный вопрос решился положительно. От всей души поздравляем!

<...>

Олежка сейчас дома, отсутствовал полтора месяца. Был в Испании и Франции. Пароход крупный, хозяйство большое. Досталось, видимо, ему прилично. Воспользовавшись кратковременной стоянкой в Таллинне и подвернувшейся возможностью, он с этого корабля списался. Говорит, что корабль хреновый. Техника, дескать, старая (они должны были осенью становиться в кап. ремонт). Конечно, в первом рейсе было ему довольно сложно. А начальник, видимо, попался из не очень умных. Помощи практически не оказывал никакой, зато драл безбожно за любую оплошность. В общем, списался. Я по этому поводу особо не переживаю, но разговор состоялся. Думаю, в следующем рейсе Олег к делу будет относиться иначе. Сейчас он отгуляет неделю, а затем снова море, но уже на другом корабле...»

(05.12.1986)

Я – маме и сестре:

«Получили ваше новогоднее поздравление. Большое спасибо. Встречали этот праздник по-семейному. Были мои приятели и Викин молодой человек – Миша. Вот уже несколько месяцев она дружит только с ним. Вроде бы парень неплохой. Отслужил в армии. Сейчас работает. Одновременно учится заочно в Ленинградском институте связи. Где-то под Таллинном проживает его бабушка, единственный близкий ему человек, которая фактически и воспитала его. В материальном отношении ему приходится, по всей вероятности, туговато. А в остальном всё у него в порядке.

<...>

Олежка, по всей вероятности, теперь долго не будет дома. Сейчас они совершают рейс по Европе, затем их судно идёт на ремонт в одну из стран Африки. Жена его, Алёна, к этому вопросу относится

с пониманием. Вообще особых проблем во взаимоотношениях с ней не возникает. Понравилось мне и то, что она полностью поддержала меня, когда я предложил резко ограничить все наши расходы.

В принципе, это вынужденная мера. Дело в том, что наша «шикарная квартира» обошлась нам в большую копеечку. Пришлось заниматься. Это было сделать несложно. Но теперь пришло время расплачиваться. В декабре вернул первую тысячу рублей. К лету общими усилиями можно было бы сколотить и вторую, но обстановка осложняется тем, что в январе комплектуется кооператив на гараж, потребуется наверняка первый взнос.

И в этом же месяце начали протезирование зубов золотом (стоял больше года на очереди). А это уже непредвиденные расходы. Обсуждали всей семьёй вопрос о том, что, может, не вступать в гаражный кооператив, а ограничиться гаражом в Палдиски.

А вообще я поставил вопрос о продаже машины. Но меня не подержали. И, видимо, правильно...»

(11.01.1987)

Я – маме и сестре:

«... Завтра отправляюсь в Ленинград с командой из 8 человек, среди которых и 3 моих малышей. Это первый мой выезд со своими. Надеюсь, всё будет в норме. Обратно возвращаемся 11 марта.

Разговаривал вчера с Николаем Леонтьевичем (брат мамы – прим.). Слышимость была прекрасная. Выяснилось, что я могу звонить прямо с работы без всякого заказа. Это здорово!..»

(02.03.1987)

Я – маме и сестре:

«...Я тружусь в режиме пчёлки, поэтому в материальном отношении появилась возможность хотя бы чуть-чуть вам помогать. За нас не беспокойтесь, я имею в виду финансовую сторону. А скоро будет ещё легче, дочь пошла на госпрактику, не за горами и выпуск. С 1 августа и она вступает на трудовую дорожку.

Прошло на днях распределение. Пришлось поволноваться и оказать ей определённую организационную помощь. В прошлом году вступила в строй поликлиника в Ласнамяэ, есть там и детское отделение. (Далее подробно описывается «эпопея» с трудоустройством в этом учреждении – прим.)

...Будет ли дальше учиться или будет работать, пока неясно. Мы за учёбу в мединституте. Но Вика сомневается, что сможет

туда поступить. Вот если бы без экзаменов... Под вопросом и красный диплом, с ним было бы легче поступить. Но для этого надо пересдать несколько четвёрок. Будет ли она этим заниматься, неясно. Хотя я и советую попытаться это сделать...»

(без даты, лето 1987, очевидно)

Я – маме:

«Наконец-то получил от тебя письмо. Из-за столь длительно-го молчания вначале очень обиделся. Написал по этому поводу довольно злое письмо, но так его и не отправил.

Я понимаю всю сложность вашего с Люсей положения – и здоровье, и квартира, и неустроенность Люсиных дочек. Но зачем ещё и со мной так поступать? Зачем эти никому не нужные дополнительные травмы?

Очень огорчён затянувшимся решением вашего квартирного вопроса. Дай бог, чтобы он решился положительно и скорее. И всё же вряд ли целесообразно было третий раз отказываться от квартиры. Что-то на душе у меня неспокойно по этому поводу.

<...>

Домашние дела без перемен. Крутимся. У Викуши госэкзамены. Сдала три, все на пятёрочки, осталось ещё два. Дальше поступать никуда не думает, трусит. Будет работать. Учёба кончается 3 июля. С 1 августа выходит на трудовой фронт.

Олег уже вторую неделю дома. Пока не в отпуске, использует отгулы. В работу втянулся. На семейном поприще бывает всякое. Жена у него с характером. Но в общем всё у них по нашим жизненным меркам сносно. У Алёны день рождения 19 октября (62 г.), у Дашеньки 24 октября. Вот скоро будет ей 9 месяцев. <...>

Со здоровьем моим определённые сложности есть, от них никуда не денешься. Пока работаю, тяну, как говорится- Это позволяет рассчитываться с долгами. Виден уже и финиш. Новый год встречу уже с другим настроением и вздохну более свободно.

Семейство относится к этому вопросу с пониманием. Живём экономно. Вот уже и Вика заканчивает учёбу, значит, будет ещё легче. В доме микроклимат хороший. Хотя определённые сложности есть.

Работа моя хлопотная, это ты правильно пишешь. Но вроде бы получается, от этого есть удовлетворение.

В течение прошедшего года две девочки выполнили 2-й разряд, ещё три – 3-й, из мальчиков четверо выполнили 3-й разряд.

В школе, где я проводил занятия в 1-х классах, решением Коллегии Министерства просвещения открыт спецкласс с углублённым изучением шахмат. Из 280 учеников отобрано 32. Желających по-пасть в этот класс было гораздо больше. С этими ребятами будет тоже интересно работать.

Это общеобразовательная школа. Параллельно решаем вопрос создания филиала шахматной школы в том районе, где проживаю. В одном из общежитий выделена уже одна комната, для начала и это неплохо. В перспективе обещают подыскать площадь в 100-120 кв. м.

В отношении гаража вопрос пока повис в воздухе. Создаётся кооператив по строительству 3-этажных гаражей неподалёку от дома. Но... пока внедриться туда не удаётся. Люди стояли на очереди с 82-го года, а я подал заявление в 86-м. Всё прояснится в ближайшие дни...»

(22.06.1987)

Я – маме:

«...Самая большая проблема у нас сейчас – Викино замужество. Может быть, это и действительно её судьба (если верить поговорке «Любовь зла, полюбишь и козла»), но счастье ли?

До определённого момента я был полностью на их стороне. А сейчас не уверен, что она поступает правильно. Нет, ничего порочного в нём не открылось. Но вот их решение жить отдельно мне сразу не понравилось. Причём инициатива исходит от него. При этом снимать жилплощадь они не хотят по материальным соображениям. Выбил он 9-метровую комнату в общежитии. Недавно я её осмотрел. И лучше бы этого не делал. <...>

В обозримом будущем не видно не только получение ими жилья, но и постановки на очередь. Чтобы их поставили на очередь на жильё, необходимо 10 лет иметь постоянную прописку в Таллинне, а у него, кажется, только пять, у Вики – два.

<...>

Короче говоря, с одной стороны, мне не хочется разрушать созданный дочерью миф о своей счастливой самостоятельной жизни и на всю жизнь самом близком человеке. С другой стороны – будь на то моя воля, я не допустил бы их регистрации 9 июля. А когда? Может быть, и никогда...

Не будем обсуждать сложившуюся ситуацию, ибо уже поздно.

<...>

Конечно, всё не так уж страшно и не так уж плохо. Я понимаю, что в конечном итоге всё определяют критерии человеческих ценностей, к которым дети наши стремятся.

<...>

Сегодня получил твою телеграмму о получения вами 2-комнатной квартиры на Левобережье. Ура! Очень рады. Поздравляем! Чем я могу быть полезен в так называемом новоселье?..»

(без даты)

Я – маме и сестре:

«...Вот и прошло у нас ещё одно ответственныйнейшее событие – регистрация бракосочетания дочери. Именно регистрация, а не свадьба, как это принято сейчас устраивать. Молодые проявили завидный характер.

Итак, всё по порядку. Машина, «Волга», была заказана Мишей с работы. Дали её им на 4 часа. В ЗАГС прибыло на удивление много людей. Много было цветов, ведь сейчас такая благодатная пора в этом плане.

С Мишиной стороны были бабушка, которая его воспитала, её средняя дочь со своей дочерью, зятем и внучкой. Были Викины друзья по учёбе и с работы.

После официальных торжеств (мне понравилось напутствие эстонки и музыкальное сопровождение) и поздравлений от близких гости были приглашены в банкетный зал, где поздравления сопровождалось под звуки хрустальных бокалов с шампанским. Затем молодые поблагодарили всех присутствующих и... укатили на своей машине по традиционным местам молодожёнов. На этом официальные торжества и закончились. <...>

Пока мы с Олегом и бабушкой (Михаила) готовили стол, подбегали молодые со свидетелями. Обстановка за столом была по-доброму тёплая. Вручая Мише и Вике свадебные медали, я напомнил им народную мудрость: «Хороший зять – приобретаешь сына. Плохой зять – теряешь дочь».

Кульминационный момент наступил, когда я вручил ему бирочку о рождении дочери, которую выдали нам в роддоме. Думаю, слёзы мои были детьми и присутствующими поняты правильно...

Через пару часов молодые уехали на ночное варьете в гостиницу «Олимпия», а мы продолжили ужин.

Пришёл корабль Олега. Он немного волнуется. Идёт он на более высокую должность. Новый коллектив. И его понять можно. Семью

он отвёз в Ленинград. Алёна пока будет там. Рожать тоже будет там, где-то в октябре (речь о втором ребёнке – прим.).

Вика с Мишей планируют жить отдельно. По крайней мере, до ребёнка, так Вика говорит. Может быть, они и правы. Чем могу, тем помог, и буду помогать в будущем. Начинают они с нуля. Так, может быть, и интересней. И дай бог им счастья! Были рады полученному переводу и тёплой телеграмме от вас.

Мне тоже хотелось бы оказать вам посильную помощь с новосельем. Но думаю сделать это поближе к осени. Как у вас с мебелью? Может быть, здесь что-нибудь приобрести? <...>

Я всё лето занят по работе. В июле, правда, от детей свободен, занимаюсь решением организационных вопросов.

А вот 31 июля еду с детьми в Литву, 15 детей и трое родителей, обратно 15 августа. Отпуск планирую с 19 сентября.

У нас у всех в этом году круглые даты. Может быть, соберёмся вместе? Идеально было бы у меня...»

(без даты, лето 1988)

Вика – бабушке (моей маме):

«Пишу после грандиозных событий в моей жизни. Теперь я семейный человек. Но сначала – огромное спасибо за поздравление и подарок. Бабушка, мне так неудобно, ведь ты уже не работаешь, тебе и так трудно с финансами, а делаешь такие дорогие подарки. Ещё раз большое спасибо!

Немного расскажу о 9.VI.1988. Сразу скажу, отдала бы много ради того, чтобы повторить этот день – День свадьбы нашей.

Регистрация была в 16.00. Пришли 17 человек (хотя не приглашали никого). После этого спустились в бар – отметили шампанским. Свидетелями были муж и жена 28 и 30 лет. Они были в машине с нами. С этой парой я встречаюсь почти год. Вот и получилось, что с друзьями в ресторан не пошли. Что свадьбы не будет, решили давно. Покатались на машине («Волга» с Мишиной работы), даже за городом поели шашлыков и приехали домой. Получился небольшой ужин. Присутствовали Олег, папа, свидетели (хотя в Эстонии они не требуются), Михаила бабуля и мы. Вот таким коллективом и отметили.

В 21.30 они проводили нас в вальсе «Олимпиада». Затем потанцевали и вернулись домой. Вот так и пролетел этот день.

За нас не волнуйся, мы верим, что всё хорошее непременно случится!...»

(23.07.1988)

Я – маме и сестре:

«...Есть у нас и приятные новости. В нашей большой дружной семье прибавление. Теперь у нас есть и Катенька. Бог послал нам ещё одну внучку. У Дарьюшки появилась сестричка. Это произошло 1 ноября 1988 года. Молодая мамочка чувствует себя нормально. Вес девочки 3250, рост 48 см.

Я только что вернулся из командировки, пока с Ленинградом не разговаривал. Завтра у меня в Доме шахмат занятия. Вот и поговорю. Викуша с Мишей живут пока с нами. Отношения между ними мне нравятся. <...>

Продали машину. Вроде бы неплохо. Сейчас вообще все машины подорожали. Два года назад за эту цену я её реализовать не смог. Так что пока мы без машины. На очередь встал. Хотелось бы «Жигули». Обещали. Но как получится по срокам, трудно прогнозировать. Ведь я подал заявление не по военной линии, а через свой профком. А это эстонский коллектив. Обстановка здесь сейчас достаточно сложная.

А вот что приятно, так это то, как отметили они мой юбилей. Приятно удивлён. Отмечали на работе. Всё заказали, всё накрыли (правда, по предварительной моей просьбе). Я принёс только коньяк, шампанское и конфеты. Был шикарный стол. Шикарная юбилейная корзина с розами. Дополнительно много цветов. Около 14.00 все дружно зашли. Были общие подарки и персональные. Каждый поздравил, постарался хотя бы несколько слов приятных произнести лично, правда, на эстонском...

Насколько сложна у нас сейчас политическая обстановка, можно судить хотя бы по «Обращению к согражданам», напечатанном на днях в «Вечёрке». Я в общем-то спокоен. Однако от очередного приглашения на курсы эстонского языка я отказаться уже не имел морального права. И вот теперь я посещаю эти курсы. Прошло несколько занятий. Тяжело зато идёт.

Сейчас обсуждается проект Закона о государственном языке. Если будет принят этот закон, то таким, как я, даётся срок изучения до 1 января 1992 года, то есть три года. Срок вообще-то немалый. Жаль, что не начал изучать его раньше, сейчас было бы легче...»
(ноябрь 1988)

Я – маме и сестре:

«...Обстановка в Эстонии крайне обострилась. Нас (нашу семью) это пока не коснулось, посмотрим, что будет дальше. Но в целом на русских предприятиях ко всему, что сейчас происходит

в Эстонии, отношение отрицательное. Недавно я пришёл окончательно к такому выводу, когда познакомился с материалами съезда Интердвижения (в противовес Народному фронту) и с решением на всех предприятиях союзного подчинения создать забастовочные комитеты. Вот до чего мы дошли!

Всё далеко не однозначно. Принятый Закон о государственном эстонском языке и провозглашение 24 февраля Днём независимости со спуском государственного флага ЭССР и подъёмом на его месте национального трехцветного говорит о многом, с чем не могут спокойно смириться многие русские.

Готовится Закон о гражданстве. По идее, именно этот закон всё расставит по своим местам и даст ответ на вопрос, кто есть кто. Поживём – увидим. Но в целом обстановка не очень спокойная. Хотя, иповторяю, нашу семью все эти события не коснулись.

Я относительно безболезненно вписался в коллектив. Так как всё, что делается, на мой взгляд, делается разумно. Своего отношения к происходящему здесь я не скрываю, может быть, поэтому не чувствую...»

(10.03.1989)

Вика – бабушке (моей маме):

«...Семейные дела обстоят неплохо. Скоро будем праздновать годовщину – ситцевую свадьбу. Время летит быстро. Я отработала два года. <...>

Заканчиваю 1-й курс обучения в клубе вязания. Хожу на курсы – всего 2 года. Неплохо, но до мастерства ваших девочек далеко.

Случайно прочла в газете объявление о курсах косметологов. Обучение 3 месяца – июнь, июль, август, а я об этом мечтала.

<...>

Олег пришёл с моря, дней на 5. Алёна ждала его дома, у нас. Девчата растут. Кате будет 1 июня 8 месяцев, а Даше 2,7. Жить вместе трудно, какими бы идеальными отношения ни были.

Я бы очень хотела жить рядом с родителями, да и с Олегом, но в разных квартирах. Это моя мечта.

Бабуля, а как насчёт приезда? Это трудно очень? Но ведь ничего нет невозможного!..»

(26.05.1989)

ГЛАВА 8.

◀ ДОРОЖИТЕ СЧАСТЬЕМ ▶

Название для заключительной части моего повествования я позаимствовал у поэта Эдуарда Асадова. Так называется его стихотворение, из которого приведу первые два четверостишия – достаточно для того, чтобы передать смысл.

*Дорожите счастьем, дорожите!
Замечайте, радуйтесь, берите
Радуги, рассветы, звезды глаз –
Это все для вас, для вас, для вас.*

*Услыхали трепетное слово –
Радуйтесь. Не требуйте второго.
Не гоните время. Ни к чему.
Радуйтесь вот этому, ему!*

Конечно, поэт Асадов не первый, кто призывает не торопить и без того быстробегущее время в ожидании чего-то хорошего в будущем, а ценить каждое мгновение здесь и сейчас. Видеть красоту в том, что на первый взгляд кажется вполне обыденным, уметь «в буднях быть счастливым», как пишет он в одном из последующих четверостиший.

Действительно, это всем известные истины, просто понравилось, как красиво и трогательно поэт их сформулировал. И вынудил с грустью признать, оглядываясь назад, что сам я не всегда следовал этим советам. Как, наверное, и почти все из нас.

Завершая своё биографическое повествование, снова вспоминаю людей, которые меня окружали – одноклассников и школьных учителей, товарищей по военно-морскому училищу, по службе на флоте, коллег по работе и моих воспитанников в гражданской жизни... И, конечно же, своих самых родных и близких мне людей.

Я всегда стремился к гармонизации отношений с окружающими людьми – будь то коллеги, друзья или родственники. Чтобы эти отношения были наполнены духовным содержанием. Не всегда получалось. По разным причинам. Возможно, потому, что я чересчур идеалистичен и предъявлял завышенные требования к людям. Возможно, сам был в чём-то неправ, допускал ошибки.

Вот и в некоторых процитированных в предыдущих главах письмах мамы содержатся серьёзные упрёки ко мне. Наверное, я действительно давал для них поводы. Прости, мама.

Мама была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и юбилейной медалью «Тридцать лет в Великой Отечественной войне»

Нет уже с нами и моей супруги Аллы. В конце 2018 года не стало нашей Аллы Фёдоровны – жены, матери, бабушки.

Наши отношения с Аллой, зародившиеся, напомним, летом 1962 года, не всегда, конечно, были идеальными. В течение прошедших десятилетий случались и конфликты, и затяжные кризисы. Прости, Алла, если был в чём-то неправ.

Кажется, я до сих пор не упоминал, что моя жена Алла окончила Ростовский авиационный техникум по специальности «антикоррозийная защита авиаматериалов» и в молодости работала по ней на заводе.

Но если в мае 2018 года мы отметили 55-летие нашей совместной жизни в окружении большой компании самых близких и любимых людей, значит, наш семейный союз выдержал испытание временем. Значит, был какой-то внутренний стержень, благодаря которому этот союз сохранился.

Действительно, хорошего и доброго в нашей жизни было неизмеримо больше, чем каких-то негативных моментов.

А самое хорошее – это, конечно, наши дети, Олег и Вика. А также их дети – мои внуки. Даша и Катя родились в 1986-м и в 1988 году в семье Олега. А Арина и Маша (1989 и 2002) – дочери Вики. Как видим, они уже совсем взрослые. У них уже свои дети – на данный момент уже пятеро. Мои два правнука и три правнучки.

Дети, внуки, правнуки волей судьбы живут в разных странах: в России, Голландии, Франции, Швейцарии. Только дочь Вика рядом сой мной, в Таллинне.

Впрочем, где бы ни жили мои самые близкие и любимые люди, глядя на них – наяву или на фотографиях – я думаю о том, что это и есть моё счастье. Простое человеческое счастье, состоящее, помимо прочего, и в том, что наш род продолжается.

Небольшую часть истории этого рода я попытался, как мог, изложить в этом повествовании для тех, кому это интересно.

Главное моё пожеланием продолжателям нашего рода: дорожите своим счастьем и берегите себя и друг друга, дорогие мои!

А напоследок – ещё фотографии близких мне людей и некоторых важных для меня предметов в моей квартире.

*Сын Олег
посвятил
себя морю.*

Олег постоянно в море и в Таллинне бывает нечасто. Но когда приезжает, это всегда большая радость.

Гуляем с Аллой и с внучкой Машей.

Почти все в сборе.

Вот такой красавицей стала Даша.

В этот день Арина окончила гимназию с серебряной медалью.

Арина с Катей в Старом городе.

Арина и Маша, дочери Вики, уже совсем взрослые.

Я со своей ещё более взрослой дочерью.

День свадьбы Кати и Артёма.

Мирослава, дочь Кати и Артёма – моя первая правнучка.

Мы с Аллой в день 55-летия совместной жизни 25 мая 2018 года.

Такой трогательный диплом преподнесли нам в этот день дети и внуки.

В день 80-летнего юбилея. Справа – составляющие единое целое 18 фотографий моих близких людей. Такой подарок преподнесли мне родственники. Ниже рассмотрим все эти фотографии.

Моя внучка Маша – дочь Вики. В настоящее время живёт в Голландии, в Роттердаме и учится в Художественной академии по специальности «иллюстрация».

Этот натюр-морт меня заинтересовал тем, что соединяет то, что меня увлекало с юности – музыка и литература.

Эта картина у меня в доме напоминает, что значительную часть жизни я посвятил морю.

*Эти куклы в моём доме согрева-
ют мне душу.*

Отмечаем 55-летие дочери Вики. Виновницы торжества на фото нет, но есть её дети: слева – Маша, справа – Арина со своим сыном Лео, они живут в швейцарском городе Базеле.

*Моя старшая внучка Даша и её муж Флориан с их сыном Пьером.
Они живут в Париже.*

И в заключение – те восемнадцать фотографий, которые в виде целостной композиции мне на юбилей подарили дорогие родственники.

Моя жена Алла. Нелёгкие выдались у неё последние годы жизни. Но были поводы и для улыбки.

*Я на одном из
наших семей-
ных торжеств.*

Я с сыном Олегом и его женой Леной.

Внучка Маша, дочь Вики, со своим отцом Сергеем.

Это дочь Вика.

*Мои взрослые
дети, Олег и Вика,
дружны между
собой.*

Сын Олег с женой Леной в Париже, в семье своей дочери Даши.

Внучки Даша и Арина со своими сыновьями Пьером и Лео.

Мирослава, дочь Кати, моя первая правнучка, и Лео.

*Мои правнуки
Лео и Пьер.*

Мирослава и Фёдор – дети внучки Кати.

Дочь Вика с племянницей Катей и её сыном Фёдей.

Семья внучки Кати и её мужа Артёма. На руках у папы – дочь Мирослава, у мамы – сын Фёдор. Они живут в Санкт-Петербурге.

*Опять я на
каком-то семей-
ном торжестве;*

*Даша, Флориан и
их сын Пьер.*

Внучка Маша

Внучка Маша, я, дочь Вика и её муж Сергей.

Внучка Арина с сыном Лео и мужем Андреасом в гостях у его родителей.

А в целом это собрание фотографий можно назвать так – «Жизнь продолжается».